ПУШКИН

СОЧИНЕНИЯ

1799
1999

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1940

ПУШКИН

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

2

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

МОСКВА ВОСКРЕСЕНЬЕ 1996

ББК 84.5
П 91

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

23 декабря
1938 г.

Президент академик В.Л.КОМАРОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

Максим ГОРЬКИЙ, Д.Д.БЛАГОЙ, С.М.БОНДИ, В.Д.БОНЧ-БРУЕВИЧ, Г.О.ВИНОКУР, академик А.М.ДЕБОРИН, П.И.ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ, Б.В.ТОМАШЕВСКИЙ, М.А.ЦЯВЛОВСКИЙ, Д.П.ЯКУБОВИЧ

Заведующий редакцией *В.Д.Бонч-Бруевич*

РЕДАКТОР ДЕВЯТОГО ТОМА
В.Л.Комарович

Переизданию Полного академического собрания сочинений А.С.Пушкина, приуроченного к 200-летию со дня рождения поэта, содействуют:
Комитет РФ по печати,
Российское акционерное общество "Газпром",
Российская московская телерадиовещательная компания "Москва",
банк "Огни Москвы".

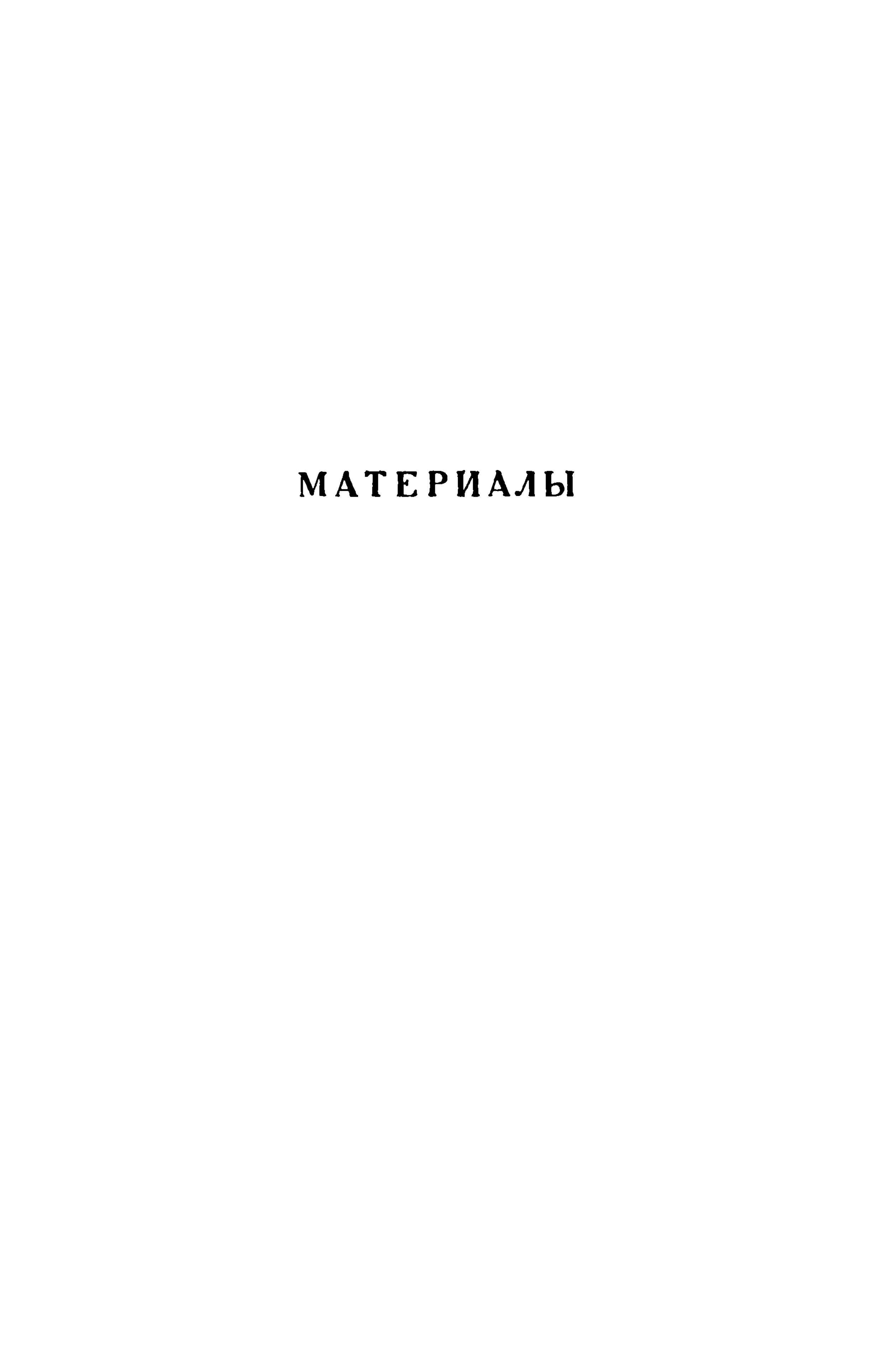
С благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Пушкин А.С.
П 91 Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 9, кн. 2 / Художник С.Богачев. — М.: Воскресенье, 1996. — 476 с; ил.
ISBN 5—88528—077—0 (т.9, кн.2)
ISBN 5—88528—052—5

Во вторую книгу девятого тома собрания сочинений вошел весь дошедший до нас пушкинский рукописный фонд исторических материалов о Пугачеве и пугачевском движении.

П $\frac{4702010106 — 002}{К\ 56\ (03) — 96}$ подписное

ББК 84.5



МАТЕРИАЛЫ

Третий раздел тома — „Материалы“ — содержит весь дошедший до нас пушкинский рукописный фонд использованных в „Истории Пугачева“ исторических материалов. Огромное их большинство по рукописям пушкинского архива печатается впервые; немалая их доля и вообще публикуется в первый раз.

Осведомленность Пушкина в первоисточниках была, как оказалось, несравненно глубже, чем до сих пор принято было думать.

„Материалы“ воспроизводятся или в последовательности, которую придал им сам Пушкин (посредством обложек), или в подразделении на „жанры“, вообще присущие такого рода источникам (указы, показания, рапорты и т. п.).

Тематическую классификацию материалов затрудняют постоянные у Пушкина колебания между простой выпиской документа и его свободным пересказом в виде конспекта. Границей между тем и другим для рапортов (наиболее подверженных указанным колебаниям) принято наличие (или отсутствие) даты, имени адресата и имени рапортующего. Если эти признаки налицо, выписанный Пушкиным текст, хотя бы и в виде конспекта, рассматривается как документ и печатается в соответствующем подотделе („Документы“); без этих признаков включается в подотдел „Конспекты“.

Наравне с пушкинскими автографами печатаются и бывшие у него в руках рукописи других лиц (главным образом писарские копии); они лишь отнесены в каждом крупном подотделе (А, Б, В) в конец, после автографов Пушкина, и каждый раз номерная цифра перед текстом отмечается звездочкой. В подотделах более мелких (отмечаемых римскими цифрами) соблюден по возможности порядок хронологический, и от автографов Пушкина остальной материал отличается тут одной только звездочкой над порядковой цифрой.

Хронологический порядок в одном, наконец, случае придан даже самому тексту — Заметкам дорожной записной книжки (ДЗК), печатавшимся до сих пор в простой последовательности страниц, при заведомом несовпадении с ней последовательности заметок.

А. ЗАПИСИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ, ПРЕДАНИЙ, ПЕСЕН.

I.

(ПД 373)

ПОКАЗАНИЯ КРЫЛОВА (поэта).

Отец Крылова (капитан) был при Симанове в *Яицк.‹ом› гор.‹одке›*. Его твердость и благоразумие имели большое влияние на [тогдашн‹ие›] тамошние дела, и сильно помогли Симанову, который в начале было струсил. Ив.‹ан› Андр.‹еевич› находился тогда с матерью в Оренб.‹урге›. На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за куль муки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25 р.! Так как чин капитана в Яицк.‹ой› креп.‹ости› был заметен, то найдено было в бумагах Пугачева в расписании, кого на какой улице повесить, и имя Крыловой с ее сыном. Рейнсдорп был человек очень глупый. Во время осады вздумал он было ловить казаков капканами, чем и насмешил весь город, хоть было и не до смеху. После бунта, Ив. Крылов возвратился в Яицк.‹ий› г.‹ородок›, где завелася игра в пугачовщину. Дети разделялись на две стороны, городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Кр.‹ылов›, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишних сечь, отчего произошло в ребятах, между коими[1] были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной чуть было не сделался[2] некто Анчапов (живой доныне). Мертваго, поймав его, в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве.[3] — Его отцепил прохожий солдат.

11[4] *апр.‹еля› 1833.*

II.

‹ИЗ ДОРОЖНОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.›

(ДЗК)

Чугуны — Кар etc.

Васильс.‹урск› — пред.‹ание› о Пугачеве. Он в Курмыше повесил маи.‹ора› Юрлова за смелость его обличения — и мертвого секли нагай-

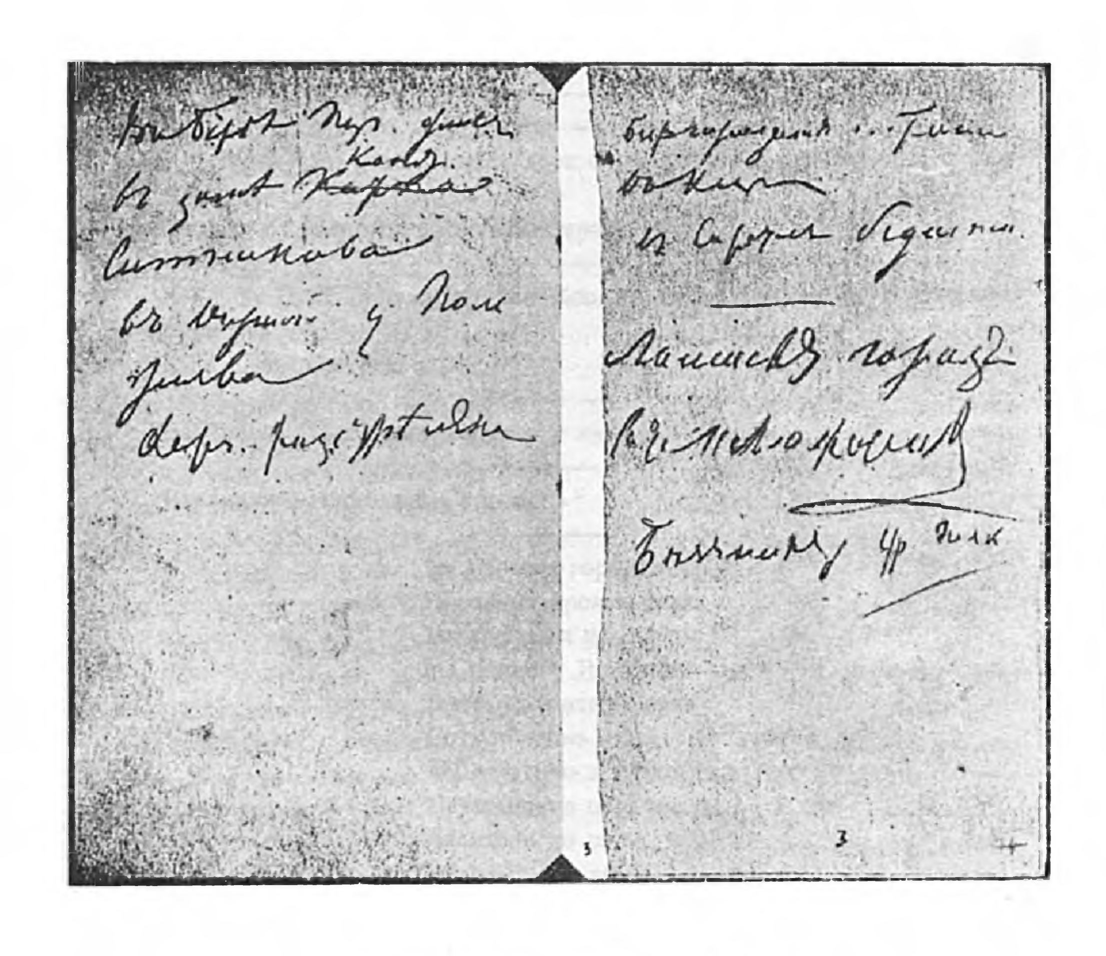
---

[1] *Начато было:* отчего произошло между ими

[2] *Начато было:* Жертвой оной был

[3] *Начато было:* повесил его на

[4] *Исправлено из* 12



Дорожная записная книжка, лл. 2об. и 4.

Гос. Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Из бумаг А. А. Краевского, 45в. Текст л. 4 см. в т. XII настоящего издания.

ками. — Жена его спасена его крестьянами. Сл.<ышал> от старухи, сестры ее — жив.<ущей> милостынею.

Пугачев ехал мимо копны сена — собачка бросилась на него. — Он велел разброс<ать> сено. Нашли двух барышен — он их, подумав, велел повесить.

Слышал от смотрителя за Чебоксарами.

В Берде Пугачев жил в доме Кондр.<атия>[1] Ситникова, в Озерной у Полежаева.

Харл.<ова> расстрелена.

Вас.<илий> Плотников. Пугачев у него работником.

Карницкий. Ил<ецкий> Гор<одок>[2]

Из Гурьева городка
Протекла кровью река.
Из крепости из Зерной[3]
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один
Он нечаянно в крепость въехал
Начальников перевешал
Атаманов до пяти
Рядовых сот до 6.

Ур.<альски> казаки
Были дураки
Генерала убили
Госуд[4]

Пугачев повесил академика Ловица в Камышине. Иноходцев убежал.

Оцюш кайбас, бог. Панин. Дом Пустынникова, Смышляевка.

---

[1] Карпа

[2] Карницкий ~ Гор<одок> *почерком неизвестного.*

[3] Из крепости Озерной

[4] *Не докончено.*

III.

(ПД 370)

‹КАЗАНСКИЕ ЗАПИСИ.›

Казань 6 с‹е›нт.‹ября› В. Петр. Бабин.

Пугачев с Арск.‹ого› поля послал сволочь свою на 3-ю гору или на немецкое кладбище. Там находилась суконная слобода. Фабриканты разного были звания, стрельцы, мещане etc. — Иные в башмаках с пряжками, в шляпе на 3 угла etc. — Башкирцы пустили в них стрелами словно хмелем. Тут была одна чугунная пушка, ее разорвало, канонера убило — едва успели раз выпалить. — Суконщики, ободряемые преосв. Вениамином, хотели защищаться рычагами и чем ни попало — но башкирцы зажгли слободу и бросились в улицы. — Пугачев запретил колоть народ, но Башк.‹ирцы› его не слушались. Мать Бабина, бросяво ржи двух дочерей и неся в подоле годового сына, бросилась в ноги козаку. — Матушка, сказал он ей; ведь Башк.‹ирец› убьет же тебя. — Казанка запружена была телами жителей гонимых в лагерь. — Кудрявцев, стодесятилетний старик, на носилках вынесен был в церковь[1] близ его загородного дома находившуюся. — Он был забит нагайками. —

Народ пригнанный в лагерь Пугачева поставлен был на карачки перед пушками, бабы и дети подняли вой. — Им объявили прощение государево. — Все закричали ура! и кинулись к его ставке. — Потом спрашивали: кто хочет в службу к гос.‹ударю› Петр‹у› Фед.‹оровичу›. — Охотников нашлось множество. —

Против Шарной горы у Горлова кабака поставлен‹а› была пушка. — Пугачев к горе подошел лесом и рассыпавшись по Арскому полю и по третьей горе ворвался в Казань. —

Казни после Пугачева были ужасные, вешали за ребро, сажали на кол etc. Рели стояли лет 10 после Пугачева и петли болтались. —

Фабриканты, кулачные бойцы, приняли было худо вооруженную сволочь в рычаги, в ружья и сабли, но Пугачев, заняв Шарную гору, пустил по них картечью. — Веньямин успел уехать в крепость из архиерейского дома.[2] — Народ, возвратясь из плена, нашел всё верхь дном. — Кто был богат очутился нищим, кто был скуден разбогател.

Казак, при Пугачеве, стал сымать башмаки с отца Бабинова — и как они пришлись не в пору, бросил их ему в лицо.

---

[1] *После* церковь *оставлен пробел для названия церкви.*

[2] Из своего дома.

IV.

(ПД 371)

<ОРЕНБУРГСКИЕ ЗАПИСИ.>

Бунтовщики 1771 года посажены были в лавки Мен.<ового> двора. — Около Сергиева дня, когда наступил сенокос, их отпустили на Яик. — Садясь в телеги они говорили при всем торжище: То ли еще будет? так ли мы тряхнем Москвою? — Молчать, курвины дети, говорили им Ор.<енбургские> казаки их сопровождавшие, но они не унимались. *Папков в (Переволоцкой) Сарочинской.*

Он привел кн. Галицына к Сарочинской кр.<епости>, но она уже была выжжена. Гал.<ицын> насыпал ему рукавицу полну денег.

В Татищ.<евой> Пугачев пришед вторично спрашивал у атамана, есть ли в кр.<епости> провиант. — Ат.<аман>, по предварительной просьбе старых казаков, опасавшихся голода, отвечал что нет. — Пугачев пошел сам освидетельствовать магазины, и нашед их полными, повесил атамана на заставах. Елагину взрезали грудь, и кожу задрали на лицо. —

Лиз. Фед. Елагина выдана была в Озерную за Харлова весною. — Она была красавица, круглолица и невысока ростом. *Матрена в Татищ.<евой>.*

Из Озерной Харлов выслал жену свою 4 дня перед Пугачевым, а пожитки свои и всё добро спрятал[1] в подвале у Киселева. Пугачева пошли казаки встречать за 10 верст. Харл.<ов> (хмельной) остался с малым числом гарниз.<онных> солдат. Он с вечеру начал палить из пушек. — Билов услышал пальбу из Чесноковки (15 в.) и воротился, полагая, что Пугачев уже кр.<епость> взял. — Поутру Пугачев пришел. Казак стал остерегать его. — Ваше ц.<арское> в.<еличество>, не подъезжайте, неравно из пушки убьют. — Старый ты человек, отвечал ему Пугачев, разве на царей льются пушки? Харл.<ов> приказывал стрелять — никто его не слушал. Он сам схватил фитиль и выстрелил по неприятелю. — Потом подбежал и к другой пушке — но в сие время бунтовщики ворвались. — Харлова поймали и изранили. Вышибленый ударом копья глаз у него висел на щеке. — Он думал откупиться, и повел казаков к избе Киселева. — Кум дай мне 40 рублей, сказал он. — Хозяйка всё у меня увезла в Ор.<енбург>. Кис.<елев> смутился. — Казаки разграбили имущество Хар.<лова>.[2] Дочь Кис.<елева> упала к ним в ноги, говоря: Государи, я невеста, этот сундук мой. Каз.<аки> его не тронули. Потом повели Харл.<ова> и с ним 6 чел. вешать в степь. Пугачев сидел перед релями — принимал присягу. Гарнизон стал просить за Харлова, но Пугачев был неумолим. Татарин Бикбай,

---

[1] *Было начато:* за<?>

[2] Хар.<лова> *исправлено из написанного по ошибке:* Пугачева

осужденный за шпионство, взошед на лестницу спросил равнодушно: какую петлю надевать? — Надевай какую хочешь, отвечали казаки — (не видал я сам, а говорили другие, будто бы тут он перекрестился). Пугачев был так легок, что когда он шел по улице к магазинам, то народ не успевал за ним бегом. — Он, проезжая по Озерной к жене в Яицк, останавливался обыкновенно у каз.‹ака› Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство.

Под Ил.‹ецким› гор.‹одком› хотел он повесить Дмит. Карницкого, пойманного с письмами от Сим.‹анова› к Рейнс.‹дорпу›. На лестнице Карн.‹ицкий›, обратясь к нему, сказал: Гос.‹ударь›, не вели казнить, вели слово молвить. — Говори, сказал Пугачев. — Гос.‹ударь›, я человек подлый, что прикажут, то и делаю; я не знал, что написано в письме, которое нёс. Прикажи себе служить, и буду тебе верный раб. — Пустить его, сказал Пугачев, умеешь-ли ты писать? — Умею, гос.‹ударь›, но теперь рука дрожит. — Дать ему стакан вина, сказал Пугачев. — Пиши указ в Рассыпную. Карн.‹ицкий› остался при нем писарем и вскоре стал его любимцем. Уральск.‹ие› каз.‹аки› из ревности в Тат.‹ищевой› посадили его в куль да бросили в воду. — Где Карн.‹ицкий›, спросил Пугачев. — Пошел к матери по Яику,[1] отвечали они. Пугачев махнул рукою и ничего не сказал. — Такова была воля яицк.‹им› казакам! —

В Озерной.

В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали. Когда прибежал он из Тат.‹ищевой›, то велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, *дабы драки не учинилось.* Вино хлынуло по улице рекою. Оренбурцы после него ограбили жителей.—

Старуха в Берд‹е›.

Пугачев на Дону таскался в длинной рубахе (турецкой). Он нанялся однажды рыть гряды у казачки — и вырыл 4 могилы. В Озерной узнал он одну дончиху, и дал ей горсть золота. Она не узнала его. По наговору яицк.‹их› казаков, велел он расстрелять в Берд.‹е› Харлову и 7-летнего брата ее. — Перед смертию они *сползлись* и обнялися — так и умерли, и долго лежали в кустах. — Когда Пугачев ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги. — Когда под Тат.‹ищевой› разбили Пугачева, то яицк.‹их› прискакало в Оз.‹ерную› израненых, — кто без руки, кто с разрубл.‹енной› головою — человек 12, кинулись в избу Бунтихи. — Давай, старуха, рубашек, полотенец, тряпья — и стали драть, да пере-

[1] к матери в Яицк

вязывать друг у друга раны. — Старики выгнали их дубьем. А гусары галицынские и Хорвата‹?› *так и ржут по улицам, да мясничат их.* Когда разлился Яик, тела поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибредши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, пер‹е›ворачивая их и приговаривая: — Ты ли, Степушка, ты ли мое детище? Не твои-ли черны кудри свежа вода моет? — Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала. — К Пугачеву привозили ребят. — Он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву. — У Пугачева рука лежала на колене — подходящий [крестясь] кланялся в землю, а потом перекрестясь, целовал его руку. — Пугачев в Яицк.‹е› сватался за ,[1] но она за него не пошла. — Устинью Кузн.‹ецову› взял он насильно, отец и мать не хотели ее выдать: она-де простая казачка, не королевна, как ей быть за государем. (*В Берде от старухи*).

Федулев, недавно умерший, вез однажды Пугачева пьяного — и ночью въехал было в Ор.‹енбург›.

Когда казаки решились выдать Пугачева, то он подозвал Творогова, велел ему связать себе руки, но не назад, а вперед. — Разве я разбойник, говорил Пугачев. В Татищ.‹евой› Пугачев за пьянство повесил Я.‹ицкого› казака.

V.

(ЛБ 91, лл. 14—14 об.)

ДМИТРИЕВ. ПРЕДАНИЯ.

Дмитриев услышал о Пугачеве от слуги, ездившего в Синб.‹ирскую› воеводскую канцелярию с его отцом. Возвратясь слуга рассказывал о важном преступнике, казаке, отосланном в Казань, в оковах с двумя солдатами, которые сели на облучки кибитки с обнаженными тесаками.

Пугачев сбирал милостыню, скованный с другим колодником. На улице Замочной решетки стояла кибитка etc.

Полковник Чернышев был тот самый, о котором говорит Екатерина в своих записках. Он и брат его были любимцы Петра III, который сделал одного полковником и дал ему полк и второго подполковником. Екатерина пожаловала первого бригадиром и сделала П‹етер›б.‹ургски›м комендантом, а брата его полковником и комендантом Симбирским. П.‹етер›б.‹ургский› комендант в старости своей был в связи с Травиной — он целый день проводил в ее доме сидя под окном; и[2] к зоре отправлялся в крепость.[3]

[1] *После* за *оставлен пробел для имени.*

[2] около

[3] отправлялся он в крепость.

Белобородов был казнен в Москве прежде поимки Пугачева.

Ген.<ерал> Потемкин имел связь с Устиньей, второй женою Пугачева.

Панин вырвал клок из бороды Пугачева — рассердясь на его смелость.

Кар был человек светский и слыл умником.

Дурнов лежал между трупами.

(Слышал от сен.<атора> Баранова). Державин приближаясь к одному селу близ Малыковки[1] с двумя казаками — узнал, что множество народу собралось и намерены идти к Пугачеву. Он приехал прямо к сборной избе и требовал от писаря Злобина (в последствии богача) изъяснения[2] зачем собрался народ и по чьему приказанию. Начальники выступили и объявили, что идут соединиться с гос.<ударем> Петр.<ом> Фед.<оровичем> — и начали было наступать на Державина. Он велел двух повесить, а народу велел принести плетей и всю деревню пересек. Сборище разбежалось. Держ.<авин> уверил их, что за ним идут 3 полка.

Дмитриев уверял, что Державин повесил их из поэтического любопытства.

VI.

(ПД 368)

<ЗАПИСЬ СО СЛОВ Н. СВЕЧИНА.>

Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича.

Отец его, Александр Мартынович, был маиором и кронштатским комендантом — после переведен в Новгород. Он был высокий и сильный мущина. — Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре. — Играя со Свечиным в ломбр, он имел привычку закуривать свою пенковую трубочку, а между тем заглядовать в карты. — Женат был на немке. Сын его старший недавно умер.

Слышано от Н. Свечина.

* VII.

(АБ 91, лл. 294—296)

БИОГРАФИЯ СЕКУНД-МАЙИОРА НИКОЛАЯ ЗАХАРЬЕВИЧА ПОВАЛО-ШВЫЙКОВСКОГО.

Н. З. Швый<*ковский*> уроженец[3] Смоленской губернии Духовщинского уезда. Жительство имеет в с. *Мореве.* В службу вступил в 1769-м году в Измайловский полк рядовым и того же года произведен в капралы. В 1770-м году в декабре месяце выпущен подпоручиком в армию в Чер-

---

[1] приближаясь к Малыковке

[2] изъяснения сб<орища><?>

[3] *Сноска в рукописи:* Он родился 1752-го года мая 9. P. S.

Запись со слов Н. С. Свечина.

Пушкинский Дом Академии Наук СССР. Фонд 244, опись 1, № 368.

ниговской пехотный полк. В походах был при завоевании Крыму и по взятии г. Перекопа в 1771-м произведен из подпоручиков в капитаны с переводом во 2-ой Гренадерской полк, по именному соизволению, за отличие. В том же году находился при взятии Кафы. В последствии продолжал службу в Пугачевской Экспедиции, за которую получил в награду от государыни императрицы 250-т *душ*, Витебской губернии Невельского повета, в вечное и потомственное владение. В отставку уволен за болезнию 1777-го года генваря дня...

Вот что говорит Швыйковский о Пугачевской Войне.

В плен попался к Пугачеву в 1773-м году в сражении при с. *Горы* в 25-ти верстах от Казани, в то время когда бросился с несколькими рядовыми отбить захваченное у нас орудие. По взятии немедленно представлен Пугачеву на самом поле сражения. Он был на добром коне. Свиту его составляли *Яицкие* казаки, из которых самые приближенные к нему *Чика*, *Творогов* — и нашей службы артиллерист *Перфильев*, перешедший к нему из Оренбургского поселения. Пугачев росту среднего, чернобородый, глаза небольшие, быстрые, стану ровного, одет по-казачьи, вооружен саблею и пистолетами за поясом. Он у меня спросил: ты дворянин? — „Нет". — „Так видно хорошо служишь". — Много ли здесь вас? — 500 человек. Но нас только было 150-т. Меня обобрали и отдали под присмотр. Плен мой продолжался с утра до полуночи. В сие время заметя оплошность моей подгулявшей стражи нашел я средство уйти вместе с захваченными со мной рядовыми. В тот же день явился я к премьер-майиору Михельсону расположенному с войском на Арском поле близ Казани. Михельсон известясь от меня мгновенно напал на Пугачева, разбил и преследовал вниз по Волге. Последнее действие противу Пугачева происходило следующим образом. Быв разбит переправился он через Волгу с 30-ю человеками и скрылся в камыше, который по приказанию Суворова был зазжен Михельсоном. Потом Пугачев взят в плен и отвезен в Симбирск в деревянной клетке. Суворов сам привез его следуя за ним в простой телеге. Прежде сего дела я командирован был с полковником драгунского полка Абернибесовым для охранения Симбирска. При отправлении же Пугачева из Симбирска в Москву находился в числе стражи. Путь наш продолжался не долго. Мы ехали на переменных обывательских лошадях, и везли Пугачева скованного по рукам и ногам не в клетке, а в зимней кибитке. Всем сопутствующим разговор с ним был воспрещен. Пища ему производилась сытная и пред обедом и ужином давали порцию[1] простого вина. Пленника везли только

[1] производилась порция

днем, а ночь проводили за крепким караулом на приуготовленных квартирах. По прибытии в Москву, Пугачев содержался на монетном дворе и занимал особую комнату имеющую вид треугольника. Цепи имел на руках, ногах, и укрепленную в стене, поперек тела. Стража состояла из 10-ти человек преображенцев и роты 2-го Гренадерского полка, под командою капитана *Карташева.* Главным же начальником конвоя был гвардии Преображенского полка капитан *Галахов*, сопровождавший его от Симбирска до Москвы и находившийся при нем по день казни, т. е. по 10-е генваря 1775-го года.

В продолжении заключения своего Пугачев не показывал робости, сохранял равнодушие. Одет был со времени плена в нагольной тулуп. Везли Пугачева на казнь в цепях, на зимнем ходу четверкою с форейтором. На санях был амвон, на котором возвышении и сидел Пугачев вместе с духовником своим, увещевающим его к раскаянию. Народу было большое стечение. Пугачев часто обращался к окружающим и говорил, что он самый тот Пугачев, который назывался Петром III.

По прибытии[1] к месту казни, палач отрубил ему прежде голову, а там принялся за руки и ноги; за это он в то же время был наказан кнутом. Вместе с Пугачевым повешены и несколько сообщников его.—

Примечания.

Пугачев родом донец и отличался наездничеством. При взятии Бендер граф Петр Иванович Панин за храбрость произвел Пугачева в значковые товарищи.

Пугачев от живой жены вступил в брак с яицкою казачкою. Она была дочь кузнеца — баба видная, имя ее Устинья Петровна.

На Дону семейство Пугачева составляли: жена, сын и дочь.

Перфильев заведывал у Пугачева артиллериею — но была она весьма малочисленна — едва ли доходила до 10-ти орудий. Войска его определить с точностию невозможно — оно беспрестанно возрастало и уменьшалось. Тут было всё — козаки, мужики и разные бродяги.

---

[1] по прибытию

Б. ДНЕВНИКИ И ЗАПИСКИ.

I.

(ЛБ 91, лл. 34—37, 45—45 об.)

ЖУРНАЛ СИМАНОВА.[1]

Известие о захвачении Мостовщикова и 24 орен.<бургских> казаков, посланных в числе 80 против появившихся злодеев близ города, пришло в 30 число дек.<абря> 1773-го перед зарею.[2] По утру же злодеи вошли в город, и к крепости переулками приближились[3] и со всех сторон окружив ее, засели в высокие избы. Обыватели, яицк.<ие> каз.<аки> тотчас к ним соединились. Из закрытых мест начали стрелять во весь день и ночь. Гарнизон был принужден ближайшие к крепости дома зажечь, и потом отвечать им пушечной и ружейной[4] стрельбою. Они же своих убитых и раненых в закрытии собирали и развозили по домам.

И с 30 дек.<абря> по 19 янв.<аря> злодеи день и ночь не давали покою гарнизону; при том завалили они бревнами не только большие улицы,[5] но и переулки, и взвели за строениями неприметно батареи, коих было у них напоследок 16. — В ближайших же к крепости избах от наших пушек защитились они поделав изнутри двойные стены, между коих насыпали землю, и тем оставались безвредны как от простых выстрелов, так и от каленых ядер.

Нам оставалось только стараться об удалении врага от крепости, по чему и старались обжечь около оной площадь, атакуя укрепленные избы. Сии опасные вылазки чинимы были всегда с успехом, иногда 2 раза в короткий зимний день, солдаты были остервенены. Пугачев наконец писал в крепость угрозительное письмо, в коем запрещал сии вылазки. На сих вылазках[6] бывало человек до 20 ранен.<ых>, из коих 4 или 5 умирало.

---

[1] *Заглавие:* Журнал Симанова *на обложке, с более поздней припиской:* и показания Крылова (поэта). *Приписка предусматривает запись со слов И. А. Крылова от 11 апреля 1833 г. См. выше, стр. 492.*

[2] перед утр<ом>.

[3] приблизились

[4] оружейной

[5] большую улицу

[6] Каждый день

На 20 янв.‹аря› часа за 3 до свету взорван был подкопом у рва верхней батареи при Старице контрескарп (впрочем без вреда ни людям, ни рву, ни батареи) и вор Пугачев со всеми бунтовщиками, казаками, малолетками, женами и дочерьми их, присовокупя купцов, барских людей, татар,[1] калмыков и мещеряков с криком бросился под дымом и пылью. Злодеи засели[2] в ров и ставя лестницы силились взойти на батарею и на вал. Но гарнизон их к тому не допустил, и не дал способа осаждающим их подкрепить. Атакою предводительствовал сам Пугачев, который сперва лаской старался их возбуждать, а наконец колол копьем из своих рук. Штурм продолжался более 9 часов при неумолчной пальбе и стрелянии. Гарнизон наконец сделал вылазку в занятый ров, очистив его и неприятеля прогнал, убив у него до 400 ч.‹еловек›. С нашей стороны уб.‹ито› 15, ранено 22.

С 21 янв.‹аря› опасаясь вылазок неприятель умножил караулы при завалах и батареях — никогда меньше 700 чел. — беспрестанно стрелял из ружий, иногда из пушек, а изредка бомбами и гранатами — и часто визгом возвещал нападение.

9-го февраля учинена вылазка — и знатная батарея и несколько домов сожжены. У нас убито 10, ран.‹ено› 8.

На 19 февр.‹аля› в полночь выбежал от неприятеля малолеток казачий сын Иван Неулыбин, и объявил, что у Пугачева положено сего числа вновь атаковать крепость, и что вчерашнего дня подвели они под колокольню подкоп, и таковой же хотели подвести под каменную стену между собора и колокольни, куда-де хотели и пороху положить пуд 20. — А к рытию подкопа употреблены работные люди (со 130 чел.). А Пугачев назад тому 3 недели женился на казачке Кузнецовой — перед женитьбой ездил он на малое время под Оренб.‹ург› и сюда возвратился. Казалось[3] невероятно, чтобы можно было колокольню взорвать 20-ю пуд.‹ами› пороха, из-под[4] каменной стены ведена была от нас контрамина, и из оной никогда неприятельской земляной работы не было слышно. Мы полагали, что малолеток был нарочно подослан от неприятеля, дабы принудить нас от страха оставить посты, расположенные по фасам и около колокольни, чтоб было[5] удобнее штурмовать. Пред церковью и колокольнею, за наступавшими морозами, и рва не успели вырыть. Но так как под колокольнею в палате, как в безопаснейшем месте, содер-

---

[1] барских людей и татар

[2] с криком под дымом и пылью бросился, засел

[3] Хотя казалось

[4] и хотя из-под

[5] чтоб ему было

жался весь наш пороховой магазин; то мы поспешили его оттоле убрать — и уповая предварить контраминою непр.<иятельск>ую земл.<яную> работу, тотчас начали в той стороне работать, не давая знать о том нашим на постах находящ.<имся> людям. И как только успели на сей случай приготовить резерв, для занятия поста в случае подрыва, часа с 2 спустя по объявлению сего малолетки, неприят.<ельский> подкоп открылся в самом деле и разваля нижнюю под колок.<ольней> палату, верхние 6 этажей осадил, и тем более подавило людей вдали и в стороне, чем на постах своих подле колок.<ольни> стоящих. Всего же удивительнее, что в самом верхнем этаже бывшие[1] при пушке на часах, 7-ой пол.<евой> ком.<анды> егеря Ядринцев и Ветошкин *и у них же под часами* Алушников и Коиахин, свалились оттоль живы — первые трое расшиблись, но не смертельно, а последний оттоле безо всякого вреда снесен сонный.

Злодеи тотчас открыли огонь по крепости, особенно по развалинам, и с криком бросились на приступ — но резерв наш тотчас занял сии развалины, куда взвезены были и пушки. Непр.<иятель> весь день и ночь старался овладеть крепостию, но безо всякого успеха — с нашей стороны уб.<ито> 42, ран.<ено> 13, в том числе Симанов контузией.

С 20 февр.<аля> по 15 апр.<еля> Воры при беспрест.<анном> ружейн.<ом> огне, будто бы приготовлялись к атаке, а между тем производили земляные работы, то срывая берег при заливе Чечоры, для закрытия от нас комуник.<ации> одной части города с другой; то копая на несколько сажен траншеи, дабы препятствовать нашим вылазкам. От стороны же Куренской и от Кирсановского обломy повели вновь подкопы[2] подле Яру реки Старицы. И в Яру прокапывая бойницы стреляли по ходившим за водою. — Мины они хотели вести вокруг всей крепости, дабы под землею в ров вошедши, из оного взойти на вал, а между тем подминировать соборную церковь, три батареи и гаубвахту, в коей пребывали все штаб и об.<ер> офицеры, также пороховой погреб и Танбовцова палаты, в коих был пост. По сему мы и принуждены были делать повсюду контрамины.

15 числа усмотрено, что яицк.<ие> Бунтовщики малыми толпами въезжали в город и к вечеру собрались до неск.<ольких> сот — и ударя в набат, собрали круг и шумели. После чего толпою приблизились к крепости — их было приняли выстрелами, но вскоре увидели, что они вели связанных своих предводителей, атамана Каргина и Толкачева с товарищи, всего 7 чел., прося в винах помилования и всему городу пощады. Перевязанные[3] злодеи приняты, а голодный гарнизон насыщен привезенным

[1] что бывшие
[2] мины
[3] Связанные

хлебом, а 16 числа прибытием г. ген.<ерал->м.<айора> Мансурова от осады освобожден.

В креп.<ости> было — регуляр.<ных>	738
Казак.<ов> оренб.<ургских>, чиновн.<иков> и офиц.<еров>	94
—— яицк.<их>	72
Церковн.<ых> служ.<ителей>	5
Крепост.<ных> людей	18
Женщин	101
Детей	64
Лошадей	112

Провианту было

Муки	290 четвертей
Круп	7
Овса	212
Сена	2,850 пуд.

С февр.<аля> 1<го> начали давать половинную порцию и лошадин.<ого> мяса по 2 ф.

С 2 марта по полов.<ине> фунт.<а> овса и 2 ф. лош.<адиного> м.<яса>.

С 20 по 28 по $^{1}/_{4}$ овса и по фунту кожи. Апреля овса, отрубей.

Пушек — 18.
Пороху разошлось 53 пуда.
В остатке 12 пуд.

---

17 февраля кинуто против ретраншемента на лед реки[1] Старицы через нездешнего казака письмо возмутительное от Пугачева. Между тем Пугачев с высоты батареи, от стороны Куренской, с коей весь ретранш.<емент> открылся, смотрел что будет. Ему ответствовано пушечными выстрелами. На что и он возразил тем же.

14 марта привязав к хвосту бумажного змия куверт, пустил из-за строения на долгой нитке от стороны Чеганской и наведя его над ретраншементом, нитку отрезал: в письме своем Пугачев обещал Симонову прощение, уговаривая сдаться для избежания кровопролития; и в заключении уведомляет, что посланные из Ор.<енбурга> на лыжах с почтою, 6-ой пол.<евой> ком.<анды> мушкатеры Иван Потехин и Тимоф. Дехин, в степи блуждавшие без хлеба 10 дней, пойманы и сюда привезены. — В ту сторону, откуда змей прилетел, послано несколько гранат, отчего примечено по переулкам перебежки и торопливость.

[1] у Калет-реки

II.

(ЛБ 91, лл. 47—56)

ЖУРНАЛ МЯСОЕДОВА.

Журнал осады города Уфы.

1773 года ноября 24-го. Два крепост.⟨ных⟩ человека прокурора Зубова посланы были за р. Белую в их деревню Зубовку, объявили, что башкирцы заняли село Чесноковку и были встречены крестьянами с печеными хлебами, всего 4 воза.

25⟨го⟩. Крестьяне ближней деревни Тапычковой обще с Чесноковцами пресекли сообщение города с ними.

26⟨го⟩. Ближние деревни и хутора разоряются.

27⟨го⟩ и 28⟨го⟩. Уж Уфа со всех сторон осаждена башкирцами, ясачными татарами и возмущенными крестьянами.

29⟨го⟩. Подъехавшие к городу башкирцы подавали разные сигналы, на кои им отвечали, они уехали обратно.

30⟨го⟩. Из Чесн.⟨оковки⟩ подъехали башкирцы и крестьяне; к ним выехал сек.⟨унд-⟩майор Пекарской, и кол.⟨ежский⟩ регистр.⟨атор⟩ Черкашенинов. — Злодеи с криком требовали отдачи города, и выдачи полковн.⟨ика⟩ и коменд.⟨анта⟩ Мясоедова и воеводу Борисова, обещая город не разорять и тот час отъехали.

1 декаб⟨ря⟩. По Сибирской дороге от с. Богородского приезжало до 500 чел. дворцовых, помещичьих и заводск.⟨их⟩ крестьян и иноверцев и остановились под городом в $1^{1}/_{2}$ вер. Их прогнали. Мясоедов приказал чинить ночные по пикетам разъезды, в кои употреблены секретари и протоколисты.

2⟨го⟩ спокойно.

3⟨го⟩. Убежавшие с вольной пристани (в 4 вер. от Уфы) три человека караульных солдат объявили, что утром до 100 чел. бунтовщиков отбили двери у анбаров, где хранилась илецкая казенная соль. Из города послано туда войско, но уже оно злодеев не застало.

4-го. Прапорщик Куреев и атаман Бурцов из городу чинили поиск (с чел. до 100) и захватили 5 человек злодеев, кои объявили: 1) что все дворянские дома ими разорены. 2) Что они утвердили себя присягою стоять за Самозванца. 3) Ими предводительствуют и к бунту преклоняют старшины Ибраш Уразбах и Тюрей Ишали. 4) Пригород Табинск и Бугульчанская пристань заняты башкирцами, а таб.⟨инский⟩ комендант кап⟨и⟩т.⟨ан⟩ Моисеев и атам.⟨ан⟩ Казырской изрублены. А подгородных деревень помещики, кол.⟨ежский⟩ сове.⟨тник⟩ Артемьев, поруч.⟨ик⟩ Пекарской и посланный из канцелярии для г⟨о⟩с⟨у⟩д⟨а⟩рств.⟨енного⟩ дела

каптенармус дворянин Гладышев и жительствующие по Шугоровке[1] речке малопоместные дворяне, не успевшие в Уфу въехать с семействами — побиты. 5) Для нападения на Уфу согласились злодеи ждать команды и артиллерии из-под Оренб.<урга> — а покамест тревожить город.

5<го> и 6<го> спокойно.

7-го. Фуражиры возвратились в Уфу благополучно не видав злодеев; 2 человека[2] сами собою ездили по другую сторону реки Демы для ловли рыбы. Один был схвачен злодеями, другой спасся.[3] Один купец и 5 крепостных бежали в толпу.

8-го. От Чесноковки к городу подъезжали до 500 башк.<ирцев>. Они подослали через находящегося у них в плену казака письмо к Мясоедову, требуя именем Петра III сдачи города. Им отвечали картечью, 3 башк.<ирца> были убиты, прочие бежали подхватя тела. — Им послали печатный манифест от 15 октября с тат.<арским> переводом.

9<го>. В обедни — человек до 5 подъехало с криком требуя каз.<ачьего> атамана. — С ними обменялись указами. — Получено с пристани известие, что из двух анбаров взято до 24,000 пуд соли и свезено в с. Чесноковку — выслать противу их было некого.

10<го> переговоры. К пристани наряжена команда с пушкою; 3 человека схвачены. Известие о бунте башк.<ирцев> и мещерещан подтверждается.—

11<го> вылазка к Вавилову перевозу. Злодеи обращены в бег. — Команда возвратилась благополучно.

12<го>. Из города усмотрено 2 пеших человека. К ним послана команда. Это были прапорщик Аничков и малолеток подротный казачий. Они объявили о взятии Табинска и Стерлитамацкой пристани — и о пребывании графа Чернышева (Чики) в Ст.<ерлитамацкой> пристани, также о прибытии полковника (Ульянова ?) в село Чесноковку. Они оказались подосланными от злодеев, для рассеяния сомнений.

13<го>. Новые подосланные. Очная ставка с Оничковым и с малолетком. Аничк.<ов>, раскаясь, признается, что показания его были ложны и преувеличены. Всего у злодеев табинских казаков 200, нагайбацких 25, прочих 15 — всего 500. Башкирцев же множество.

14<го>. Подъезжали злодеи к городу, им через Губанова и Аничкова доставлены манифесты, и с трех сторон пушками прогнаны.

15<го> и 16<го> спокойно. Ночью из города за Уфу и Белую фуражиры ездили благополучно.

---

[1] по Шугоровской

[2] а два человека

[3] спасся и показал:

17<го> спок.<ойно>. 18-го фуражиры городские атакованы пушками.[1] Захватили злодеи 48 муж.<чин> и женщ.<ин>. Конвойными[2] убит один башк.<ирец>, и захвачен Зубовской крестьянин, объявивший о прибытии в село Чесноковку графа Чернышева с 500 русских и с 7 пушками. В плену при нем бирской командир прем.<ьер>-маи.<ор> Моисеев и дворцовых волостей управитель Орлов. Пригородки Бирск и Нагайбак взяты башкирцами и пушки и порох свозятся в Чесноковку.

19-го взятые жители отпущены Чикою с приказанием от него коменданту город сдать. Вслед за ними прибыл в Уфу табинский канцелярист Блинов с товарищем с тем же требованием и с угрозой приступа на 20-е число — они посажены в железы.

20<го> около города объезд. Злодеи у Сибирских и Казанских ворот делали примечания. Их было до 2,000.

21<го> новый объезд; сперва от Вавилова перевоза, потом от Богородского села, а потом от Стрешнева перевозу к Ильинским и Фроловским воротам. От Сибирск.<их> и Казанск.<их> ворот была пуш.<ечная> пальба. Злодеи ретировались, но у Фрол.<овских> ворот сожгли маяк и городского сена увезли до 300 возов.

22-го в 6 ч. утра[3] приступ — пальба до 2-х часов. Вреда не было городу.

23<го> в 7 час. утра сторож с соборной колокольни усмотрел новые приуготовления к приступу.[4] Их встретили пальбою. Команды собрались. Злодеи же стреляли от с. Чесноковки из-за Белой реки, от Дуткина перевозу с гор — и против Московского пикета. Противу их отправлен пр.<емьер>-маи.<ор> Белавин, и с резервною пушкою сек.<унд>-маи.<ор> Пекарской. — От Усольского же пикета отбиты полк.<овнико>м Мясоедовым; при маи.<оре> Пекарском и кап.<итане> Пасмурове и *Аничкове* (NB) отбиты 2 пушки и со снарядами в одном *фурмане* (fourgon) и ящике. В плен взяты 2 канон.<ира>, два солдата, 6 крестьян, убито до 70, с нашей стороны нет потерь. Белавин и Пасмуров и Магницкой, отбив пушки, пошли к толпам с двумя малыми пушками и с небольшою командою — и от Ильинского пикета отбили 1,000 чел. злодеев. Пленники показали, что Чика положил Уфу взять и разорить, а дворян и лучших людей истребить, и что кол.<ежский> сов.<етник> Артемьев, пр.<емьер>-маи.<ор> Моисеев и управитель Орлов, атам.<ан> Казарской, кап.<итан> Моисеев и серж.<ант> Каловск<о>й убиты. — На приступе было злодеев 10,000.

---

[1] с пушками.
[2] Из конвойных
[3] вечера
[4] усмотрел новый приступ.

24<го> и 25<го> спок.<ойно>, 26<го> разъезды около соляной пристани (в 4 верст. от Уфы) увидели на лугах, за Вавиловым перев.<озом>, злодеев (чел. 40) забирающих городское сено. Они бежали.

27<го> и 28<го> спок.<ойно>.

29<го> от Чесноковки на гор.<одских> лугах злодеи брали сено и оттоль чел. до 100; на той стороне Белой реки на яру подъезжали против города, между ими был и Чика. По них выстрелили. Убило ядром несколько человек. Прочие бежали захватя раненых и убитых.

30<го>. За Вавилов Перевоз посланы были разные жители для привозу сена[1] до 700 подвод[2] при капитане Пасмурове, поручике Каловском, атамане Бурцове и президенте Иконникове с 3-мя пушками. — Их атаковали иноверцы — но были отбиты. Двое из жителей бежали.

31<го> спокойно.

Январь.

1<го>. Из Чесн.<оковки> до 700 злодеев приезжали к Уфе на Яр к Белой реке — была обоюдная пальба; с городских маяков усмотрели, что злодеи увезли до 700 возов сена.

2<го>. Спокойно.

3-го. Фуражиров до 1,000 подвод отъехали из города верст за 12. На них злодеи напали, но были отбиты. 5 чел. жит.<елей> ранено, да 5 взято в плен. — В 5 часов вечера подъехал к пикету (на Белой вверх) уфимской купец и депутат Алексей Подъячев, подосланный от Чики с угрозами и повелениями о сдаче Уфы.

4<го> спок.<ойно>. В полночь 4 чел. крепостные пр.<емьер>-м.<аиора> Белавина, бежали украв 4 лошади, 3 седла и 2 хомута.

5<го> спок.<ойно>. С городских маяков видно, что злодеи увезли сена до 400 возов.

6<го>, 7<го>, <8го>. Злодеи фуражируют к реке *Наерь*. С пикета сек.<унд>-м<аиор>а Маршилова бежал канонир.

9<го>. Спокойно. Фуражируют с обеих сторон; сено злодеями всё уже свезено. Чуваш работник купцов Подъячевых бежал.

10-го. Приступ (в 2.000 чел.). Утром в 6-м часу — около Богородского села или близ Красного Яру пушечн.<ые> выстрелы.

11-го с Ильинского маяку усмотрено движение злодеев. Команды отряжены на Вавилову гору и к Ильин.<скому> маяку. Злодеи разъезжали по горам и забрав сена возвратились. Перед вечером посланы были на

---

[1] за <сеном>

[2] пудов

лыжах за засеку унт.<ер>-оф.<ицер> Черников, Анучин с товари<щами> к селам Богородскому и Красному Яру. Они возвратились на другой день утром объявя, что доходили до первой деревни маиора Аничкова и видели везде огни на дворах, оружия и слышали крик злодеев.

12<го> разъезды.

13<го> разъезды от Дуткина перевозу. —

14-го утром казачья и купеческая команда при президенте Иконникове и атамане Бурцове ходила к Дутк.<ину> перев.<озу>; и возвратясь не нашед злодеев, увидела их около Сибирского пикета. Злодеи бежали. Бурцов и Иконников их преследовали; к ним пристал и кап.<итан> Пасмуров с резервной пушкою. Они настигли их за 4 верст. и побили до 50 человек, взято 3 языка; в добычу получено до 20 лошадей. Убит с нашей стороны 1 урядник, ранено 3. Языки показали о приближении команд.

15<го> к Белой реке подъезжали человек 16, *делали маяки* и бранились. Их отогнали.

16-го высылка из городу к Чесноковке 25 человек на лыжах, и до 80 казаков[1] и купцов. Они переловили подосланных из Чесн.<оковки> злодеев 3 Елдяцких казаков, толмача и ясачного татарина. Пленники показали, что у Чики три Елдяцкие пушки, одна Табинская, заводских 12 (всего 16), пороху пуд до 20. Слух о приближении гусарской команды через Мензелинск — подтверждается.

16-го с Фроловского пикета 2 разночинца на своих лошадях бежали с караула. 17<го> посланные за дровами крепостные люди Мясоедова и казака Еркина работник бежали.

18<го>, 19<го>, 20<го> спокойно. 21<го>. Видно от Каронского маяку у Вавилова перевоза злодеев верхами и в санях до 200.

22<го> спок.<ойно>. 23<го>. С Каронского пикета купец Коровин на лыжах бежал.

24<го> с конвоем к Уфе-реке на Дуткин Перевоз пущены до 500 чел. жителей. Конвойные зашед на лыжах в ближнюю деревню Елкибаеву взяли 6 языков.

25-го в 8 час. утра через рапорты от Маяков в городе известились о приступе. Сделалась тревога. Команды собрались. Злодеи с 4 пушками на Каронской пикет подошли на лыжах, и были отбиты. Потом от Чесноковки, к Сибирскому пикету и к Фроловским и Ильинским воротам злодейская лыжница (2.000 чел.) и конница подступали. Пушки их были выставлены за Белою рекой противу городских пушек, вестовой и против капитанов Суворова и Аничкова. Их подбили (у злодеев). Лошадь под

---

[1] до 80 карабин.<еров>

Чикою подстрелили. Злодеи бежали. За ними послана за Белую пехота и конница с резервной пушкою кап‹ита›на Пасмурова, и с другой при сек.‹унд›-м.‹аиоре› Пекарском. Отбита 3‹ех› ф‹унтовая› медная пушка, с порох.‹овым› ящиком, взято в плен 17 чел. (один канонир, 1 купец), убито до 300 — у нас ранен 1 солд.‹ат› ядром, да купец — да стрелою отставной драгун. Сражение длилось до 6 часу вечера. Солдаты, казаки, купечество, приказные служивые и отставные отличались храбростию. На приступе (по показ.‹анию› пленных) было 11,000. Чика намерен взять город если не приступом так голодом. Команда идет от Казани за 150 верст.

26‹го›. Злодеи приезжали с перелеска за телами. Креп.‹остные› люди подпор‹учи›ка Калинина и капит.‹ана› арм.‹ии› Гладышева, 5 чел., бежали.

27‹го›, 28‹го› спок.‹ойно›.

29‹го›. Обыватели выпущены были в ближайшие перелески для рубки дров (250 подвод). 1 мордвин бежал.

30‹го› разъезды.

31‹го› спок.‹ойно›.

Февраль.

1‹го›. Толпа подъехала от Чеснок.‹овки› к Белой реке, в городе ожидали приступа. Но злодеи, выслав наездников до 10 на Яр, остались[1] у рытвин. Все возвратились.

2‹го› спок.‹ойно›. 3-го усмотрена с Маяку толпа. Противу ее высланы лыжница и конница; их прогнали подстрелив одного казака и захватя 3-х крестьян в полон.

4-го благополучно. 5-го спок.‹ойно›. 6-го спок.‹ойно›. 7‹го› фуражиры посланы за Белую. 8‹го› спок.‹ойно›.

9-го. Вечером из-за Демы реки слышны были выстрелы. Еще прежде Мясоедов послал за Дему к деревне Кастаревой команду при капитане Пасмурове, атам.‹ане› Бурцове и президенте Иконникове — для снятия злодейского пикета. Команда возвратилась объявя, что тот пикет уж сведен и большая дорога от города к деревне завалена засекою.

С 10‹го› по 19‹ое› спокойно.

19-го. Выпущены подвод 80 за сеном за Белую реку с конвоем. 4 креп.‹остных› человека прокурора Зубова бежали.

20‹го›, 21‹го› спокойно.

22-го. Злодеи на лыжах и верхами в числе 300 чел. подбегали к городу. Кап.‹итан› Пасмуров с двумя *супатерн* офицерами (subalternes) вы‹с›лан противу их. Они бежали. Их гнали версты 3 и возвратились.

[1] и остались

23<го> и 24<го> спокой<но>.

25<го> казаки и купеческая команда выслана при кап.<итане> Пасмурове за Вавилов перевоз снять злодейский пикет. Злодеи дали знать о том, к ним подоспел сикурс до 400 чел. с 2 пушками. Произошло сражение. Злодеи бежали. В полон взяты 2 черемиса. Они объявили, что их выслали хозяева на караулы; кто главные, не знают. Слышно команды идут и вошли уж в пригоро<ды> Мензелинск и Нагайбак. Многие единоверцы пошли к ним с жалобами на бунтующих разбойников etc. etc. — 26<го>, 27<го>, 28<го> всё тихо.

Март.

1-го. Малолетные черемисы пойманы и посланы по Казанской и Сибирской дороге с увещаниями.

2<го>, 3<го>, 4<го>, 5<го> спокойно.

6-го ночью выпущены лыжники для разведования о хлебе в три разные стороны к Че<с>ноковке, к Богородскому и за Уфу реку. Возвратясь объявили, что в селах помещичьи хлебы в кладях благополучны, а людей нет ни души. Их увидел[1] *отъезжий пикет* с Чесноковки, и учинил тревогу, стали палить из пушек — и они возвратились. 7<го> спокойно.

8-го. Высланы еще лыжники: 1) за Уфу р.<еку> к Жилиной деревне. 2) за Дему р.<еку> к Костаревой для осмотра хлеба. Объявили, что хлебы из кладей оказались молоченые.

9-го для привозу хлеба и сена послана к стороне Бо<го>родского в деревню Михееву (в 16 верст. от города) и в ближние окрестные деревни — пехота и лыжница (300 чел.) и за ними резерв при одной пушке, также 100 чел. Злодеи атаковали их с 3,000 и с 4-мя пушками — послан на помочь кап.<итан> Магницкой с пушкою; побито чел. до 30, ранено до 40 — в плен взято человек 6, отбито также несколько. Пленники отпущены по разным дорогам с увещаниями и указами (11<го> и 12<го>).

13<го>. Ночью высылка к Чесноковке и к Стрешневу перевозу. Поймали языка. Объявил о разбитии[2] злодеев под Нагайбаком и о приближении команд. Послана команда на соляную пристань за лодками, там находившимися. 23 лодк<и> привезены в город благополучно.

14<го>. Послано[3] за остальными — и все привезены.

15<го> спокойно. Крепостной чел.<овек> переводчика Третьякова и один работник бежали. 16<го> креп.<остной> чел.<овек> воеводского товарища Богданова бежал.

---

[1] увидели

[2] о взятии

[3] Посланы

17‹го›. Креп.‹остной› чел.‹овек› пр.‹апор›щик‹а› Афанасьева бежал.

18-го чувашенин, от священника Рожественской церкви, бежал.

19-го выпущены из г.‹орода› для привозу *хвороста* жители. Из них канонир на лыжах бежал.

20‹го› тихо.

21‹го› кап.‹итан› Пасмуров при 4-х пушечках с 3-мя прапорщиками с рег.‹улярной› и нерег.‹улярной› и купеческ.‹ой› командою выслан за Дему-реку к деревне Костаревой (за 6 вер. от гор.‹ода›). В 4 часа ночи он пришел в деревню. Его начали окликать. Но он начал стрелять по деревне из пушек. Злодеи разбежались по хлевам и избам и стали стрелять из ружей и луков. Ранены с нашей стороны прапорщ.‹ик› Аничков, 1 рядовой, отставных и малолеток 7; убит 1. Злодеев убито множество. Пасмуров узнав, что к злодеям идут[1] 500 чел. с 4 пушками, отступил.

21‹го› прап.‹орщика› Афанасьева двор.‹овый› чел.‹овек› с одною женкою бежал.

22‹го› с Сибирского пикета крестьянин бежал.

23‹го› с Московского пикета новокрещен бежал.

24‹го›. С пикетов караульные услышали пушечную пальбу из-за села Чесноковки. Отряжены были лыжники (25 чел.) для разведывания. А воинская команда при кап.‹итане› Пасмурове и при 4-х пушках отряжена вслед к Че‹с›ноковке. Они сбили пикет. Скоро прислано в Уфу известие что в Чесноковку вступила гусарская и прочие воинские команды и что злодеи разбиты, захвачены и повинились. В Чесноковку вступила и городская команда и Пасмуров явился к подп.‹олковнику› Михельсону. В Уфу прислана артиллерия, и 1.000 захвач.‹енных› злодеев. Чика и некоторые его сообщники бежали.

III.

(ЛБ 91, лл. 68—105, 108—111)

ЖУРНАЛ РЕЙНСДОРПА.

Из Оренб.‹ургского› архива.

Сентябрь, 1773.

§ 1.

Указом из Воен.‹ной› Кол.‹легии› от 14 авг.‹уста› велено Ор.‹енбургскому› губ‹ернатор›у: бежавшего из Казани Пугачева с одним солдатом секретно искать, особливо в Яицком войске и отослать губ.‹ернатору› ф.‹он› Бранту.

---

[1] идет

§ 2.

По публикации об оном. В должности коменданта состоящий в Яицком городке подполк.<овник>[1] Симанов 15 сентября репортовал, что отставной яицкой сотник объявил, что Пугачев шатается по степи в 100 верст. от *Яи.<цкого> Гор<одка>* к Сызрану — а с ним де он (сотн.<ик> Лепилин) тому недели с 2, съехался и разговаривал, и возвратясь в городок, о том многим рассказал и произвел сумнение.

Подп.<олковник> Симанов послал за ним в разные места команду — но она его не нашла, а 18 числа сент.<ября> явился Пугачев с беглыми и забранными им на хуторах и на форпостах около 300 чел. в близости Яи.<цкого> Гор.<одка>, от чего казаки начали к нему переходить партиями. Он же приял имя Петра III. Но в город не только не впущен, но и прогнан. Он же рассыпавшись по степи, пошел далее по верхним Яицк.<им> форпостам, забирая людей и пушки и вешая верных старшин (12 человек).

§ 3.

Между тем Пугачев писал к киргиз-кайсацкому Нура-ли хану, требуя ста человек киргизов да сына в аманаты.

§ 4.

Учинить же Симанову поиска было невозможно, ибо казаки колебались. — Он потребовал 500 чел. калмыков из Ставрополя, и ген. Рейнсдорп о том в канцелярию ставр.<опольскую> писал. — Выслано их было 316, но и те с дороги бежали.

§ 5.

Отношение Яицкой дистанции коменданта полк. Елагина от 22<го>.

Рассыпной креп.<ости> ком.<ендант> маи.<ор> Веловский репортовал ему, что Пугачев взял Илецкий Городок изменою казаков, выдавших ему атамана Портнова — тут же им и повешенного.

§ 6.

В следствии сего послан от ген. Рейнсд.<орпа> к Илецкому городку бригадир Билов с рег.<улярными> и нерег.<улярными> 410 ч.<еловек> и 6 орудиями. Предписано[2] ему забирать по дороге в форп.<остах> и креп.<остях> людей сколько нужно — а за взятие Пугачева обещано 500 р. за жив.<ого>, а за мерт.<вого> 250. Билов от 26 репортовал, что следуя за Татищ.<евой>

---

[1] полк.<овник>

[2] Предписав

Н.<ижне>-Озерную (18 верст) узнал, что Пугачев от Рассыпной идет к Озерной с 3000. — Отчего он и ретировался в Татищеву — но получил от г.<енерала> Рей.<нсдорпа> повеление идти на Оз.<ерную>.

§ 7.

Подп.<олковнику> Симанову велено же послать к Ил.<ецкому> гор<одку> 6-ой легкой полевой команды[1] маиора Наумова и с казаками, а на встречу им из Ставроп.<оля> 500 калм.<ыков> да ближних башк.<ир> 500, да Сеитовских тат.<ар> 300 — послано.

§ 8.

А оренб.<ургскому> коменданту ген.<ерал>-м.<аиору> Валенстирну велено сделать нужные распоряжения в случае атаки, и крепость соопущенную привести в оборонительное состояние.

§ 8.[2]

По всей губернии, да и в горное оренб.<ургское> начальство (от 19 сент.<ября>[3]) тоже сообщено. Также и губерн.<аторам> сибирск.<ому>, казанск.<ому> и астрах<анскому> (Чичерину, ф.<он->Бранту и Кречетникову).

§ 9.

Билову Н.<ижне>-Озерск.<ий> ком.<ендант> Харлов репорт.<ует> 25<го>, что Рассыпная взята, там.<ошний> ком.<ендант> маиор Веловский с женою повешен. Гарниз.<онная> рота и 50 каз.<аков> взяты в плен, также и 100 чел. пех.<оты> и каз.<аков> отправленных туда им Харловым в помочь.

§ 10.

Вскоре потом и с ним Харловым также поступлено.

§ 11.

В следствии сего по Ногайской дороге послано к старшинам в башкирские волости подтверждение данных повелений: 1.000 отправить с нарочно посланным старшиною и почтовым комисаром Мендеем Тупеевым к Илецк.<ому> гор.<одку>.

---

[1] легкую полевую команду

[2] § 8 *повторяется дважды.*

[3] от 19 окт.<ября>

§ 12.

26‹го› отправлено к Билову 300 чел. тат.‹ар›. — А Озерной дист.‹анции› коменданту[1] бригадиру Корфу с 5 вверенных ему крепостей по 20 чел. в Орен.‹бург› велено прислать.

§ 13.

Чернореченской креп.‹ости› ком.‹ендант› маи.‹ор› Крауз репорт.‹ует› 27 сент.‹ября›, что под Татищевой идет сражение.

§ 14.

Приказано Краузу в случае опастности с командой и артил.‹лерией› оставя крепость идти под Оренб.‹ург›.

§ 15.

28‹го› получено изве.‹стие›, что Татищ.‹ева› взята, и половина выжжена. А комен.‹дант› оной полковник Елагин с женой, и бриг.‹адир› Билов с его офиц.‹ерами› перевешаны, а солдаты, казаки и калмыки взяты в шайку.

§ 16.

Сеит.‹овские› тат.‹ары› не доходя до Татищевой, услышали о сем и возвратились. Башкирцы же ни туда ни сюда не были.

§ 17.

Совет в Оренб.‹урге› (см. № IV).

§ 18.

В следствии коего вокруг города по валу расположено Алексеевск.‹ого› полку 134, гарнизонных с чинами 848, при орудиях артиллер.‹ийских› служителей 69, инженер.‹ных› 13; гарнизон.‹ных› служителей 466 — к ним по необходимости присовокуплены 41 отставных; неприверстанных рекрут 105, казаков 28, да по валу бывших из Архангелогор.‹одской› губернии с колодниками регулярных 40, каз.‹аков› 439. Из Сеит.‹овских› тат.‹ар› 350, отставных, казаков, купцов[2] и разночинцов 455 — и того 2,988.

§ 19.

Артилл.‹ерии› по валу расставлено в 10 бастионах и в 2 полубаст.‹ионах› да во рву под стеной и в Яру против губ.‹ернаторского› дому пуш.‹ек› 68, мортира 1 да гаубица 1 — итого 70.

---

[1] командиру

[2] отставных, татар и купцов

§ 20.

Татары с семействами большею частию не послушались и остались дома.

§ 21.

В Оренб.<урге> 30 числа оказалось волнение; публикованы объявления о Пугачеве, обещаны награды храбрым, напомнено о долге присяги.

Того числа рапорт от Корфа о волнении между калмыков и отлучке их с форпостов.

Ордер ген. Рейнсдорпа взять их в крепости под предлогом нападения киргиз-кайсаков. — Разъезды однако ж производить. — Конфедератам обещать представление[1] императрице об отпуске их в Отечество.

§ 22.

Команде, в Пречистенской кр.<епости> наход.<ящейся>, велено идти в Оренб.<ург>, а припасы ненужные или по тяжести неудобные зарывать.

§ 23.

Сакмарские казаки все высланы на Озерную дистанцию, вместо их взяты в Оренб.<ург> калмыки бывшие на ординарной службе.

Октябрь 1773.

§ 1.

1 окт.<ября> Пугачев вступил из Татищ.<евой> креп.<ости> в границы[2] Оренбурга, и остановился по ту сторону рек.<и> Сакмары, около Текелевского хутора[3] — и в город подослал отст.<авного> серж.<анта> Ивана Костицына подговаривать жителей о сдаче города. Старшины его приговаривали, чтоб начальников переколоть. Кост.<ицын> схвачен был в городе и допрашиван Могутовым — признался в намерении заколоть губернатора.

§ 2.

Окт.<ября> 2.<го> Пугачев был в Сеитовой тат.<арской> слободе, оттоле пошел вверх по реке к Сакм.<арскому> городку, изо всех креп.<остей> и селений забирая чернь и вешая лучших людей, рассевает свои листы, посланный от него в Башкирию схвачен, а листы переслана в Госуд.<арственную> Воен.<ную> Колл.<егию>.

---

[1] о представлении

[2] в пределы

[3] на <Текелевском хуторе>

С своей стороны г.<енерал> Рейнс.<дорп> Яицким и Илецким казакам послал увещательные указы.

§ 3.

3<го> числа в ночь с середы на четверток Пугачев под Сакмарск.<им> Городк.<ом> перешел реку через мост — и оставался тут 2 ночи да 1 день.

§ 4.

3-го же числа пришла из Яицк.<ого> Городка в Оренб.<ург>[1] легкая полевая команда, да казаков верных 378 (всего 624 чел.) с тремя орудиями. Преследовать Пугачева, по причине быстроты его перебега, она не могла, а по разоренным крепостям, по своему малолюдству, опасалась — и для того прибыла в Ор.<енбург> Заяицкою стороною.

Сию команду расположили по валу с прочими. За неимение<м> военных чиновников, над ними учреждены командиры штатские. Кол.<лежский> совет.<ник> и товарищ губ.<ернатора> Мясоедов; отст.<авной> кол.<лежский> совет.<ник> Тимашев; Ор.<енбургской> губ.<ернской> канцел.<ярии> прокурор Ушаков; Ор.<енбургского> глав.<ного> солян.<ого> правл.<ения> член маиор Карпов; подполк.<овник> и нерег.<улярных> войск войсковой атаман[2] Могутов. Пограничной Орен.<бургской> таможни директ.<ор> надв.<орный> совет.<ник> Обухов внутри города для наблюдения пожаров.

§ 5.

4-го, в пятницу, Пугачев от моста потянулся вниз реки Сакмары, и ночевал не доходя до Берденской слободы[3] при Камышевом озере. Того числа велено в 3 раз старшинам и сотникам башк.<ир> Уфимского уезда собраться и спешить к Оренб.<ургу>. Оных собралось близ Сакм.<арского> городка чел. 400; но Пугачев успел их захватить и взбунтовать чрез них всю нагайскую дорогу — задарив старшин верблюдами, и товаром бухарцов ушедших на торг, и отогнанными киргизскими лошадьми, и обещая им прежнюю вольность и грабеж заводов. Из Оренб.<урга> для увещевания посланы к ним бывший в польском походе главным старшиною Кулья Болтасев, да Юсуп Шарыпов — сей последний пойман и с 12 чел. повешен.

§ 6.

5-го в субботу по утру в 11 часов Пугачев прямо через *Сырт* перешел к реке Яику на Казачьи луга, от Оренб.<урга> в 5 верст.<ах>. При чем *чинены им подбеги* к форштату в 15 саж. от городского валу, едучи

[1] в город

[2] подполк.<овник> и ком.<андир>

[3] до Берденской креп<ости>

в город по левую сторону. — С общего совету сей форштат и выжжен, при обещании вознаграждения владельцам домов. На краю того форштата постр.<оенная> церковь во им.<я> св. Георгия употреблена была Пугачевым вместо батареи, также и цер<к>ва в загородном губ.<ернаторском> доме. С городской стены выпалено при сем ядр.<ами> и карт.<ечью> 88 зар.<ядов> да брошено 3 бомбы.

§ 7.

6-ое. В воскресение в полдень выслан из гор.<ода> прем.<ьер>-маиор Наумов с 1500 чел. рег.<улярных> и нерег.<улярных> и с артилл.<ерией> против неприятеля, жгущего около города заготовленное на зиму сено. Наумов перестреливался часа 2 и ретировался, потеряв одного вахмистра, по причине робости своих подчиненных. Причем с городск.<ой> стены выпалено в них[1] ядр.<ами> и карт.<ечью> 15 зар.<ядов> да в поле 43, да бомб 30<ти> ф.<унтовых> брошено 3.

§ 8.

7-го по полудни в 11 и 12 час. Посланные из города за фуражем команды были[2] атакованы Пугачевым, однако с неудачею.

§ 9.

7-го же по тракту от Оренб.<урга> до Илецкой защиты находящимся в киргизской степи командирам на Долгуском и Елшанском умете предложено со всею командою ехать в Ил.<ецкую> Защиту.

Киргиз-кайсацкому Айчеваку салтану писано о помощи с его стороны. Но он и ответу не дал.

§ 10.

На 8-е в ночи, часу в 11, Пугачевым учинен приступ, только безуспешно. Днем того же числа команды посл.<анные> за фуражем атакованы также без удачи. (Вып.<ущено> с гор.<одской> стены 30 зар.<ядов>).

§ 11.

Поутру того же дня легких полевых драгун да яицких казаков 300 чел. около Меновного двора по ту[3] сторону Яика поймали[4] разъезжающих для грабежа купеческих вещей там оставленных 7 чел. яицких

---

[1] в них из <пушек>

[2] за фуражем были команды

[3] по той

[4] пойманы

казаков, да 41 гарнизон.‹ного› солд.‹ата›, здешних и крепостных казаков, да разночинцев 68 — и того 116 чел.

§ 12.

9-го утром и днем той стороною Яика и с мосту, а после с выгоревшего форштата подъезжали к городу[1] толпы, но ни с чем отъехали. По них выпалено 53 зар.‹яда›.

§ 13.

9-го ок.‹тября›. Рейнс.‹дорп› хочет произвести атаку. Оберкомендант реп.‹ортует›, что все начальники объявили ему о ненадежности войска. Рейнс.‹дорп› того же числа реп.‹ортует› о том Вое.‹нной› Кол.‹легии›.

§ 14.

На 10-е, от 8-го часа до 12-го, выпалено 71 заряд. Оренб.‹ург› окружен со всех сторон. Рейнс.‹дорп› уговаривает командиров атаковать мятежников[2] 12-го.

Корфу предписано собрать в Озерную все свои войска и арт.‹иллерию› и денежную казну и оставя тягость в крепостях, и выступить к Оренб.‹ургу›.

11 окт.‹ября› всё было спокойно.

§ 15.

12-го. Вылазка под предв.‹одительством› Наумова — до полудни (всего 4 часа) перестреливаются.[3] Казаки трусят артил.‹лерии› и стоят под городск.‹ими› пушками. Корпус окружен толпами мятежников. Наумов выстроясь в карре,[4] отступает в город. Из города при сем выпалено 134 зар.‹яда›, а в поле 499, да бомб брошено 5; из шайки выстрелов было более. Урон их превосходит наш. У нас убито 22 чел., ран.‹ено› 31, захвачено 6; пропало 64 (из коих 50 сеит.‹овских› тат.‹ар›).

§ 16.

На 13‹е›[5] спокойно.

На 14-ое разъезжало 4 чел., из них ядром убит один.

---

[1] в город

[2] их атаковать

[3] ст‹реляют›

[4] сделав ‹карре›

[5] 13-го

§ 17.

15‹го› и 16‹го› спокойно. У рег.‹улярных› и нерег.‹улярных› и у прочих обывателей худые и к работе[1] ненадежные лошади, для прокормления отправлены частию в Уфимской уезд, частию на верхнюю Яицкую дистанцию и в Ил.‹ецкую› Защ.‹иту› с надлежащим препровождением — а рогатый и мелкий скот оставлен на волю жителей, кормить или употребить в пищу.

§ 18.

17-го. Разъезжали кучи, и гонялись за фуражирами — выпалено в них 12 зарядов.

18-го Пугачев со всеми тягостями от реки Яика обратно через Сырт прошел[2] к Сакмаре и расположился[3] под Берденскою слободою, близ летней Сакмарской дороги — а лагерь свой сжег. При том кучами подбегали к городу, и безуспешно обежав оный, перекинулись на ту сторону реки Яика, на фуражиров разного звания, из коих ни один не воротился, да бежало конвойных 120 чел. Над конвойным же офицером, за оплошность его велено учинить следствие и суд. Выпалено 12 зарядов.

19‹го› спокойно.

20-го. По утру около города между Орских и Чернореченских ворот и по степи в кучах и рассеясь разъезжали. Выпалено 7 зар.‹ядов›. 21‹го› спокойно.

§ 19.

22-го в полдень вся шайка явилась перед город.‹ом›, сперва между Чернореченских и Сакмарских ворот, зайдя — производили канонаду; но будучи сбита зашла с другой стороны и расположась между Сакмарских и Орских ворот сделав под увалом батареи, канонировали город. С 3-ей же стороны, между Орских ворот и соборной церковью, кучами густыми забегала и стреляла из пушек — но и с тех сторон[4] опрокинуты артиллерией. Зарядов выпалено 580, бомб пущено пудовых 4, 30/ф.‹унтовых› 24. Канонада продолжалась около 5 часов. Пугачев выпалил зарядов с 1,000; убито на стене 1 татарин, ранен 1 солд.‹ат›, 12/ф‹унтовую› пушку разорвало, расшибло лафет, при чем у подпоручика Сысоева, да у канонера Прокофья Иванова левые ноги перешибло. А канонира Плотникова убило.

23-го около вечера толпа проехала близ города на место старого лагеря против вызженого форштата. Выпал‹ено› 2 зар‹яда›.

---

[1] в работе

[2] прошли

[3] и расположились

[4] со всех сторон

24‹го, 25‹го› и 26‹го› кроме шермиц[1] между разъездными днем и ночью — спокойно.

27-го по утру рассыпались по степи и со стороны кладбища и кирпичных заводов подбегали к городу и перестреливались с казаками.

28‹го› усмотрев фуражиров, кинулись толпою чрез старый свой лагерь на Заяицкую сторону, но вскоре возвратились без успеха — по них выпалено 34 з.‹аряда›.

29‹го› спокойно.

30‹го› днем — из толпы партии под городом разъезжали.

31‹го› спокойно.

Ноябрь.

§ 1.

1-го спокойно.

2-го Пугачев со всею своею толпою ‹в› 8 час. утра подступил, и около всего города устроил батареи, до самой ночи производил канонаду. В полдень около 1,000 чел. пеших под пушечн.‹ыми› выстр.‹елами› закравшись с берегу Яика в погреба форштатские, почти к самому валу и рогаткам, стреляли из ружьев и из сайдаков. На них высланы егеря 6-ой пол.‹евой› ком.‹анды›. Злодеи выгнаны[2] и многие убиты, а 4 чел. живых захвачено. В ночь же на 3-е и днем 3-го из батареи, устроенной в каменной Георгиевской церкви, произведена сильная канонада. Но соответствующею от сель пальбою отбиты и в лагерь свой возвратились. Против них выпал.‹ено› ядрами 1,643; 2-го картеч.‹ью› 71 зар.‹яд›, бомб брош.‹ено› пуд.‹овых› 40, 30/ф‹унтовых› 34, 12/ф‹унтовую› пушку разорвало в казенной части, и отрывками ранило батал.‹ионных› солд.‹ат› двух. У медной 6/ф‹унтов›ой запал вырвало, и стала неспособна. Ранено солд.‹ат› 1, рекрут 1. Внутри города у купца Коченева руку оторвало, отчего и умер. Выпалено 3-го нояб‹ря› 126 з.‹арядов› да бомб брош.‹ено› пуд.‹овых› 5, 30/ф‹унтовых› 3.

§ 2.

4-го. Разъезжали партиями вокруг города — выпалено по них 2 зар.‹яда›. 5-го и 6-го Пугачев, возвратя 4 казачьих женок взятых 18-го окт.‹ября› с фуражирами прислал лист к губернатору, дав сроку на 4 дни. Таковой же и к М. Бородину. Отправлены в Гос.‹ударственную› В.‹оенную› Кол.‹легию›.

---

[1] *Так в рукописи.*

[2] Злодеи опро‹кинуты›

§ 3.

7-го[1] в 8 часов утр.<а> 150 мят.<ежников> переправились через Яик выше Оренб.<урга> в 4 вер. для осмотра следов — нейдут ли команды — и приближась к Меновному двору были атакованы нерегул.<ярным> войском. Поймано 7 каз.<аков> Яицк.<их> в том числе хорунжих 2; Илецких 12; башк.<ир> 3; крепостн.<ых> казаков, заводских крест.<ьян> и Сеитовских татар 38, убито до 70 — прочие бежали; у нас все целы.

8-го и 9-го спокойно.

10-го разъезды — иные подбегали к городовой стене. Выпалено 4 зар.<яда>.

11-го спокойно.

12-го. Вылазка из 300 каз.<аков> да 100 пех.<отных> против разъезда.

Переловлено 13 человек разного звания; да убито и ранено 20, в том числе 1 полковник, прочие бежали в лагерь.

§ 4.

Того числа от ф.<он> Бранта посланный. Полковник Чернышев. В 3 часа днем получен рапорт из Рычковского хутора (от Оренб.<урга> в 35 верст.<ах>) о намерении его выступить в 7 часов вечера. В тот же час г.<енерал> Рейнсд.<орп> отвечал, оставя ему на благоусмотрение идти Заяицкою же стороною, или внутреннею. При чем рекомендовал слушать пушечной пальбы, дабы в таком случае ускорять маршем; также объявлял ему и о приближении бриг. Корфа с 1418 регул.<ярных>[2] и 1077 нерегул.<ярных> и 22 оруди<ями>. Но прежде чем сие предложение могло до него дойти, 13-го ч.<исла> в 8 ч. утра услышан был здесь с той стороны, откуда он шел, пушечной и ружейной стрельбы *голк*, который продолжался не более как с $^1/_4$ часа и тотчас пресекся.

Ген. Рейнсд.<орп> назначил к высы<л>ке на его помощь команды, но получил известие, что он уже со всем корпусом безо всякого сопротивления ведется в лагерь злодейский. А по сему ген. Р.<ейнсдорп> и приказал им возвратиться в крепость. Того же числа в 4 ч.<аса> по-полуд.<ни> бриг. Корф с корпусом вступил в город. Мятежники его атаковали, но при помощи здешних нерегул.<ярных> отбиты при потере 5 человек.

Узнали через пойманного синбирск.<ого> бат.<альона> солдата, что Черн.<ышев>, обманутый, приведен был увалом к самому лагерю Пугачева. Пехота не могла противиться, утомленная походом и стужею. Казаки и калмыки изменили — Черныш.<ев>, весь его штаб и калм.<ыцкий> пол-

---

[1] 8-го

[2] нерегул.<ярных>

к.<овник>, также одна прапорщица повешены — а солдаты взяты в казаки и обстрижены в кружок.

На посланную же г.<енералом> Рейнсд.<орпом> по новой Московск.<ой> дороге[1] команду под предвод.<ительством> маиора Варнстеда Пугачев послал большую партию с артилл.<ерией>, которая[2] захватив чел. 200, принудила Варнс.<теда> отступить.

14-го под предвод.<ительством> ор.<енбургского> обер-коменданта ген.<ерал>-м.<аиора> Валленстерна 2400 чел. и 20 орудий (Корфовых) и здешние команды выступили против Пугачева, наход.<ящегося> в Берденской слободе, и дали сильное сражение. Но мятежники сражались в рассыпную и были доброконны,[3] и тем укрываясь от ружей[4] и картечей производили единственно из многочисленных орудий пальбу. Успеха над ними не было, и принуждены были возвратиться составя карре. Выпалено из пушек Оренб.<ургского> корп.<уса> 271 з.<арядов>, а из бывших с бриг. Корфом 198, а со стены 4. Убито с нашей стороны 32, а с мятеж.<ной> в четверо более.

15<го>. Вся толпа (с пехотой и артилл.<ерией>) по одаль города разъезжала, но вскоре отъехала в лагерь. Вып.<алено> по них 2 зар.<яда>.

16<го>, 17<го>, 18-го спокойно.

19<го> в 11 час. утр.<а>. Злодеи усмотрев фуражиров бросились за ними. Но по выстрелу из вестовой пушки, фуражиры возвратились, брося возы с сеном, а мятежники сожгли их и проехали обратно в своей лагерь.

---

20 ноября партия злодеев по степи разъезжала — и с яицкими здешними казаками, при 2 пушках высланными, имели перестрелку и прогнаны.

На пол.<е> сраж.<ения> 4 заряда. В бывших злод.<ейских> батареях найдено пушечн.<ых> зар.<ядов> 3, с карт.<ечью> 1 капиармус боченочный обитый кожею, с 1 ф. пороха — ядер 6/ф.<унтовых> 3.

21<го> фуражирование, 22<го> и 23<го> подзорные, патрули и высылки. 24<го> в день тез.<оименитства> е. и. в. думая, что военные служители поведены со стены на парад, кучами близ города разъезжали. 3 зар.<яда> вып.<алено>. По оконч.<ании> молебна, положеное число холост.<ых> зар.<ядов>.

Того же чис.<ла> репорт из Верхнеозерной крепости от полковника Де Марина: что 23<го> перед светом крепость была кругом атакована; паля до самого вечера, злодеи подъезжая кричали казакам не стрелять

---

[1] на Московск.<ую> новую дорогу

[2] и которая

[3] доброконны, то

[4] укрываясь от ядер и от ружейного

и на офицеров не смотреть, объявляя, что гос.‹ударь› П.‹етр› Ф.‹едорович› идет. Убит башкир.‹ец› 1, ранен калмык 1, неск.‹олько› лош.‹адей› застрелено. Неприятель отражен с уроном.

Того же числа от ген.‹ерал›-м.‹аиора› Станиславского, идущ.‹его› с командами с Сиб.‹ирской› линии репорт: он в назнач.‹енную› ему креп.‹ость› Зелаирскую, по трудности пути, не идет, оставшись с одной полевой команд.‹ой›, и ожидая Тобольских рот ид.‹ущих› с маиор.‹ом› Заевым, в Орской креп.‹ости›. — Рейнсд.‹орп› (25 чи.‹сла›) предлагает ему идти в В.‹ерхне-›Озерную, а в Зел.‹аирскую› креп.‹ость› доставить хоть одну роту в сикурс. И старался б о усмирении Башкирии манифестами и оружием.

25‹го› спок.‹ойно›.

26‹го›. — Узнав, что Пугачев сам пошел на Озерную, и что из его партии многие[1] поехали за сеном под Нежинский редут (18 в. от Ор.‹енбурга› вверх по Яику) губ.‹ернатор› выслал корпус из рег.‹улярных› и нерег.‹улярных› около 1,000, но возвратился без успеха и без урона.

Выпал.‹ено› на поле зар.‹ядов› 51 яд.‹рами›, карт.‹ечью› 3 — ранено городских 8 казак.‹ов›, а злодеев застрелено и закол.‹ото› 10, в том числе их провиантсмейстер.

27‹го› и 28‹го› спок.‹ойно›. 29‹го› фур.‹ажировка›. 30‹го›. Был совет: положено идти ночью против Пугачева в его лагерь, ибо[2] днем, за неимением конницы и по малолюдству, успеху быть невозможно. Корпус собрался, и вышел было, но из-под артилл.‹ерии› 30 лош.‹адей› от бескормицы пало, были и дезертиры; и так экспедиция отложена.

Декабрь.

1‹го›. От нах.‹одящегося› в Я.‹ицком› Городке в коменд.‹антской› должн.‹ости› подполковника Симанова, рапорт от 25 окт.‹ября›: по показанию посл.‹ушного› ст.‹аничного› казака Бориса Чеботарева, посланного с сотником Петр. Копеичкиным, со 100 чел. (посл.‹ушных› и непосл.‹ушных›) для поимки бывших в хуторах при урочище Ранних, яицк.‹их› возмутителей с манифестами Пугачева, видно, что по приезде команды и по поимки пяти возмутителей, Копеичкин казаками непослушной стороны схвачен, и к Пугачеву увезен. Копеичкин пятерен, а Чеботарев бежал.

От де Марина рапорт: по взятии Ильинской креп.‹ости› и по взятии 3-х Сибирских рот, распоряженных г-ном Станиславским, вторично, 30‹го›,[3]

[1] много
[2] против Пугачева ибо
[3] 26 ч.‹исла›

атаковал<и> Озерную и палили от 9 ч. утр<а> до обеда, а тут спешась сперва с одной стороны в овраге, намерены были штурмовать, но по неудаче зайдя в другой глубокой овраг от гумен, чел. до 400, с коими были и все отправленные отсель за худобою лошадей, и перехваченные на дороге Исетские казаки, продолжали беспр.<ерывный> руж.<ейный> и пушеч.<ный> огонь и стреляние из сайдаков и неоднократно взвизгивая готовились ударить в копья, крича казакам, чтоб *они на бояр* не смотрели, а выходили из креп.<ости> к ним, что и продолжалось до 10 ч. вечера, однакож злодеи отбиты. Демарин принужден был сам стрелять из пушки для ободрения регул.<ярных> (369 ч.). Отличились: прапорщики Лопатин, Епанечников, серж.<ант> Поляков, и провиантмейстер Кокуров. С нашей стор.<оны> убито 5 солд.<ат>, денщик 1, солд.<атский> сын 1, башк.<ир> 2, ранено капр.<ал> 1, солд.<ат> 2, отст.<авной> 1, каз.<ак> 1, лошадей уб.<ито> 8.

В следствии сего подтверждено Станиславскому прежнее предложение. Сверх того предписано ему на малочисленные злодейские партии делать нападения, а в ближних башкирских селениях, из коих башкирцы находятся при Пугачеве, делать *буде возможно шкоду дозволяя имущества разбивать и жен и детей тревожить*. Для безопасности же собственной, приблизить ему к Озерной находящуюся в Верхояицкой кр.<епости> легкую пол.<евую> команду. О сем предписании писано и г<енерал>у Де-Калонгу.

Статск.<ому> советн.<ику> Веревкину, воеводе Исетской провинции, предписано манифестами всячески удерживать в повиновении казаков и башк.<ирцев>, из коих[1] 600, слышно, перешло в злодейск.<ую> шайку, а ушедших имущество дозволить грабить, и жен и детей разбирать по себе.

А как в Ор.<енбурге> от многолюдства и осады наступает нужда в съестных прип.<асах>, то ему воеводе, из собираемого с крестьян в казну хлеба, муки и круп, до 10,200 четвертей доставить хотя в Орскую креп.<ость> на крестьянск.<их> подводах или подрядом. Если того нельзя, так и меньше.

2<го>, 3<го>, 4<го>, 5<го> и 6-го под Ор.<енбургом> спок.<ойно>.

7-го. 24 заря.<да> вып.<алено> в ночь. Для поимки языка выслано ор.<енбургских> и я.<ицких> каз.<аков> 500 чел. с 2 пушк.<ами>, но после перестрелки за превосх.<одством> непр.<иятельских> сил, возвратились без удачи.

8<го> спок.<ойно>.

9-го. По близ.<ости> города разъезжали толпы; 6 заря<дов> с гор.<ода> выпа<лено>; против них рассуждено, ежедневно производить шермиции

---

[1] в повиновении казаков, из <коих>

через легкие войски — а в подкрепление сим, предписано об.‹ер-›коменданту расчислить резервные команды, на 3 части, и по очереди выходить каждой с 6 орудиями. Того же 9-го, отношение от ген. Декал.‹онга›:

По поводу разбития Чернышева, захватки команды из Казани при маи.‹оре› Варнстеде, отступления г.‹енерала› Кара с корпусом по нов.‹ой› Моск.‹овской› дороге, и атаки В.‹ерхне›-Озерной креп.‹ости›, советовал Сибирские войски раздробленно не посылать, а соединя, пробраться к Ор.‹енбургу› — а с другой стороны стараться, чтоб злодеи не вторглись во внутренние башкирские и заводские селения.

Репорт Станиславского:

О взятии 29 ч.‹исла› Ил.‹ьинской› креп.‹ости›. В следствие чего он возвратился в Орскую крепость для ожидания из В.‹ерхне›-Яицк.‹ой› креп.‹ости› 10-й легк.‹ой› команды и гарнизонной роты, и дабы не открыть неприятелю всей линии на похищение.

10-го числ.‹а› в следствие сего губ.‹ернатор› сообщил ген. Декалонгу, чтоб он для содействия здешних войск, послал *весь* свой корпус *совокупно*, под предводит.‹ельством› Станиславского, или другого, но как по линии (за немалым проездом команд и за пожжением сен) есть недостаток в фураже, то идти бы ему, взяв надежных вожатых, отколе прямее, минуя Зелаирскую кр.‹епость›, около Авзянопетровск.‹ого› завода или иначе. (13-го числа). О провианте же из Исетской провинции оный отправить сюда.

10-го. Ненастье — высы‹л›ки не было.

11-го для поимки языка и в следствие распоряжений учиненных 9-го числа, выслано 900 рег.‹улярных› и нер.‹егулярных› при прим.‹ьер› маи.‹оре› Наумове — была перестрелка; а по умножению шайки, и [2-го] 2-я часть рег.‹улярных› с другой стороны при командире 8-ой пол.‹евой› ком.‹анды› маи.‹оре› Зубове, выступила. Усмотрев оную злодей ретировался в свои ямы — двое захвачены.

Выпал.‹ено› 137 зар.‹ядов›.

12‹го›, 13‹го› и 14‹го› большое ненастье — высылки не было.

15‹го› как у злодеев примечалось в артилл.‹ерийских› прип.‹асах› недостаток, предписано об.‹ер›-коменданту на рассвете, яицк.‹им› и ор.‹енбургским› каз.‹акам› со всеми их старшинами, а за ними 1-ой и 3-ей резервн.‹ым› частям при 12 оруд.‹иях› выступить под предв.‹одительством› бригад.‹ира› Корфа на злодеев, вызывая их к сближению. Но наставший туман способствовал им ретироваться; а наши возврат.‹ились› в город.

17-го злодеи вдали и вблизи разъезжали — но по прич.‹ине› холода, высылки не было.

18-го. Спок.‹ойно›. От Симанова репорт, что с караулов бежало к Пугачеву слишком 30 чел., а что киргизцы меньшой Орды владения Нурали-

Хана и братьев его, Айчувак и Дусали Салтанов, разъезжают около нижн.<е>-яицк.<их> крепостей, отгоняя скот, убивая и захватывая людей, и имеют намерение идти в турецкое владение, в Крымскую землю. К чему де и Аблай Салтан с его ордою согласен, и с места уже поднялся и хан де намерен разбивать крепости и форпосты и отправил своих киргизов против оставших волжских калмыков и ногайцев, под предвод.<ительством> нескольких старшин. О чем Симанов репорт.<овал> в Астрах.<анскую> губернск.<ую> канцел.<ярию>, а с форпост.<ов> снять казаков в подкр.<епление> крепостей,[1] и сотник Логинов с командою из города отправлен уже, а за ним отпр.<авлено> еще 200. Киргиз.<цы> (100) прогнаны[2] из внутр.<енней> стороны. При сем письма Нурали Хана, и Дусали Салтана к Пугачеву представлены. В следствии сего губ.<ернатор> писал Нурали Хану, напоминая ему его присягу, и угрожая ему, по усмирении Пугачева, отомстить и киргизцам за их шалости.

19<го> спок.<ойно>.

20<го> — близ гор.<ода>, против самых Сакмарских ворот разъезжали партии, для шермиции. Против них сперва легкие войски, а потом и 1-ая часть расчисл.<енных> войск под предв.<одительством> об.<ер> ком.<енданта> Валленстерина, и бриг. Корфа выступили, и перестреливались. Злодеи были подкреплены — тогда выступила и 2-ая часть — произошло сражение. Наших уб.<ито> яицк.<их> каз.<аков> 1, ранен 1, а с их найдено уб.<итых> с 12 тел, а вдали пушками немалое число, увезенных злодеями. При сем передано 3 соблазнительные листа, один на росс.<ийском>, другой на нем.<ецком> языке, а 3-ий самим вором Пугачевым намаранный и неизъявляющий никаких литер. 21<го> толпа подходила к городу — к ним выслали одних казаков, и как они сблизились, то злодеи не стреляя подкинули 2 соблазн.<ительных> листа, 1-й к г. кол.<ежскому> сов.<етнику> Тимашеву, а другой яицк.<ому> верн.<ому> старш.<ине> М. Бородину — и тотчас возвратились в свои ямы. 22<го> злодейская толпа показалась близ Сакмарск.<их> ворот и потянулась ниже города по Маяку и, перешед реку, лугами разъезжала. 4 зар.<яда> вып.<алено>.

23<го> и 24<го> малые разъезды.

На 25 в ночь захвачено злодеями 69 чел. Сеитовских татар, фуражировавших около Нежинского редута.

25<го>, 26<го> и 27<го> спок.<ойно>.

Рапорт от Станисл.<авского>. Он писал Декалонгу, что ему с одною легкой пол.<евою> командою не льзя прикрывать ныне Орскую, Таналыцкую, Уртазымскую, Кизильскую и Магнитную. На что отвечал ему Декал.<онг>

[1] крепости

[2] уже прогнаны

по-немецки: 1) Как башки.<ры> все взбунтовались, то б он, забрав со всех крепостей гарнизон и желающих жителей, ретировался в Верхояицкую кр.<епость>. 2) Денежн.<ую> казну, амуницию и легкую артилл.<ерию> взял с собою, а тяжелую загвоздил, или в воду побросал.

На сие Рейнсд.<орп> отвечал Декалонгу, что некоторая только часть Башкирии, прилежащая к Яику, поколебалась; и что хотя они на крепости и покушались нападать, но безуспешно, ибо не имеют ни артилл.<ерии> ни ружий; да и сам Пугачев с пушками ничего двоекратно не мог сделать с Верхоозерной кр.<епостью>. И хотя и взял, по причине ослушания Станиславского, креп.<ость> Ильинскую; но услышав о приближении Фрейм.<ана>, опять возвратился в Берду и отлучиться уже не может.

Итак предписывает он г.<енералу> Декалонгу, здешнюю линию не оставлять безоружною, вместо ожидаемой помоги с Сибирск.<их> линий; Станисл.<авском>у же приказать из Орск.<ой> не отлучаться, где укрепление земляное и где он безопасен. А если оттуда и возьмет его, то бы приказал одну гарнизонную роту присовокупить к тамошней, да из прочих креп.<остей> отнюдь людей не выводить, и не оставлять отставных и беззащитных, а разве из двух креп.<остей>, в случае крайности, соединить в одну и то со всеми обывателями.

Станисл.<авскому> приказано от губ.<ернатора> до нового ордера из Орск.<ой> не отлучаться, и стараться доставить провиант к полковн. Демарину.

Демарину приказано не оставлять без крайности В.<ерхне>-Оз.<ерной> крепости, а стараться доставать себе провианту из ближн.<их> крепостей, чрез казаков и тамошних обывателей, которые выезжая ночью, по прич.<ине> мнимой опасности от башк.<ир>, ночью же могут возвратиться. Не то, скупать[1] у обыв.<ателей> из запасенного хлеба, и давать по четверику на месяц, а[2] лишний скот скупать у обыв.<ателей>, как то и в Оренб.<урге> делают. Коли ни то, ни другое не возможно, ретироваться к Орской креп.<ости> и далее уже нейти никак.

28<го> спок.<ойно>.

29<го> Оренб.<ургские> казаки фуражировали, собирая прежде вывоженную объядь. Злодеи к ним подъехали, но без боя. Выбегшие от Пугачева яицкие казаки, захваченные с Копеичкиным, объявили, что злодеи намеревались ночью 28<го> сделать к Гор.<оду> приступ, и для того подъезжали к кирпичным сараям, но отступились по причине непогоды. На 30-е[3] они прокрались ночью же к кирп.<ичным> зав.<одам>

[1] брать

[2] а у <обывателей>

[3] 30-го

и стали палить из пуш.<ек>, но отражены здешней артилл.<ерией>. Выпал.<ено> 9 заряд.<ов> со стены.

30<го>. Судя по слабым покушениям Пугачева, губ.<ернатор> подозревая у него недостаток в военном припасе, приказал для шермиции, выступить сперва казакам, а там регул.<ярной> первой и 2-ой частям. Казаки наши заезжали даже за их батареи, но бою не было — и злодеи возвратились, а по причине стужи возвратились и войска.

31<го> спок.<ойно>.

Январь.

1<го> спок.<ойно>. От Симанова рапорт 23 дек.<абря>.

Есаул Кочемасов, приехав с Мергеневского форпоста (от Городка вниз по Яику 144 вер.) объявил, что 16<го> поймал-было он посланных от Пугачева татарина и киргизца, с письмами к Нурали-хану и Дусали Салтану, и хотел было вести их в город, но 23-мя казаками к тому не допущен. Татарин объявлял им о взятии Оренб.<урга>, и что Пугачев едет[1] в Яи.<цкий> Гор.<одок>, а он де с кирг.<изцами> послан степной стороною в числе 2,000 чел. под предвод.<ительством> атамана Толкачева на нижние яиц.<кие> форпосты для забрания тутошних казаков и походных казачьих атамана Бородина и полковника Прикащикова и других, а ослушных и противников переказнить. — Казаки его отняли и отправили далее; Симан.<ов> послал их уговаривать, но они из них троих утопили, а в калмыковской креп.<ости> полковн. Прикащикова и священника Давыда Иванова прибрали к местам, т. е. потеряли. С форпостов при урочище Учужного Яру собралось мятежников около 200 чел., с намерением учредить заставу, до приезда с нижн.<их> яицк.<их> форпостов, проехавшего туда степью казака Толкачева, а[2] по возвращ.<ении> его послать к Пугачеву <для> испрошения помощи к подступлению под Яицк.<ий> Гор.<одок>.

Второй рапорт от 24<го>. Посланный Симановым на нижн.<ие> форпосты казак Старцов с товар.<ищами> объявил, что ездили они до Карташевских хуторов, близ Бударинского форп.<оста> (76 в. от Я<ицка>) для свидания с казаком Козьмою Маркеловым, но что вместо его нашли трех неведомых, из Сахарной крепости, казаков. Он притворил<ся> приверженцем Пугачева,[3] — и они объявили ему о взятии Ор.<енбурга>, и что от Пугачева степною дорогою послан Степан Толкачев и[4] Емельян

---

[1] и что они идут

[2] а пр<?>

[3] Они притворились приверженцами Пугачева

[4] Толкачев с

Судочихин — с 2000 чел., из коих половина поехала за форпостн.‹ыми› командами, а другая стоит по ту стор.‹ону› Кожехаровского форпоста и они де (50 чел.) приехали для забрания скота с послушной стороны. Из них у Бударинск.‹ого› городища[1] застава из 60 чел., а как возвратится 1,000-ая команда с низу, то после р. х. пойдут на Яи.‹цкий› Гор.‹одок›.

На сие предписано от губ.‹ернатора› подполк.‹овнику› Симанову.

1) Сперва лаской, а потом угрозою стараться их усмирить чрез верных старшин.

2) Собрать из верных казаков партию и отправя ее по форпостам увещевать колеблющихся, а мятежников ловить.

3) Стараться о том, чтоб артилл.‹ерия› наход.‹ящаяся› в Гурьеве, не попалась в руки мятежников, и о помощи списаться с астрах.‹анским› губ.‹ернатором›.

Через Симанова писано к ф.‹он› Бранту о недостатке хлеба, который как обывательский, так и казенный вышел весь и наступает голод. А потому просит губ.‹ернатор› о скорейшей помощи войском.

2-го злодеи толпою бросились на выехавших из города ниже оного в луку для *рубления* для лошадей, за неимением сена, хворосту. Но ружейной и пушечной пальбою, как с города,[2] так и в поле, были прогнаны с уроном. Вып.‹алено› с города 5 зар.‹ядов›. На вылазке казаки 8 зар.‹ядов›.

С 3‹го› по 9‹ое› разъезды издали. За худобою лошадей вылазок не было.

Сообщение[3] Декалонга от 23‹го›. Башкиры Уфимск.‹ой› и Исетск.‹ой› провинции бунтуют все, крепости и форпосты жгут, селения разоряют. Напали на 2-ую легк.‹ую› пол.‹евую› команду, следующую с Сибир.‹ских› линий; и так не только из Исетской провинции, но и из Орск.‹ой› кр.‹епости› провианту не может он доставить, а с своим малым войском защитить всех[4] мест не в силах. Коли же из Карагайской и Верхояицк.‹ой› крепостей двум Сибирск.‹им› легк.‹им› пол.‹евым› командам следовать к Озерной, то весь тамошний край с Исетск.‹ой› провинцией и Екатеринб.‹ургом› останется без защиты. В следствии сего приказ его к Станисл.‹авскому› (смотр. выше).

Станисл.‹авский› доносит, что провианту из Орск.‹ой› кр.‹епости› в Оренб.‹ург› не может послать за недостаточным числом команды.

---

[1] ф‹орпоста›

[2] как из города

[3] Рапорт

[4] защитить весь

А де Марин, представляя крайний недостаток в провианте, и как оный из Ильинск.‹ой› получить никак не льзя, просит приказать о том Станиславскому.

Губ.‹ернатор› от 10 янв. повторил Декалонгу писанное уже Стан‹иславско›му.

Станисл.‹авскому› подтверждено то же самое. Де Марину подтверждено не оставлять Озерной и стараться всеми силами о получении провианта из Ильинской.

9-го бежавший из Берды солдат гарнизонный Носков объявил, что Пугачев с 4 пушк.‹ами› пошел под Яицк.‹ий› гор.‹одок› и что начальники мятежников я.‹ицкий› атам.‹ан› Лысов, здешний сотник Падуров и ссыльный Хлопуша, намерены ночью напасть на Оренб.‹ург›. В следств.‹ии› сего губ.‹ернатор› выслал для осмотрения 1 часть здешних[1] команд с казаками, и как злодеи против оной выступили, то и двум другим с артилл.‹ерией› выступить повелено. Сражение продолжалось от 11 ч. утра до вечера. Злодеи ретировались претерпев урон. С города 15, в поле 670 за‹рядов›.

10‹го›, 11‹го› спок.‹ойно›.

12‹го›. Губерн.‹атор› видя из прошедшего сражения, что у злодеев зарядов должно быть мало, и в рассужд.‹ении› того, что по отбытию Пугачева, толпа его уменьшилась, по просьбе ор.‹енбургского› общества, претерпевающего большой недостаток, с общего совета ген.‹ерал›-м.‹айора› обер-ком.‹енданта› Валленстерина и бриг. Корфа решился 13‹го› утром сделать нападение.

13‹го› чи‹сла› в 5-м часу все оренб.‹ургские› команды и выступили: в Орские ворота наперед яицк.‹ие› казаки с 4 пушк.‹ами› и в подкрепл.‹ение› их егерск.‹ая› команда; за ними 2-ая часть при г. об.‹ер› ком.‹енданте› регуля.‹рных› 700 чел. с 10 оруд.‹иями› — коей определено идти по высотам к Берд.‹ской› слоб.‹оде›[2] для занятия дороги из Берды в Каргалу.

В Сакмарск.‹ие› ворота 1-ая и 3-я часть (оная при бриг. Корфе), 600 чел. пехоты с 9 оруд.‹иями›, должна идти[3] на те высоты где 14 ноября было сражение, и *занять все проходы неприятельского движения*, а 1-ой при прем.‹ьер›-маи.‹оре› Наумове с 400 пех.‹оты›, с оренб.‹ургскими› казаками и 6 оруд.‹иями› принять в лево от средней колонны[4] и занять высоту, по которой за Сакмарой стоящие башкиры и калмыки

[1] здешней
[2] к Берд.‹ской› слоб.‹оде› по Каргальской дороге
[3] предписано идти
[4] от средины

из оврагу выбираются. А дабы неприят.‹ель› не мог сквозь их прорваться, то позади их поставлены[1] разного народу под команд.‹ой› подполк. Могутова 400 чел. с 2 пушк.‹ами›. *(Смотри о том рапорт об.‹ер› коменд‹анта›).*

На поле выпал.‹ено› гранат 254. Зарядов с ядр.‹ами› 1769, с карг.‹ечью› 172. За убитием лошадей брошено 3/ф.‹унтовых› пушек 2, чугун.‹ных› 5, 2/ф.‹унтовых› 2. Единоро‹гов› 4.—Ящиков 2, сожжено 2, сожжено с гранатами 60, с карт.‹ечью› 14—Пушечн.‹ых› утр.‹ачено› с ядр.‹ами› 80.

От 14‹го› до 21‹го› спок.‹ойно›, от 15 губ.‹ернатором› через верного татарина, из деревни Яланкуль, Абдусалима, сообщено обо всем ген.‹ерал›-м.‹аиору› Фрейману, требуя скорейшей помощи, и уведомления о его положении. Ф.‹он› Бранту о том же сообщено через Декалонга от 24 янв., а в В.‹оенную› Кол.‹легию› донесено.

22-го злодейская конница подъезжала, но была отражена. Выпал.‹ен› 31 зар.‹яд›.

Рапорт от Демарина и Станиславского.

Демар.‹ин› уведомляет, что Ильинская вся выжжена и обыватели захвачены. Он ожидает из Орск.‹ой› кре.‹пости› команду с провиант.‹ом› намереваясь из подъезжающей партии захватить языка, и на оплошные[2] ближайшие жительства напасть (башкирские?). Что и дозволено ему от губ.‹ернатора›, но с осторожностию и рассмотрением.

Станисл.‹авский› доносит по приказанию Декалонга, 26 декабря,[3] что башкирцы близ Верхояицка показались, и объявили, что они и мещеряки бунтовать уже не намерены и что по собрании старшин они возобновят присягу и подписку—что кажется вероятным—и потому оставлять крепости и гарнизоны выводить не для чего.

На сие ответ: что если путь освобожден, то бы ему, ген. Декал.‹онгу›, стараться о доставлении провианту в Оренб.‹ург›, 10,000 четвертей муки, да круп в препорцию—ибо едва ли здесь терпения станет еще на 4 недели.—А ему, Станисл.‹авскому›, во что бы то ни стало из Орск.‹ой› креп.‹ости› 1,000 четв. в Оренб.‹ург› доставить.

С 23‹го› по 31‹ое› подбеги, но приступу не было.

---

[1] поставить

[2] и в оплошные

[3] что 26 декабря

Февраль.

1<го>, 2<го>, 3<го> спок.<ойно>.

1-го. Предписано Демарину и Станисл.<авскому>. Последнему из Орск.<ой> креп.<ости> через Демарина хотя 800 четв.<ертей>[1] и круп по пропор.<ции> доставить в Ор.<енбург> непременно.

4-го. Злодеи показались близ пушечного двора, на прежней их батареи. Высылки не было, ибо они подобными подъездами делали только обман и затруднение в высылках, но выпалено 1 зар.<яд>.

5-го, 6-го, 7<го> спок.<ойно>.

Губ.<ернатор> послал в злодейскую толпу увещевание с манифестом 15 октябр.<я>. Но они возвратили оное с ругательским ответом.

С 7<го> по 22<ое> спок.<ойно>.

22<го>. Сам Пугачев перешел в низ по Сакмаре лежащую гору Маяк ниже Оренб.<урга>. Высланы против его здешн.<ие> и яицк.<ие> каз.<аки> с 2 пушк.<ами>. — Злодеи отступили с уроном. С гор.<одского> валу 16 зар.<ядов>.

С 22<го> по 27<ое> спок.<ойно>, а 27<го> подбег к городу. 2 заря.<да> вып.<алено>.

28<го> и 29<го> спок.<ойно>.

Март.

1. Злодеи против пушечн.<ого> двора приближались для переговорки — и прогнаны 2 выстрелами.

С 2<го> по 7<ое> спокойно.

Демарину и Станисл.<авскому> подтверждение о доставлении пров.<ианта> в Оренб.<ург>.

Декалонгу тоже: хотя бы в Орскую кр.<епость> доставить из Исетск.<ой> провинц.<ии> пров.<иант>.

С 7<го> по 23<ье> спок.<ойно>.

Того числа выбегший из толпы[2] сотник Логинов объявил, что князь Голицын в Татищевой креп.<ости> разбил Пугачева в числе 10,000 чел., что Пугачев спасся сам пят с ним, Логиновым, в Берденскую слоб.<оду>, намереваясь скрыться. Губ.<ернатор>, за неимением конницы, послал в Берду 600 чел. пехоты, и Пугачев бежал с 2,000 чел., забрав свою добычу и 10 пушек, через Общий Сырт по степи.

---

[1] четв<ертей> с

[2] из Бер<ды>

Между тем команда заняла Бердинскую слоб.‹оду›, завладено запасами злодея, в том числе по его моде вылитыми пушками, и частию провианта; пленников к той команде пришло и явилось 1,000 чел.

24‹го›. От г.‹енерал›-м.‹аиора› кн. Гол.‹ицына› получено сообщение: что он в Татищ.‹евой› разбил до 9,000 отборных и отчаянных злодеев, убив до 2,000, взяв в плен до 3,000 и 36 оруд.‹ий›. Пугачева преследовала конница 20 верст. Но за усталью коней по форсированном марше, и по глубокости снега достичь не могла.

Губ.‹ернатор› уведомил тотчас о том Декал.‹онга›, де Мар.‹ина› и Станисл.‹авского›, и по требованию Голицына, учреждены из казаков и Сеит.‹овских› татар разъезды от Оренб.‹урга› до Рычковского хутора (близ Татищ.‹евой› кр.‹епости›) и между Сеит.‹овской› слоб.‹одой›, Бердой и Сакм.‹арским› гор.‹одком› далее новой Моск.‹овской› дороги, с обещанием 10,000 руб. за поимку Самозванца.

Однако ж губ.‹ернатор› узнал с крайним через посланного к Сеит.‹овской› слоб.‹оде› татарского старшину[1] для понуждения к привозу провианта, что Пугачев с 2,000 чел. шед всю ночь и миновав разосланные пикеты, пришел в Сеитовск.‹ую› слоб.‹оду›, зажегши ее с 3 сторон, и повидимому пошел вовнутрь Башкирии. За неимением конницы, изнурении пехоты и небезопасности внутри, губ.‹ернатор› не могши чинить поиска уведомил обо всем г.‹енерал›-м.‹аиора› кн. Голиц.‹ына›.

Между тем Пугачев учинив над Сеит.‹овскими› татарами разные злодейства, забрав башкир и крестьян заводск.‹их› и помещ.‹ичьих› засел было в Сакм.‹арском› город.‹ке›, но разбит совершенно отрядом кн. Г.‹алицына› и Пугачев бежал в Башкирию и преследуем легк.‹ими› войсками, к чему побуждаются и раскаявшиеся старшины.

Конец.

Продолжение Рейнсдорпова журнала.

После разбития Пугачева под Сакмарск.‹им› Гор‹одко›м, Рейнсд.‹орп› отправил к башкирским и мещерятским старшинам увещевательные листы. Но они никакого[2] успеха не возымели.

Рапорт Бугульминской Земской конторы от 28 апр.‹еля›: 25‹го› марта Троицкой медиплавительный завод директора Осокина разграблен 300-ми яицк.‹их› казаков и других, а прикащик Заев, поп да соляной продажи *магазейн-вахтер*, связаны, увезены и в 7 верстах от зав.‹ода› убиты.

---

[1] татарина

[2] Но они никого

Мая 6-го верхояицк.<ий> комендант, полк. Ступишин, репортует, что он, согласясь с комендантом Карагайской крепости полков. Фоком, принужден был идти усмирять Башкирию и сжег несколько их селений, а одному башкирцу попавшемуся в плен отрезал уши, нос, и у правой руки все персты, и отправил домой угрожая казнию бунтовщикам, за что Рейнсд.<орп> и ободряет[1] его.

От 16-го мая ген.<ерал>-м.<аиор> Станиславский из Кизильской[2] крепости доносит о взятии Магнитной, со слов отставного капрала Соколовского.

От 23 мая из Орской кр.<епости> сек.<унд>-м.<аиор> Шкапской репортует о взятии Уртазымской крепости башкирцами.

От 25. Уфимская провинц.<иальная> канцел.<ярия> репортует: баш.<кирский> сотник *Кара Наимратов* с 600 беглыми да 300 калмыков напал на 300 гусаров при реке Деме; но был отбит. Походный старшина Качкын Самаров атаковал находящегося в Бугульчанске маиора с 300 гусарами (?) и ни куда не пускает. Прочие старшины им подражают.

6-ой легкой полевой команды подп.<олковник> Наумов (во 100 верст. от Оренб.<урга>) от 1-го июня доносит, что 1000 мятежников его атаковали, побили людей, лошадей отогнали, и удалились, — а он их не преследовал.

Ассессор Мясников и Твердышевского Симского завода крестьянин Плотников доносят в уф.<имскую> канц.<елярию>, что 23 мая Сибирской дороги старшина Юлай Азналин с сыном своим Салаваткой, в 1,000 чел., напал на тот завод, разграбил оный, перерезал до 60 чел. и сжег церковь, фабрику и плотину и пошел к Катавскому (?) заводу, а Плотников спасся между мертвыми.

Декалонг очистил Исетскую провинцию, разбил в Чебаркульской и Коенской (?) крепостях атамана Балдина и полковника Михайловского, отнял 4 пушки и в погоне убил до 160 чел. Но получа известие, что сам Пугачев на Белорецком заводе, пустился к Верхо-Яицкой креп.<ости> etc. (смотри донесение Декалон<га>).

Июня 3-го маиор Дуве вступил в пригород Бирск и взяв командира капитана Суровцева переправил через Белую. 4-го злодейская толпа ворвалась и сожгла город.

В Уф.<имском> уезде разорены башкирцами мед.<иплавильные> и жел.<езоплавильные> зав.<оды> Мясникова и Твердышева: 1) Воскресенский 2) Верхоторской, на полов.<ине> пути от Оренб.<урга> к Уфе 3) Богоявленский, от Табынска в 10 вер. 4) Архангельской, от Таб.<инска> в 50 в. 5) Катавской, от Уфы в 200 в., от Красноуф.<имской> крепости

[1] ободряет *вм.* одобряет <?>

[2] *В рукописи ошибочно:* Кизимской

и Челябы тож. — 11-го июня Рейнсд.<орп> предлагает Щербатову их охранять командами. Щерб.<атов> отзывается, что надлежит думать об очищении шаек, и о восстановлении всюду свободного сообщения.

Дворянин Демидов объявляет, что его Авзяно-Петровские заводы разорены, крестьяне взяты в шайки или разбежались в леса.

И ныне, возвратясь, с опасности умереть с голода, или от башк.<ирце>в погибнуть, просит команды.

Директор Твердышев объявляет о разорении своих Верхоторских и Воскресенских заводов, истребленных в виду команд Бугульчана и Стерлитамацкой пристани. Зав.<одские> крестьяне, из страха, все готовы пристать к Пугачеву (около 1,000 чел.). В Воскр.<есенском> зав<о>де пушек 5 или 6, много хлеба стоячего в гумнах, и до 800 десятин посеянного[1] прошлой осенью и нын.<ешней> весной, который и уродился в изобилии. Просит тот хлеб перемолотить для прокормления войск и крестьян. Также просит команды.

Рей<н>сд<орп> (16 ию<ня>) представляет о том Щербатову. Но сей отвечает, что зав.<одские> крестьяне, выведенные из терпения жестокостию своих господ, не только не думали защищаться, но сами помогали бунтовщикам. Демидову и Твердышеву предлагает явиться к кн. Галицину и самим войти в свое хозяйство. Согласны.

17-го прикащики Масалова и Лугинина объявили, что их заводы 1) Каноникольской близ Зелаирской крепости (в центре Башкирии) 2) Златоустовской близ Троицкой и Саткинской близ Исетской провинции — разорены и остались одни крестьяне.

На представление об оном Рейнсдорпа, Щерб.<атов> отвечает, что Масаловской прикащик может явиться к Фрейману, а Лугининской отнестись к Декалонгу. Согласны.

13[2] июня маи.<ор> Маршилов доносит о нападении башкирцев на Табынск и на табуны.

24-го Бурзенской волости башкирцы и ильинские татаре напали на Губерлинскую кр.<епость>, отражены бригад. Корфом.

Гвар.<дии> пор.<учик> Мельгунов разбил 18-го под Уфою башкирцев — и освободил винный завод Тимашева.

Хоромное строение было всё сожжено — остались казна, фабрика, винный выход с бочками. Велено вино препроводить с конвоем.

2 июля рап.<орт> от Бугульминской Земской конторы: мужики бунтуют, и переправясь через Дему, ушли с горы, ограбили прик.<азчика>

---

[1] посеянного хлеба

[2] 22

Зубова с женою и захватили подводчиков вина и хлеба, бывших под извозом (60 чел.).

Рейнсд.(орп) относится о том Щербатову.

Башкирия в полном бунте.

Продолжение.

С мая до августа киргизце‹в› убито и захвачено 348 чел., женщ. 86, лошадей отогнато 2824, рогатого скота 1242.

Кирг.‹изцы› уверяют, что между ими, Пугачевым и Кубанскими ханами договор воевать Россию сообща.

•IV.

(ЛБ 94, № 13)

ОБОРОНА КРЕПОСТИ ЯИКА ОТ ПАРТИИ МЯТЕЖНИКОВ.

Появление злоумышленной партии Пугачева на линии сделало сильное впечатление в умах слабых, необразованных; в сем происшествии невежество и злонамеренность нашли обильную для себя пищу; при таком смятении крепость Яикская, управляемая благонамеренными начальниками, оставалась непоколебимою в верности к престолу. Приближение к оной отряда бунтовщиков под командою Толкачева, что случилось пред праздником рождества христова, и разнесшийся слух, что за 200 верст от Яика сбираются мятежные партии для овладения крепостью, заставило принять осторожность: отправлены тотчас команды к ближним хуторам, для открытия преданных Пугачеву, но сие осталось без успеха; обольщенные ими жители никого не выдали. В ночь с 29 на 30 декабря старшина Мостовщиков с сильным отрядом послан был для подобных разведований, но чрез несколько часов из сего отряда прискакали в крепость три козака и объявили, что Мостовщиков, в семи верстах от крепости, разбит многочисленными толпами самозванца и взят в плен, при чем заметили они у неприятеля несколько значков. Сие неожиданное известие заставило жителей Яика, оставшихся верными, собраться в ретраншемент; между тем еще несколько человек, возвратившихся из отряда Мостовщикова, подтвердили то же самое. Хотя смятение и было велико, но тотчас приняты были нужные меры.

В следующий день, в два часа по солнечном восхождении (у называемых по-здешнему Горок) появились мятежники и, распространяясь в обе стороны, старались занять в степи более пространства, дабы увеличить

в глазах наших свои силы, которые свыше 700 человек не простирались; при них находилось до 10 значков. Спустясь с горы, лежащей в пяти верстах от городка, пустились к нему во весь галоп. В крепости ударили в набат, но из жителей, по двукратном бое, никто в оную не явился: это значило, что они приняли сторону мятежников, и ретраншемент остался под защитою одной воинской команды, обязанной долгом службы, которая, по малолюдству, не могла препятствовать входу бунтовщиков в городок, решившись защищать единственно крепость. В то же время спешили зажечь находящиеся вблизи строения, дабы неприятель не мог из них наносить крепости вреда; но сие не удалось; мятежники, двинувшись быстро, успели занять их и, засев в дворах, избах и срубах, сделали бойницы не более, как в четверть часа, и открыли сильную стрельбу, действуя с высоких связей вокруг нас дворов за 10. К ним присоединились жители городка, поощряя друг друга к бунту, и стремились против нас кто с каким оружием ни был; выстрелы ружейные сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками, и тем были для нас губительнее, что ретраншемент был открыт пред неприятелем, рассеявшимся на избных подволоках; не только люди, стоявшие на виду, были ими убиваемы, но и те подвергались равной участи, которые на минуту поднимали голову из заплота; бунтовщики попадали даже в щели, из которых стреляли солдаты. Причиною столь меткой стрельбы было, во-первых, близкое расстояние — не более 10 сажен, чрез которое мятежники с высоких мест удобно целили в осажденных; а во-вторых, толпы их состояли большею частью из охотников (гулебщиков), приобыкших с малолетства к промыслу. — Важный урон осажденных, простиравшийся до 100 человек, заставил употребить все способы к истреблению строений, с которых наносился вред; но сие сопряжено было с большими затруднениями, ибо каленые ядра, которыми стреляли из крепости, пробивая деревянные стены, падали в снег и угасали, или были заливаемы осаждающими; ни одна́ изба не могла быть истреблена сим способом. Наконец, 6-й команды три человека охотников вызвались самоближайший и вреднейший двор зажечь руками, что и учинили с совершенным успехом, не бывши ни убиты, ниже ранены. От зажженного дома загорелся другой, рядом с ним стоящий, от чего большая часть строения сгорела и облегчила осаждающих от вреда. Солдаты, сим случаем ободренные, дождавшись вечера, сделав вылазку, успели сжечь еще несколько домов, при чем с нашей стороны никакого урона не было, хотя неприятель и старался вредить.

На другой день осажденные пользовались лучшею безопасностию, особенно после того, как зажжен был высокий дом Синельникова, за что охотники не остались без награждения. Но и тогда мятежники не оста-

вляли крепости в покое, хотя и не могли наносить такого вреда, как прежде, стреляя беспрестанно с дальних высот и из долгих пищалей. К отвращению сего сделана вылазка, состоящая из 25 человек, и зажжены ближайшие домы. Такие вылазки повторялись три дня сряду и столь успешно, что вокруг крепости очищено место с одной стороны сажен на 100, с другой на 40, а с третьей на 25 сажен, при чем из числа осаждающих убито около 100 человек. Хотя сии успехи и уменьшили дерзость бунтовщиков, но они к защищению себя немедленно приняли меры: обгорелую площадь, а особливо улицы, для воспрепятствования делать вылазки, огородили завалами, толщиною бревен в восемь, а высотою человека в полтора: поделали бойницы, усилили караулы на пикетах; ружейная стрельба с начала осады около недели продолжалась беспрерывно, и не проходило минуты, в которую бы не сделали они десяти выстрелов. Вскоре за сим привезены были ими из-под Оренбурга пушки, единорог и две гаубицы, из коих хотя и действовали по крепости, но без успеха; только один солдат был убит.

Прибытие в Яикской городок самого начальника мятежников, Пугачева, было началом важнейших с их стороны предприятий. Видя упорную защиту крепости, вознамерился он сделать решительный удар. Сообразно сему, под одну из фланговых батарей подвел подкоп, собрав между тем всю партию, в числе коей было до 300 мужиков, и вооружив всех, кто имел более 12 лет и в состоянии поднять оружие, приготовил к нападению более 4,000 человек. Столь сильные приуготовления льстили его надеждою — победить крепость, которой фасы от понесенных потерь весьма обезлюдили, и на всех четырех стенах надежных к обороне людей с резервом и нестроевыми могло набраться не более 400 человек. 20 генваря часа за три до рассвета был взорван мятежниками подкоп; но как оный под самый ров, следовательно и под стену подведен не был, то и батарее вреда не сделалось; однако некоторая часть контрескарпа столько на низ обсела, что в ров и из оного свободно входить и выходить стало можно. Еще пыль, разбросанная на воздухе, не очистилась, как бунтовщики, подняв обыкновенный свой крик, всею толпою приступили ко рву и до 400 человек с двумя значками, бросившись, наполнили оный. За ними следовали прочие, а мужики явились с лестницами, числом до 100, дабы с помощию оных лезть из рва на ретраншемент. Между тем гарнизон схватил оружие и в одну минуту открыл из амбразур картечью и ядрами столь сильный огонь, что все те, которые находились на площади пред крепостью, были убиты и площадь была от неприятелей очищена. Бунтовщики, объятые страхом, не смели показаться из-за строения, хотя и были к тому побуждаемы копьями и орясинами. Во всё сие время про-

изводилась с их стороны сильнейшая стрельба из орудий и ружей, причинившая осажденным немалый урон, и продолжалась далее половины дня. Но те из бунтовщиков, которые при начале дела ворвались в ров, начали оный подкапывать, дабы уронить батарейные стены, другие подрубали заплотные столбы, иные взойдя во рву на лестницы и спрятавшись от выстрелов с батареи, наносили вред гарнизону и произвели в оном робость. Решились сделать вылазку; 6-й команды подпоручик Полстовалов едва успел собрать охотников 45 человек, решившихся на сей опасный подвиг. Сначала с батареи, под которою находились во рву бунтовщики, стали бросать горячую золу и лить вар, и когда они сим были приведены в беспокойство, тогда спущенные из-за угла батарейного рва на вылазку люди стремительно ударили на них штыками и пулями. После слабого и краткого сопротивления, бунтовщики все до одного обратились в бегство; но как за теснотою скоро бежать не могли, то, в смятении, друг друга давили и беззащитно были убиваемы солдатами; те же, которые из рва успели выбежать, подверглись убийственным выстрелам с батареи и с заднего фаса, действовавшего изо 100 ружей. В сей день Пугачев потерял убитыми и умершими от ран до 500 человек; а остальные лишились бодрости. С начала штурма и до окончания он сам находился в деле. Урон гарнизона, в сравнении с неприятельским, хотя и не важен, но по причине малолюдства был чувствителен. В числе убитых находились: поручик и артиллерийский сержант.

Около 1 февраля производилась в городке, занимаемом бунтовщиками, пушечная пальба и колокольный звон, во весь день продолжавшийся. Причиною такого торжества была свадьба: Пугачеву понравилась дочь отставного козака Кузнецова, Устинья, девка самая обыкновенная, достойная грубого вкуса его, и он на ней женился. Свадьба сия поколебала доверенность простолюдинов к мятежному предводителю. Простые умы народа легковерного сколь легко могли быть обольщены, столь же легко и освободиться от заблуждения. Начали сомневаться в том, чтобы Пугачев был царь, за каковото его выдавали сообщники; удивились, что столь важная особа могла жениться на простой девке; многие о сем говорили самому самозванцу; но когда он объявил, что тому, кто впредь станет ему так говорить, будет отвечать виселицею, тогда все умолкли; простолюдины, от страха смерти, величали Устинью, кланялись ей до земли, целовали руку ее и изъявляли ей другие почести, забывая, сколько всё это не шло к лицу Устиньи.

Вскоре после сего бунтовщики приступили к построению батареи. Место выбрали на яру Старицы, из которой был ими сделан приступ, позади изб; вблизи находилась их низменная батарея, отстоящая от кре-

пости не более 20 сажен. Надлежало уничтожить их намерение, и 9 февраля сделана из крепости вылазка, которая достигнула батарей и строений, не быв примечена; стали оные зажигать. Тогда бунтовщики ударили *всполох* и под предводительством самого Пугачева бросились к сему месту, принудя гарнизон возвратиться в крепость. При сем случае хотя и не все строения сожжены, однако и батареи и ближайшие дворы сгорели без остатка, и место пред крепостью очистилось на 50 сажен. Сия успешная вылазка отняла у бунтовщиков способ нападать на крепость из ближайшего пункта, каким было обожженное место. Гарнизон во время вылазки сей потерял не мало храбрых людей.

При сей вылазке случилось любопытное происшествие: 7-й команды унтер-офицер Сапугольцов, находившийся и прежде на всех вылазках, зажигая одну избу, не заметил, что прочие солдаты, с ним бывшие, возвратились к ретраншементу, а он остался только сам-третей, быв окружен мятежниками. Товарищи его были убиты, а он, тяжело раненый, не имея силы к продолжению сражения, лег в избе против дверей под лавку с тем, дабы последним выстрелом поразить того, кто войдет, и потом умереть смертию храброго. Пугачев с обнаженною саблею первый вбежал в избу; Сапугольцов выстрелил, но, ослабевший от ран, сделал выстрел неверный; пуля пролетела мимо злодея, задев одно его платье. — Ожесточенный неприятель изрубил сего храброго солдата на части.

В ретраншементе находилась соборная церковь с высокою колокольнею. Та и другая с валом переднего фаса составляли одну линию. Колокольня, выше Оренбургской, имела свободный ход под самый верх; над самыми колоколами были два подмоста, из коих на высшем — во все стороны восемь окон. Сие огромное здание было сильнейшею в крепости батареею; на него подняты были две 3-х-фунтовые пушки, первая — под самые колокола, которые по сей причине сняты, а другая — на верхний подмост, высотою от земли одна на 9, а последняя на 13 сажен. Там же беспрестанно находились искуснейшие стрелки. Не проходило дня, в который бы не было с колокольни убито несколько неприятелей, иногда шесть человек и более, так что в окружности ни конный, ни пеший не смел показаться. Пушки делали вред за версту; особенно при штурме батареи неприятели много потерпели от действия стрелков, бывших на сем здании, причем и сам Пугачев едва не был убит. Столь выгодное для гарнизона место обратило на себя всё внимание неприятеля, и он положил опровергнуть колокольню подкопом, во что бы то ни стало, имея в предмете: 1-е лишить гарнизон твердого пункта, 2-е истребить артиллерийские заряды, под колокольнею хранящиеся, что было ему известно чрез переметчиков; 3-е предполагал, что взорвав колокольню, расстроит гарни-

вон убылью в людях, ужасом и нечаянностью и сделав приступ удобно овладеет крепостью. Осажденные, зная важность сего места, для предупреждения неприятельского подкопа, решились прорыться из крепости на внешнюю сторону и вырыть против церкви и колокольни, во всю дистанцию, подземный ход, дабы неприятель не мог с своей стороны сделать под зданиями взрыва: работа производилась успешно, и против церкви почти уже ход был прорыт; надеялись сделать таковой же и против колокольни, но неприятель в том предупредил: 18-го февраля явился к ретраншементу сын яицкого казака Неулыбина, судимого Оренбургскою коммисиею, и объявил коменданту, что Пугачев сделал под колокольню подкоп, который 17-го числа и окончен до фундаментного бута; ввечеру сегодня был у них *круг* (собрание), на котором положено собраться пред светом к штурму, и когда колокольня будет взорвана, тотчас всем идти в пролом.—По получении сего важного известия, немедленно сделаны были нужные распоряжения: приказано всем людям быть в ружье, а офицерам при своих фасах, зажечь фитили и стоять в готовности к отпору; в одну минуту вынесли из-под колокольни порох, разобрали в ней кирпичный пол и начали рыть борозду в той надежде, дабы подрыться под неприятельский подкоп и уничтожить его намерение. Неприятель, подстерегши работу сию, ускорил исполнением своего намерения и, не дождавшись привозу 70 пуд пороха из Гурьева городка, подложил сколько оного случилось, завалил устье каморы, бросил огонь, и подкоп взорвало. Колокольня, зашатавшись, с удивительною тихостию начала валиться в ретраншемент; на самом верху оной спали три человека: не разбудя, снесло их и с постелями на землю, чему, по высоте здания, трудно даже поверить; бывшую на верху пушку с лафетом составило на низ. Хотя падение было тихо, и камни, не быв разбросаны, свалились в груду, однако около 45 человек лишились при сем случае жизни. Сии несчастные были большею частию егери 7-й команды, стоявшие на верху колокольни, на стенке между оною и церковью, в шалаше и кибитке, тут же находившейся. Кроме их задавлены канонеры, бывшие при двух пушках, казаки и погоньщики, рывшие в колокольне борозду, также несколько человек, пришедших к сему месту для любопытства. Лишь только раздался от подрыва удар и еще колокольня, валившись медленно, не совсем упала, как на всех фасах крепости загорелся огонь; артиллерия загремела, и, казалось, неприятель нас, а мы его намерены были атаковать нечаянно. Быв приведен в удивление такою встречею гарнизона, по мнению его, расстроенного и уничтоженного падением колокольни, и встречая повсюду летящие пули и ядра, он остановился в нерешимости, не смея показаться из-за валов. Чрез несколько минут мятежники, не выходя из засад, под-

няли визг, обыкновенный при всяком их нападении, и хотя начальники их кричали: „на слом! на слом! атаманы молодцы!" — но послушания не было; некоторые же казаки отвечали им, чтоб шли сами. Осажденные, приметив сие, умалили стрельбу и лежа на прикладе, готовы были встретить их пулями. Визг продолжался до свету, а после прекратился, и приступу не было. Пугачев с сообщниками тщетно старались ударить всем многолюдством на крепость: никто их не слушался, и все разошлись по домам с роптанием, что их обманывали, уверяя, будто по взорвании колокольни упадет на крепость каменный град и всех солдат передавит. — Так кончилось предприятие Пугачева, на которое полагал он большую надежду. Если бы Неулыбин успел с известием сутками прежде, то гарнизон, приняв меры, ничего бы не потерпел, но казак сей сделать оного не мог по соблюдаемой мятежниками осторожности; за усердие свое, посредством которого, подвергаясь опасности, дал способ спасти артиллерийские припасы, под колокольнею бывшие, награжден он деньгами.

Колокольня взорвана только 12-ю пудами пороха; хотя же и предполагалось употребить для сего 30 пудов, но за торопливостию подложить не успели. На уцелевшей части тотчас сделана была возвышенная батарея, пониже которой на том же фасе поставили другую, и такими мерами привели место сие опять в безопасное положение.

19 числа февраля замечено в городке необыкновенное движение, которое продолжалось на другой день и далее. Сперва выехали из оного до 500 человек двуконных с значками, направляя путь к Оренбургу, потом выезжали в упряжках до 1500 повозок. Пугачев выехал вместе с первым отрядом. Причиною сего движения, как известил нас бежавший казак, было приближение к Оренбургу войск, о чем самозванец был уведомлен чрез нарочного, и что войска сии, следуя по Самарской дистанции, прошли уже Бузулук. Столь приятное известие поселило между гарнизоном бодрость. Надежда получить скорую помощь веселила каждого изнуренного солдата. Полагали, рассчитывали, что оная приспеет к крепости на маслянице, а много на первой неделе поста. — Последствия доказали, что мы ошибались.

Отъезд Пугачева не остановил осады; оная продолжалась с деятельностию. По ночам мятежники строили четвертую батарею, укрепляли завалы и вместо низких ставили высокие; рылись в земле, заставляя осажденных опасаться новых подкопов; заготовляли в кузницах земляные инструменты, привозили лес на подставки и подмостки. Между тем осажденные изнурялись караулами, проводя зимнее время на стуже; недоставало дров, земляных инструментов, кроме небольшого числа лопаток и топоров, уже изломанных; лесу совсем не было, так что и каши сол-

датской сварить было не на чем; при всем том нужно было работать по всему рву, дабы привесть оный в безопасность, но земля промерзла на целый аршин и ее надлежало рубить, как камень, что очень затрудняло работу. Необходимее сего было: 1-е, вырыть подземный ход против церкви и колокольни, где рва не было на расстоянии 20 сажен; 2-е, сделать глубокий окоп против каменного строения, которое примыкалось к одному углу ретраншемента, где содержался от нас сильный пикет; 3-е, прорыть глубокие рвы против трех неприятельских батарей для воспрепятствования вести подкопы. Такая работа была почти превыше возможности, и гарнизон хотя занимался оною, но не имел надежды кончить до того времени, до которого бы могло достать провианта, в коем недостаток представлялся ужаснейшим неприятелем. Заметя нашу работу, бунтовщики несколько оробели; им казалось, что мы роем подкопы под их батареи, и потому, опасаясь нечаянного взрыва, держали караулы в отдаленности; между тем строили новую обширнейшую батарею, которую, возвысив до трех сажен, оставили-было без окончания; но уведомясь от бежавших с работы яицких колодников о крайности гарнизона и о недостатке провианта, также о причине нашей земляной работы, ободрились, начали производить сильную стрельбу по крепости, а ночью, принявшись за батарею, в скорости ее окончили.

Сия батарея была несравненно выше всех прочих и по отменной своей высоте могла действовать почти на весь ретраншемент; для отвращения такой опасности решились перегородить крепость каменными стенами и возвысить с сей стороны вал насыпанными песком кулями. Для сего употреблен был кирпич разрушенной колокольни. Бунтовщики, заметя сие, возвысили свою батарею еще на 20 венцов, сделав ее подобною высокой башне. Не менее сей должна быть и другая их батарея, против нашего переднего фаса начатая, для построения которой употребили они целую Чаганскую башню и вывели-было уже вровень с высокими избами; земляная их работа с той стороны, где была высокая батарея и две другие, продолжалась день и ночь. Столь деятельная осада, в такое время, когда большая часть казаков находилась с Пугачёвым, заставила осажденных опасаться и предполагать, что всё сие делается во ожидании скорого возвращения самозванца. Сие тем было вероятнее, что в случае как победы, так и поражения он должен прибыть к крепости и мог над оною испытать последние свои силы. К предупреждению такой опасности положено, пригласив охотников, сделать вылазку, которой предметом должно быть: 1-е, не удастся ли сжечь сделанные против крепости батареи и несколько близ лежащего строения; 2-е, достать пленных и чрез них, или если какой-либо другой случай представится, иссле-

довать, куда именно и сколько ведут бунтовщики подкопов; 3-е, стараться кого-либо из бунтовщиков захватить, дабы узнать о положении самозванца и наших войск, против его действовавших, о числе оставшихся в городе людей и о других нужных предметах. — Главнейшая причина сей вылазки было желание храбрых солдат, желающих оказать отличие. Охотников набралось до 250 человек. Никогда еще столь многолюдной вылазки нами сделано не было. Положено сделать нападение с двух сторон, и для того одна часть составлена была из 150, а другая из 100 человек.

Вылазка сделана 9 марта на рассвете таким образом, что до света солдаты переправились из ретраншемента чрез ров, а когда показался свет, подошли к завалам с тихостию и нечаянно на оные ударили; однако встречены были сильными неприятельскими пикетами; всеместные завалы и перегородки препятствовали идти далее; ибо проходы столько были тесны, что должно проходить по одному только человеку в ряд и подвергаться выстрелам бунтовщиков, которые ежеминутно от тревоги умножались. В сие время солдаты, находясь в открытом месте, терпели немалый урон, и как не было ни малейшей возможности проникнуть далее и зажечь строения, или батареи, то они и принуждены возвратиться в ретраншемент. Отступление их представляло жалостнейшее позорище: каждый бежал, сколько мог, и офицеры не могли их привести в порядок; ибо не было безопасного места, где бы они могли собраться. Бунтовщики, увидя отступление, открыли жестокую стрельбу, обращая выстрелы к тому месту, где были толпы солдат. Надлежало всем бежать порознь: те, которые не так далеко зашли и не были ранены, возвратились счастливо в ретраншемент; раненые и зашедшие вперед отстали. На них обратил неприятель всю свою свирепость: иные были захвачены на самых переходах чрез завал, другие на тех дворах, где были для зажигательства, а многие застрелены при отступлении; но всего чувствительнее было видеть, как злодеи, смешавшись с солдатами по сю сторону завалов, иных таскали в плен, а раненых, падавших от бессилия, варварски кололи; некоторых же рубили топорами, таская за волосы, и отсекая прочь головы. Чтобы дать помощь сим страждущим, надобно было иметь не менее 300 человек; но такого числа взять было негде, и при том не столько могли бы избавить от смерти, сколько бы вновь потерять.

Никогда с таким уроном люди наши не возвращались с вылазки. Одних убитых было до 30 человек, да раненых около 80, из коих некоторые того ж самого дня, а другие в скорости и померли. Польза вылазки не соответствовала столь важному урону: удалось сжечь одну батарею, что из Чаганской башни строилась, и несколько дворов. Солдаты до высокой батареи не были далеко допущены, а до подкопу, откуда оный вели,

еще далее. Словом сказать, почти ничего не сделано, что предполагалось, кроме взятья трех пленных, которые объявили, что в городке на пикетах находится более 1000 человек; подкопы ведут с двух сторон; имеют намерение начать и третий; рытый же со стороны высокой батареи приходит к окончанию, да и намерены провести оный в два места, один под стоящие на том фасе пушки, а другой под камору, в которой живет комендант с офицерами, дабы истребя начальников, удобнее напасть на солдат. Сказывали еще, что Пугачева ожидают ежедневно, и для того все работы спешат кончить к его приезду; а о приближении к крепости помощи ничего не слыхали. Такие вести привели гарнизон в уныние: единственное спасение оставалось в скором прибытии помощи. Провианта было по самой скудной пропорции не более, как дней на 10; надлежало оную еще умалить; лазареты наполнились больными и ранеными, а фасы и другие посты обезлюдели; земляная работа прибавилась, ибо положено комендантскую камору со стороны неприятеля обрыть рвом, дабы предохранить ее от подкопа; около нее и в ней беспрестанно пробовали землю длинными буравами, нет ли где пустоты, от подкопа происшедшей; многим казалось, что дрожит уже пол, по каковой причине иные в каморе и ночевать не решались. Как быть? смерть страшит всякого: были такие, которые, во ожидании близкой смерти, хотя и облеклись в благочестие, но оставить свет страшились не менее других.

После сего завалы укреплены были бунтовщиками так, что ни в одном месте от крепости не было к ним доступу. На сей конец, сверх бывших везде бойниц, прорубили пушечные амбразуры, поставя пушки, а на место сгоревшей батареи сделали на самом яру Старицы новую. Между тем в крепости, опасаясь взрыва подкопов, почти все ночи не спали: половина людей была всегда в ружье, а другой позволялось дремать сидя, холод и голод приводили нас в отчаяние, которое с каждым днем умножалось. Наступил праздник благовещения, а помощи ни откуда не было. Голод, переносимый доселе с твердостию, сделался тягостен, особливо женщинам, которых число с малыми детьми простиралось до 100; фунт толчи продавали уже по 70 коп., муки по полтине, овса по 25 коп., да и того в продажу недоставало. Многие начали просить о выпуске в городок, что по необходимости и было позволено; бунтовщики однако же на то не согласились, требуя, чтобы все колодники были им выданы; но осажденные сие отвергнули, дабы не умножить освобождением оных число своих неприятелей, которые, вознамерившись крепость принудить к сдаче голодом, и после сего могли найти к принятию вышедших из крепости новые препятствия. Женщины, быв продержаны одну ночь под караулом, прогнаны были бунтовщиками обратно в крепость. С сего времени начались бед-

ствия наши; солдатам стали выдавать в сутки только по четверти фунта муки, что составит десятую часть обыкновенной порции; такою малостию, без крупы и соли, можно ли было питать себя?[1] и вот каким образом они приготовляли себе пищу: сваря артельный котел воды, когда она вскипит ключем, бросали туда пригоршни муки, от чего вода только что побелеет, тогда каждый, налив свою порцию в чашку, пил, и должен тем остаться довольным; можно сказать, что они питались одною горячею водою. При таком бедствии вспомнили, что в начале осады, месяца за три до сего, брошены на лед убитые лошади, которые и были съедены собаками; принялись за них, и голодные люди с жадностию глодали кости, оставленные собаками, разваривая их раза по два в баламыках. На ближних к ретраншементу квартирах содержались саповатые лошади, во время бывшего пожара вместе с дворами потом сгоревшие, и тех употребили в пищу, не взирая на великой от них смрад. Наконец и сия провизия истощилась и заставила изобретать новые к пропитанию способы: некоторые усмотрели в речном яру глину, которая по отменной мягкости не хрустела на зубах; попробовали положить ее в кипяток и, сваря на подобие киселя или жидкой каши, по необходимости нашли способною к употреблению; первым опытам последовали другие, и наконец редкой уже остался, кто бы не ел землю сию. Это была последняя степень крайности! Может быть ныне не станут тому и верить, однако всё сие есть истина и может подтвердиться многими свидетелями.

Наступило вербное воскресенье. Солдаты, изнуренные голодом, начавшимся почти с самого благовещения, совсем обессилели; казалось, что их может шатать ветр, а некоторые и ходить не могли. Женщины с малолетными детьми несколько раз, выдя из ретраншемента, старались тронуть бунтовщиков своим бедствием и проливая горчайшие слезы, валялись у ног,[2] чтобы позволили иметь пребывание в городке; но были бесчеловечно прогоняемы назад с требованием освобождения их сообщников содержимых в крепости. Одни яицкие женщины были приняты. Жалко было смотреть на малолетных, которых матери лежали в изнеможении на постеле; другие бродили подобно теням. Кто имел деньги, тот иногда мог достать фунт толчи за 2 р. 50 коп., но и то редко; где же взять [оных][3] бедным солдаткам? — При наступлении страстной недели в крепости совершенно ничего не было.

Ожидаемой нами помощи не приходило. Рано слишком мы начали ожидать ее: с начала осады никто не думал, чтобы она не подоспела

1 *Слова* солдатам стали ~ питать себя *отчеркнуты на полях Пушкиным.*

2 *Далее приписано рукою Пушкина:* [прося]

3 *Вместо зачеркнутого Пушкиным* оных *им приписано:* денег

в генваре. Наступил февраль, а ее не было; ждали к 15 числу сего месяца, когда ж и сие не сбылось, полагали увидеть ее на маслянице, потом на первой и второй неделе; а чтобы ей быть к благовещению, того требовали самые наши обстоятельства. Протекло еще три недели, а об ней и слуху не было. Зная крайнее положение гарнизона, бунтовщики кричали солдатам, что команды, следующие к Оренбургу, были все разбиты Пугачевым, по примеру тех, о которых давно уже было известно, что будто Оренбург находится в крайности; а иногда утверждали, что он уже взят и многие города, как то: Казань, Уфа, Самара и прочие, преклонились к самозванцу, который к Яику отправляет сильную армию, по прибытии коей крепость должна покориться, и тогда никому не будет пощады. Такими известиями старались преклонить солдат к сдаче, уверяя клятвенно, что самозванец им ничего не сделает, а будут от него только жалованы, если добровольно сдадутся; также подтвердили и солдаткам, просившимся в городок, с величайшими обнадеживаниями и обещаниями, советуя им преклонять мужей к тому, чтобы коменданта и офицеров в воду, а самим выходить без опасения. Подобные сему убеждения делали они и чрез пленных солдат, захваченных при вылазках и приступах, заставляя их повторять то же самое; равным образом употребляли иногда для сего беглых наших солдат, погоньщиков и казаков.

В таких обстоятельствах приняли меры для утверждения каждого в соблюдении своей должности. Нельзя было успокоивать солдат приближением ожидаемой помощи, ибо сие не только нижним чинам, но и офицерам так прискучило, что никто без негодования не мог того слушать; старались внушить каждому, что ничего не выиграют, которые нарушив клятву и учиня измену, убегут в городок; там найдут такую же смерть, как и в крепости, но смерть негодного труса и клятвопреступника от руки злодеев, озлобленных упорным сопротивлением; а если которые и будут пощажены, таковых выставят против войск и заставят сражаться против законной государыни и отечества; что смерть для всякого есть случай необходимый и потому должно избирать такую, которая бы сходствовала с законом божиим и не постыдила на страшном суде, и наконец, что великая разница умереть за присягу и верность, нежели быть убиту за государственного злодея. Не оставлено и того, чтобы внушить в них надежду на помощь бога, который видя благое наше намерение умереть за верность, не нарушая клятвы и присяги, по своему всемогуществу, сверх нашего чаяния, может нас спасти, и что грешно роптать против святейших его уставов, а лучше предать себя воле божией, нежели служить разбойнику. Сии и подобные тому увещания имели надлежащее действие, и солдаты, по христианской ревности, отзывались, что хотят

лучше умереть, нежели изменить государыне и тем подвигнуть на себя гнев божий. Доказательством их усердия служит то, что из ретраншемента в сие время не было беглых, кроме двух или трех человек.

Наступила страстная неделя. Никогда она не была столь для нас страстною, как в тогдашнее время. Если бы голод начался только с сего дня, то еще могли бы прожить шесть суток до светлого воскресения; но гарнизон мучился оным уже около 15 дней, и с земляною пищею осталось дожидаться скорой кончины. Солдаты, не желая умереть в ретра<н>шементе, говорили: надобно что-нибудь делать; начальники были такого же мнения; решились, взяв ружья, всем до одного человека идти на вылазку. Не надеялись победить, а только желали окончить жизнь, как прилично солдату, и сколько можно отмстить врагам за себя и за отечество. Сие отчаянное намерение спешили исполнить в те же дни, доколе люди не пришли от голоду в совершенное бессилие; ибо могущих поднять оружие оставалось уже не более 100 человек, да и то могли собраться с нуждою; прочие ж были совсем бессильны и не могли решиться на вылазку. Удар на бунтовщиков надлежало делать к завалам немалой вышины, наполненным ружейными бойницами и пушечными амбразурами, защищаемым превосходным числом людей; надлежало оные перелезать и подвергаться выстрелам неприятеля, могущего без всякой потери побить у нас большую половину, что последняя вылазка, о которой было прежде говорено, совершенно подтверждает. Таких завалов надлежало проходить два. Одним словом, должно было идти на верную смерть.

Поутру, в понедельник, наблюдающие с церкви за движениями неприятеля приметили, что бунтовщики в смятении разъезжали по городку и начали из оного выбираться, соединясь в одну партию; видно было, что отъезжающие прощались; их провожали женщины. Оракулы наши предсказывали близость войск; мы и сами не понимали, какая, кроме сей, могла быть всему оному причина, ибо никогда подобного смятения прежде не замечено, хотя на прошедших неделях также отъезжали бунтовщики по Оренбургской дороге; такие происшествия столько нас ободрили, как будто мы съели по куску хлеба. С нетерпеливостию ожидали, что будет далее; мало по-малу движение начало утихать; выезжающих и приезжающих было мало, и всё опять казалось обыкновенным. Минуло за половину дня, а о приближении войск, по общему мнению и самых предвещателей, никаких признаков не приметили. Полагали, что мятежники, если войска подойдут к крепости на 70 верст, все обратятся в бегство с женами и детьми; но сего не было, и мы стали терять надежду. Голод опять представился в страшном виде; печаль, страх и уныние распространились более прежнего по ретраншементу. Что следовало начать? что делать?

все молчали, повеся голову; некоторые часто взглядывали на степь, откуда ожидали помощи, но, не видя ни малейшего признака, тосковали еще более. Все понимали, что близко решение нашей участи; одно скорое вспоможение могло нас спасти от предстоящей смерти.

В 5-ом часу пополудни, на Оренбургской дороге, из-за рощи показались кучи бунтовщиков; поднявшаяся пыль доказывала, что они скоро бегут. Каждая толпа, прибыв к городку, въезжала теми воротами, кои ближе к их домам; из-за рощи следовали одна толпа за другою с поспешностию и в беспорядке беспрерывно скакали опрометью кто как успел, без значков и копий. Городок, встревожась, наполнился бегающими взад и вперед, подобно как на пожаре. Наступила ночь, а тревоге сей и конца не было; всё показывало, что их толпы, незадолго из городка выехавшие, обращены были в бегство; не менее того и мы считали себя в опасности, ожидая, что они в отчаянии непременно всею силою на нас ударят, и потому принята в тот вечер возможная осторожность. Едва смерклось, как за валами произошел шум; мы вступили тотчас в ружье и начали стрелять из пушек. Тогда они нам закричали, чтобы прекратить пальбу, объявляя, что приходят в повиновение к ее величеству и готовы всё учинить, что прикажут. Перестав стрелять, велели человекам трем подойти ближе, коим объявили комендантской приказ, чтоб атамана Каргина, придворного их шталмейстера Толкачева и всех старшин тотчас представили в ретра<н>шемент, а также и жену Пугачева с ближним штатом ее стерегли. Чрез полчаса атаман с другими семью чиновниками самозванца был представлен, а к отысканию женщин, во время смятения скрывшихся, сделаны ими распоряжения. За Перфильевым и другими ему подобными велено сделать погоню, а к дому Пугачева поставлен караул. Чрез час принято было от них несколько ковриг хлеба на команду. Всё сие кончено не позже, как в 9 часов пополудни, а при том чрез нарочного и достоверное известие получено, что следущее к нам вспоможение находится на рубежном форпосте, в расстоянии от Яицкого городка 40 верст, что все выехавшие против сего отряда отсюда мятежники в двух сражениях вчерашнего и настоящего дней разбиты; только немногие из них спаслись бегством, в том числе и главный атаман Овчинников, и что вспоможение прибудет к нам непременно после завтра.

Кто может описать радость гарнизона? Нет слов, нет выражения изобразить ее; и что может сравниться с чувствами человека, по долгу обрекшегося на смерть, и благим промыслом, в воздаяние сей жертвы, возвращенного к жизни? До светлого воскресения оставалось еще четыре дни, но для нас уже настоящий день был торжественнейшим праздником. Самые те из нас, которые от голоду и болезни не поднимались с постели,

мгновенно были исцелены. Всё было в движении; разговаривали, бегали, благодарили бога и поздравляли друг друга во всю ночь, не думая предаться сну; некоторые были столь поражены сим радостным оборотом, что сомневались в истине и думали видеть всё во сне.

На другой день ввечеру прибыло ожидаемое вспоможение, предускоря поход целыми сутками. Радость наша еще умножилась, когда растворились ворота ретраншемента, с 30 декабря бывшие запертыми и заваленными песком и землею. Наконец мы вышли из крепости, в которой были заключены с ноября месяца; ибо недель за восемь до начатия осады выход из оной запрещен был под строгим наказанием. Вновь прибывшие команды расположились на квартирах, офицеры в самой той избе, где были больные.

Вот история обороны Яицкой крепости, достойная внимания позднего потомства, как достохвальный пример мужества, верности и терпения русских воинов. Бедствия, обольщения и самый ужас голодной смерти не могли поколебать их твердости. Здесь не выставлены имена отличнейших воинов; в сем случае надобно наименовать каждого из всех; ибо не было таких, кто бы не оказал чего-либо особенного, превосходного.

---

* V.

(ЛБ 94, № 11)

ПРИБАВЛЕНИЕ О РАЗБОЙНИКЕ И САМОЗВАНЦЕ ПУГАЧЕВЕ ИЗ ДНЕВНЫХ ЗАПИСОК 1773 ГОДА, ГОРОДА ОРЕНБУРГА БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ, ЧТО НА ГОСТИНОМ ДВОРЕ, СВЯЩЕННИКА ИВАНА ОСИПОВА.

1.

С первых чисел сентября появился разбойник ниже Яицкого городка в малом числе себе подобных на хуторах отставного казака Шелудекова, у которого несколько времени быв, собрал себе подобных воров из бродяг и беглых яицких казаков немало, взяв на себя великое имя покойного императора Петра третьего, сообщась с вышепоказанными ворами, к Яицкому городку по форпостам и хуторам тянулся, в которых делал великое грабительство и разорение, скот и имение и казаков, вооружа, забирал с собою, тем умножа свою злодейскую олпу, шел к Яицкому городку, из которого усмотря его злодея того ж часа комендант Симанов выслал партию человек до 200 конницы регулярных и нерегулярных для пресечения пути чрез Чаган реку; но злодей показанную реку переправиться упредил. А как партия к показанному месту подбежала, то злодей делав на нашу партию жестокой удар, который был неменее как в 400-х человеках, отхватил из нашей партии человек до 30-ти яицких казаков, тот же день повесил что наилучших 12 человек, а последних взял в шайку к себе.

Потом делал к городу приступ, от которого из пушек с большим уроном отбит прочь. Не удовольствуясь тем разбойник, что он потерял много народу, покушался на оный и на другой день еще делать приступ к городу жестоким и сильным ударом со всею своею толпою злодейскою, чтоб устраша народ, ворваться в город; а как уже в городе стояли с год две полевые команды, несколько гарнизонных и оренбургских казаков, то оные против толпы чинили сильный отпор, тем отбили его разбойника с большим уроном. Злодеи и мятежники из города самовольно к разбойнику бежали, который умножа толпу, тянулся от городка прочь к Илецкому казачьему городку, а Илецкий городок, за помощию божиею, остался без всякого вреда и ущерба.

2.

До Илецкого городка по форпостам и хуторам разбойник делал грабительство и разорение, так же, как и до Яицкого, всех казаков забирал в злодейскую свою толпу и тем больше умножал ее. В Илецкой городок въехал без всякого оных жителей бою и сопротивления; того ж дни и атамана повесил по жалобам и ложным доносам того городка жителей; прочих всех привел к злодейской своей присяге, и было тут у злодея пьянственное веселие. Между тем собрав всю артиллерию, припася и порох, притом забрав казаков с собою, кои с ним могут держать разбой, уже стал против сил крепостных в превосходном числе и шел к крепости Рассыпной, вперед себя послал указ к коменданту Веловскому, чтоб он его встретил с честию без всякого противления, яко своего государя и царя.

3.

На что ему ответствовал комендант, что государем он от него не признается и встречен не будет, кроме как за самого сущего злодея и разбойника. Между тем комендант в крепости старался всячески делать защищение и ко охранению всех жителей; и как скоро разбойник подъехал с толпою к крепости под пушечный выстрел, — то вдруг с флангов и батарей открылась сильная пушечная и оружейная пальба. Между тем разбойник выбрав пристойные места, поставя артиллерию, начал в крепость беспрестанно из пушек бить, а толпы его начали крепость атаковать; и как скоро народ от стен отбили, тотчас ворвались в крепость, поймав коменданта и офицеров, муча их, напоследок казнил смертию, после того священника повесил и атаману голову отрубил. Черни тут много потеряно с обеих сторон. И так окончa злодей свое тиранство, забрав всю крепостную артиллерию со всеми припасами, а жителей разграбил, оставших

солдат и казаков взял с собою и потянулись к крепости Озерной, напротив его следовала команда к Рассыпной крепости на помощь под командою капитана Сурина; в степи разбойник повстречался, коих атаковав разбил, всех умертвил, солдат и казаков взял в толпу к себе.

4.

К крепости Озерной злодей подъехал, в которой было не больше сил как человек до 100 всякого звания. Комендант Харлов старался всячески делать сопротивлении и несколько раз стрелял из пушек, точию оное происходило по причине малости народа весьма недолго, скоро разбойник в крепость ворвался, коменданта и офицеров предал смерти, а прочих служащих забрал с собою, притом и артиллерию с припасами, и к крепости Татищевой потянулся.

5.

26-го сентября разбойник к крепости Татищевой приступил, в которой стоял корпус, присланный из Оренбурга пехоты и конницы 500 человек, кроме крепостных команд, под командою господина бригадира Билова, где уже сделаны были все распоряжении к охранению и защищению себя и крепости, артиллерия была с корпусом лучшая против крепостной. Поутру часу в седьмом злодей начал крепость атаковать, из показанной же крепости происходила сильная и страшная пушечная, из единорогов и оружейная пальба, чем разбойник три раза прочь от крепости отбит был с великим уроном; напоследок по несчастию всех жителей тоя крепости, близ коей стояли казенные конюшни с сеном, притом и ветр сильный дуя, оные конюшни зажгли, от которых и крепость загоралась, солдат и казаков от стен жаром прочь отбило, в то самое время разбойник вдруг сделал на крепость удар, в которую и ворвался, бригадира поймав, делал великие мучительства, напоследок вытаща из крепости, голову отрубили, а тоя крепости коменданта чину полковничья по фамилии Елагина с женою обще закололи, дочь их, которая того году отдана была замуж за вышеупоминаемого крепости Озерной коменданта. Харлова злодей и самозванец взял с собою обще с ее братом родным, и взял их с собою более месяца, напоследок обоих предал смерти, офицеров сколько было всех погубил, только спаслось двое бегом, солдат и казаков весьма много побил, оставших взял в толпу к себе, в числе коих оренбургского сотника и депутата Подурова, который и тепере у разбойника в шайке состоит в чине злодейского полковника, и оконча свое злодейство, дни с три разбойник с единомышленники пьянствовал, разграбя ж имевшую казну и жителей, и забрал с собою артиллерию с припасами всю, шел к крепости Черноречинской, которая не далее 17 верст от Оренбурга.

6.

Из показанной Черноречинской крепости по ордеру губернаторскому жители, которые послушав, священник, комендант и прочие, прибыв в город, а остались в крепости ссыльные, своекошные и отставные, некоторые ж казаки самовольно бежали к разбойнику, который с толпою оною крепости подъездом никакого разорения не делал, кроме показанных домов священнического, комендантского, офицерских и прочих, кои в город были взяты, тех домы разорены, а прочие все остались целы, которые ж ему разбойнику делали встречу, от него, злодея, были жалованы и допущены к прескверной его руке; больше ничем в той крепости не пользовался, как только скот весь отогнал и отъехал от оной крепости версты с полторы, в лугах остановился ночевать, где и капитана Нечаева повесил.

7.

Ночевав у Черноречья, 1-го числа октября по верхней дороге к загородскому губернаторскому дому по высоте степью всею толпою тянулся, а иные партиями бегали по сторонам, грабили и разоряли в разных местах хутора и скот, жителей городских отгоняли, приехав верстах <в> двух, стал на лугах под хуторами генерала Тевтелева; злодейская партия не оставили, чтоб не разорить дом губернаторской, а особливо святую церковь, которая была славно украшена, напоследок святые иконы находили у казаков под седлами, тот же день разбойник прислал к губернатору указ, чтоб он ему не противился и впустил бы в город без сопротивления и встретил бы так, как своего прямого государя, на который указ было от губернатора ответствовано прямо сущему злодею и от бога отступившему человеку и сыну сатанину, кое с его злодейством сходное, и послано с равным ему злодеем и разбойником, прозываемым Хлопуша, который у него был напоследок советником и общества злым мучителем и делал столько злодейства и разорения, ей описать не можно.

8.

Ночевал в показанных лугах. 2-го октября потянулся разбойник к Сеитовой татарской слободе, разделясь на две толпы, по обе стороны реки Сакмары и от Сеитовских оставших жителей был разбойник встречен и почтен был, так как он о себе дал знать за прямого государя, за что допущены были татара к прескверной его руке, от коих и подарки приняв, не сделав никакого разорения, и из той слободы потянулся к Сакмаре, а партия его была разослана по рудникам, деревням и крепостям для грабительства и забрания народа и всяких надобнейших припасов, а особливо пороху.

9.

Того же числа приехал к Сакмарскому городку, из которого от жителей и прямых раскольников была злодею встреча славная, как их отцу сатане, и священник встречу выносил святые иконы, в которой крепости ничем не пользовался, ибо артиллерия со всеми припасами была взята в город, а только от равных ему злодеев и разбойников был дарен и допущены были к мерзкой его руке, потом тянулся со всею своею шайкою за реку Сакмару, в сторону, лежащую к Оренбургу, расстоянием отъехал недалее как версты с две от Сакмары, стал лагерем от города Оренбурга расстояния в 27, куда его единомышленники грабительства партиями собрались с награбленным богатством и всякого звания людей привезено было много, где и повесил немало, да при том еще слух несся, якобы и курьера кабинетского повесил, пробыв два дня на одном месте, на третий день, то есть 4 октября, подвинулся к городу, подошед под крепость Бердинскую, в лугах лагерем расположился от города недалее десяти верст, злодейские партии к стенам на высотах показывались, город был уже весьма укреплен артиллериею и силою: пред сим за день прибыла из Яицкого городка семая легкая полевая команда, да Яицких казаков 400 человек со артиллериею и со всеми припасами в город.

10.

Ночевал разбойник в лугах под Бердом. 5 числа октября, поутру в 10м часу, показался по дву дорогам, то есть, по Каргалинской и Бердской, в великих толпах; в то время в городе ударена была тревога, от которого страха все себе жители представляли смерть, и быв великой плач и неутешное рыдание; армия вся уже стояла на стене вкруг города, в том числе и купцы были весьма стройно вооружены, а по стене артиллерия хорошо уставлена и конница в удобных местах стояла готова, как скоро будет приказано отворять ворота и разом ударить на разбойников, однако до сего не доходило, как разбойнические толпы подъехали в препорцию на пушечный выстрел, то вдруг со стены в толпы разбойнические открылась страшная и сильная пушечная пальба, чем толпы злодейские были остановлены, однако в малом числе злодеи близко к городу подбегали и кричали, чтоб в них не стреляли, а сдали бы город добровольно, потом немного поездя, попрежнему уехали в толпы свои, в то время загородная слобода зажжена по приказу господина губернатора, чем себя весьма и остерегли, видя ж разбойник неудачу в том намерении, что стоять ему противу города никакого выигрышу нет, не доходя до города версты за четыре, в степь к стороне востоку налево поворотил и протянулся в лугах, расстоянием от города верстах в 5 на озере, называемом

Коровье Стойло, лагерем стал, который имеется вверх по Яику близ дороги, лежащей к крепости Орской, с того времени к Оренбургу от разбойника все дороги заперты стали, и город прямо остался в осаде, и настала нужда крайняя в дровах, в сене и в других припасах домашних.

11.

6-го числа октября из города была высылка, нашего войска было до 2000 с половиною конницы и пехоты, артиллерии было — орудиев с шесть, и отошед от города версты с полторы, заняв пристойное место, начали в разбойника из пушек бить, и у разбойника были уже ночью сделаны батареи под горою и на горе, из которых открыл вдруг сильную пальбу в наш фронт, а конница злодейская стала заезжать на левое наше крыло, однако не удалось, не допустя наша армия до себя, делала великой отпор, а конница — сражение, отступя от своего места, следовала к городу без всякого почти урону с нашей стороны, только один был ранен вахмистр, да лошадей несколько, а у разбойника убито на месте из пушек и егерями из ружей много, а особливо легкие войска действовали на копьях из ружей хоро<шо>. В добычу получено от злодея 3 человека.

12.

Того ж числа по полудни в 10-м часу против Орских ворот, которые имеются к восточной стороне, от разбойника завезены были единороги, из которых пускал в город чиненые ядра для зажжения города, а другие подбегали к стене верьхами и делали тревогу, напротив того со стены артиллерия действовала в разбойника столь сильно, что не удалось ему более 10 выстрелов сделать, сбили с места, и тем от злодеев пресеклась стрельба, но жители были все в великом и неописанном страхе, тое ночь вреда никакого не причинено городу.

13.

8-го числа октября разбойник поутру в немалом числе с партией тянулся для грабительства к Меновному двору, по усмотрении ж из города оных злодеев, противу выслана была партия казаков яицких и оренбургских, кои потаенными местами близко подбежали и сделали на разбойников удар, коих и смяли на месте, покололи много, в добычу получено один значек, да человек до 20, с нашей стороны ни одного человека не потеряно, и с тою победою возвратились благополучно.

14.

9-го числа вторично из города была вылазка, одни легкие войска без артиллерии. Отъехав от города версты с полторы, было сильное сражение

из ружей и на копьях, от разбойников пальба была из пушек; а вреда нашим никакого не учинено; у разбойников на месте убито много, в добычу получено живых два человека, в том числе самых злодеев, с нашей стороны ранено три человека, в том числе коллежский регистратор Андрей Новокрещенов, который храбро против разбойников действовал и убил из своих рук злодеев три человека. Тот день тем и кончился.

15.

12-го числа октября третья была высылка; против первых вылазок было войско превосходнее, пехоты и конницы всей было до 2500 человек, артиллерии всей было орудиев до 12, одна гаубица, началось сражение от города верстах в 2-х, от разбойника заранее изготовлены были батареи в пристойных местах, как скоро наша сила, подошедши в препорцию выстрела, начала действовать сильно из артиллерии, напротив нашей от разбойника еще сильнее открылась с батарей пальба, толпа его злодейская, которой было против наших сил вчетверо более, заезжали на наше левое крыло и делали сильное нападение, где происходило ужасное сражение из ружей и на копьях, наши, видя столь превосходное число разбойников, отступя от места, маршировали к городу, они ж, усмотря движение нашего войска, почли тем себя и в выигрыше, начали на наших сильно нападать и гнались до самого города, в помощь нашему войску в злодея действовала со стены артиллерия сильно, чем злодеи и отбиты были прочь, коих на месте из пушек и егерями убито более 100 человек, сколько ранено, о том прямо неизвестно, при том еще в добычу получено 5 значков и в плен взято шесть человек, самых разбойников и сущих злодеев, а с нашей стороны убито солдат и казаков человек с 10, в том числе оренбургский казачий сотник Халевин, который был храбрый и верный воин, с тем возвратились наши войска в город.

16.

18-го октября фуражировали за сеном вниз по Яику реке; разбойник из лагеря выбравшись, весь зажег и сено отстоявшее, а потом кинулся обозом чрез степь к Берду, а партия его злодейская тянулась к городу, и некоторые из наездников подбегали к самым городским стенам и кричали, чтоб сдали город и не противились, а напротив тех злодеев производилась со стен пушечная пальба, тем злодеи отбиты прочь, отбежав от города на высоты в степь, усмотря наших фуражиров едущих, вдруг бросились великими партиями за Яик реку и делали на наших жестокое нападение, фуражиры ж, кои взяли перед, тем могли спастись и прибежали в город, задние, оставя возы с сеном, бежали далее в степь и прятались

в кустах, и тем многие спасли жизнь свою, а средние от разбойников были остановлены и, спасая себя, сделали из возов сенных городок, из которого производили сильнейшую со злодеями драку, до тех пор, покуда разбойники не привезли пушек, за производимою ж долгою пальбою у наших как пороху не стало и противиться было нечем, то злодеи воза зажгли, и народу укрываться было не можно, принуждены были выдти вон, и злодеи, напав на них, всех без изъятия покололи, некоторых же бегущих к городу хватали на дороге и брали в плен. С нашей стороны потеряно человек до 400, да лошадей до 1000, а разбойников на месте убито человек до 150. Пойман в плен сущий злодей и наездник казак Изюмников, а затем оставшие в лугах сенà все от разбойников сожжены, от чего жителям в сене сделался великой недостаток, а потому голод, напоследок многие люди скота лишились, всем градским жителям день сей страшен и слезами всяк наполнен был, все представляли себе погибель и день от дня ждали конца жизни.

17.

22 числа октября в день Казанския божия матери в начале 11-го часа по полуночи разбойник великими толпами показался и шел к городу приступом, а как со стены усмотрели, что вся армия в городе стояла в ружье по своим местам, и как подошел злодей в препорцию на пушечный выстрел, то начали с фасов действовать артиллериею неумолкно и в толпы их пускали бомбы, чем врозь и разогнали; напоследок разбойник, кроясь между оврагов и подошед к кирпичным сараям не далее от города полуверсты, поставя артиллерию под увалом, начал бить в город так сильно, что от ядер и необыкновенного страха почти не находили места и в домах своих, напоследок из оного места бомбами был выгнат и, не сделав злодей городу никакого вреда, рассыпались по степи и стреляли в город из разных мест, но градская артиллерия не давала места злодею с его артиллериею остановиться, к несчастию ж нашему служила разбойникам гора, которая не далее полуверсты; разбойник, завезя за оную артиллерию, начал производить пальбу в город столь сильно, что подлинно все жители были отчаяны жизни, столько много пущено было ядер, уповательно, что последний дом одно или два ядра имел, и сие происходило не менее шести часов, напоследок сбит злодей и обращен в место свое злодейское, а за помощию божиею и необоримые нашея заступницы почти никакого не сделал городу вреда и людям; с нашей стороны ранило разорванною пушкою двух рядовых и одного офицера, у разбойника доказывали, что убито много, всходствие чего и кровавые знаки, где его стояла злодейская артиллерия, усмотрены, и так тот день им злодеем не получено ничего желаемого.

18.

2-го числа ноября в начале 8-го часа разбойник, ночью сделав под городом, не далее полуверсты от оного, три батареи, из которых открыл столь сильную пальбу в город, что от такого происходящего с обеих сторон грому не только человеки трепетали, но и здания тряслись. Против же производимой из города пушечной пальбы разбойник по большей части тем только спасался, что у него по сырту были вокруг пушек шанцы и осыпаны в вышину землею, а если бы сего не было, то бы ему долго производить стрельбу и не удалось в город; оный способ дозволил ему злодею тот день весь с трех батарей в город производить стрельбу, и столько от злодея много пущено ядер, что не только домы оными биты, но и церкви божии не остались, чтоб не иметь ядра два или пять, а особливо в церковь Николая чудотворца ядер до 30 ударили, от которого страха в городе народ был отчаян жизни, к тому ж злодеи, спешившись от Яику, из-под горы намеревалися ворваться в город и ползя к городу стреляя из ружей и из луков так близко, что стрелы до рогаток и к валу прелетали и в их злодеев никаким образом из города из пушек и из ружей бить не можно, но по счастию нашему пред сим за день и Яик река встала, коей по другую сторону роща, итак по признанию за способный сему случай отправлены были в оную рощу чрез лес потайно егери и купцы волонтеры, кои, взойдя в ту рощу и поверставшись с ползущими под город злодеями, вдруг из ружей делали залп и разбойников по немногом стрелянии, в самое скорое время привели в смятение, что, видев из города, всякого звания люди чрез вал и злодеев гнали, кои, видя свою гибель, принуждены были от страха бросаться в воду и тонуть под лед, а кои бежали, тех градские гнали и кололи, также и отбили ружей и копий весьма много; конечно б не упустили их гнать и далее, но воспрепятствовали нашим завезенные у них, злодеев, на паперти церкви Егорьевской пушки, из которых неумолкно производима была как в стоящих на валу, так и в гонимых пальба, и тем пресекло путь далее нашим гнать злодеев; в церковь соборную ядер с 5 попало, в стены и крышку; того ж числа в доме убило оренбургского купца Илью Коченева за службою молебна, а дом его среди города стоит, после того убило ядром двух бухарцов у церкви соборной, а у дому губернаторского плотника, да на валу убито солдат 1, татарин 1; а у разбойника побито много, и пальба продолжалась до самой ночи, и от нас напротив злодейской стрельбы соответствовано было равно ж пушечной пальбой и напоследок пушечным отсель из единорога чиненым ядром подорвали у него злодея на батарее против Орских ворот порох, и затем еще злодей, простирая свою злость, и ночью палил, но не так сильно.

19.

Проводя тое ночь все в городе без сна, то есть на 3 число ноября, а как начался день, то разбойник стал палить попрежнему в город изо всей своей артиллерии, хотя и не так сильно, но только и сей день до самой ночи бил из пушек, испускал и чиненые ядра и старался, чтоб зажжен был город, однако его намерение совершиться не удалось, за помощию небесного отца никакого вреда в городе не причинил, напоследок к вечеру сделалась великая погода и мятеж, что его злодейству немало препятствовало, и так тем тот день окончился, а жители остались все в бедственном состоянии, и показывалась во всем нужда крайняя.

20.

9-го числа того ж ноября партия разбойническая в немалом числе стремилась к Меновному двору для грабительства, коих усмотрели из города; в преследование показанных злодеев была выслана партия яицких и оренбургских казаков потаенными местами, и как разбойники против них поравнялись, то вдруг наша партия, разделясь на две части, ударили сильно на копьях и саблях, тотчас злодеев смяли и привели в великую робость и сколько было возможно гнали, из которых убито на месте человек слишком до 70, притом отбит один значек и в добычу получено лошадей с седлами 150, у которых находили под седлами святые иконы, писанные на холсте, вместо наметов, кои награблены из губернаторской загородной церкви, и с тем благополучно наши войска в город возвратились. На выручку злодеев в великих толпах прибегали, но только уже никого из наших захватить не могли и не пользуясь ничем назад опрокинули.

21.

Того ж числа выезжала из города партия казаков по урочищам вкруг города неподалеку, и нечаянно съехались с партиею разбойническою, где было сражение из ружей и на копьях, с злодейской стороны убит 1 человек, в плен взято 2 человека, а наши в город возвратились благополучно.

22.

11 числа ноября из города была вылазка, войска нашего пехоты и конницы регулярных и нерегулярных всего около 1000 человек и 2 пушки, с злодейской стороны было силы противу нашей впятеро и артиллерии больше, сражение происходило из пушек, легкие войска из ружей и на копьях бились, со стороны разбойнической убито на месте человек до 30, да в плен поимано до 18 человек, сколько ранено, о том неизвестно, с нашей стороны ранено 3 человека, убитых не было, лошадей убито и ранено несколько, тем и кончилось, наши счастливо возвратились в город.

23.

13-го числа ноября к Оренбургу следовал из Симбирска корпус с 1500 пехоты и казаков сакмарских под командою господина симбирского коменданта Чернышева, до Оренбурга злодей не допустил, в 6-ти верстах или ближе по сю сторону реки Сакмары, под горою и на горе, называемого Маяка, атаковав, оный злодей тот корпус разбил и весь захватил к себе в добычу и, приведя в Бердинскую слободу, коменданта и офицеров без изъятия перевешал в тот же день, и солдаты со артиллерией и припасы остались у злодея в руках, только из оного корпуса спасся капитан Ружевский с двумя человеками, который прислан был от корпуса в город просить в помощь сикурса, почему хотя партия и была наряжена, только уже помощи подать не успели, в самое скорое время как партия из города выступила еще, прибежал казак, который в самое сражение в кустах укрылся и о несчастии учинившемся над корпусом доносил, что корпус разбит, со стен градских весь народ зрел и наша партия, слыша сие плачевное известие, обратно в город пошла, сие происходило сражение по полудни в 6-м часу и в 7; смотря на сию погибель безвинно страждущие жители градские, не оставался ни один стоящие на валу без слез и стенания, а особливо недостаток в пропитании представлял всех гибель и смерть.

24.

Того ж числа по полуночи в 3-м часу к городу на помощь следовал корпус из верхней Озерной крепости под командою господина бригадира и коменданта Корфа в 4000 человеках пехоты и конницы и артиллерии довольное число, который приследовал в город благополучно, хотя разбойники и в великой силе выбегали, чтоб перехватить следующий корпус или злейше сделать нападение; но только им не удалось, корпус мог то место переследовать, где злодеи после собрались великою толпою следующих, счастие или особливая от рук тирана и мучителя, по справедливости сказать, заменил их жизнь господин Чернышев, которого тот день обще с прочими обер-офицерами тиран вешал и, погубя неповинных душ, делал с единомышленниками пьянственное общество, и между тем корпус примаршировал в город, против же наиближайшей злодейской толпы из города были высланы легкие воинские казаки яицкие и оренбургские, кои имели сражение, с стороны злодейской на месте убито что нелучших наездников и воровских советников 6 человек, в том числе особливый злодей Самодуров сын убит же, сколько ранено, о том неизвестно, сражение ж происходило не далее от города полуторы версты, с нашей стороны убитых не было, а только ранен один и то легко, и так возвратились с победою благополучно.

25.

14 числа ноября, соединясь силы городские с пришедшим корпусом, всего пехоты и конницы около 4000, собравшись, сделали главную вылазку против разбойника; маршировала наша сила к крепости Бердской, к которой не ходя версты с две, на холму пехота остановилась с сильной артиллерией, а конница, казаки и драгуны у пехоты закрывали правое крыло, взошедши ж пехота на показанный холм, начала в злодея производить пушечную пальбу, а особливо из единорогов чинеными гранатами; разбойник скоро, стремясь из крепости вон, выбирался в степь, у которого уже были заблаговременно поделаны батареи в овраге, от крепости не далее в полверсты, в нижнем конце оврага, где дорога лежит в крепость, из оного места первая показалась батарея ужасная, несколько погодя вторая еще сильнее и первой открылась, по тому ж оврагу вверхь в конце от дороги, лежащей к Каргалинской, столь сильно начал бить, что не много наша армия нашей и злодеев не менее было верста 1 или 2; видя ж наши, что силы злодейской противу наших в пятеро более, поворотя с места, маршировали к городу, и тем злодей сделался в выигрыше, к чему вдруг его подвигла конница разбойническая, на нашу силу устремилась, сильными ударами из артиллерии от злодея било из многих мест, а особливо с холма, с которого сбили нашу армию так сильно, прямо сказать, как из ада дышали и гнали наших до самого города, хотя и делали наши отпор, но стоять не могли, чрез что были отчаяны надежды, однако за помощию божиею и предстательством божия матери до города дошли, и от разбойника получено в добычу 6 человек, в том числе старик Шелудяков, к которому Самозванец на хуторы пришел и партию собрал, оного старика почитал равно, как отца своего сатану, жалел о нем и неоднократно присылал и просил, чтоб его выпустили, однако того не сделано. На месте убито человек до 200, а сколько ранено, о том неизвестно, а с нашей стороны убито и ранено 97 человек. Оное сражение началось по полудни в начале 3 часа, окончилось в исходе 5-го. С сего времени день ото дня начали в городе жительствующие чувствовать во всем великой недостаток, а особливо в хлебе, который стал входить в высокую цену; обыкновенная четверть ржаной муки, какую солдатам дают, превзошла в продаже ценою в 25 руб.

26.

10-го ноября из города фуражировали за сеном вверхь по реке Яику верст за 20, коих усмотря, разбойники, собравшись большою партиею, за нашими бежали и делали нападение, кои из наших могли взять перед, те вбежали в город благополучно, а задние в кустах спаслись, средних же

захватили, но немного, только 3 человека, оставшие на дороге в возах сено всё сожгли и с телегами. Из города была выслана партия казаков человек со 100, коих усмотря, злодеи скоро потянулись назад в крепость, а наши возвратились без действия.

27.

20-го числа ноября яицкие и оренбургские казаки выезжали из города против злодеев, и сражение было с обеих сторон, а никого не убито и не ранено, самовольно в город из злодейской толпы выбежали яицких казаков 2 человека.

28.

24 числа ноября яицкие казаки ездили для объезда вокруг города не далее от города 5 верст по сторонам, от разбойника поймали шатающихся двух башкирцев и двух закололи, с нашей стороны не потеряно ни одного человека.

29.

26 числа ноября выходили из города войска, пехоты и конницы было до 2000 человек и несколько пушек, а от разбойника было силы противу нашей втрое, сражение было у легких войск из ружей и на копьях, сверх того и пушечная пальба с обеих сторон происходила, с нашей стороны ни одного не убито, ранено 3 человека, из злодеев убито и ранено много; из нашего войска ушло два человека калмыков и один татарин.

30.

30 числа ноября выслано было из города войска конницы, драгун и казаков, 150 человек и 5 пушек, от разбойника силы было в пятеро больше, сражение происходило из ружей и на копьях, а потом с обеих сторон страшная пушечная происходила пальба; с нашей стороны ранено казаков человек до 10 и несколько лошадей, у разбойника убито и ранено много. Сражение происходило от города верстах в двух с половиною, с тем и возвратились, а голод в народе весьма уже умножился, чрез то нищих появилось весьма много.

31.

От 3 числа декабря по воскресным и праздничным дням читано было в церквах при многонародном собрании сочиненное его преосвященством Вениамином архиепископом Казанским и Свияжским увещание, касательное до народа, коим огорченный и утесненный народ весьма был ободрен,

порадован и обнадежен божиею помощию. Случившиеся в первый день оного читания слышатели сего слова старались рассказывать друг другу о таковом утешении, и так всяк старался быть для слышания оного в церковь божию, а другие с жадностию в домы своя брали и тем себя и огорченный дух успокоивали; оное ж увещание состояло следующего содержания:

Божиею милостию
смиренный Вениамин, архиепископ
Казанский и Свияжский,

врученной нам паствы епархии нашей, всем православным сыновом мира, здравия и всякого благополучия от господа бога желаем.

Долг пастырского нашего звания, хотя и всегда, но наипаче <во время> киих либо явных нестроений, обязует нас бдити и всевозможное тщание прилагати о врученном нам от бога словесном стаде, проразумевая, дабы всяк ходил неуклонно путем правым своего звания, в коем бог его поставил, а не по стремнинам суемудрия и богопротивных заблуждений, их же кончина есть погибель; тем убо, а не иным предложением и ныне от сердца подвигшеся к вам о Христе чадом нашим сие простираем слово, с Петром апостолом моляще коегождо вас: потщитеся, братие, известно ваше звание и избрание творити: сие бо творяще, не имате согрешити ни пред богом, ниже пред человеки: пред богом яко волю его святую и совершенную исполните, пред человеки же яко здравы и полезны общества члены в союзе мира и любви пребывающе, к крайнему общежительства концу, иже есть тишина и благоденствие, и сами достигнути и другим споспешествовати имате; аще убо желание таковыя в вас святыни и целомудрия услаждает души пекущихся о спасении вашем, то коликая была бы радость видящим преспеяние вашея веры, благонравия, ревности, смиренномудрия и послушания! Се прямая была бы слава и похваление православия вашего пред языки, иже видяще добрая наша дела, прославили бы и сами отца нашего, иже на небеси. Сим, аки драгоценным венцем украсившися, церковь наша восторжествовала бы яко матерь о чадех веселящаяся блистающе светом благочестия во всей подсолнечной.

Но враг древний оный вселукавнейший змий и скорпий ненавидяй <добра> аще и попран не терпит в райском наслаждении покоитися церкви божией и сокрушенней сущей его главе безбожия, идолуслужения и ересей слабым зловредным своим расколов и ухищрений хободом покушается отторгнути, поне часть некую от звезд мысленного неба и не престает помощию предотечь своих, сынов погибельных, слепых и беснующихся человеков, или паче чудовищ и извергов естества, которые ниже взирают

на бывшая ниже будущая рассуждают, но некиим лестным мечтанием услаждающеся слепо стремятся к своей погибели, тех, говорю, помощию или паче безумною и богомерзкою дерзостию, тщатся возмутити тишину благословенныя Российския державы, возбудитн мятеж и нестроение в пределах богохранимого и издревле законными монархами премудро управляемого отечества нашего; проклятое сие во языцех и варварех богоненавистное же в христианех злодейство с бедственным терзанием матерния своея утробы, Россия чувствовала уже прежде не единою от родных своих чад или паче извергов пременившихся в ехиднино порождение разных самозванцев, яко то богоотступного расстриги Гришки Отрепьева и ему последовавших, потом Стеньки Разина и других лже именитых продерзателей их же всех суд божий долго жити не остави, яко с Давидом всякому глаголати: видех нечестивого превозносящегося и высящегося яко кедры ливанские и се мимо идох, и не бе, взысках, и не обретеся место его; зане яко трава скоро иссохша и яко зелие злака скоро отпадоша; не возмогшим бо еще им святотатских простирая в беззаконии рук своих отрыгнути глаголы потопные и словеса ненавистные на святого израилева, абие разруши бог их до конца; тело их, сосуди мерзости и органи диаволи, расторже меч правосудия царева и испепели огнь законного мщения его, злые же души их пресели бог от земли живых, от достояния кротких, от жилища святых в тартар геенский идеже на суд великого дне узами вечными под мраком соблюде, имя же их всегдашнего забвения достойное церковь православная по заповеди господней, летнюю о благочестивых память творя, предает анафеме и вечному проклятию; и тако по свидетельству апостола Иуды в пререкании Карееве и в делех нечестия своего телом и душею и именем вечно погибнут.

О, крайнего нечувствия! Аще сие кого не устрашает: таковый суд божий на нечестивых возмутителей церкви его и на святотатцев похищающих честь, славу и власть законных помазанников его изложенный и самого, мню, ожесточеннейшего сердцем и на всякие пороки аки меска упорно стремящегося, был бы силен обуздати и привести в сомнение, в познание своея должности.

Но, о болезненного воспоминания! Привнидоша и ныне человецы древле на честное оное осуждение предуставлении, нечестивии от бога нашего благодать прелагающе в скверну, о господстве нерадящии, продерзатели, себе угодницы, славу хуляще не трепещущи, яснее рещи сонмище богомерзких мятежников предводительствуемое сыном ада и другом бесов и наперстником сатаниным, нечестивым раскольником церкви неповинующимся, слепым вождем глупых, беглым казаком (по природе мятежным) Емелькой Ивановым сыном Пугачевым, который, как многим известно,

да из высокомонаршего об нем октября 15 дня изданного манифеста явственно, пресмыкаясь по разным других стран раскольников скитам, наконец собрав сонмище нечестивых себе подобных злодеев из яицких селений, дерзнул святотатски похитить и присвоить себе имя покойного императора Петра третьего и тем, паче же мечем, ово устрашая малодушных, ово коварством яко волк овчею кожию покровенный прельщая несмысленных, привлекает к богопротивной своей измене в нарушение клятвы и данной правильному государю присяги, обещая всем к нему прилепившимся, аки сатана искушаемому Христу богу, мечтательная царствия земная, чем отступник оный и вторый Иуда предатель малорассудных людей приводит в развращение и совершенную погибель.

О, вещь христианству поносная и всегдашних горьких слез достойная, увы, злоключение времен наших! Како христоименитые люди светом правоверия просвещенные о камень соблазна бедственно предкнушася, како сынове российстии, верностию к своим государем и усердием к отечеству древние и новые времена удивившие, в вечный порок отступства и предательства безумно ползнушася! Егда не ведяху словес самого бога, усты Соломоновыми реченных: мною царие царствуют и сильные пишут правду. Егда неколи же слышаша Даниила пророка вслух всего мира вопиюща: да уведят живущая на земли яко владеет вышний царством человеческим и ему же восхощет, даст е; от сих словес уведевше, яко законные царие сущие власти от бога учинены, по воле его царствуют, еда не может и самый невежда заключити яко противу хотения его о себе приемлющие высокое титло, сии суть богопротивницы, ополчающиеся противу самого царя царей, по слову апостола Павла: противляяйся, говорит он, власти, божию велению противляется, противляйся же грех себе приемлет, грех же не точию в жизни сей без пощадения наказываемый, но и в будущей весьма непростительный; боязненно есть впасти в руце человеческие, но коль страшнее впасть в руце бога имущего власть тело и душу вовреци в геену огненную.

Сего ради к вам, возлюбленная о Христе чада, соблюдшим доселе веру к богу и верность к истинной своей государыне сохраншим и ревности отечеству ненарушившим, обращаем слово: трезвитеся разумом, бодрствуйте в вере, стойте непоколебимо в данной вами присяге и крестном целовании и обещании пред богом, яко и смертию запечатлите любовь и покорение к высочайшей власти, мужайтесь против всех ратоборцев и льстецов и нарушителей общей тишины и благоденствия, утверждайтеся в благодушном повиновении господа ради сице царю, яко законно преобладающему; аще ли же князем, яко от него посланным; служители бо божии суть войско сие пребывающе и не без ума меч носяще, но во отмщение злодеем, в похвалу же благотворителем; тем же потреба повиноватися им

не токмо за гнев, но и за совесть, сего бо ради и дани дайте им не на иждивение в сластех, но на стяжание вашей безопасности и благополучия; елицы суть под игом рабы своих господей всякия чести да сподобляют, пребывая во всем благоугодны, непрекословны, некрадущи, но веру всяку являюще благу, да имя божие не хулится и учение; не точию делом противная власти творити грех есть, но мыслить и глаголати хульная тако кротким, яко и строптивым не подобает; любы бо христианская не мыслит зла никому же и князю людей злословити запрещает сам господь; познавайте духа божия и духа лестча, не всякому духу веруйте, но искушайте духи аще от бога суть; иже бо здравого и мирного учения вам не приносит, сей есть антихристов, не приемлите его и радоватися ему не глаголите, но изымите такового от среды вас и предайте его осуждению и наказанию учиненней от бога власти; станите препоясании чресла ваша истинною и приимите в защищение правды вся оружия божия, яко возмощи вам стати противу козням диавольским, против нарушителей веры и преданий церковных, противу хулителей чести и похитителей власти царской, словом, противу всех безумных свободолюбцев, покой души и жизни вашей, також чин государственный дерзостно возмущающих; ведите яко защищая веру, закон, предания и поборяя за славу государей и целость отечества, тем самым подвизаемся за честь божию и свое спасение, соблюдаем наше и ближнего благополучие; в сем благом намерении господь сил поможет вам и препояшет вас силою свыше, споборет же вам купно с ним и весь мир на безумные, глаголющие на праведного гордыню и уничижение. Крепко уповайте яко не дремлет, ниже уснет храняй Израиля; не укоснит бог отмщений сотворити месть беззаконным, в скорбление бо помазанных его, им же и прикасатися не повелевает; расхищение и сквернодейство давно уже вопиют во уши господа Саваофа, почему вскоре не оставит ‹жезла› грешных на жребии праведных.

И сия не от себе, но от истинных словес божиих предложити пастырьми потщихомся споспешествуя ревности кротких и послушливых сынов церкви святительским нашим благословением и молитвою, мир на них и милость божия; не покоряющихся же истине сей, по данной от архипастыря начальника власти связуем нерешимыми узами отлучения от церкви и жребия верных в сей жизни, в будущей же достояния святых. Аминь!

32.

11 декабря из города была вылазка. Войска нашего было конницы и пехоты 2,000 человек и 6 пушек, у разбойника противу нашей силы в четверо было. Казаки сражались на копьях и из ружей стреляли, а при том несколько действовала и артиллерия; с нашей стороны никого не

убито и не ранено, а только несколько лошадей ранено, а у разбойников в плен взято 2 человека, убито человек до десяти, а сколько ранено, о том неизвестно, и войско наше возвратилось счастливо.

33.

15 числа декабря из города была вылазка, пехоты 1,500 человек, конницы 1,000, артиллерии пушек с 15. У разбойника силы и артиллерии противу нашей в пятеро больше; драки почти совсем не было. От нас к разбойнику бежал сотник, из яицких калмык, который после от разбойника повешен; с стороны ж злодейской поиман яицкой казак. Сколько у них убито и ранено, неизвестио.

34.

20 числа того ж декабря, поутру, разбойник сильною толпою приступил к городу не менее как 10,000 человек и с артиллерией, противу которого выслаио было войска нашего пехоты и конницы до 2,500. Сражение началось от города не далее 2-х верст. Сперва съезжались легкие войска, а потом с обеих сторон открылась сильная пушечная пальба, которая началась пополуночи в 10 часу, а продолжалась по полудни часу до 2-го беспрерывно. Казаки весьма сильное сражение на копьях и из ружей имели, напоследок разбойника сбили с места и гнали в Берду, коих убито на месте человек до 20, а сколько ранено, неизвестно. С нашей стороны казак 1 ранен и несколько лошадей.

35.

На 25-е число в ночи против праздника Христова рождества посланы были за сеном из города человек до 100, по большей части из Каргалинских татар, кои по накладке сена готовились ехать в город, — вдруг на них сделали разбойники удар и захватили к себе в толпу всех людей, а только остались те, кои на отъездном карауле стояли — 3 человека.

36.

Показанного месяца 29 числа разбойники в 3,000 или более подбегали к городу не далее полуторы версты, напротив коих высланы были из города драгуны и казаки. Сражения не было, а только с городской стены происходила пушечная пальба, от которой злодеи, по степи рассыпавшись, обратились в свое злодейское место.

37.

Того ж числа пополудни в 9 часу разбойник, потаенно подошед к кирпичным сараям, поставя артиллерию, начал сперва палить из пушек,

а потом из единорогов, пускал гранаты для зажжения города, но того ему злодею сделать не удалось; а производимою со стены из пушек пальбою сбили его с места, и следующая ночь была провождена во всякой ‹тревоге›, не смотря на стужу, также и обыватели береглись от пожара.

38.

2-го числа генваря наступившего 1774 года из города казаки выезжали за талами и другим мелким лесом для кормления лошадей, ибо сена не было. Разбойники, усмотря с горы Маяка, дав знать в Берду, откуда тянулись злодеи, скача на лошадях по степи, подобно бешеным, хотя наших получить в добычу, но того им не удалось: ибо как скоро из города оных злодеев скачущих усмотрели, тот же час командировали противу их казаков, коими и путь разбойнический пресечен, и гнали их до кирпичных сараев, где, остановясь, чинили сражение, а напоследок два сильные удара и столько сильно сражение на копьях и ружьях происходило, что такого еще, как сказывают те бившиеся казаки, не бывало; напоследок же, по многом сражении, злодеи сбиты и гнаты были к Берду. Урону с нашей стороны не было, только ранен 1 человек, а у разбойника на месте убито 4 человека, а сколько ранено, о том неизвестно. Того ж числа и последних лошадей в городе без корму лишаться стали, и хлеба ржаного муки четверть продавалась в 80 и 90 рублей.

39.

5-го числа того ж месяца яицкие казаки для переговорки со злодеями из города выезжали; злодеев было человек до 30-ти, за коими далее версты и еще до 100 стояло, да потаенно за горою до 500. По переговоре, злодеи к нашим ближились да и дальние начали приближаться ж. Казаки наши, видя опасность, учинили ретираду к городу и отстреливались из ружей; а злодеи устремились их захватить; а как наши стали под прикрытием, близким городских пушек, то ударила на них потаенная злодейская толпа, но за помощию божиею никакого вреда не учинила: только ранен 1 казак, а сколько у злодея убито и ранено от происходящих от наших казаков из ружей выстрелов, того неизвестно. После чего взята осторожность, и такие с злодеями переговорки отменены.

40.

9-го числа генваря из города была высылка пехоты и конницы тысяч до 3-х с половиною, пушек до 10. Армия разделена была на 2-е части: первою, правым крылом, командовали гг. маиоры 8-й полевой команды Михайло Зубов, 2-го Троицкого баталиона Павел Демидов, второю

частию, левым крылом, 4-го Оренбургского баталиона премиер-маиор Панов; между корпусами было расстояние версты полторы, и противу разбойника стояли столь храбро, так, как верным, добрым и послушным рабам надлежало, а особливо г. премиер-маиор Панов, что с валу было видно, стоял отлично и злодею причинял великой урон, от чего не устоя, злодей, обратясь, тянулся к Берду. Силы злодейской противу нашей было в пятеро, и они злодеи покушались неоднократно наши корпуса атаковать, и между реченных корпусов также и вокруг хотя и бегали большими толпами, нашим корпусам причинить вреда не могли, егери стояли храбро, а между тем из единорогов в толпы били картечами, коих скоро обратили в бег. Потом обе реченные две части соединились вместе и на секурс оных еще из города была небольшая вылазка, корпус, под командою г-на маиора Наумова, коим злодеи выстрелами из единорогов в большую робость приведены и в бег обращены, а наши войска в город возвратились благополучно.

41.

13-го числа того ж генваря день сей жителям и на валу стоящим представлялось плачевное зрелище. На сражение противу разбойника, войска нашего пехоты и конницы тысячи три с половиною выходило, в том числе конницы до 700 разделились на три части деташемента. Командовали первою частию оренбургский обер-комендант г-н генерал-маиор Воллестерин и занимал место с восточной стороны от Берда, нужное место злодейское; второю частию командовал Озерной крепости г-н комендант и бригадир Корф, который прошед холм, содержащий навсегда злодейский пикет, не доходя до Берды версты за две, остановился на дороге, лежащей к Берду; третьею частию командовал г-н маиор Наумов, заходил от запада и очень близко подошед к Берду, все части ко оному подошли в препорцию выстрелов и начал действовать из единорогов чинеными гранатами в злодея, находящегося в крепости, столь сильно, что злодею не удалось чинить ни малого сопротивления, а выбирался весь в степь скоростию и с немалым уроном, но вышли из сей крепости, состояли почти все в коннице. Выбрав злодей для артиллерии пристойные места, которую поставя противу наших российских войск, производил сильную пальбу, а конница великими толпами нападала на наши корпуса и конницу, и с обеих сторон страшное происходило сражение и столь опасно, что все жители не считали *о вои*[1] наших спастись одному человеку, ибо превосходная против нашего в десятеро злодейская толпа принудила наших

[1] *Против* о вои *на полях знак:* NB

уступить свое место и ретироваться к городу. Почему от злодеев наисильнейшее учинено нападение, от чего фронт наш расстроился, в который они злодеи ворвавшись, многих офицеров и солдат покололи и в плен много побрали, всего 400 человек, 9 пушек, 3 единорога и несколько артиллерийских припасов захвачено в место сражения, и улицы градские, по которым местам были везены убитые и раненые, обагрены были кровию. Оное сражение началось по полуночи в 7-ом часу и продолжалось часу до 12-го, всего 6 часов. Жители ждали окончания сражения и взирали на плачевное состояние войск наших с прискорбностию. Г-н губернатор генерал-поручик и кавалер Рейнсдорп в то время ходил по валу и старался ободрять народ. После чего наивящий недостаток последовал в хлебе, и час от часу приходил оный в высокую цену: ржаной муки четверть началась покупаться по 130 рублей и более, и то с великим трудом отыскать было можно, пшеничная мука по 140 руб., солод и крупа той же состояла цены, мясо пуд по 8 и по 10 руб., рыбы пуд 14 руб., масло коровье фунт по 1 руб., сена воз обыкновенный 18 руб., дров воз средний 90 коп., капуста белая ведро 3 р. 50 к. и 4 руб., лошадиного мяса пуд 4 руб. От недостаточной пищи последовало народу великая тягость и умирало много, словом сказать, очевидная представлялась смерть по неимению хлеба.

42.

22 числа того ж генваря, часу во 2-м по полудни, разбойническая партия в небольшом числе подбегала к городу, а большие толпы стояли от города верстах в четырех. Наездники их подбегали к стенам градским недалее сажень ста полтора, в которых со стен из пушек картечами били и подбили у одного лошадь, коя и с седлом им злодеем брошена, а самого разбойники увезли в толпу. После чего высланы были из города казаки; с обеих сторон происходила оружейная перестрелка, вреда нашим никакого не сделано, а о разбойниках неизвестно, сколько побито и ранено, и с тем высланные казаки возвратились в город.

43.

22 числа февраля злодейские партии, первая во 100, а задняя в 80 человеках, подбегали к городу, в коих с городовой стены стреляли из пушек; злодеи безо всего возвратились в Берду. В тот же день отделенная разбойническая из башкирцев партия вверх по Яику реке на озерах, напав на наших городских рыбаков, 9 человек захватили, коих через степь в Берду с одним башкирцем отправили, которого злодея рыбаки в степи связали, притом еще ударя в голову пешней, и там усмиря его

привели в город. От сего злодея приятное получено известие, ибо от злодеев в поимке языков долгое время не было. Оный башкирец в допросе показал, что к Оренбургу в помощь следует армия, и разбойническая толпа от оной армии неоднократно была разбита. Известие сие служило чрезмерным порадованием несчастливым гражданам и злостраждущим от голода.

44.

20 числа марта разбойник из Берды тянулся к Чернореченской крепости и дальше, тысячах в шести и более конницы, а по большей части пехоты; а куда действительно движение его злодейское простиралось, о том в городе неизвестно было; по примечаниям напоследок узнато было: оный злодей стремился противу следующей к Оренбургу ее императорского величества армии. Граждане всеусердно всевышнего отца просили о получении над злодеем победы и о защищении сынов отечества от варваров.

45.

21 числа того ж месяца из города была высылка яицких казаков и оренбургских и калмык, всего человек до 1000, и пять пушек, которые отходили от города не далее полуторы версты, а далее следовать за глубокостию снега было невозможно. Остановясь в вышепоказанном месте, смотрели на злодеев, о коих хотел г. губернатор знать, есть ли они в крепости или нет, чрез то но знато,[1] не ходя далее, без всякого действия в город возвратились. Разбойников показывалось на холму противу наших войск в четверо больше, и злодеи, несколько постояв, опрокинулись взад, в гнездо свое проклятое.

46.

По известиям точно в городе Оренбурге означилось, что 21 числа марта злодей с своей толпою пришед в Татищеву крепость, в которой делал укрепления к защищению себя противу следующей армии.

47.

22 числа марта армия ее императорского величества под командою г-на генерал-маиора и кавалера князя Голицына к крепости Татищевой приследовала благополучно, в которой злодей засел в 9,000 человеках и дожидался от следующей армии атаки, не показываясь ни в крепости ни в степи толпами: господин главнокомандующий генерал, как повел

---

[1] *Против слов* они в крепости или нет, чрез то но знато *на полях знак:* NB.

к крепости атаку, а злодей уже был изготовлен к сопротивлению, как войска наши подошли на пушечный, а особливо под картечный выстрел, столь сильно от злодея открылся огонь, хотя бы от самого формального неприятеля более б быть не могло, а особливо пушки у него были злодея для выстрелов картечных широкодульные, коими и убило у нас немало. Но напоследок милость всевышнего отца, подкрепя солдат и предводителей, злодея с батареи сбили и артиллерию всю отбили, разбойников до 4,000 побили, с 3,000 в полон взяли да пушек разных калибров 32. Сам Емелька из крепости бежал в 3-х человеках, и хотя за ним гусары и чугуевцы казаки и гнали, но за усталью лошадей не могли преследовать. Некоторые разбойники тянулись по дороге вниз по Яику реке, лежащей к крепости Озерной, которых почти всех без изъятия побили. Был злодей в 9,000, в остатке явилось немного. С нашей стороны был урон не мал же. Сими непобедимыми героями крепость Татищевская из-под ига разбойнического освободилась.

48.

23 числа марта злодей в Берденскую крепость поутру, рано, в показанных трех человеках прибежал, взяв с собою разбойников в 5,000-х, бежал из крепости вон за реку Сакмару, в степь, притом взял 10 пушек, о которой его утечке из крепости дано знать скоро в город, также и главнокомандующему генералу Голицыну, от которого тогож часа для поиска в степь отправил деташемент под командою господина подполковника гусарского Бедряги, который неусыпным своим старанием и верностию скоро в степи преследовать мог и славную над ним разбойником победу одержал: отбил 5 пушек, побил злодеев с 2,500. И так, остался уже разбойник в половинном числе, как в артиллерии, так и в людях. Видя ж злодей свою неудачу, бежал с последними в степь, оставя крепость Бердинскую вправе, протянулся в слободу Сеитовскую, которая от города в 18 верстах отстоит, прибежав в нее, делал великое грабительство и много жителей из татар казнил смертию. Окончив свое злодейство и недолго побыв, провалился в Сакмарской городок не далее, кои от слободы как в 10 верстах. Партия его злодейская в то время, отделясь человеках в 100, прибегали в Берду, в которой городских жителей застав, всякого звания солдат и прочих кололи, а иных угнали с собою в городок Сакмарской. Нужда была городским быть в Берде для покупки хлеба, хотя город сим и был встревожен, но не так как прежде были безнадежны, а впредь остались во ожидании от бога помощи и приближающихся войск. На другой день приследовали силы пехоты, конницы и гусары, чрез что градские жители стали себя почитать впредь живыми.

49.

31 числа марта главнокомандующий г-н генерал-маиор и кавалер князь Петр Михайлович Голицын в крепость Бердинскую прибыл поутру; тот же день посетил и Оренбург. Сколь сему любезному гостю весь город, можно сказать, был рад, описать не можно, не только человеки были в восторге, но издали казались переменными. Квартиру его превосходительство имел в доме у г-на заводчика Твердышева, где несколько пробыв время и отобедав, обратно к войскам своим в Берду возвратился. Жители градские сего для́ прямо уже почитали себя счастливыми впредь для жизни. Оный же день и город отворили, всякому въезжать и выезжать стало свободно.

50.

1-го числа апреля г-н генерал князь Голицын, разделя корпус на три деташемента, назнача всякому свое место как следовать к Сеитовой татарской слободе, из Берда со всеми войсками выступил, которому вдобавок оставшие легкие войска в Оренбурге из яицких и оренбургских казаков прикомандированы, притом довольное число купцов. Армия следовала до половины пути, разбойников не видно было нигде. Как только приближались к Сеитовой слободе, не допустя версты за две, разбойник на передовых великими толпами делал нападение, однако ему тирану не удалось нигде остановиться. Как скоро гусарские эскадроны приближались и получа повеление от командующего генералитета, не смотря ни мало на толпы злодейские, что они многолюдны, бросясь вдруг, коих тотчас смяли, гнали, били по пути и кололи, много, притом и две пушки, преследовав в татарскую деревню за злодеями, в коей застали Подурова вора, который у злодея был в чине полковника, пойман со многими ему подобными ворами. Злодей с оставшими тянулся вверх по реке Сакмаре к пильной мельнице, где у него тирана был скоп злодеям немалый и батареи поделаны в 5 пушках. Только как легкие войска приследовали к мельнице, усмотря толпу злодейскую, остановились, дожидаясь повеления к атаке, и как скоро получа повеление, храбрейшим ударом и неустрашимым духом сделали нападение; они ж видя, злодеи, храбрость гусар, казаков чугуевских и прочих, немного могли стоять против сил непобедимых героев, скоро с места сбиты, пушки все отбиты, злодеев побито на месте и по дороге к Сакмаре, куда злодей с оставшими бежал, более полуторы тысячи и несколько поранено и в плен взято. Видя тиран свою неудачу, прибежал к Сакмару, в которой пробыв не более четверти часа, бежал вон за реку Сакмару, по дороге вверх лежащей к селу надворного советника Тимашева, прозываемое Никольское, с оставшими, коих не более 150 человек. В Никольском обрав у крестьян лошадей, тянулся вон того ж

г-на Тимашева к селу, называемому Ташла; гусары и казаки за злодеями гнали далеко, но за усталью лошадей преследовать не могли, и тем разбойник с единомышленниками спасся и бежал в Ташлу, ночевав, тянулся к заводам далее, куда за ним и армия пошла. Тот же день для поиска задние войска преследовали в Сакмарской городок, находили злодеев много, укрывшихся в разных местах, коих управляли добре. Г-н генерал князь Голицын, сделав все распоряжения к преследованию Самозванца, выкомандировал в места деташементы, сам со штатом своим из Сакмары прибыл в Оренбург, которому герою все жители градские были рады и остались за сим благополучными.

51.

От 7-го числа того ж апреля получено увещание вторично, сочиненное его преосвященством Вениамином архиепископом Казанским и Свияжским, по вся воскресные и праздничные дни при народном собрании было читано, коим отчаянный народ наслаждался, был весьма подкреплен, и волнующиеся духом о имени покойного государя императора Петра третьего, которое взял на себя злодей, будучи уверены его преосвященством, в мыслях успокоились и питались наслаждением оного недовольно слышанием в церквах, но и брали в домы с великою жадностию и, друг другу то уверение его преосвященства рассказывая, за подлинно все признавали императора Петра третьего умершим, одним словом сказать, что весь город о том только и говорил. Оное ж увещание состояло следующего содержания:

Копия.

Божиею милостию
смиренный Вениамин, архиепископ
Казанский и Свияжский,

врученной нам паствы епархии нашей всем православным сыновом мира, здравия и всякого благополучия от господа бога желаем.

Всяк просвещенный в разуме человек довольно знает, что власть царская (яко самим богом узаконенная) от самого начала видимого сего мира во всякое время священно и благоговейно почитаема была, до ныне есть и даже до конца света пребудет, ибо в ней начертавается божия всемогущества образ, блюдется ею законов божиих и прав гражданских нерушимость, хранится общенародная тишина и покой на ней утверждается, всё к житию к человеческому принадлежащее благоустройство.

И потому нанесенные царю яко господню помазаннику обиды от самого бога, учредившего власть сию на земли вместо себе, наказываемы бывают

яко собственно его лицу причиненные, по оному Павла святаго слову: месть мне и аз воздам, горе ж человеку впадшему в руки бога жива, предваряя бо его суд неумытный, ожидает вечныя погибели, блюдется для такой некончаемой во аде муки.

Но вопль пророка Илии, сильного ревнителя по закону господню, который в древние веки наполнив жалобами вся пределы Иудейские взошел на небо и кричал пред всесущим: ревнуя поревновав по господе бозе моем вседержителе яко оставиша завет твой сынове Израилевы, пророки твоя мечем избиша, олтари твоя раскопаша, сей, говорю, жалостный вопль ныне церкви российския кровию Христовою стяжанныя в горести и стенании пред великолепный престол господень вознося с царствующим Давидом во уши господа Саваофа восклицаем: боже, приидоша языцы в достояние твое и оскверниша храм святый твой, положиша трупие раб твоих брашно птицам небесным, плоти преподобных твоих зверем земным, пролияша кровь их яко воду, и не бе погребаяй.

Возникли бо паствы нашея, первее в Оренбургской, а потом в Казанской губернии погубные внутрь рожденных иноплеменников шайки татар, говорю, чуваш, черемис, вотяков, калмык и башкирцов, а что всего удивительнее и жалостнее — присовокупились к ним из собратий наших от нас исшедших, но не бывших о нас российские природные толпы, предводительствуемы отцем своим сатаною, мятежником и раскольником, беглым донским мужиком отступившим от бога и церкви благочестивой, Емельян<ом> Пугачев<ым> отважившимся ложно, бесстыдно, богу противно присвоить себе имя, власть бывшего всероссийского императора Петра третьего; и вси сии несчастливые сборища надевши на себя маску уродов и извергов человеческих предались зверскому стремлению; ярость, свирепство и адскую свою фигуру до того вели, будто бы они свергшесь природного рабства своего за то получат обещеваемую им вором Пугачевым обще всем народам пагубную свободу.

Сим коварным его умыслом прельщены простаки и невежды в такое пали неистовство, что отец на сына, сын на отца, брат на брата и друг на вернейшего своего приятеля восстали, богоборству коснулись, храмы святые ограбили, церковь господню всякого благолепия лишили, престолы и святилища божия опровергли, служителей олтаря господня лютейшими позорными мучениями жизни лишили, благородство российское в злодейские их руки попавшееся варварски умучили, ревнительное воинство за церковь, законную свою государыню, за отечество храбро подвизавшееся, острием меча изсекли, ни полу ни возраста ни старости ни младенчества не щадя кровь христианскую как воду безвинно пролили, наконец зверски растерзывавши мертвые тела избиенных христиан церковного

по обычаю благочестивому погребения лишивши, повергли на снедение птицам небесным и терзание зверем земным; плачевный сей позор сердце купно и дух всех верных отечества сынов острейшими пронзает копиями.

И се свидетеля бога на душу мою не ложно призывая, что Петр третий бывший император всероссийский 1762 года июля в первых числах по власти всемогущего бога в Петербурге скончался, тело его того ж июля в 6 числе на утренней заре привезено в Александро-Невский монастырь и поставлено было в зале, ‹в› тех деревянных покоех, в которых я, будучи в то время С.Петербургским архиепископом, жительство имел, где и стояло оно чрез несколько дней, куда по обычаю древнему приходили премногие тысячи знатнейшего, среднего и простого народа для отдания ему последнего долгу, а потом в присутствии всего святейшего синода и много духовенства, в прибытии правительствующего сената, премногих вельмож, знатных как российских, так и иностранных особ и других людей из помянутой залы перенесено с подобающею церемониею в церковь и поставлено на уготовленном приличествующем царской персоне месте, где по совершении божественной литургии и по отпетии погребения мною самим с прочими преосвященными архиереями синодальными членами как то: Димитрием архиепископом Новгородским, Гедеоном епископом Псковским, Палладием епископом Рязанским, Афанасием епископом Тверским, Порфирием епископом Коломенским, Лаврентием архимандритом Свято-Троицким Сергиевы лавры и прочего духовенства, погребено в церкви святого Александра Невского и запечатлено земною перстию мною ж самим.

Вот кратчайшая наидостоверная, не токмо российскими тмочисленными народами утвержденная, но поелику от всех коронованных монархов на то время в Петербурге находившиеся и присутствовавшии при погребении сей толь знаменитой церемонии очевидные были свидетели посланники, о том уведомивши вскоре высокие дворы свои все, целою почти Европою засвидетельствованная повесть.

Да обратится убо тяжкая сия болезнь России на злоокаянную главу треклятого и вечно анафиме от всея грекороссийския церкви преданного злодея Пугачева и его единомысленников мятежников, яко прежнее наше пастырское увещание преслушавших, да снидет хула их наверх их же самих, а кровь христиан православных невинно пролитая день и ночь пред праведного судию и мстителя господа Саваофа, как некогда кровь праведного Авеля на братоубийцу Каина; души их да истребятся от книг жизни вечныя и с праведными да не напишутся. Память же их злодейская да исчезнет от земли живых во веки. Аминь.

52.

16-го числа апреля из Яицкого городка получен курьер с известием освобождения от злодеев показанного городка армиею ее императорского величества, храбрейшим и вернейшим превосходительным господином генерал-маиором Мансуровым, который был 7 месяцов в осаде от злодеев, как разбили толпы разбойнические от города верстах в 40, пушки отбили, многих побили, оставшие прибежав в городок, забрав с собою надобное, вон от городка опрометью за реку Чаган тянулись и за Яик, за которыми того ж часа легкие войска посланы для поиску. Такую имел г-н комендант Симанов в пропитании себе и войск <нужду>, почти слышателям невероятно, как хлеб изошел, начали есть кобылье мясо, потом кожи, овчины, портупеи, сухие кости, а напоследок и землю пробовать начали к пропитанию себя; сих казусов еще и в истории не видно. За их терпение верное господь бог помиловал и свободил.

53.

23-го числа апреля, под командою г-на надворного советника Ивана Тимашева, легкие войска в поход выступили, чугуевские и оренбургские калмыки вверх по реке Сакмаре в пределы башкирскне для поиска воров и разбойников.

54.

24-го числа апреля из Уфы получено известие чрез куриера с счастием показанных жителей, а притом особливую милость божию от осады от толпы разбойнической избавлены неустрашимым героем г-ном подполковником Михельсоном, который по сю сторону реки Белой злодея тысячах в пятнадцати разбил, многих на месте побил, прочих почти всех в плен получил, притом артиллерии довольное число. Оные жители остались благополучными, да и мы, оренбургские жители, сему были весьма рады, что час от часу злодей гибнет, царство его пропадает и толпы рушатся.

55.

Маия 2 числа церковь Захария и Елисаветская, состоящая за Яиком рекою на Азиятском меновом дворе, свидетельствована была, в которой без изъятия все иконы святые исколоны и копьями и ножами изрезаны ими злодеями, в которой было украшение весьма не худо, сие злодейское тиранство над иконами всякого христианина может привесть в слезы и в крайнее сожаление, что не самые бы идолопоклонники и жиды сделать не могли того или богоотступники то варварство на себя взяли; каждая икона знаков десять и более на себе имеет, а что было можно, то и грабили и увезли без остатку.

* VI.

(ЛБ 94, № 11)

ИЗВЕСТИЕ О САМОЗВАНЦЕ ПУГАЧЕВЕ.

От города Оренбурга за 269 верст находится городок, прежде именуемый Яицкий, а ныне Урал. В сем городке издревле живут воровского в разные времена сбору со всех стран стекшиеся беглые, иные от бывшего разбойника Стеньки Разина, а иные от бывших стародавних стрельцов казаки, которые будучи всегда в несогласии, разделились на две партии, то есть: на согласную и несогласную. Из согласной партии повиновались несколько государственным законам, а из несогласной стороны, забыв страх божий, делывались великими противниками многажды всему государству, чрез что и не выходили никогда почти из последствия, но наконец такими упрямцами сделались, что ни в чем слушаться уже и повиноваться даже и имянному ее императорского величества повелению не восхотели. Как то: 1-е. В 1768 и 1769 годах по имянному ее императорского величества указам и учиненному новому стану назначено было из оной яицких казаков некоторое число <в> казаками же вновь формированный Московской легион, с тем, чтобы бороды им казакам обрить, а усы только оставлять; но как они величайшие вероломы и раскольники, не хотя бородных своих волосов лишиться, то чрез долгое время старались и всякие происки делали к получению из Военной коллегии такого себе указа, чтоб им в бородах ехать в помянутый легион служить, что чрез великое свое лукавство и сделали, но и тут они оказались преслушными указа и не поехали ни один из них в поход во время Турецкой войны. 2-е. На Кубанскую линию к генералу Демедеву по указу Военной коллегии требовано из оных казаков 400 человек, однако и тут согласная будто хотела сторона послать, а несогласная и слышать того не желала. И так по застарелому своему упрямству ни одного человека к помянутому генералу, хотя и много указов из Военной коллегии получали, от всего своего многочисленного легкого войска не послали. 3-е. Когда от реки Волги все калмыки, которых было 40,000 с предводителем своим Бамбуром, убраться из России вознамерились чрез Киргизскую степь, тогда велено им было тех калмыков, которые шли мимо их городка, удержать, однако ни один из них не восхотел и с места своего тронуться, а благополучно всех калмыков мимо своего городка пропустили, которые и ушли в Киргизскую, а отголь в Китайскую сторону. За все оные их казаков упрямства и непослушания учреждена была в их городке строжайшая комиссия, а были при оной комиссии разные генералы, и для их стороны милосердая государыня посылала от своего лица депутатов с имянным повелением, куда напоследок, то есть 1772 года генваря в первых числах, послан был и тем изменникам

и бунтовщикам из Оренбурга генерал-маиор и кавалер Траубенберг с командою, також и от стороны их по имянному ее величества указу определен был присланный из Санктпетербурга депутат гвардии капитан Дурново, но и тут из несогласной партии казакам та комиссия показалась по их мнению будто неправосудна. Почему и вздумали они над генералом и депутатом произвесть свое злодейство. Они собрались по древнему своему обыкновению в круг, в коем было больше 8,000 человек, и по продолжительном совете сделали ужасный бунт, и напавши на согласную сторону, в которой было только 2,000 человек, преодолели оную, а потом и приступив к генеральской и капитанской Дурново квартирам, начали из мелкого ружья в них и находящуюся при них команду палить. При сем несчастливом замешательстве генерал с прочими многими офицерами и рядовыми, також и их яицкими согласными старшинами убит, у которого генерала после смерти его разграбили те ж бунтовщики всё имение его, а самого его, обнаживши донага, бросали посреди улиц, и в кармане его нашедши табакерку с табаком, напихали ему оного в нос и рот по уши и во все тесные промежности; гвардии ж капитан и депутат Дурново с прочими оставшимися офицерами и рядовыми, будучи очень ранены, после успокоившегося пяти-часового бунта, заперты были в их же казачью тюрьму под крепкий караул. Капитану Дурново в трех местах изрубили голову очень тяжело и копьем в спину так был ранен крепко, что едва мог излечиться; экипажа ж капитанского и следа не нашлось. Того ж года 1772 февраля в последних числах прислан был из С. Петербурга в Уральский городок нарочный курьер с имянным ее императорского величества указом к капитану Дурново, коим велено ему капитану немедленно явиться ко двору ее величества, но и тут те злодеи того капитана насилу на другие сутки выпустили, а выпустивши оного капитана, опять за ним верст близко 20-ти гнались и хотели его у себя удержать, с тем, что ежели еще комиссия будет у них в городке, чтоб он Дурново их мог в том оправить, что будто они правильно генерала убили. Однако капитана Дурново не догнали, ибо он в Оренбург сперва поехал для излечения болезни, а они, возвратившись назад и остервенясь, вздумали оставшуюся в их злодейском городке солдатскую с офицерами команду выгнать вон, с тем, чтоб-де впредь и шляпа солдатская не была у нас в городке, так будем стараться. Того ж года, в месяцах марте и апреле, приказал оренбургский губернатор генерал-поручик Иван Андреевич Рейнсдорп собираться и быть в готовности Оренбургскому пешему и конному войску, к которому собранию с командою Великолуцкого пехотного полка и со всем воинским народом[1]

[1] Народом *исправлено карандашом на полях на* нарядом.

прибыл из Москвы с имянным ее императорского величества указом в Оренбург генерал-маиор Фрейман, с тем, чтоб оных яицких бунтовщиков усмиривши, в доброе состояние привести. В месяце маие того ж 1772 года помянутый генерал Фрейман из Оренбурга выступил и пошел в поход к вышепомянутому разбойническому городку с 5,000 пехоты и конницы, со всем воинским снарядом, со объявлением им варварам указа, в котором ее императорское величество несказанное свое матернее им казакам милосердие за их столь величайшее против сего государства преступление и продерзость объявить изволила, по которому указу сии изменники неблагодарные не только исполнения не учинили, то есть бунта не оставили, но еще застарелое свое свирепство над войсками ее императорского величества оказать отважились <?>, так что, нимало страшась, будучи все пьяны, ее величества храбрых войск, против оных осмелились они из своего гнезда выступить за 50 верст на встречу с пушками в дикую степь, не допустя генерала Фреймана с войскамн за 5 верст до речки, атаковали всю ее императорского величества армию, так что от них в величайшие в то время прилучившиеся жары ни одной капли воды невозможно было никому и нигде ни под каким видом промыслить, не только оные бунтовщики не покаялись, но еще двои сутки генерала с войсками без воды и продержавши, 2-го числа июня зажгли кругом армии всю степь, так что ежели бы генерал Фрейман не поберегся и не приказал бы кругом всей своей армии траву подрезать, много бы мог урону и несчастия со всем своим воинством понести: ибо в то время превеликая погода на лагерь дула. 3-го числа июня, то есть в прилучившийся тогда день живоначальныя троицы, показанные казаки поближе подпустивши, в самую обедню, к ее величеству верноусердной армии, стали варвары палить во оную из пушек залпом, которых было около 30-ти, что видя генерал их варварское начальство, визг и близкие набеги, стал их воров тож вдруг потчивать ядрами из пушек и бомбами из мортир так хорошо и вкусно, что больше они трех часов на месте устоять не могли, и увидя у себя много урону, стали бросаться по сторонам и в разные места прятаться, однако ж напоследок ничто их не могло спасти, ибо генерал, отбивши у них пушки, сот до четырех их на месте положил, а многих и в полон набрал, а прочих разогнавши, так пошел спешно за ними, что на другой день подступил под воровской их городок со всею армиею. С нашей стороны убито только двое, а раненых было человек до 10.

4-го июня, когда приближался генерал Фрейман с воинством, расположился лагерем от их варварского городка за две версты на приличном к атаке месте, тогда они пришед, явились к генералу в лагерь с хлебом и солью и как будто добрые люди с повинною; однако Фрейман приказал

их переловить, и изыскав главных начальств бунта, перевязать, а потом перековать и посадить в лагерях в вырытую тюрьму. Всех же бунта заводчиков оказалось 84 человека, а восемьдесят пятый престарелый поп, который с ними ворами верьхом против армии ездил со крестом и переменяя тропарь „Спаси господи“ пел тако: Спаси господи люди твоя и благослови достояние твое. Победы нашему войску даруй и твое сохраняя крестом твоим жительство.

10 числа июня, Фрейман, вышеупомянутых бунтовщиков 85 человек заковавши в железо, прислал с надежным крепким конвоем в город Оренбург для следствия, а у прочих всех отобрал всё воинское оружие и у себя в лагерях держал до резолюции; стоял же сей генерал под городком даже до самой глубокой осени, а как оному генералу с командою Великолуцкого пехотного полка велено было явиться попрежнему в команду, то сие он и сделал и по первому зимнему пути прибыл прежде в Оренбург, а из оного уже отправился в Москву; прочее ж Оренбургское войско стояло всё до 1773 года, даже до их за толь величайшую продерзость и бунт и великое против всего государства огорчение экзекуции, которая в месяце маие того ж 1773 года вышла, то есть, чтоб из оных 85 злодеев иных, и то немногих, вырвав ноздри и заклеймя, послать на Нерчинские заводы, иных же плетьми да на поселение послать же, а иных, сквозь строй прогнав, в службу определить. Попа же, высекши кнутом, в Нерчинск отправить. Также экзекуция была под Яицким городком в лагерях между нашим войском учинена, которой все бунтовщики и с малолетными своими детьми были зрителями.

Иные изменники Яицкие казаки, увидя, что за столь великую продерзость приняли толь малое воздаяние, — после экзекуции все, как будто честные люди, благодарили, вначале всевышнего, а потом и милосердую государыню, и тот-час в то же самое время, собравшись все в церковь, благодарный молебен слушали и вторично ее императорскому величеству и его императорскому высочеству в верности присягу все приносили, чем будучи оренбургский губернатор обнадежен, велел батальонным и прочим пехотным и конным командам всем назад возвратиться, а только приказал двум полевым легким остаться командам в помянутом Уральском городке, что и сделал: две полевые легкие команды там остались, а прочие все команды возвратились того ж 1773 года в июле месяце в свои места, отдав попрежнему все воинские орудия казакам, взятые у них прежде.

С 1772 года июля 3 дня, когда генерал Фрейман в усмирение приводил Уральское войско, в том же месяце приказал казакам новую перепись сделать, по которой переписи в то время, кроме убитых, не явилось налицо несогласных 150 человек, за которыми в тогдашнее ж время в разные места хотя и посланы были команды, однако оных беглецов найти

нигде не могли, итак, думали наши, что они где-нибудь пропали, но токмо в сем мнении обманулись, ибо оные беглецы, зимовавши в теплых улусах и камышах близ Каспийского моря между городом Астраханью и между городом Гурьевым от своего городка за 500 верст, 1773 года в месяце августе паки подъехали под свой городок за 50 верст и явились в заимке единомышленников своих у одного прозванием Чики, а другого Шелудякова, у которого находился в работниках с Дону бежавший казак Емелька Пугачев. Они на сей заимке немалое время находясь, тихим образом посылали из оной к подобным себе бунтовщикам двух казаков, которые приехавши ночью, стали на квартире у престарелого вора Шелудякова. Сей Шелудяков, увидя своих явившихся к себе братей, обрадовался, почему и спрашивал их о беглых всех бунтовщиках, живы ли они, на что ответствовали ему, что все благополучны и на твоей теперь остались заимке, впрочем, продолжая разговор свой, оные беглецы требовали от Шелудякова Емельку Пугачева, а что-де принадлежит до сроку денег, что тебе Емелька не дослужил, то-де тебе наше войско втрое уплатит, однако Шелудяков в августе Емельку не отпустил, ибо ему Шелудякову в то время работники нужны были, понеже погода сено косить, а Емелька ему верно служил.

1773 года месяца сентября в первых числах означенный главный бунтовщик Шелудяков, согласясь с прочими того ж городка подобными злодеями, отправили Емельку из двора Шелудякова на его ж Шелудякова заимку от Уральского городка за 50 верст отстоящую, со многими из города изменниками, и отдали помянутой воровской толпе оной; самолютейший зверь Емелька, явясь у вышепомянутых воров на Шелудяковых заимках, обещался оным верно служить, почему и поздравляли они Емельку Самозванцем, назвав его именем покойного государя императора Петра третьего. После сего богомерзкого поздравления, 16 сентября двигнувшись Пугачев со своею толпою, коя тогда состояла в трех стах человеках, подошел поближе к Яицкому городку и, поимавши одного из согласной стороны казака, дал ему Емелька, отнюдь не знающий грамоте, свой воровской манифест с титулом покойного государя Петра третьего, приказывая накрепко, чтоб во оном городке живущий комендант подполковник Симанов отнюдь бы не противился, а город бы без сопротивления отдал. Казак, данный ему от злодея манифест привезши в город, вручил коменданту Симанову и всё подробно рассказал, что ему Емелька говорил и приказывал. Комендант Симанов того ж 16 сентября после половины дня, получа Емелькин манифест, приказал при собрании команд прочитать, и сколько мог собрать из команды Яицкого войска казаков и шестую полевую легкую команду послал в погоню за Емелькою и его сонмом, чтоб всех их переловить. И как скоро высланные из Яицкого городка с командою,

отъехав верст с 15, увидели толпу Емельки Пугачева, то казаки, подхватя согласных старшин Яицкого войска, верных государству, погнались будто за Емелькою, а легкая полевая команда думая, что те с ними посланные из города за Емелькою казаки, толпу Самозванца разбивши, его поимают, но он‹и› вместо того все почти предавшись добровольно, которых тогда в предании было больше 500 человек, изменили и старшин верных 12 человек руками Емельке отдали.

А понеже в то время ночь стала наступать, то легкая полевая команда и возвратилась вся в помянутый Уральской городок, Емелька ж, увидя возвратившуюся в город команду, ночью оных 12 человек верных старшин велел повесить на релях в одной версте от городка отстоящих, а сам с толпою удалился в бег к Илецкому городку, отстоящему от Яицкого городка не с большим за 100 верст, обирая по форпостам людей в службу годных к себе, а не хотящих ему служить велел колоть и до смерти убивать, тако ж скот, птиц и всякой багаж воры грабили и ни малейшего ничего не оставили. 18 числа Емелька, со своею толпою напав разбойнически в полночь на вышеупомянутый Илецкой казачий городок, в котором согласных мало, а изменников побольше гораздо было, ибо сей городок принадлежит к Уральскому городку, взял, а по взятии тамошнего верхнего атамана и прочих согласных перевешал всех, а прочие все казаки изменники, во оном городке находившиеся, богоотступнику Пугачеву предавшись, присягу учинили. Итак, все злодеи согласясь, во-первых, денежную казну государеву, пушки, порох, ядра, вино, а потом жителей богатых ограбивши и всех, кроме старых и малых, с собою забравши, после двоесуточного пьянства и около городка того по заимкам и по деревням грабежа, пошли прямо вверх возле Яика реки на Рассыпную, над Яиком находящуюся крепость.

22-го сентября сии кровопивцы на рассвете приступивши к сей Рассыпной крепости, стали вдруг залпом палить из 10 пушек. В сей крепости находящийся комендант секунд-маиор Виловской с одною ротою солдат, хотя стоял и дрался с ними, как долг и присяга повелевает, однако казаки в оной крепости изменя, разобрали 2 стены, в которой пролом злодеи ворвавшись, сделали по всей крепости крик и визг и, нашед ее императорского величества слугу, означенного коменданта Виловского, в мелкие части изрубили и всех офицеров перестреляли, а попа, вывезши за крепость версты с полторы, повесили и по многом кровопролитии, во-первых, государеву казну, пушки, порох с прочими припасы, вино, а потом и всех жителей очистив до чиста, пустились к Нижней Озерной крепости. В день высокоторжественныя коронации ее императорского величества, то есть сентября 22 дня, у нашего господина губернатора Рейнсдорпа после обеда

было на балу немалое собрание знатных по городу господ; в 10 часу прибежал из Яицкого городка секретный от тамошнего коменданта курьер с объявлением о Яицком бунте, также и о душегубстве Емельки Пугачева с его толпою и что Емелька идет разбойническою и грабительною рукою прямо в Оренбург и что уже пошел к Нижней Озерной крепости, отстоящей от Оренбурга не с большим за 80 верст, и что оный курьер насилу ушел, и то по ту сторону, чрез Кайсацкую степь, и тем спасся. Как бы то секретно ни было, однако на завтришний день стал весь город Оренбург знать, ибо команда секретная наряжена была в поход, а государственный вор со всем своим треклятым сборищем того ж 23 сентября управлял свое богомерзкое дело, а именно, на рассвете напал на Озерную крепость, которую почти без труда отбил, ибо, изменя, казаки сами руками крепость Пугачеву отдали, в которую крепость Емелька с сообщниками своими въехав, тутошнего коменданта Харлова и прочих обер-офицеров перевешал. Но каким же образом Емелька вешал людей, тако ж любимцы его приводя к нему людей, которых им похотелось истреблять от земли живых для славы, говорили Емельке, так прикажете ли вешать? а он, ничего не говоря, махал только платком, а по маханию его попавшихся в их тиранские руки без милосердия удавливали. После многого кровопролития всех оставшихся в сей крепости к присяге приводил и допускал к своей руке, которую покрыв полотенцем, держали двое казаков, и кто его руку целовал открытую, то один из них после целования тотчас оную обтирал полотенцем, а потом, чтоб не изурочить оную, покрывал другой. После сей богомерзкой и гнусной церемонии приказал Емелька своему сонму в крепости погулять, ибо торопился он к Татищевой крепости, гулянье же их состояло особливо в пьянстве и грабеже всех жителей в той крепости находящихся, так и в забрании казны денежной, пушек, пороху и вина.

24-го сентября наряженною командою бригадир Билов был командирован и послан в поход к вышереченной злодейской толпе на встречу, а с ним бригадиром Биловым командировано было 800 человек здешних Оренбургских казаков со всем исправным воинским, как надобно к неприятельскому бою, оружием. У казаков Оренбургских предводителем был сотник от Оренбургского казачьего войска депутат Подуров. И так бригадир Билов того ж месяца 26 дня с вышеупомянутою командою прибыл в Татищевскую крепость, не видав ни одного Емелькина сообщника, ибо все они, воры и душегубцы, обирали по сторонам народ, скот и прочие багажи с своим предводителем Емелькою.

27 числа на рассвете сказано бригадиру Билову и коменданту, в той крепости находящемуся с ротою и казаками, полковнику Елагину, что злодейская толпа стала оказываться из города кучами немалыми, что,

бригадир услышав, велел всем к своим местам идти поспешно и всю команду уговаривал, чтоб дружно стояли, как долг присяги велит. В осьмом часу стали Емелькины наездники смело и близко под крепость великими кучами подъезжать, что видя, бригадир Билов велел из пушек и из единорогов палить, и по продолжающейся с обеих сторон прежестокой чрез 8 часов пушечной пальбе, сделал бригадир с пехотой и конницей высылку, куда вышедши с своею командою сотник и казачий депутат Подуров, тотчас со всею командою своею, изменя, к Емельке передался и вдруг, на ту ж Билову команду с Емелькиными сообщниками напав, начал рубить; прочие же оставшиеся казаки сено возле крепости зажгли, от которого пожару крепость загорелась, от чего народ обробел, и крепость почти руками отдана была, в которую Емелька ворвавшись, бригадира Билова и коменданта Елагина и его Елагина жену в мелкие части изрубил, прочих же офицеров перевешал, солдат всех из пушек до трех раз картечами велел, ‹которые› против их, разбойников, стояли, что и сделалось после третьего разу стрельбы; которые остались живые, оных дарил Емелька жизнию, всех однако более 20 человек не осталось, и то почти все ранены. Когда уже оные проклятые душегубцы напиталися довольно христианския крови, ударились все в той крепости жителей грабить, грабеж свой чрез всю ночь продолжали, також денежную казну тоя крепости и бригадира Билова, пушки, единороги и прочие все припасы себе побрали, да и как они любили вино, в выходе которого больше сорока бочек было, не забыли оного несколько с собою взять. В сей Татищевой крепости Емелька при отъезде своем из оной сделал вещь сожаления и смеха достойную: у коменданта вышеозначенной Рассыпной крепости Виловского была жена, которую душегубец с малолетною дочерью до Татищевой вед крепости, и которой было жизнь даровал, в Татищевой же крепости проведав на ней с деньгами черес, в котором как скоро оная комендантша заперлася, тотчас приказал оную повесить, а из принесенных палачом ему, вору, 200 руб. приказал один рубль бывшей комендантши Виловского дочери дать, а прочие сам у палача отнял, тако ж бывшего Татищевой крепости полковника и коменданта Елагина дочь в замужестве бывшую не с большим полгода за помянутым Нижней Озерной крепости комендантом премиер-маиором Харловым, которая в тот самой бунт приехала к отцу, себе в любовницы, а оставшего ее родного брата 10-летнего в камер-пажи взял на свое будто попечение из великого сожаления, которых в ноябре месяце того ж 1773 года из великого своего природного милосердия приказал удавить, и донага обнажа, оба тела, брата и сестры, мертвых в яр бросить и сестре брата на руку положить.

29-го сентября из вышепомянутой Татищевой крепости потянулся

варвар и душегубец Емелька Пугачев поближе к Оренбургу с своим треклятым сборищем к Чернореченской крепости, которая отстоит от Оренбурга за 18 верст; однако им тут наживы ни малой не было, ибо из Оренбурга по известию из Татищевой крепости за сутки послан был в ту Чернореченскую крепость указ, чтоб оной крепости комендант премиер-маиор Краус всё в крепости забравши: денежную казну, порох, пушки и вино, следовал с народом в Оренбург и следуя бы мост для переправы из Черноречья до Оренбурга чрез Сакмару реку, за 7 верст от Оренбурга лежащий, весь приказал разломать, что всё и сделалось. Маиор Краус мост приказал изломать, а сам явился с командою в Оренбург благополучно; вор же Емелька с своею толпою того же самого дня в Чернореченскую крепость приехавши и слышавши, что маиор Краус с командою ушел в Оренбург, тотчас, нимало не мешкав, погнался в погоню за оным, однако, приехавши к разломанному мосту, принужден ночевать и 30 сентября всякие происки делал, чтоб переправиться, но никаким образом не мог.

30 сентября день был очень ясный и ведреный, и когда от помянутого перевоза пустилась по-за Сакмарою рекою вверх к татарской Каргалинской слободе в самую обедню воровская толпа, то из Оренбурга, как на ладони, было видно оных злодеев, шествующих по высочайшей над рекою горе к Каргале, и тут-то находящиеся оренбургских господ больших хуторы, сиречь, заимки, совсем разорил, то есть, людей тамо находящихся с собою брали, а скот и птиц и прочие вещи дочиста оглаживали, в хоромах окошки и двери разбивали, а на холсте иконы божественные писанные к себе брали, под седла клавши на оных ездили, как то после, то есть в ноябре месяце, при главной из города высылке захвачен нашими войсками был самый главный вор, Емельки Пугачева любимец и великой наездник и кровопивец вышепомянутый престарелый Шелудяков, которого как скоро 14 числа в город Оренбург наши войска привезли и в секретную канцелярию поведши сего любимца Емелькиного, на самом верху седла нашли образ на холсте написанный распятого спасителя нашего господа Иисуса Христа, который образ прилучившийся в то время присланный в Оренбург на житье разжалованный статский советник за знание сделанных полковником Пушкиным фальшивых ассигнаций Феодор Иванович Сукин, узнал, яко то был из его заимки, купленный у генерал-маиора и бывшего здесь обер-коменданта Ланова, и ему, Сукину, того ж часу отдан. 1-го числа октября пришли Емелькины сообщники в татарскую Каргалинскую слободу вверх по Сакмаре реке, отстоящую от Оренбурга за 8 верст, в которой слободе считается дворов 2000, кроме заимок, близко оной находящихся. Сей слободы почитатели Махометовы, изменив, с хлебом и с солью злочестивого Емельку со всем его треклятым сонмищем

стретили, а хотя прежде сего за три дня из Оренбурга к вышепомянутым татарам послан был ее императорского величества указ, чтоб все выбрались из слободы с своим экипажем и как можно явнлись бы в Оренбург, однако с старшинами и начальниками оных татар только 600 человек приехали в Оренбург, которые после и явились, а прочие все татара Емельке предались на пролитие христианской крови, чему он целые, обрадовавшись, сутки у оных татар пьянствовал и домы оставшихся в Оренбурге татар до основания разорил.

2-го числа октября, после величайшего в той слободе как только выдумать можно ругательства и пьянства, пошел богоотступник Пугачев со своими согласниками, забравши всех той слободы татар в службу годных, разбойническою и грабительною рукою прямо на оренбургского губернатора хутор, отстоящий от Оренбурга за 20 верст, в котором хуторе 12 покоев было прекрасных в прошлом еще 1772 году построенных, при тех же покоях губернаторских на восток построена была великолепная церковь, в которую сии злодеи купно и с татарами вместе въезжали верьхами на лошадях, во оной пребогатую ризницу со всею утварью ограбивши, над ново-изображенными божественными иконами всячески ругались, а в хоромах все окошки и зеркала перебили, стулья, столы, канапе, кровати и прочее украшение всё в мелочь изрубили, шелковые завески, тако ж и сукно, которым полы были устланы, всё с собою забрали. После сей добычи Емелька изволил с своим поганым сонмищем гулять и, наполнился довольно сивушкою, врал пред своими приближенными: „Вот, господа, как мои губернаторы славно живут, и на что им эдакие покои. Я и сам, как вы видите, в простой хижине живу".

Того ж 2-го числа октября имел движение Емелька в Сакмарский казачий городок, отстоящий от города Оренбурга в 29 верстах, в коем казаки сакмарские, будучи издревле исполнены раскольническим ядом, встретили вышепомянутых Емелькиных единомышленников с вероломным своим попом со крестом, с хлебом и солью и со звоном колокольным и с величайшею радостию и торжеством; а хотя прежде их измены за 4 дни из Оренбурга к оным сакмарским казакам послан был ее императорского величества указ, чтоб те казаки с своим экипажем явились как возможно поскорее в Оренбург, тако ж, чтоб пушки, порох, денежную казну и прочие воинские припасы с собою в Оренбург взяли; а мост бы, по Сакмаре реке лежащий, изломали бы, но вместо того один только атаман казачий очень с малым числом казаков в Оренбург явился, а прочие все старшины сакмарские изменили с прочими оставшимися казаками; а как атаман, отправляясь в Оренбург, хотел-было взять всё воинское

орудие, взбунтовались все в городе, и взбунтовавшись же, ни денежной казны, ни пушек, ни пороху и прочих припасов не дали, также и мост ломать не велели, а у тех согласных, которые в Оренбург со атаманом поехали, домы совсем тогда ж опустошены.

3-го числа октября Емелька как переправился чрез находящийся на реке Сакмаре мост из города Оренбурга, к нему навстречу ее императорского величества указ был посылан с тем, чтоб воры бросили зверской свой и душегубнический образ, перестали бы бунтовать, зная, сколь есть милосердая, человеколюбивая государыня, ежели бунт и человекоубийство бросят и Емельку, поимав, в город привезут, без сомнения все прощены и помилованы будут. Однако они того указа не послушали, а посланного из Оренбурга к ним, варварам, Афанасья Хлопушу, как он дал им обещание служить, Емелька с великою радостию в свои товарищи за великого себе друга и приятеля принял, и как скоро взял указ, изодравши в мелкие части, бросил оный на пол, сказывая Хлопуше: „знаю де я, братец, о чем этот указ“, и тотчас подателю указа пожаловал вор Емелька две монеты, и по приговору всей злодейской толпы Емелька его, варвара же Хлопушу, тотчас пожаловал воровским полковником, которую радость получа, Хлопуша, павши пред Емелькою на колени, в знак достоверности своей объявил Емельке, что его, Хлопушу, губернатор с тем к нему послал, чтоб он, подговоря несколько надежных полоненных солдат, привел его связанного в Оренбург или как-нибудь истребил, и хотя я за мои проказы давно казни достоин, однако ежели над тобою, Емелькою, это сделаю, — 100 рублей-де от оного губернатора получу, також и вольную свободу. Емелька, выслушав сии слова, еще сему мошеннику пожаловал полтину и велел недавно того ж числа повешенного киргизца отдать халат и шировары. Сей Хлопуша, будучи у проклятого Емельки, пакостей наделал немало, а имянно: всю Башкирь взбунтовал, 101 завод разорил, тысяч больше тридцати разного народа в пагубу Емелькину привел, пушками и ядрами со всех заводов, тако ж и порохом, напоследок мортирами и бомбами так Емелькину толпу снабдил, что Емельке почти и девать негде было. Напоследок сей варвар по разбитии в Татищевой крепости марта 23 числа 1774 года в Каргале пойман, которому того ж года в месяце маие голову отрубили и тут же близко Оренбурга возле эшафота голову на шпиль воткнули на виселице посреди, которая нынешнего года маия ж в последних числах снята, с ним за компанию одного яицкого, а другого оренбургского повесили тогда же казаков.

4-го числа октября Емелька, приехавши ночевать в Бердо, которого вся толпа батюшкой называла, приказал диавольским детям из единорогов выпалить, которые его послушав, три раза из единорогов зорю палили, что

в городе слышно очень было. Того ж самого 4 числа октября ввечеру в приказе при пароле наряжена была немалая пешая и конная в Бердинскую слободу против помянутых воров команда, с тем, чтоб 5-го числа октября оную толпу на Берде разбить, однако наши за непогодою из города не выходили, а Емелька с своею толпою сам при городе начал оказываться в невеликих кучах.

5-го числа октября в 11-м часу в начале пополуночи, в самый светлейший день, видя проклятый Емелька, что из города никакой высылки к нему нет, тако ж и вороты кругом городовые заперты, отважился с своею толпою поближе к городовой стене подъехать, и как был уже близко, то приказал наш губернатор с стенных 12-ти-фунтовых пушек по них палить, и как стали до их ядра доходить, то принуждены они были версты за четыре и за большую зашед гору, до самой темной ночи там простояли и, подошедши к реке Яику, со всем своим варварским обозом от города за 5 верст ночевали, в сем лагере стоял вор Емелька с толпой даже до 18 числа октября, того ж самого 5-го числа октября от каменной городовой стены отстоящую в 10 саженях казачью слободу за городом перед вечером всю зажечь приказал губернатор, состоящую из 700 дворов, чтоб ему ни с какой стороны к городу приступать невозможно было.

Того ж 5 числа октября по посланному от губернатора 23 сентября секретному ордеру прибыла в Оренбург из Яицкого городка Киргизскою степью 6-я полевая команда яицких казаков согласных 400 человек к защищению города.

6-го числа октября пополуночи в 8-м часу из Оренбурга наши войска, которые состояли из пехоты и конницы не с большим из 1,500 человек, ко оным бунтовщикам для истребления их высланы были с четырьмя пушками, которые вышед, оных воров за горою в одной не с большим версте увидев, стали по них из пушек палить, но они с места своего отнюдь не трогались и пушек своих и поделанных ночью батарей под горою совсем не оказывали. Но как у наших пушечные заряды стали подбираться, так Емелька с сообщники вдруг залпом почти из всех пушек стали по наших палить, и больше часа беспрестанная пальба со обоих сторон продолжалася, напоследок наши войска принуждены были отступить. И так потихоньку с отбоем в город возвратились. Того ж самого числа после половины дня к 8-му часу приступили опять Емелькины наездники с погорелого места от слободы вплоть под самый город в ночь весьма темную, и палили варвары в город простыми и чинеными ядрами из пушек и единорогов, где поутру находили ядра от 6 и до 7 фунтов весом, и вся пальба как из города, так и от оных злодеев происходила до первого часа за полночь. Осень у нас тогда была около Оренбурга

очень ведреная, а оттого и засуха такая сделалась, что река Яик и Сакмара пересохли так, что в иных местах по колено только воды было; а сена привезенного в город у жителей было немало. Итак Емелькины хитрецы старались, чтоб как-нибудь гранатами город зажечь, однако всещедрого и всевышнего десница от пожара сохранила, так что ни малейшего у нас урона ни в чем не было, ибо наши канонеры с бригадиром Биловым к ним, злодеям, по несчастию к ним попавшиеся, видно много снаровляли, затем, что много наши в городе гранат находили таких, в которых дырочки деревянными гвоздьми заколочены были. Той же ночи на рассвете выбегшие из Емелькиной толпы 5 человек солдат сказывали, что в ту ночь злодеев в свой варварский лагерь убитых до 70 человек приволокли; те же солдаты еще объявили, что злодеев в варварской толпе считается 5,000 человек, да будто того ж 6-го числа в вечеру шедших по указу в город башкирцев для вспоможения 5,000 Емелькины сообщники к себе заворотили.

7-го числа октября, небесный наш отец услыша наши молитвы и не хотя создание свое до конца погубить, оросил наш град так великим дождем от 7 часа пополуночи, даже до 6-го пополудни, что по улицам протоки великие протекали; а проклятые рода человека изверги, не взирая на сие, а наипаче злясь, что городу не могли ни малого вреда в тот день причинить, перебрались через Яик реку и собрались воры на Меновный двор, отстоящий на Киргиз-Кайсацкой стороне от города Оренбурга за 3 версты, и там оставшуюся купеческую в лавках неперевезенную пожить всю почистили, також и церковь тамо находящуюся, ограбили же и всё опустошивши, по своему застарелому злояхидническому обыкновению ругались над оной незаконно. О чем я репортовал и консистории.

8-го числа октября, будучи злоухищренные лукавцы и разорители обольщены на вышеупомянутом дворе оставшеюся купеческою пожитью, ударились опять туда ж очень в великом единомышленников числе для забрания оставшейся еще пожити, что из Оренбурга сам губернатор увидя, тотчас послал ко оным варварам конницы немалое число, которая оных разбойников не допустя в Меновный двор, множество варваров побила и в полон разного сорта, тако ж и яицких казаков 116 человек захватили, и в город пригнавши, в тюрьму оных посадили, на что варвар и самоначальнейший разбойник Емелька Пугачев осердясь, того ж числа в вечеру под самые городовые пушки свой воровской отважился прислать манифест, и воткнувши на древо, оставил в виду очень близко от стены, который наш губернатор к себе принести и секретно у себя при собрании господ прочесть велел, а имянно в нем написано было, чтоб его воровских полоняков отдал и чтоб губернатор напрасно крови христианской не проливал, а город бы безъотменно сдал: ибо де я точно тот-то есть.

9-го числа октября в 10-м часу пополуночи начала опять за городом варварская оказываться толпа, но как конница к ним, вероломным еритикам и тиранам, выслана была, то они все, воры и разбойники, как дождь, по степи рассыпались, только наша команда из злодеев поимала 5 человек, и имянно: башкирцев 4, а пятого яицкого казака. Того ж числа от поляков, в службу определенных, чуть не сделался бунт, которых воров тотчас переловивши, как сущих злодеев всех в острог посадили и приставили к ним крепкий караул.

10-го числа октября, из самой ночи начинающейся зари, варвар, душегубец и разбойник Емелька Пугачев начал свое новое ехидное испущать жало, то есть близ города находящееся сено всё кругом вдруг зажигать повелел с тем, чтоб из дальнего места в город ни волоточки не пропустить, чрез то в городе находящийся скот, а наипаче лошадей всех переморил.

11-го числа октября после полдня в первом часу к разбойнической толпе наша конница без пушек была выслана, но как вероломный вор Емелька Пугачев приметил, что у наших пушки ни одной не было, приказал ворам своим подвести пушки и так наших стал потчивать, что насилу убрались в город, однако ж, славу богу, без всякого и малейшего урона.

12-го октября пополуночи в 8-м часу выслано было для разбития воров и разбойников Емелькиных разного сорта команда, состоящая не с большим в 3,000 человеках, за версту к их воровским лагерям не дошедши, стали в них палить из пушек и единорогов очень часто, которые варвары тот-час, как осы, из воровских лагерей высыпались и, по всей степи рассеявшись, стали наших кругом атаковать из 27 пушек да 2-х единорогов потчивать хорошенько, и как наша конница их воровское правое крыло стала очищать, то от нас из левого фланга разного сорта народов, то есть, каргалинских татар, башкирцев и калмыков больше 300 к Емелькиным ворам передались вдруг и по нашим же палить и стрелы пущать с ворами стали. Итак, после шестичасового боя у нас 6 человек убито да человек 30 ранено, а у оных воров, по сказкам выбежавшего с тремя человеками той же ночи сержанта, убитых более 70 да раненых 200 человек было.

18 октября Емелька из лагеря, который близ церкви Георгиевской, перебрался со всею своею сволочью, которой по объявлению от него бежавших двух солдат было около 20,000, в Берденскую за 7 верст от Оренбурга отстоящую слободу с тем, чтоб им, ворам, тут зимовать, около которой слободы, кругом нарыв Емелькины сообщники землянок, и зимовали. А 19-го октября, сказывают, что варвар Емелька вора Чику по город Уфу, отстоящий от Оренбурга не с большим за 300 верст, а Хлопушу

по разным заводам отрядив, с варварскими толпами для грабежа и душегубства посылал.

14 октября за сеном ездя, оренбургский подканцелярист Басов был с прочими захвачен, который, выбежавши 20 числа октября ж, сказывал, что Емелька со всею своею оставшеюся от посланных воров Чики и Хлопуши сволочью намерен 21 октября приступить к городу. На тот день нас всещедрая десница от них, воров, спасла; а напротив того, 22 числа октября, в день казанския богоматери, богоотступники все в исходе пополуночи седьмого часа к городу приступили и даже до 5-го часа пополудни толь жарко из пушек в город жарили, что с обеих сторон за непристойным из пушек звуком бывшим в горницах и избах, тако ж и находящимся на улицах, надобно было очень громко говорить. С нашей стороны из 74 пушек, 6-ти единорогов и из 2-х мортир злодеев потчивали изрядненько, а у них, воров, растыканных пушек всех видно было 52. В городе у нас на стене убит 1 татарин, да артиллерийскому поручику нашею разорванною пушкою повыше колена в правой ноге кость в мелкие части раздробило, который, не могши вылечиться, чрез 10 дней умер, легко контузиями ранено было солдат 6 человек, которые скоро после сего излечилися, а где злодейская толпа находилась, на то место вышедшая наша из города пехота и конница побольше 100 человек убитых нашла на другой день.

От 23 октября даже до 31 месяца кроме их воровских разведок кругом города как только возможно подумать от них, варваров, пакостей ничего в городе Оренбурге не слышно было; тако ж вышедши той ночи 3 человека солдат объявили, что еще Емелька намерен приступать к городу, к которому-де приступу всякой день и ночь приуготовляется, а у него-де, вора Емельки, теперь уж больше 100 пушек имеется, ибо Хлопуша ему с заводов и из прочих мест пушек, пороху, ядер и вина присылал, также и народу очень много пригнал.

2-го числа ноября того ж 1773 года по полуночи в исходе 7-го часа тех 31 числа октября вышедших ночью трех человек солдат правда вышла наружу, ибо и самым делом злодей Емелька со всею своею тиранскою свитою трудясь всю ту ночь, а именно — шанцы и батареи кругом города делая, стал больше стараться из-за гор, около Оренбурга лежащих, да из-за Егорьевской церкви из всех сторон из пушек и единорогов залпом беспрестанно в город палить, так что, когда наши оных варваров из-за городской Егорьевской церкви бомбами выжили, начал богоотступник и варвар Емелька с клятвопреступною своею толпою под горою Яром под самые городовые стены в четвертом часу по полудни даже до шестого ползти и приближаться с преужасною из пушек и мелких ружей пальбою,

так что насилу наших бог милосердый спас. Видя губернатор наш, что уж последний приходит всему городу конец и что на стене на валу ни под каким видом не можно стоять, приказал около реки Яика стоящему пешему корпусу ударить на оных безбожников прямо, что и сделалось. Как корпус спустился на реку и дал по них только залп, то они, воры, прочь от городовой стены ударились бежать и удалились от города на прежнее свое место, из одних только пушек двои сутки палили беспрестанно. С нашей стороны пулями и стрелами раненых было много, а убитого на валу никого не было, из их, варварской, стороны более 1000 убитых и в полон до 300 в город привезено, да в реке Яике потопленных более 100 человек было. В полон взятые воры сказывали, что там Емелька по пояс в реке Яике в самой худенькой гунишке был, да воры, яицкие казаки, его, варвара, подхвативши, на лошадях своих умчали.

В тот самый день нашего городового депутата Илью Лукояновича Коченева в третьем часу по полудни в своих хоромах, как он молебен пел, ядром в грудь кости, в оной повредившись, ушибло и левую руку ему совсем отхватило, после чего только три часа жил и умер, которого всё священство оренбургское погребало с наивеличайшею церемониею, где и аз многогрешный был.

6 числа чрез вышедших ночью из злодейской толпы солдат 6 человек слух в городе произошел, что генерал-маиора Кара, с корпусом для освобождения Оренбурга неосторожно шедшего, Самозванец Емелька Пугачев с своею воровскою толпою, не допустя за 100 верст с лишним до Оренбурга, разбил так, что сам генерал с некоторым числом солдат насилу убрался, и тут-то подпоручика Швановича с прочими офицерами и солдатами захватил. Шванович пришедши в робость, падши пред Емелькою на колена, обещался ему, вору, верно служить, за что он, Шванович, прощен Емелькою, и, пожаловавши того ж часу его атаманом, Емелька, остригши ему, Швановичу, косу, как и всегда явившихся к нему солдат в кружальце остригал, велел ему дать к его атаманству принадлежащую мужичью и разного звания толпу, что и самым делом он, Шванович, ему, Емельке, верно служил, так что не только русские, но и немецкие в Оренбург присылал на Емелькино имя с большим титулом письма и манифесты варварские. Те же самые солдаты сказывают, что Емелька от генерала Кара солдат отбил больше 200 человек, которых, к присяге вор всех приведши, к себе в службу взял; офицеров всех, не хотящих присяги своей нарушить, перевешал, а Швановича одного оставил.

13 числа до свету за несколько часов из Чернореченской крепости, как выше сказано, отстоящей от Оренбурга в 18 верстах, тронулся посланный из Симбирска с корпусом около 2000 человек полковник

Чернышев, которого, Чернышева, проведав, сопостат наш послал к нему, Чернышеву, двух воров, яицких казаков, с тем, что они, воры, посланы были от губернатора для показания ему дороги, что услыша, Чернышев на их варварской обман склонился, а они, лукавцы, будучи Емелькиных приказов ревностные исполнители, руками оного полковника и с командою его на поглощение Емельке предали, которых варвар того ж самого часу штаб и обер-офицеров 35 человек, да одного лекаря приказал без всякой причины повесить, а прочую с ними команду находящуюся, тако ж и 25 с ящиками пушек к себе Емелька забрал и с великой радости сам и все его единомышленники тот целый день на Бердской слободе метрвецки пьянствовали. Того ж самого числа в самую вечерню бригадир Корф с корпусом, в 3000 состоящем, чрез бывший под Егорьем воровской лагерь с 30 пушками в город Оренбург шел сверху по реке Яику из Верхней Озерной крепости, но и тут-то враги, ненавидящие род человеческий, с треклятым своим предводителем Емелькою, услыша барабанный из-за гор бой, после чрезвычайного пьянства с похмелья ударившись, побежали на конях прямо на заднее крыло, чему, как видно, будучи с Корфом башкирцы и из разных крепостей забранные казаки рады, почти сами воры, к вышепомянутым ворам в их варварские руки до 100 человек предались, а прочая пехота и конница со всеми с нашими находящимися пушками в город пришла благополучно.

14 числа ноября, то есть в самый день заговенья, после половины дня в первом часу выслан был из Оренбурга к оным сопостатам в Бердскую слободу корпус, состоящий из 5000 пехоты и конницы, которые с предводителем и обер-комендантом оренбургским Воллестерином подошедши почти к самой слободе, начали из посланных с ними 20 пушек и тут же из 6 единорогов в ту слободу палить, но служители Емелькины, чрез полчаса из своего адского гнезда выступивши, старались как возможно, рассыпавшись на 5 верст в бесчисленном множестве по степи, поскорея атаковать наших и как скоро атаковали, тотчас стали сопостаты развезенными кругом пушками потчивать так усердно, что насилу, и то уже позднехонько, наша армия с привеликим уроном возвратились. Того ж 14 числа ноября наши войски главных яицких казаков и разного сорту воров остервившихся в Оренбург в полон пригнали больше 300 человек, между которыми врагами и вернейший Емелькин любимец вышесказанный Шелудяков пойман препьяный.

15 числа ноября пополуночи в 10 часу, подъехавши без пушек злодейская сволочь вплоть под город, кричали тако: отдайте нам Шелудякова, а наш-де батюшка даст вам 5000 за него своих людей, однако наши оного сопостата им, ворам, не отдали и яко то сущего всему обществу врага

Шелудякова допрашивая, застегали на третий день кнутом. После сего сражения 14 дня ноября совершившегося, слух носился в Оренбурге, что нашими войсками тогда до смерти побито злодеев больше 500 человек и в овраг под той же Бердскою слободою брошены были, а раненых полнехонька-де Бердская слобода, так-де без всякого призрения по улицам и валяются, и буде оных негде девать было за бесчисленным множеством, а оставшихся в Бердской слободе около оной в вырытых по буеракам землянках Емелькиной толпы считается еще всех разного звания здоровых людей больше 40,000, а пехоты коликое число было у него, неизвестно, которая на сражение выходила с одними дубинками.

24 ноября, в день празднования святой великомученицы Екатерины, в самую обедню, увидя штаб и ‹обер›-офицеры, на валу стоящие, что варварская, или лучше сказать сатанинская, вперед пешая с одними дубинками, а позади вооруженная на конях Емелькина сила, где и пушки многие видны были, поднялись из своего треклятого гнезда, как преужасная туча версты за три от города, то и думали наши войска, что Емелька с своею преужасною толпою для столь великого торжества вздумал еще покуситься попотчевать своими диавольскими гостинцами город, но он, сопостат, напротив того ввиду города Оренбурга прошел мимо оного вверх по реке Яику в Верхнюю Озерную крепость, за 100 верст от Оренбурга отстоящую, думая, что-де теперь вверху на реке Яике вышепомянутый бригадир Корф с командами отбыв в Оренбург, то-де удобно мне будет грабить и выжигать все тамо по реке Яику находящиеся крепости, однако к реченной Озерной крепости Емелька беспрестанно из 25 пушек в оную хотя и палил, а только сделать ей ничего не мог, ибо в оной крепости находящийся храбрый и неустрашимый ее императорского величества полковник с немалою командою Демарин сделавши вылазку, самых главных бунтовщиков Емелькиных больше 500 человек и 10 пушек к себе в крепость взял, а на месте до 2000 врагов положа, так настращал Емельку оный полковник, что до самого разрушения воровской его толпы не смел Емелька к оной крепости и явиться.

30 числа ноября, остервясь варвар Емелька, аки лютый лев, на помянутого Демарина, пошел еще больше вверх по Яику, жаднича христианской крови, и подступил от вышесказанной Озерной крепости за 40 верст отстоящей, называемой Ильинской крепости, в которой находящаяся от сибирского губернатора господина Чечерина двуротная присланная команда хотя целые беспрестанно сутки с оным варваром Емелькою дрались, но не могли устоять, ибо в той крепости дряхлую стену Емелькины товарищи проломавши, много солдат перекололи, а иных в полон к себе, остригши им в кружало волосы, взяли, офицеров перевешали,

а напоследок храм божий и всех в той крепости жителей, тако ж и пришедший туда бухарской с товарами караван ограбили, а бухарцев, переколовши ужасно много, до смерти побили, крепость всю дочиста сии святокрады выжгли.

3 числа декабря, услыша Емелька, что генерал-маиор Станиславский с немалою командою находится в редуте, сиречь, на форпосте, отстоящем от оной Ильинской крепости за 25 верст, возвратился кровопивец опять к Оренбургу в свою к Бердской слободе нору, а оставшиеся в сей слободе последователи его своего батюшку Емельку встречали с пушечною преужасною пальбою, так что думали в Оренбурге все, что между ими какаянибудь тревога сделалась, но вышедший 8 числа декабря из их вражеской толпы один солдат сказывал, что самого сатану Емельку из-под Озерной и Ильинской крепостей пришедшего встречали. Генерал Станиславский услыша, что Емелька в свое место возвратился, зимовал спокоем в Орской крепости, отстоящей от Оренбурга за 300 не с большим верст.

17 числа декабря присланные от коменданта Симанова из Яицкого городка и насилу чрез Киргизскую дикую степь перебравшись 5 человек драгун с почтою, объявили, что Симанов в Яицком городке, видя из самой осени происходящий от яицких казаков, воров, величайший бунт и неустройство, приказал 8-й команде в оном городке близ соборной церкви сделать маленькую самую укрепительную крепостцу и, разломав оного городка строение, очистил на полверсты от оного места. Окончив крепость, дозволил из согласных казаков пустить в оную жить, которых не с большим 500 человек к нему, коменданту, перешло, а прочие все, взбесясь, с самого месяца ноября каждый день приступали к оной крепости, которую защищая от нападения вражеского, побил оных немалое число, а сего-де декабря 6 дня пришедши сам Емелька и подрывши под каменным собором каменную стену под находящуюся колокольню, с которой Симанов по большей части от неприятеля защищался, подорвал, которою наших 40 человек побито. Также сказывали те же драгуны, что в варварском Яицком городке, по объявлению не один раз захваченных на вылазке воров, кругом около всей Симановой крепости взбунтовавшихся казаков в беспрестанной атаке более 10,000 человек, кроме убитых, находится.

25 декабря, то есть в самое рождество господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, от самого первого по полудни даже до 4 часа из Бердской слободы от Емелькиной воровской толпы слышна в городе была пушечная и оружейная пальба, на которую веселость вышедшие 26 числа того ж декабря на рассвете из Емелькиной армии 5 человек солдат нам в городе растолковали, то есть, что-де главный Емелька вор, приехавши из Яицкого городка, изволил с Яицкими казаками тешиться, пивши яко же

можаху со всею толпою простое вино, которого-де из разных мест к ним привезено 500 бочек, так-то-де мы и ушли, что они пьянствовали вместе с Емелькою, а то-де ни под каким видом никому никуда не можно отлучиться, ибо-де их везде кругом воровской караул имеется, а притом и везде беспрестанный разъезд наипаче солдатам и маленькой ни в чем не дают воли, а хотя-де чуть кто зашевелится или говорит чтó про яицких казаков, то днем и ночью всех-де вешают, а бежавших в город всех, где догонят душегубцы, до смерти на том же месте, не спрашивая ничего, колют.

От 26 даже до окончания сего 1773 года последних чисел декабря ничего в городе Оренбурге достойного примечания не слышно было, ибо вышедших из злодейской толпы никого не было, да и наш губернатор, слыша от здешних оренбургских и яицких казаков измену и что они точно с ними, нашими тиранами, для поимки высланные, разговаривают и целуются, не стал никого из города пущать, что после и наружу вышло, что они, яицкие и оренбургские казаки, точно уговаривали Емельку с толпою, чтоб дольше под Оренбургом вор стоял, ибо-де в городе провианту ничего почти нет, а уж мертвечину начинают многие есть, и для того уповательно скоро-де ему без всякого прекословия отдадут и нехотя город.

---

* VII.

(ЛБ 94, № 17)

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ПЕКАРСКОГО О БУНТАХ ЯИЦКИХ, ЧТО НЫНЕ УРАЛЬСКИЕ, КАЗАКОВ И О САМОЗВАНЦЕ ЕМЕЛЬКЕ ДОНСКОМ КАЗАКЕ ПУГАЧЕВЕ.[1]

В 1770-м году повелено было из Яицких, что ныне Уральские, казаков сформировать в Московский легион эскадрон казачий; но они ослушались и потому в 1771-м году, для исследования и принуждения к сформированию того эскадрона, послан в Яицкой городок Оренбургского корпуса генерал-маиор фон Траубенберг и из Петербурга гвардии капитан Маврин; помянутые ж казаки от себя послали в Петербург с просьбой двух казаков, просить об отмене формирования из них эскадрона, коих там взяли под арест, и обрив бороды и лбы, отправили в 1772-м году в Оренбург, для определения в Алексеевский пехотный полк, в солдаты, кои, не доезжая до Оренбурга, с дороги бежали и того ж году в феврале месяце пришли в вышесказанный городок, где по пришествии их сделался бунт, в который помянутый генерал и несколько при нем находящихся офицеров и Але-

---

[1] *Над заглавием — приписка:* от Мих. Сахарова [для Сына Отечества].

ксеевского пехотного полка солдат и Яицкого войска атаман Танбовцев, у коего еще у живого взрезали грудь и вырезали сердце, убиты; а капитан Маврин был изранен, а от убиения спасен его хозяином, яицким же казаком. О происшествии сем донес губернатору генерал-порутчику Рейнсдорпу Сакмарских казаков атаман Донсков, который был отпущен в Яицкой городок для женитьбы, и ушед из оного, тайно приехал в Оренбург; а губернатор немедленно о сем донес в Петербург; для усмирения ж того бунта был прислан в Оренбург генерал-маиор Фрейман, который по собрании войск Оренбургского корпуса и по прибытии из Москвы Великолуцкого полка двух гренадерских рот пошел к означенному городку; а казаки, вышед противу его за тридцать верст от городка, вступили в сражение; но не сделав ничего важного, зажгли вокруг корпуса войск степь с намерением подорвать пороховые, артиллерийские и патронные ящики, и ушли обратно. По приближении корпуса к городку, вторично вышли и вступили в сражение, но были прогнаты, и городок занят войсками, и главные бунтовщики переловлены и посажены под арест.

По усмирению ж бунта определен войсковым атаманом на место Тамбовцева Бородин, оставлены в городке 6 и 7 полевые команды и 200 оренбургских казаков, посаженные ж под арест бунтовщики были судимы, и в 1773 году наказаны кнутом и плетьми, сосланы со всеми семействами в Сибирь.

Но злоба в оставшихся не погасла; и некоторые из них уговорили проживающего у них тогда беглого донского казака Емельяна Пугачева назваться[1] не всеми в городке еще знаемым императором Петром третьим. Означенный Пугачев находился прежде во время войны с турками с прочими выкомандированными из войска донского казаками, во второй армии, и был в команде партизанов, под командою маиора Кормилицына. Заплутовавшись, от города Бендер бежал, и пробрался к реке Волге, делал с шайкою подобных себе разные воровства и грабежи, был пойман, содержался в Казане в тюремном остроге, из коего бежал и прошел в городок Яицкой, где, проживая, был в большой связи с тамошним казаком, подобным ему плутом и пьяницей Чикой, и находилися больше в питейных домах. По названию ж Пугачева императором сообщники его увезли из городка на свои хутора, где и содержали тайно, а между тем делали тайные приготовления: шили знамена, приглашали других казаков, кои о сем еще не знали; бунт же сей намеревались открыть во время первого багренья, где, схватя бывших с ними тогда своих начальников, перетопить и тайно ночью возвратиться в городок, стоявшие в оном по квартирам

[1] назваться как

войски побить и овладеть артиллериею. Но сия тайна открыта нечаянно августа 15 числа перед захождением солнца, из них одним пьяным казаком, который, быв в гостях и возвращаясь домой, шел с одним из доброжелательных казаков, начал оного уговаривать соединиться с ними, сказывая, что у них находится император Петр третий, проживает в хуторах. При сих разговорах поровнялися к гаубтвахте, где бунтовщика товарищ его схватив закричал караул; посему взяты караульными и приведены в гаубтвахту, к караульному офицеру, коему кричавший караул объявил: чтоб немедленно отвели их к правящему тогда в городке комендантскую должность, к командиру 7 полевой команды, подполковнику Симонову, коему он имеет объявить важное дело, к которому и отправлены; и по пристрастному допросу тот бунтовщик признался и открыл всю их тайну. Посему немедленно на хутора, для поимки самозванца, посланы две партии оренбургских казаков, под командами вахмистра Гришечкина и старшего сержанта Долгополова, из коих Гришечкиным найден самозванцев лагерь, состоящий из солдатской палатки, и при ней тележка на двух колесах, с половиной бараньей туши; а сам Пугачев скрылся, и хотя поиск сей продолжался о нем с месяц, но отыскать не могли; и полагали, что он из пределов Яицких убежал; а потому и войска, стоящие еще в лагере, вступили сентября 16-го числа в городок в квартиры; и того ж числа послан от подполковника Симонова сержант Калминской, с открытым ордером, по линии, к Гурьеву городку, буде узнает о месте проживания Пугачева, то бы старался поймать; но он сам, не доезжая до крепости Калмыковой, сообщниками Пугачева схвачен и привезен к нему. Пугачев оставил его при себе, письмоводителем, и 18-го числа в половину дня самозванец с толпою своих сообщников в количестве до 300 человек шел к городку. Противу его послан капитан Крылов, с отрядом войск, состоящим шестой полевой команды из двух мушкатерских рот, эскадрона драгун, сотни оренбург<ских> и отобранных, доброжелательных яицких 500 казаков, при войсковом их атамане Бородине, с двумя орудиями; но прочие того войска казаки самовольно все туда же пошли, говоря, что мы не бунтовщики, и хотим все участвовать в поимке самозванца. Переправившись же означенный отряд чрез реку Чеган и построяся в боевой порядок, шел противу скопища самозванца; а от него прискакали два человека, из них держа один на голове конверт, который противу пехотного фронта бросили, и ускакали обратно. Брошенная ими бумага по приказанию капитана Крылова к нему доставлена; она была от самозванца указ легким полевым командам, которым он их жаловал усами, бородами и рекою Яиком, с вершин до устья, а они бы ему служили и были верны. Вышедшие ж самовольно казаки требовали у капитана Крылова полученную бумагу

немедленно им прочитать, но получили от него ответ: когда им содержание оной пустой бумаги знать нужно, то могут, по возвращению в городок, просить коменданта, которая к нему доставится. По сему ответу те требователи кричали: они знают наверное, что бумага та от настоящего царя, а не от самозванца, и немедленно сот до девяти человек, схватив насильно девять человек своих начальников, кои не успели от них уйти, ускакали к толпе, пришедшей от самозванца, и, соединясь с оной, двинулись на драгунской эскадрон и на оренбургских казаков, за ними гнавшихся, но пальбой из единорогов были остановлены и пошли от отряда войск прочь, вверх по реке Чегану; отряд же войск, а за ним и все оставшиеся казаки возвратилися в городок; а самозванец в ночи, переправясь чрез вышесказанную реку, поутру 19 числа, повеся увезенных казаками чиновников на березах, начал вторично подходить по Оренбургской дороге к городку; но выступившими противу его полевыми командами и здесь пушечной пальбой остановлен и пошел по Оренбургской дороге; от подполковника ж Симонова с донесением о сем происшествии в Оренбург к губернатору послан Киргизскою степью сержант Долгополов.

По получении оренбургским губернатором того донесения немедленно был откомандирован бригадир Билов с деташементом, собранным из Оренбургских гарнизонов и небольшой команды, состоящей тогда в Оренбурге: Алексеевского полка, оренбургских, сакмарских и бердинских казаков, с артиллериею, и сержант Долгополов отправлен обратно к подполковнику Симонову с повелением: отрядить немедленно из полевых команд 100 мушкатер, эскадрон драгун, полуроток егерей, и при атамане войска Яицкого Бородине, выбрав доброжелательных 500 казаков, под командою 6 полевой команды командира, маиора Наумова, предписав ему поспешнее следовать по Оренбургскому тракту, к городку Илецкому, для поимки и недопущению самозванца и сообщников его, по разбитии бригадиром Биловым, обратного возвращения в Яик.

Распоряжения сии казалися хорошими и надежными ко уничтожению замыслов самозванца и сообщников его; но исполнение по оному последовало неблагоприятное и открыло самозванцу путь делать пагубные в Оренбургской и протчих губерниях разорения и убийства.

Пугачев, отступя от Яицкого городка по дороге, к Оренбургу лежащей, с форпостов забирал находящихся в них казаков и пушки с их снарядом с собой, а потом взял крепости: Рассыпную и Нижне-Озерную и состоящих в них комендантов и гарнизонных офицеров перебил и перевешал.

Бригадир же Билов, выступя из Оренбурга со вверенным ему отрядом войск, шел противу самозванца чрез крепости Чернореченскую и Татищеву, из которой выступя, на марше узнав, что самозванец идет ему навстречу,

от трусости ль, хотя он таковым не казался, а полагать должно от ненадеяния на состоящие в команде его войска, кои состояли из гарнизонных баталионов и едва ль из них десятая часть умели заряжать ружья и стрелять, потому что учения у них не бывало, а занимались работами и караулом, да и казаки тогдашнего времени были их не лучше — дать полевого сражения не рассудил, а пошел поспешно обратно, к крепости Татищевой. Пугачев же, сведав о сем за ним погнался, и казаки, состоящие в команде Билова, во время обратного марша самовольно ушли к самозванцу; но Билов хотя и успел войдти в означенную крепость, но не сделав в оной к обороне распоряжения, приспевшим вслед за ним с толпою самозванцем, по малом сопротивлении, был со всем отрядом взят, где он и комендант той крепости полковник Елагин с женою и все офицеры, кои были взяты живые, самозванцем повешены, выключая Алексеевского пехотного полка порутчика Юматова, который, быв ранен, но тайно из крепости успел выйти, и пришед в Оренбург, о сем происшествии донес губернатору; сержант же Калминской, захваченный с открытым ордером, бывший у самозванца письмоводителем, начал в крепости Татищевой взятые с Биловым войска уговаривать поймать Пугачева и отвести в Оренбург, о чем на него сделан донос самозванцу и по приказанию его живой зашит в куль и брошен в воду.

Губернатор, узнав о разбитии Билова и опасаясь, чтоб Пугачев не пошел внутрь губернии, взяв из острогу ссыльного, называемого Хлопуша, приказал ему явиться к Пугачеву и уговаривать придти к Оренбургу.[1]

Маиор Наумов, пришед с отрядом своим в Илецкой городок 30-го сентября, узнал, что бригадир Билов, со всем отрядом, взят Пугачевым и повешен, решился с состоящими в команде его войсками идти Киргизской степью в Оренбург, куда 2-го числа октября и прибыл; а в ночи на четвертое число приезжала от Пугачева небольшая толпа к Оренбургу, от чего была в городе тревога и выжжен форштат. Сам же Пугачев пришел со всею шайкою к Оренбургу 5-го числа и стал своим станом при урочище Красной Глинке, где, простояв несколько дней, перешел в слободку Бердинскую. Во время стояния его у Красной Глинки из городу были сделаны две вылазки, под командою маиора Наумова, из войск пришедших с ним из крепости Пречистинской, прибывших прежде Алексеевского пехотного полка, двуротной команды и нескольких гарнизонных солдат, уральских и состоящих еще в Оренбурге оренбургских казаков. Первая 12-го ч.<исла> октября, с двумя трех-фунтовыми пушками; Пугачев же, узнав о выступлении сего отряда, и сам против его из стану своего вышел со всею толпой и артиллериею, имев оную большого калибра, и пальбой из оной

[1] *Слова* Губернатор ~ Оренбургу *отчеркнуты на полях Пушкиным* <?>.

отряд остановил, потому что при оном были малого калибра пушки, из коих едва ядра могли долетать до половинной дистанции и вреда неприятелю причинять не могли; а его орудия в отряде делали вред, убили драгунского вахмистра и ранили мушкатера; маиор Наумов видя, что вылазка сия самозванцу вреда причинить не может, и сберегая от напрасной потери войско, отступил обратно к городу. После сей чрез неделю сделана вторая вылазка, под командою ж Наумова и с теми же войсками, с двумя единорогами и одной мортирой. Самозванец отряд сей допустил к своему стану, и начал пальбу из своей артиллерии; но из отряда пущенными из единорогов чинеными ядрами и из мортиры брошенной один раз бомбой остановлена, и самозванец с конною своей толпою из стану своего вышел и, обойдя регулярные войска, атаковал следующих позади оных казаков, из коих несколько человек из оренбургских казаков убил и ранил, а остальных прогнал в город, кои вскакали у холодного собора, чрез вал, который в то время был земляной и неоправленный, чем и спаслись от совершенного истребления. Пугачев же прогнан от городу пальбой из артиллерии, стоящей на фасах городского вала, и обратился к регулярному отряду войск, который, имев в артиллерийском ящике, отпущенном при орудиях, только на каждый единорог по тридцати зарядов, оные расстрелял, а мортира, при первом выстреле, подбила под собой лафет и оставалась без действия; а по сему случаю и нашелся принужденным маиор Наумов следовать обратно к городу; самозванец же, окружа отряд со всех сторон своею толпою, сделал на оный атаку; но маиор Наумов, построя войска в баталион-карей, сию атаку ружейной пальбой отбил и пошел, отстреливаясь, сквозь толпу к городу, а Пугачев, не делая более атак, производил по оному пальбу из артиллерии. Отряд потерял убитыми и ранеными нижних чинов шестнадцать человек, и возвратился в город. Пугачев же, стоя у Красной Глинки, к городу приступов не делал, а перейдя, из Берды сделал оный: около полудня, пробравшиеся потаенно логом позади Егорьевской церкви к реке и берегом оной под закрытием подле оного крутой горы, успел подползти на самое близкое расстояние к городскому валу, но был усмотрен и немедленно перешедшими чрез реку в рощу с небольшой пушкой егерями выстрелами пушечными и оружейными остановлен и обращен в бегство, при котором егерями несколько человек его сообщников застрелено и заколото и сам самозванец едва мог уйти. После сей неудачи спустя некоторое время в одну ночь сделал батарею, из нескольких орудий, у самой мишени, противу пушечного двора бывшей, и позади оной, правее по валу, вырыты шанцы, а от стороны Берды и Менового двора, в разных местах, поставлены пушки ж, и с рассветом дня из оных началася по городу канонада, а особливо на фас у пушечного двора и на

самый пушечный двор, стараясь оный зажечь, стреляя по оному из единорогов, взятых у Билова, чинеными ядрами, но успеху в оном не имел, а только убиты на фасе артиллерийский офицер, два канонера, один рекрут и у пушки подбит лафет. В городе ж убит только в своем доме молящийся богу купец Коченев. Канонада сия продолжалась безумолкно целый день, пока, при захождении солнца, сержантом Сахаровым из города пущеною бомбою упомянутая батарея подорвана; за сим подрывом и прочие пушки умолкли и немедленно увезены в Берду. Устройство батареи и делание шанцов и канонады от Пугачева препоручено было капралу Оренбургского артиллерийского гарнизона Калмыкову, который был с артиллериею у бригадира Билова, а по взятии отряда Пугачевым назван полковником и командиром всея его артиллерии.

После сей канонады, во всё время блокады города Оренбурга, никаких к оному от Пугачева покушений предпринимаемо не было, кроме в небольшом количестве людей из скопища его, составляющих подъездов и то далее пушечных выстрелов, разъезжая и постреляв, уезжали в Берду обратно.

Самозванец же, живя в Берде, отрядил, для взятия города Уфы и прочих пригородков, приятеля своего яицкого казака Чику с толпою, назвав его фельдмаршалом Чернышевым, а ссыльного Хлопушу — в Илецкую защиту для взятия и приводу к нему находящихся там ссыльных, коих он до 500 человек привел в Берду, и Пугачев назвал его над оными полковником. Чика ж шел с данною ему толпою к Уфе, по дороге набирал вдобавок к оной башкирцев и других разного звания людей, и пришед в село Чесноковку, расстоянием в 7 верстах от Уфы, послал в пригородки от себя партии, которыми и были взяты, а воеводы в оных из дворян определенные побиты, сам же начал Уфу содержать в блокаде и делать к оной приступы; но всегда[1] жителями города, бывшими под начальством дворян, собравшимися в город из уезду, бдительностию и хорошим распоряжением коменданта полковника Мясоедова, был отбиваем; и в одном из оных отнята учрежденным небольшим резервом, под командою маиора Пекарского, пушка; что и продолжал до прибытия с отрядом войск подполковника Михельсона, командированного от генерала князя Голицына, которым разбит и бежал в пригородок Табынск, где пойман и представлен генералу Фрейману, прибывшему к тому пригородку с деташементом от Оренбурга.

Подполковник Симонов, находясь с оставшимися в команде его войсками в Яицком городке, узнав о разбитии Билова и о блокаде, начатой от Пугачева, города Оренбурга, немедленно заставил яицких казаков, оставшихся в городке, делать ретраншемент, рыть ров с насыпью вала, кои,

[1] всегда был

не надеяся еще на усиление самозванца, оному противиться не смели и начали сию работу продолжать, начиная от пролива из реки Яика, называемого Старица, обходя оным гаубтвахту, тюремные избы, дом войсковой канцелярии, соборную церковь, доведя ко упоминаемому ж проливу, вырыть для помещения нижних чинов у валу землянки и запасти на все зимние месяцы потребное количество дров. Всё оное исполнено было вскорости; по сделании ж сего ретраншемента, перевезя из магазейна провиант, подполковник Симонов со всеми у него находящимися войсками в оный вошел; и после того в скором времени приехал в Яицкой городок Пугачев и начал делать на ретраншемент нападения, но без успеха; то и приказал находящемуся с ним же капралу Калмыкову подвесть подкоп, который и был вскорости сделан, но по ошибке доведен только был до рва, подорван, не причинив вреда валу; казаки ж, воспользуясь происшедшим от подрыву пороха дымом, кинулись к штурму ретраншемента и некоторые успели вскочить в ров, но были все в оном войсками побиты; а недобежавшие до рва из орудий картечами остановлены и вышедшими противу их, на вылазку, войсками атакованы в штыки и прогнаны с большою их потерею, до самых домов близ ретраншемента стоящих, которые тогда ж войсками вызжены, и сделалась по сгорении оных большая площадь, которая была бунтовщикам преградой делать частые канонады. По исполнении сего, войска возвратились без всякой со стороны их потери; после сей неудачи Пугачев вторично приказал Калмыкову подвесть мину под состоящую у церкви колокольню, в которой хранилися артиллерийские снаряды, ружейные патроны и порох. Сия мина подведена верно, но в ночи перед подорванием оной прибежавшим доброжелательным яицким казаком подполковник Симонов об оном быв извещен, приказал немедленно всё находящееся в колокольне вынести; поутру оный действительно подрыв учинен и по поднятии колокольни кверьху более половины от маковицы книзу рассыпалось, а нижняя часть осела на прежнее место без повреждения, на которой и была устроена батарея. Сей подрыв никакого вреда в ретраншементе не учинил, да и бунтовщики, будучи при первом подкопа взрыве напуганы, вторичного при оном сделать штурма не смели. Подполковник же Симонов напоследок, по недостатку провианта для продовольствия войск, претерпевал большой голод; а нижние чины ели упалых, прежде брошенных лошадей, а по недостатку оных ели перевязи и глину беловатого цвету, вырываемую во рву. От сей голодной пищи сделалось много нижних чинов больных; однако оставалися верными непоколебимо императрице до самого прибытия в Яицкой городок с деташементом генерала Мансурова, коим освобождены и попрежнему вступили в Яицкой городок в квартиры.

Живущие в Оренбургской губернии народы, по несмысленности, все противу начальств взбунтовались и множество их пришло к самозванцу служить, а больше для грабежа, который чинить им не воспрещалось; почему и составилась толпа его более ста тысяч человек и располагалась в Берде, Каргале, Сакмарском городке и близ состоящих оного селениях. Пугачев же начал ездить в Яицк, где и женился на дочери тамошнего казака, называемой Устинья, которая имела от него сына, с коим, по поймании Пугачева, отвезена в Москву, а оттуда сослана в ссылку.

Получив самозванец сведение о следующих в Оренбург по Московскому тракту второго гренадирского полка двух рот, состоящих под командою генерала Кара, навстречу коим немедленно послал толпу из своего скопища, для разбития оных; роты ж, по оплошности своих начальников, следовали без всякой осторожности, даже ружья и патронные сумы были укладены и завязаны в санях; почему тою толпой, без бою, с офицерами взяты и приведены к Пугачеву. Генерал Кар оставался в Бугульме, узнав же о взятии рот, уехал обратно. Взятые с теми ротами офицеры, находясь в толпе, согласились, найдя удобный случай, Пугачева убить; но из числа их прапорщик Шванович об оном донес самозванцу, который по сему доносу велел их повесить, а Швановича назвал полковником над находящимися в толпе солдатами, и был у него письмоводителем, а по разбитии его в Татищевой крепости пришел в Оренбург; но по доносу начальству бывших с ним же в толпе гренадер и улике их о сделанном им вышеупоминаемом самозванцу доносе, был судим, лишен чина, дворянства, переломлена над головою под виселицей палачом шпага, сослан в каторжную работу.

Командированный для отражения Пугачева от Оренбурга симбирский комендант полковник Чернышев, с отрядом, состоящим из Симбирского гарнизонного баталиона и нескольких пушек, прибыв в крепость Чернореченскую ноября 12-го числа, послал из оной о следовании своем к Оренбургу к губернатору рапорт, с капитаном, который, ехав рекой Яиком, 13 числа поутру рано к городу прибыл, но до одиннадцатого часу в город не был впущен, потому что обер-комендант генерал Валленштерн, у коего всегда хранились от ворот городских ключи, до означенного часу спал и разбудить его не осмеливались; а по приносе ключей был впущен и представлен к губернатору. По получении ж рапорта губернатор приказал маиору Наумову немедленно собрать с бастионов войска и из пушечного двора взять орудия, выступить из городу, следовать на диверсию полковнику Чернышеву, что исполнено вскорости: в начале двенадцатого часа отряд сей был собран, приведен к Сакмарским воротам, к выступлению, но увидели по увалу от Маячной горы к Берду веденный отряд

Чернышева толпою Пугачевой, и услышана в Берде пушечная пальба, означающая викторию; сия дирекция оставлена. Полковник Чернышев по отправлении капитана с рапортом к Оренбургу и сам поутру рано вышесказанного числа из крепости Чернореченской с отрядом своим выступил, и почитая по означенной реке до Оренбурга, где проехал капитан, переход с артиллериею и обозом невозможным, решился идти по дороге, лежащей к Берде, чрез Маячную гору, пришед, начал на оную подыматься; войско его по оной тянулось кверьху, артиллерия оставалась внизу горы; в таковом оплошном марше самозванец с конною толпою, встретя, немедленно, напал и взял без всякого сопротивления, отвел в Берду, где немедленно полковника и всех офицеров велел повесить, а нижних чинов оставил в своей толпе. Того ж числа другой отряд, следующий к Оренбургу из крепости Троицкой, под командою Троицкого коменданта, славившегося тогда, по деланным им противу киргизов барантам, храброго и знающего полководца бригадира Корфа, состоящий[1] из 8-й легкой полевой команды при командире их маиоре Зубове и Троицкого гарнизонного баталиона при баталионном командире маиоре Демидове; сей отряд следовал по линии до Неженского форпоста, от коего для скрытия себя от усмотрения расставленных из толпы самозванца пикетов перешел за Яик, в Киргизскую степь, и оною следовал, а о приближении своем к Оренбургу с сего марша послал нарочного к губернатору с рапортом, по получении коего командирован с отрядом войск и артиллериею маиор Наумов, который немедленно из города выступил и шел на диверсию отряда бригадира Корфа. Самозванец же, узнав о шедшем в Киргизской степи войске, немедленно собрав конную свою толпу, спешил их в степи атаковать, но нечаянно приблизился к отряду Наумову, от коего, быв встречен пушечными и ружейными выстрелами, ушел обратно в Берду, а бригадир Корф беспрепятственно соединился с отрядом Наумовым и ночью вступили в город.

14-е число дано пришедшему войску на отдохновение; а 15-го, прибавив к оному состоящие в городе регулярные войска, почему и составился сей отряд около двух тысяч, под командою бригадира Корфа выступил для разбития самозванца; но он, увидя оный шедшим к Берде немедленно со всею толпою встретя, окружил со всех сторон, начал сражение, и по худому распоряжению от старости лет командующего бригадира Корфа отряд начал отступать к городу, преследуем Пугачевым с большим стремлением, [на поражения войска] но был удержан от оного находящимся в отряде ж атаманом Бородиным с яицкими казаками; в сем сражении оторваны ноги полевых легких команд 7<ой> у драгунского поручика

[1] *В рукописи описка:* составляющей

Иглина и 8‹ой› у капитана, который того же числа умер. Нижних же чинов убито и ранено более ста человек. После сего сражения оставались в бездействии: 1774 года до февраля месяца; в исходе сего понудивший, от недостатка провианта, голод, сделать решительную атаку на Берду, которая, по сделанному от губернатора плану, казалась совершенно удобною, но главнокомандующим оною почтенным, но по глубокой старости своих лет сделавшимся совсем неспособным к командованию войсками, Оренбургским обер-комендантом генералом Волленштерном и при нем находящимся в таковом же положении от старости бригадиром Корфом, сделана ничтожною и гибельною. Войска выступили из города при наступлении ночи тремя колоннами: 1-я под командою бригадира Корфа, составленная из гарнизонных баталионов и казаков, при коей и сам главнокомандующий, следовала прямо к Берде; 2-я под командою маиора Наумова, из состоящих в команде его 6-й и 7-й легких команд мушкатер, драгун, егерей, из оставшихся тогда еще налицо Алексеевского пехотного полка двуротных команд, шла к Маячной горе, а от оной, поворотя увалом, к Берде; 3-я, составляющаяся из 8-й легкой команды и яицких казаков под начальством означенной команды командира маиора Зубова, отправились по Сакмарской дороге, и поворотя на Каргалинскую, по оной к Берде. Артиллерия, находящаяся при них, поставлена на полозья и везена, по неимению тогда в городе лошадей, прикомандированными к оной рекрутами и казаками; и по бывшему тогда крепкому насту везена без затруднения, и войско шло ночью смело к столице самозванца, полагая оную непременно взять и находящуюся в ней толпу и с повелителем их истребить, собранный там провиант взять и привесть в город. Но главнокомандующий, находясь при первой колонне, под командою бригадира Корфа, не дошед еще далеко до Берды и до назначенного колонне пункта, при наступлении дня, не видав ни одного человека из неприятелей, оробел и послал ординарцев к маиорам Наумову и Зубову с приказанием: возвращаться поспешно в город; сам же с бригадиром Корфом сел в сани, уехал поспешно в город, оставив колонну без начальника и приказав ей поспешно за ними следовать к городу. И таковым приказанием привел всё войско в беспорядок и робость, а неприятеля в ободрение. По приезде ж своем в город приказал ворота городские запереть и завалить и, вошед на вал, смотрел на шедшее в беспорядке обратно и поражаемое неприятелем войско; колонна первая, получа приказание поспешно идти обратно, видя начальников своих, уехавших вскорости, последовала их же примеру, побежала, оставя пушки, и рассыпалась врознь. Маиор Наумов, с колонною ему вверенною, еще до восхождения солнца пришел к назначенному у Берды ему пункту; вышедшею противу его пешею толпою, с пушками,

начата по выстроившемуся войску пальба, но пальбой из орудий отряда прогнана и с пушками их обратно, и состоящая в означенной слободе конница ушла из оной, по незанятой тогда еще маиором Зубовым Каргалинской дороге, в Каргалу. Самозванец же тогда находился в Яике. Майор Наумов, имев перед фронтом своего отряда глубокой ров, чрез который перейти с артиллериею было невозможно, решился спустясь вниз к реке Сакмаре и от нее низом идти к штурму Берды. Но в то самое время получил чрез присланного от главнокомандующего ординарца словесное повеление: поспешно отступать к городу, что и было исполнено; и при самом начале отступа бывший в оной колонне главнокомандующего племянник, 6-й полевой команды капитан Мензенкамф, быв на правом фланге командиром первого взвода, который составлял голову колонны, сказал: ступай за мной! и побежал, чтó и взвод его исполнил. А за ним и прочие последовали, не слушая приказания маиорского и офицеров, и сим пришли, а особливо начатою из Берда по оной из пушек цельною пальбою, в совершенную растройку, и оставляя раненых и артиллерию, бежали; и для везения и прикрытия оной удержано не более 70 человек, которые, дойдя до лежащего между Берды и Оренбурга оврагу, спустясь с артиллериею и не могши ее из оного вытащить, были толпою самозванца догнаны и некоторые поколоты, а другие с артиллериею взяты в плен, в числе коих Алексеевского полка капитан Превлоцкой, инженерный порутчик, быв колонно-вожатым, везенный тогда, с отбитою ядром ногою, на пушке, Замошников и храбрый артиллерийский сержант Сахаров, которые Пугачевым повешены. Таковая ж участь последовала и с третьей колонной под командою маиора Зубова; получив приказание, не дошед еще до назначенного пункта к штурму Берды, пошла обратно и тем очистила дорогу ушедшей в Каргалу конницы самозванца; а оная, быв из Берды извещена об отступающих в беспорядке войсках, поспешила обратно и первее погналась, как за ближайшей, третьей колонной; коя, увидев сзади приближающуюся конницу, а впереди бегущие войска прочих колонн, в беспорядке, и опасаясь быть догнанною следующим за ней неприятелем, поспешила, оставляя пушки, и расстроилась; означенная ж толпа, воспользуясь сим, также рассыпавшись врознь, начала преследовать и поражать прочих колонн войска; и конечно б сие поражение последовало всему вышедшему из города войску, буде почтенный оренбургских казаков атаман полковник Могутов, остававшийся тогда за старостию и болезнию ног в городе, не испросил у губернатора позволения собрать отставных казаков, выдти из города для спасения войска; а получа от него позволение, немедленно собрав небольшой отряд свой и взяв две имеющиеся у него пушки, вышел из города, пошел правее шедшего войска

и, пройдя оное, поровнявшись с неприятельскою толпою, начал из пушек и из ружей производить пальбу во фланг неприятеля, чем и удержал его от сильного преследования и поражения расстроенно шедшего войска, и подал ему способ придти под защиту пушечных выстрелов с бастионов городских. Под сей защитой все оставшиеся от поражения собрались к стенам города, на коих, увидев своего главнокомандующего, ругали даже с угрозами; он же, услыша сие, поспешно уехал в свой дом, а войско впущено в город. При сей вылазке город потерял всю имеющуюся полевую артиллерию с их ящиками и снарядом, а из войска: 1-го капитана, 1-го порутчика, лучшего артиллериста, сержанта Сахарова, и до четырех сот нижних чинов, и остался в совершенном отчаянии спастись от взятия самозванца, а особливо по недостатку провианта, который на март месяц из магазейнов весь был выдан войску, и досталось на человека по 4 гарнца муки, с прибавкою к оной четырех же гарнцев ячменного пополам смолотого с мякиною солоду, взятого у находящегося тогда откупщика питейных домов, и, бывший в сильной блокаде, не находил средства о своем положении дать знать ни в какое место, ниже сам о чем либо получать сведение, а ожидал помощи от бога; и во ожидании сего в унынии пробыл до 27-го числа марта, а сего числа поутру, при восхождении солнца, приехавший к городу прямо с побоища из Татищевой крепости каргалинский татарин известил, что Пугачев в означенной крепости пришедшим к оной с войсками генералом Голицыным разбит, а вслед за сим из Берды от состоящей там толпы народа присланы нарочные губернатора известить, что самозванец, по разбитии своем, прибежал в Берду, где ими пойман и содержится связанным, и просят о его ходатайстве у императрицы, по незнанию ими сделанной вины, прощения и дать о сем из города знак тремя пушечными выстрелами, которые и сделаны; и по услышании оной толпа народа потянулась по дороге из Берды к городу; и сие шествие продолжалось два дня и составляло до нескольких тысяч человек, посаженных в остроги и в ямы, состоящие в Гостинном дворе пустых лавках и в Меновом дворе; Пугачев же был действительно пойман и связан, но ссыльным Хлопушей, с присоединившимися к нему тысяч до пятнадцати сообщниками, был отбит и с оными, взяв имеющиеся еще в Берде пушки, пошел через так называемый Общий Сырт к Сакмарской линии, о чем губернатор дал знать князю Голицыну; отряженный с корпусом войск генерал-маиор князь Голицын, для разбития собранных самозванцем скопищ, поимки его и усмирения взбунтовавшихся в Оренбургской губернии народов, по прибытии в Бугульму, отрядил с деташементом подполковника Михельсона к городу Уфе, для освобождения и разбития собравшейся и блокирующей оный город мятежнической толпы, управляе-

мой яицким казаком Чикой, который пришед, оную разбил и освободил город от блокады; сам же генерал князь Голицын с корпусом пошел по тракту к Сакмарской линии, а оною к Оренбургу, о чем узнав, самозванец с толпою пошел ему навстречу и, встретившись с передовыми войсками корпуса под крепостью Борской, сделал нападение, но был оным прогнан и ушел обратно, к крепости Татищевой, куда прибежав, велел к стоящим круг оной заборам насыпать из снегу широкой и довольно высокой вал, уливая оный водою, сделал крепким и гладким; а поставя на оной пушки, измерив перед оными дистанцию на картечные выстрелы, поставил для верности выстрелов знаки. Устроив оное, решился ожидать корпуса и дать сражение, которое марта 26-го числа и последовалȏ. Самозванец, узнав о приближении корпуса, приказал своей толпе приготовиться к сражению, коннице быть скрытно на дворах, а пешим прилечь по валу и наблюдать великую тишину; войско, подходя к крепости, построясь в боевой порядок, следовало к штурму; но, не видя никого на валу и не слыша никакого шуму, главнокомандующий приказал послать к крепости, для узнания, есть ли в оной неприятель, двух гусар, которые отправились немедленно; Пугачев же, увидя их, приказал ворота крепости отпереть, а страже, по близости оных, скрыться и двум женщинам выдти навстречу посланных и будто б нечаянно встретиться и сказать, что в крепости никого, кроме жителей оной, не находится; а для верности ими сказанного уговорить въехать в оную. Сии предательницы все оное верно исполнили, и гусары, положась на их уверения, въехали в ворота и были окружены стражей;[1] один ими схвачен, приведен к самозванцу и немедленно запытан; а другой, прорубясь сквозь окружающих его злодеев, успел ускакать из ворот и донес о сем происшествии главнокомандующему. После сего войско пошло на штурм, не зная сделанного самозванцем пагубного распоряжения, подошло к поставленным знакам и было встречено картечными выстрелами, кои сделали в войске большое поражение; и второй гренадерской полк остановился, не хотя идти к крепости; но генерал-маиор Фрейман взял у них знамя, пошел к крепости; они же, видя начальника своего шедшего одного со знамям их, а бывшие с ними ж в линии на левом фланге под командою генерала Мансурова легкие полевые команды, пренебрегая картечные по них выстрелы и чинимое оными поражение, успели дойти до вала крепости, и презирая сопротивления бывшей противу их толпы, вошли на оный, устыдились своей робости, спешно пошли на штурм, опередя генерала, подошли к валу, и взойдя на оный, делали находящейся на оном и в кре-

[1] стражей оных.

пости толпе большое поражение. Пугачев, видя свою неудачу, успел тайно с небольшим количеством самовернейших своих сообщников удти опять в Берду, а прочих оставил на произвол их судьбы; которые, не найдя средства к уходу, по занятию кавалериею всех из крепости лежащих дорог, большею частию побиты, и несколько тысяч взято в плен, и отведено в Оренбург.

Генерал князь Голицын, по взятии крепости, по довольно значущем количестве из вверенного ему корпуса войска при штурме и при истреблении толпы убитых и раненых, отрядил генерал-маиора Мансурова с отрядом войск к Яицкому городку для усмирения живущих в нем казаков и освобождения состоящего в ретраншементе, сделанном в означенном городке, войска. И получа сведение от оренбургского губернатора об уходе самозванца из Берды с находящеюся у него толпою и артиллериею, с намерением пройти к Сакмарской линии, послал отряд войска к преграждению ему сего пути; кои и прогнали самозванца обратно, а сами возвратились в крепость Татищеву; по возвращении ж оного выступил к Оренбургу.

Самозванец, остановленный и прогнанный встретившимся с ним отрядом, пришел обратно в Берду, узнав, что посланный Голицыным маиор и переводчик Арапов с небольшим количеством гусар только что успели выехать за ними, с толпою погнался, и успел переводчика Арапова и двух гусар догнать и изрубить; прочие ж спасены выстрелами из пушек городских бастионов; а самозванец оными ж, с потерею убитыми из толпы своих товарищей, обращен в бегство к Берде, и найдя там команду гарнизонных солдат, посланную для перевозки собранного самозванцем провианта в город, взял и со всею толпою и пушками ушел в слободу Каргалинскую, и там расположился ожидать прихода генерала Голицына с войсками и дать сражение. Прибыв в Берду, князь Голицын с корпусом, вдобавок к оному взяв из Оренбурга оставшиеся в нем налицо полевых команд войска, с рассветом дня выступил к Каргале; самозванец, узнав о сем, всю свою артиллерию и толпу поставил пред слободою, по берегу реки Сакмары, полагая, что только с сей стороны быть может атакован; и с сею надеждой ожидал прибытия войска, которое, подойдя к реке, построилось в две линии, и главнокомандующий приказал гусарам съехать на реку и оною сделать атаку на поставленные по другому берегу толпу и пушки; но из оных, при спуске на реку нескольких еще рядов гусар, сделана пальба, и убито восемь гусарских лошадей. Увидя сие, главнокомандующий, рассудя, что при сей атаке последует гусарам большое поражение, оную отменил; а видя слободу позади оставленною без всякой защиты, приказал гусарам и Чугуевского полка казакам отправиться к хутору Тефтелевскому, стоящему на той же реке, ниже от Каргалы верстах в пяти,

перешед оную реку и подойдя скрытно на близкое расстояние к упоминаемой слободе, сделать на оную атаку, что исполнено ими было вскорости. Слобода и пушки, расставленные по берегу, взяты без всякого сопротивления; самозванец и вся его толпа от сей неожиданной ими атаки, оробев, побежали по дороге к городку Сакмарскому, но посланными к преследованию их конными войсками догнаны, толпа конная между Каргаль и пильной мельницы без остатку изрублена и переколота; а пешая, начиная от мельницы, до Сакмарского городка, по дороге положена изрубленною; а у ворот городка последний изрублен бывший в толпе ж киргизской султан. В плен взято 870 человек, в числе коих артиллерийский капрал Калмыков, ссыльный Хлопуша и оренбургских казаков сотник Подуров, командированный с казаками оренбургскими в отряде с бригадиром Биловым, и во время следования обратно того отряда к крепости Татищевой ушел к самозванцу и был у него до взятия в плен.

Самозванец, с двумя своими главными приятелями яицкими казаками, успел уйти в Сакмарской городок, на бывшую у него всегда там квартиру, и отправленные им в оную прежде нагребленные деньги, серебро в посуде и прочие вещи, в возах, велел немедленно вывесть на улицу и поставить в недальнем расстоянии от ворот, в которые должны преследующие его войска въезжать. Сия преграда имела силу удержать преследователей: они, прибыв к ней, остановились и начали сию добычу делить, пока не подоспели к ним офицеры, принудившие их преследовать самозванца; но он в происхождении сего имел время с приятелями своими, переменя лошадей, ускакать и скрыться; а преследования остались без успеху. Князь Голицын, пробыв двое сутки в городке, приказал маиору Наумову с присоединившимися под командою его из Оренбурга к корпусу войсками принять взятую у самозванца артиллерию и пленных отвести в Оренбург и по сдаче оных идти в крепость Воздвиженскую для приведения в послушание живущих в ней и по близости оной татар и башкирцев и разведывания о месте укрывательства самозванца; а генерала Фреймана с отрядом войск отрядил по дороге, лежащей к Уфе, для усмирения башкирцев и прочих народов и разведывания о Пугачеве, и буде где окажется, преследовать и стараться поймать. Таково ж чинить исполнение предписал подполковнику Михельсону по получении от него донесения о разбитии им блокирующей город Уфу толпы и освобождении того города от блокады, выступив из оного по тракту Сибирскому, к Челябе; сам же возвратился с оставшимися при нем войсками в Оренбург. Жители ж в городке Сакмарске за непоимку самозванца от войска совершенно были раззорены.

Генерал-маиор Мансуров, с отрядом войск прибыв к городку Яицкому, вступил в оный без всякого сопротивления от казаков и бывшему там

в ретраншементе с войском подполковнику Симонову приказал выдти в городок и расположиться в оном по квартирам. Хотя подполковник Симонов от Яицких казаков за неделю до прибытия вышесказанного генерала был извещен о разбитии самозванца и следующем к городку корпусе войск, но, не полагаясь на их уведомления, оставался в ретраншементе, и приказал им доставлять в оный, для продовольствия войска, хлеб и прочие съестные запасы, что они и исполняли.

Самозванец, успевши уйти от преследования войск, удалился внутрь Башкирии, в горах Уральских живущей, и собрав толпу оных, пришел к крепости Зелаирской, в означенных горах стоящей, полагая наверно оную взять, а имеющиеся в ней пушки увезти с собою; но находящийся в крепости Оренбурского гарнизонного баталиона подпоручтик Долгоносов, с состоящею при нем небольшею того ж баталиона командою солдат, храбро обороняясь, принудил нападающую толпу, с потерею людей, удалиться без успеха. Самозванец, не имев у себя пушек и по сделанной сильной обороне, потеряв надежду оную взять, отступя, направил свой путь к крепости Верхояицкой; но узнав, что и в оной комендант полковник Ступишин в большой готовности ему дать отпор, намерение идти к оной отменил, а пошел к крепости Троицкой; и вышед на линию Троицкой дистанции, две крепости, по неимению в них гарнизона, за выкомандированием Троицкого гарнизонного баталиона в Оренбург, сжег, а пушки и живущих в них людей взял с собою, пришел к Троицкой и оную по малом сопротивлении взял же; но пробыв в ней одну ночь, с рассветом дня, прибывшим к оной с деташементом генерал-порутчиком Декалонгом, из войск Сибирского корпуса состоящим, прогнат и разбит, и убежал внутрь Челябинской провинции; и собрав толпу в слободе Кундровской, был атакован отрядом войск подполковника Михельсона и разбит; побежал, направляя путь свой к Казани; находя везде большое количество людей, охотно к нему присоединяющихся, пришел с большою толпою к Казани. Но губернатор, рассудя, что по обширности оного города, не имев войска, кроме гарнизонных баталионов, защитить не в силах, приказал гарнизону и всем чиновным людям и купцам собраться в кремль, в котором и защищался от нападения самозванца, и для лучшей безопасности город зажечь. Пугачев же, подоспев с толпою, делал в домах, от огня дымящихся, грабеж и небольшие нападения к кремлю; но узнав о приближении подполковника Михельсона, с деташементом, оставя добычу, вышел к нему и вступил в сражение, но был прогнат от города, и наступившая ночь спасла его от преследования; а потому, отошед за несколько верст от Казани, остановясь, ночевал; а с наступлением дня подполковником Михельсоном вторично атакован и совершенно разбит, но

успел с своими двумя друзьями спастись бегством и перебрался за Волгу, в провинцию Симбирскую, и вскоре с набравшеюся к нему новых последователей толпою направил путь свой в Астраханскую губернию, грабя дворянские имения, но нигде не останавливаясь на долгое время, боясь подполковника Михельсона, который, переправясь через Волгу, следовал поспешно за ним. Но самозванец и при скором своем ходе, узнав о шедшей из Царицына первой полевой легкой команде, следующей по дороге к Саратову, ему встречу, на марше ее во время перехода чрез глубокой овраг нечаянно напал и без всякого сопротивления взял и с ее орудиями, командира оной и офицеров побил, а нижних чинов взяв с собою, пошел далее. Но под Черным Яром, в Астраханской губернии, был догнат подполковником Михельсоном и разбит совершенно, но также успел с своими двумя друзьями и другими сообщниками, в числе около ста человек, спастись от поимки и перебраться обратно чрез Волгу.

Он направил путь свой [Киргизскою] степью к городку Яицкому; но не доехав до оного верст за шестьдесят или более, товарищи, тогда с ним бывшие, его остановили, и с двумя главными бунтовщиками связав, дали немедленно знать о сем к подполковнику Симонову, в означенный городок, от коего для взятия и привозу к нему самозванца с его товарищами послан с небольшою командою старший сержант Бардовский, который их привез в Яицкой городок к упоминаемому подполковнику, а по насланному к нему повелению отправлены в Симбирск к прибывшим в оный для следствия графам Панину и Суворову. Туда ж отправлен из Оренбурга и казак Чика, где и были судимы, и по конфирмации последовавшей отправлены для учинения над ними казни. Самозванец и два его товарища, главные из яицких казаков бунтовщика, в Москву, где им на эшафотах отрублены ноги, руки и головы; а Чика в Уфу, которому, за рекою Белой, пред городом, отрублена голова и воткнута была на поставленном столбе на шпиль; сотник Подуров, капрал Калмыков и ссыльный Хлопуша, судимые в Оренбурге, по сентенциям: первые два военного звания лишены чинов, Подурову отрублена голова и воткнута на шпиль, поставленный на виселице, а Калмыков загонен сквозь строй шпицрутенами; а последний, Хлопуша, гражданского, судов последовавшим <решением> повешен на сказанной виселице. Яицкие казаки в наказание за их бунты имянным государыни императрицы Екатерины 2-й указом наименованы Уральскими; а по сему наименованию и река и городок Яицк названы Уралом, и вверху оной стоящая крепость Верхояицкая переименована Верхоуральскою, и повелено сей бунт предать вечному забвению и означающие смерт-

ную казнь висилицы и другие знаки сломать, а последовавшие во время оного от разграбления претензии и иски казенные и частных людей уничтожить.[1]

---

[1] *На последнем листе приписка Сахарова* ‹?›: Посылаю записку эту точно в таком виде, как она написана была сочинителем; конечно надобно будет исправить безграмотный слог, а может быть — по рассмотрению — и сократить или выкинуть что-нибудь, лишнее; как угодно. Во всяком случае думаю, что она стоит печати: есть в ней вещи неизвестные доселе и о коих не упомянуто подробно в изданной недавно об этом предмете книге.

В. ПОМЕСЯЧНЫЕ ВЫПИСИ ИЗ АРХИВНЫХ ДЕЛ.

I.

(ЛБ 91, лл. 119—126)

СЕНТЯБРЬ 1773-го.

Первая бумага о Пугачеве. От ген.<ерал>-пор.<учика> кавал.<ера> и оренб.<ургского> губ.<ернатора> Рейнсд.<орпа>.

Рапорт. Из управляющей Войском Яицким Комендан<т>ской канцел.<ярии> представлена ко мне копия с полученной в той канц.<елярии> от дворц.<овых> Малык.<овских> управительских дел промемории о пойманном там и отосланном в Синбирскую канцелярию беглом донск.<ом> каз.<аке> Ем.<ельяне> Пугачеве..... А яицкой казак Денис Пьянов у коего он Пугачев квартиру имел и *о том* разговаривал (о побеге в Турцию) пред тем скрылся и бежал, однако строго сыскивается. Янв.<арь> 1773.

В совете 1773 <г.> сентябр<я> 28 в Орен.<бурге> положено конфедератов, отобрав у них оружие, под конвоем отправить в Троицкую креп<ость>.[1]

Брант, из поселенных набрав 500 чел., поставил половину около Кичуевского фель<дшанца>, а другую в низ по Черемшану, между Ставрополем и Кичуем, да *сек.<унд>-ма<иору>* велел с командою (300 чел<овек>) спуститься в низ по Волге для обсырвации.

[Г. ф.<он> Брант, оставя город под надзором генерала-порутч.<ика> и кав.<алера> Баннера, и генерал-маи<ора> Веригина 13 окт.<ября> выступает из Казани для *примечания* за Пугачевым.]

Сент.<ября> 25. Рейнс.<дорп> объявляет, что Пугачев неуспешно подступал под город Яик, — прогнанный комендантом подполковником Симановым. — От него Пугачев пошел далее, забирая людей и пушки, и вешая непристающих к нему, пробрался к Илецкому городку, прислав к тамошнему атаману Портнову угроз.<ный> лист. — Старшины выдали верного атамана.

---

[1] *Слова* В совете ~ креп<ость> *отчеркнуты Пушкиным на полях и отмечены знаком:* NB

Между тем 2 раза писал он к Киргиз-кайсацкому Нурали-хану.

Получив сие извес.‹тие›, отрядил я к Илецк.‹ому› городку барона Билова (бригад.‹ира›), 110 чел.‹овек› Алексеевского полку да 90 гарниз.‹онных› да казак.‹ов› конных 150, резерв.‹ом› ставроп.‹ольских› калмык 60 (всего 410 чел‹овек›) и 6 полевых пушек. Да и подполк.‹овнику› Симонову предложил послать к Илецк.‹ому› ‹городку› 6-ой полевой команды командира Наумова. Да из Ставроп.‹оля› 500 чел.‹овек› калмыков послал прямо на встречу. Да из башкирц.‹ев› до 500, да татар до 300 употребил на то же.

---

28 сент.‹ября› 1773 года. Г.‹енерал› Рейнсдорп доносит, что Пугачев умножа свою шайку яицкими и илецкими казаками — пришел 1) в Рассыпную, 2) в Нижеозерскую, 3) устремился на Татищеву, где находился отпр.‹авленный› от г.‹енерала› Рейнс.‹дорпа› бригадир Билов с корпусом, и тамо половину крепости сжег, разбил корпус и идет к Оренбургу. В следствии сего был общий совет, где и положено:

1) *У конфедератов* (?) кроме иноземцев отобрать ружья, и отправить их в Троицкую крепость под строгим смотрением.

2) Все мосты через Сакмару разломать и пустить в низ по реке.

3) Сеитовских татар взять в город для защиты (?).

4) Артиллерию поручить дейст.‹вительному› ст.‹атскому› совет.‹нику› Старову-Милюкову.

5) Разночинцам имеющим оружия назначить места, а не имеющих [1] определить к потушению пожара, для сего иметь им *воду* и быть [2] в команде у г-на Обухова (директора) и вооруж.‹енным› у г-на обер-коменданта.

6) Отлучившегося от назначенного места расстрелять в пример прочим.

7) Слабые и неукрепленные, способные к перелазу, места осмотреть г-ну Стар.‹ову›-Милюкову.

8) Сеи‹товских› татар поручить г-ну Тимашеву (колл.‹ежскому› советн.‹ику›).

Подписали:

Иван Рейнсдорп,

— Генер.‹ал›-ма‹иор› и обер-коменд‹ант› Карл Валлейстерин,

Ст.‹атский› действ.‹ительный› сове.‹тник› Старов-Милюков,

Кол.‹лежский› сове.‹тник› Иван Мясоедов,

Подполк.‹овник› и легких войск войсковой атаман Василий Могутов,

Надв.‹орный› советн.‹ик› и Ор.‹енбургской› иогран.‹ичной› таможни директор Петр Обухов.

---

[1] а не имеющим

[2] иметь им *воду* — и вооруженным быть

(Сент.<ября> 25 первые успехи Пугачева).

Первое известие о Пугачеве получено чере<з> киргисцев, потому что посланные от яицкаго коменданта еще в Самару доехали 23 сентября.

Слухи носятся, что он коменданта и атамана Козицкого в крепости повесил, а беглого сержанта принял к себе в секретари — писал к киргизскому хану грамоту, требуя от него помощи. — Но хан отослал ее к губернатору оренбургск<о>му.

3 октябр.<я>

Поселенные команды забыв военные обряды совсем сделались мужиками.

Помещичьи крестьяне ненадежны.

Именной указ ген.<ерал>-м.<аиору> Кару 14 октября.

Взять в свою команду все войска там находящиеся, да 300 чел.<овек> отправл.<енных> при генерале Фреймане, да из Новагорода гренадерскую роту, да башкирцов, и поселенных в Казанской губернии.

[*Из Воен.<ной> Колл.<егии>*. Ему же знать дают, что сверх того 300 чел. из Томско<го> полку и одна пушка.] Вятскому полковнику Миллеру 2 пушки.

Отправить роту (14 окт.<ября>) в Москву, оттуда в Казань.

(Октября 8.<го>). Ф.<он> Брант уведомляет, что в канцелярию находящийся на Стерлетоматской соляной пристани командир секунд-маиор Маршилов дал знать — что посланный от него в Оренбург[1] для разных закупок прапорщик Синберянин, объявил, что проехав 2<го> числа Сакмарской казачий городок, и приехав к горе называемой *Гребнем*, по ту сторону реки Сакмары, от Оренб.<урга> верстах в 20, усмотрел в Каргалинской татарской слободе необыкновенное пламя, и город Оренб.<ург> *окружен неведомо каким войском* и слышна происходимая там пушечная и оружейная пальба — продолжавшаяся, по примеру, часа 4 — и потому он воротился.

А от Рейнсдорпа известия не имею.

Отст.<авной> сотник Лепилин объявил Симанову, что Пугачев скитался по степи в 100 в.<ерстах> от Яиц.<ка> к Сызрану, и с ним 2 недели тому встретился и разговаривал, чем (сот.<ник> Леп.<илин>) и произвел сумнение в жителях.

---

[1] в Оренбург 2<го> числа

Отошед от Яика Пугачев писал к Нурали-Хану, требуя ста кирг.<из-цев> да сына в аманаты.

Симан.<ов> треб.<ует> от Рейнс.<дорпа> 500[1] калмык — выслано 316.

В следствии взятия Илецка — туда послан Билов с 410 рег.<улярных> и нерег.<улярных> с предписанием забирать по дороге людей с форпостов и из крепостей.

За взятие Пугачева[2] обещано <?> 500 р., а за мертвого 250.

Симонову велено послать ма.<иора> Наум.<ова> с командой — и с казаками — а к им навстречу послано [для присоединения] 500 ставр<опольских> калм.<ыков> да 500 ближайших башк.<ирцев> да 300 Сеит.<овских> тат.<ар>.

По всей губернии дано знать[3] о Пугачеве — также и губ<ернатор>ам сибирск.<ому>, казанск.<ому> и астрах<анскому>.

Распоряжения Рейнсд.<орпа>, совет и по<стоянное> войско находящее<ся> в Оренб.<урге>. [Войско Пугачева], первые [сии] покушения. Губ.<ернатор>. — История осады, весь октябрь. — П.>етер>Б.<ург> Карга<ле>. — Казань. — Распоряж.<ения> Бранта — разбитие Кара[4] и бегство оного.

---

25 сент.<ября> Билов репорт.<ует> о взятии Рассыпной, где находились и 100 чел. пех.<оты> и каз.<аков>, присланных туда Харловым.

В следств.<ие> подтверждения башкирцам идти к Ил.<ецкому> Гор.<одку>.[5]

26<го> 300 тат.<ар> отправлено к Билову. А Корфу велено с 5-ти креп.<остей> прислать в Оренб.<ург> по 20 челов.<ек>

27<го> рапорт маи<ора> Крауза ком.<енданта> Чернореченск.<ой> креп.<ости> о стрельбе[6] под Тат.<ищевой>. Краузу приказано (в случ.<ае> опасн.<ости>) идти к Оренб.<ургу>.

---

[1] 100
[2] За Пугачева
[3] сообщено известие
[4] разбитие Бранта
[5] идти по Оренб.<ургу>
[6] о сраж<ении>

Сеитовск.‹ие› татаре по вз.‹ятии› Т.‹атищевой› возвратились в Оренб.‹ург›, а башкирцы не бывали.

Татары отказались от службы. Калмыки бегут с ф.‹ор›постов, в Оренб.‹урге› волнение.

Сакмарск.‹ие› каз.‹аки› из Оренб.‹урга› высланы на Озерную дистанцию, а калмыки взяты в город.

Войско в Оренб.‹урге›

6-ой, 7-ой, 8-ой полевых и Алексеевской команды к высылке
способных 682
неспособ.‹ных› . . . 139
Здешн.‹его› гарнизона с.‹пособных› . . . 2055
н.‹еспособных› . . . 582
Арт.‹иллеристов› и инж.‹енерной› служ.‹бы› сп.‹особных› 82

Нерегул.‹ярных›
Войска яицкого каз.‹аков› сп.‹особных› . . 392
Оренб.‹ургского› войска сп.‹особных› . . . 58
несп.‹особных› . . . 453
Сеитовских татар неспособ.‹ных› 248

Неспособ.‹ные› *иные в расходе*, другие от позжения сена, и худобы лошадей.

Всего регулярн.‹ых› способн.‹ых› 3269
Нерегул.‹ярных› неспособ.‹ных› 1422

Из оных на семи дистанциях по 80 ч‹е›л. . (560)
При 70 орудиях по 5 чел. . . . . (350)
в разных внутр.‹енних› местах в карауле и при должности . . . . (461)
Итого в расходе . . . 1371

К высылке действительно способ.‹ных› регуля.‹рных› 1448
Нерегуляр.‹ных› 450
1898

II.

(ЛБ 91, лл. 275—297)

ОКТЯБРЬ И НОЯБРЬ
1773.

Немец.<кое> письмо Рейнсд.<орпа>.

Окт. 7<го> Оренб.<ургской> губ.<ернии> Бугул<ь>минского ведомства села Богоруслану, крест.<ьянин> ясашный Алек. Кирилов, который вчера приехав в тат.<арскую> деревню Кушлумешеву с Оренб.<ургской> стороны и был в Сакмарской креп.<ости>, по самой чистой совести показал.

1) Во вторник окт.<ября> 1<го> приехал он в Сакм.<арскую> креп.<ость> по своей надобн.<ости>, а часть яицкой шайки стояла в тат.<арской> деревне Каргале и *большая была видно около Оренбурга,* при коей *имеется тот, кто называет себя имп.<ератором> Петр.<ом> III сказывая о себе, что* я ваш г<о>с<у>д<а>рь. 2) Самозванец приехал верхом в полдень в Каргале — для него пос<т>ланы были ковры и поставлен стул. — Его ожидали. — Как стал он с лошади слезать, то его двое подхватили под руки. — Когда он ехал, все сняли шапки, а как слез с лошади, то пали все на земь и лежали до тех пор пока сел и сказал: вставайте детушки. Потом допустил всех к руке и спрашивал: где у вас люди хорошие? На то учтиво ему доложили, что забраны все в город. Из Каргале приехал в Сакмарскую креп.<ость> имея при себе несколько своих (остальные были ближе к Оренб.<ургу>) а сие Кирилов не сам видел,[1] а объявляет слышанное. 3) В креп.<ости> у станичной избы пос<т>ланы были *кошмы,* на них стоял стол с хлеб-солью, пред столом стул — а поп стоял с крестом и со свя.<тыми> иконами по обыч.<аю> церк.<овному> и как въехал в креп.<ость>, начали звонить. Его встретили как и в Каргале. Он приложился ко кресту, хлеб-соль поцаловал, сказал: вставайте, детушки — допустил к руке и потом спросил: где ваши казаки? На <что> отвечали *учтиво:* иные на службе, другие забраны в Оренб.<ург>, а оставлено для почтовой гоньбы 20 челове<к>, но и те скрылись. Он приказал священнику — чтоб они были сысканы, для того тебе приказываю, что ты священник и атаман — а если не сыщете, только и жить будете. Почему сколько можно было тех казаков и сыскали, и ему на другой день представили. Он с того места поехал обедать к атаманову отцу и обедая выговаривал: Если бы да твой сын был при своей команде, то бы ваш обед был высок и честен. После обеда велел было взять старика с собою к наказанию, говоря: Хлеб-соль твоя помрачилась — и сын твой какой

---

1 сам слышал

атаман, что место свое покинул? Но бывшие с ним казаки старика от наказания упросили, а велел он его скованного посадить в стан.<ичную> избу, где он ночевал, а на другой день освобожден. При отъезде его спросили сакмарс.<кие> казаки, сколько взять им с собою провианту. — Возьмите, отвечал он, краюшку хлеба, ибо меня проводите только до Оренбурга. Между тем толпа башкир,[1] по приказу губернатора,[2] окружила город, но взята Пугачевым в его шайку. А на берегу Сакмары в сие время повешены 2 чел., а на другой день 4. — А говорил он: что я сил тратить не стану (в приступах) а выморю город мором. —

А палит он много, только по пустому.

Окт.<ября> 9-го Рейнсдорп<а> рапорт. 6-го корпус из 1500 чел.<овек> регул.<ярных> и ирег.<улярных> войск под начальством маиора Наумова, сделал вылазку — часа с 2 стрелялся и ретировался в город без успеха. 8<го> числа казаки, напав на партию мятежников, выехавших на грабеж Меновного двора, взяли в плен оных 120 чел.<овек> и казаков яицких и илецк.<их> 7 чел. — В следствии сей удачи Рейнсд.<орп> хотел сделать новую вылазку, но обер-комендант уведомил его, что г.г. командиры на то не решаются — и Рейнсд.<орп> остался в оборонительном положении.

Октябрь 23. Указ императрицы ген.<ерал>-маи.<ору> Кару.

Дается ему в команду рота Томского полка.

Из могилевской и псковской губ.<ерний> по две легких полевых команды в Саратов.

От к.<нязя> Вас. Мих. Долг.<орукого> из Бахмута в Царицын 2 эскадр.<она> гус.<ар>.

Рапорт ф.<он> Бранта 21 ноября.

11 ноября Чернышев выступил из Переволоцкой кр.<епости> в Татищеву и надеялся 13<го> занять и Чернореченскую. Кар писал ему возвратиться, но посланный не мог его догнать. [Он] Чернышев был в опасности быть отрезан, и тем Сакмарская линия оставалась беззащитна.

В Казани состоит около 4,000 отправленных на поселение в Сибирь — да из Моск.<овской> разыскной[3] экспедиции 700 человек, да колодников до 2 сот осужд.<енных> в ссылку в Ор.<енбург> да и *поляки*[4] — и нечем

[1] толпа киргизцев

[2] посланных от губернатора

[3] да из сыскной

[4] да и 60

их продовольствовать, ибо подушную платят здесь дурно, особенно татары. —

Калмыки держатся смирно около Бузулуцкой кр.<епости>, где их кочевка — но ждут 3,000 чел.<овек> с старшиною и с пушками, чтоб идти на Казань. Кар послал противу их *пристойную* команду с пушк.<ами> и башк.<ирцами>.

По объявлению каз.<ацкого> капрала Тим. Соколова, 13<го> Черныш.<ев> ночью прибыл в Чернореченскую кр.<епость> и сделав небольшой роздых, пошел к Ор.<енбургу>.

Он стал переправляться через Сакмару, за 6 верст от Ор.<енбурга> был атакован и захвачен.

Приведенные к Пугачеву Черныш.<ев> и все шт.<аб> и обер-оф.<ицеры> и несколько ундер-оф.<ицеров> были в кр.<епости> Бердинской перевешены, а салдаты (кроме убитых при взятии пушек 7 человек) взяты в толпу.

Того же дня вступил в Ор.<енбург> бригад.<ир> Корф — *и на завтра* учинена вылазка (!) под его предводительств<ом>. У Пугачева было 50 пушек, Корф действ.<овал> ружьями, но неприятель на оружейный выстрел не подъезжал (!), взятые в плен чернышевские солдаты были без ружьев и стояли поодаль. Вечером Корф отступил и возвратился в город сопровождаемый пушечн.<ыми> выстрелами Пугачева.

На другой день Корф подослал к Пугачеву агента с уверением, что он сдаст ему Ор.<енбург> (заманивая его). Пугачев, остановя свое войско на расст.<оянии> пушечного выстрела, сам с своими казаками, подъехал к городу и возвратясь вскоре пошел в Бердинскую кр.<епость>, где и живет в казачей избе, а сила его частию в креп.<ости>, частию в поле в землянках и в шалашах.

Казаков и всякого сброду у него тысячь 25 (!), а пушек около ста — в хлебе есть недостаток и для того на Бузулуцкую кр.<епость> и в окрестные места отряжается 2,000 каз.<аков>. — Чернышев был предан казаком (Падуровым), который и награжден кафтаном и деньгами. Пленные солдаты обезоружены — за побег объявлена смертная казнь. Он, Соколов, ушел с хорунжием Чеботаревым во время тревоги, проведши ночь в кустах, а после бездорожными местами выехав на Новосергиевскую крепость.

Ноября 21<го> ф<он> Брант — письмо к Фрейману.

На Осокином заводе прикащик намерен обороняться, и просит помощи, но как сие невозможно вам, то взяв от него ружья и пушки, приказать ему работников распустить и самому бежать коли успеет.

Ноябр<я> 21<ю>. Кар едет в Москву под предлогом *лома во всех костях* и неимения лекарей, поручив корпус Фрейману.

Полк.<овые> коман<ды>.

Легкие полковые команды состояли из 60 чело<век> драгун, 270 мушкат.<еров>, 48 егирей.[1]

Рапорты ген.<ерала> Кара.

31 октября. Кичуевской фельд-шанц.

Опасаюсь только того, что сии разбойники сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допустя до себя оных, по тем же самым местам, отколь они появились — (письмо[2] ген.<ерала> Кара к гр.<афу> Зах.<ару> Григ.<орьевичу>). Он идущему по Сакмарской линии полковнику и симбирскому коменданту Черн.<ышеву> предписал как можно скорее занять Татищ.<еву> крепость — а ген.<ерала> Фреймана, как скоро придет, отправлю для его подкрепления. Преследовать же их, по зимнему пути, и по недостатку конницы, трудно будет.

Ноября 15-го объявляет Коллегия г.<енералу> Кару, что командующий в Сибири войском ген.<ерал> пор.<учик> Декалонг, сделал свои распоряжения.

От 3-го ноябр<я> — рапорт Бранта, что казаки зовут Пугачева зимовать на Яик, а башкирцы на Урал. —

Рапорт ген.<ерала> Кара от 6-го ноября.

Услышал я, что бездел.<ьник> Пугачев с надежными своими разбойниками прижался в угол к устью Сакмаре реке, около озера, пониже Бердинской слободы верстах в 2, подле Атубинской горы, как видно — с намерением бежать Заяицкою степью.

Показание Синбирск.<ого> баталиона солдата[3] Савина Степанова. — Было их у Чернышева с калмыками и казаками 800 человек и 14 пушек, да один единорог. — В Сороченской крепости один (Подуров) вызвался его провести к Ор.<енбургу>. По утру рано 13<го> н.<оября>, под Ор.<енбургом> на урочище назыв.<аемом> Маяком, во время переправы обоза, атакованы.

---

[1] *Следующий ниже* Указ императрицы о Каре *вошел во 2-ю часть «Истории Пугачева» и потому здесь не воспроизводится. См. варианты к стр. 165 первого полутома.*

[2] поч<та>

[3] солдат

Отстреливались из пушек и ружий — но были все захвачены. Казаки и калмыки передались (кроме калмыцкого полковника). У солдат отобраны были ружьи, тесаки, сумы — они поставлены на колени. — Читана присяга, и их обстригли в кружок по-казачьи. Повешены 38 чел.<овек>, в том числе жена одного прапорщика.

Каз.<ачий> капр.<ал> Вас. Тимаков, по причине воровских застав, не могши доехать до ген.<ерала> Кара, прибыл. В Бузулуцкую крепость. Комендант оной уехал с командой неведомо куда, но команда возвратилась. У самозванца тысяч 9 войска. — В Оренб.<урге> тысяч до 5.

Рейнсдорпу.

От Си<м>бирск.<ого> бат.<альона> капитана Ружевского рапорт.

Находился при Петре Матвеевиче Чернышеве. 12 ноября прибыл на хутор г. Рычкова близ Чернореченской креп.<ости> и отправил 2 казака с репортом к г.<енералу> Рейнсдорпу.

13<го> в ноч, в 1-м, прибыли в креп.<ость> и разположился было по квартерам. — Потом приведенные самарским атаманом 2 Углицкие казака объявили о разбитии Кара, и о взятии 170 гренадер, бывших в Синбирске для приема рекрут (что Чернышеву было известно), тоже подтвердил и солдат Крылов и человек 5 казаков, приехавших из шайки. Они советовали пойти к Ор.<енбургу> ночью, во избежании атаки. Ч.<ернышев> отдал приказ к маршу и сбору без барабана и *мне* приказал нарядить 60 человек каз.<аков> и атамана Чепурнова, дабы он расставил около крепости часовых до того времени пока[1] не придем к Сакмаре — а Крылов и 2 сакмарские казаки были при нас, уверяя, что Пугачева пикет[2] в 4 верстах от той дороги, а что если на рассвете и увидят, то Ор.<енбург> уже близко. Достигнув Сакмары, начали мы переходить по льду — а Ч.<ернышев> отрядил *меня*.

Я первый переехал с легким войском и по приказанию Черн.<ышева>, взяв с собою 5 чел., поехал с рапор.<том> к ваш.<ему> прев.<осходительству> — а артиллерия и несколько чел. Си<м>бир.<ского>[3] бат.<алиона> переправились. — Приехав благополучно, вышед[4] из дома в.<ашего> пр.<евосходительства> услышал я пальбу (?)

---

[1] как
[2] пикеты
[3] Симб.<ирского>
[4] и вышед

Ноябр.‹я› 24‹го›[1] упр.‹авляющий› Яицким войском Симанов жалуется высокостепеннейшему и достопочтеннейшему Нурали-Хану киргиз-кайсацкому на своеволие его людей и стращает скорым приходом регул.‹ярного› войска.

Дек.‹абря› 13‹го› указ госуд.‹арыни›.

1) Смотрителям из дворян, учрежд.‹енным› во время Чумы, предпис.‹ывается› осмотреть дороги (заваленные) и заставы.

2) в селении, где нет начальника, выбрать из лучших людей смотрителя.

3) Караул в селах должен наблюдать за проходящими.

4) В случае насилия чинить отпор.

5) О сильных шайках объявлять начальству.

6) Сотским и десятским присутствовать на базарах.

7) Купцам, обозам и проезжающим остановок не чинить.

Военн.‹ая› Колл.‹егия› 23 окт.‹ября› 1773 г. уведомляет Бранта, что из Могилева и Псковской губ.‹ернии› велено 4-м полевым командам следовать в Саратов и там ожидать дальнейших повелений от Кара, Рейнсд.‹орпа› или ф.‹он› Бр.‹анта›; ген.‹ерал›-анш.‹ефу› Долгоруко‹ву› предписано-же отправить из Бахмута в Царицын два гусарских эскадрона.

Смоленских гарнизонных баталионов сек.‹унд›-маиору Кичуну (тогда же) велено башкирцев вести против Пугачева.

Хотя после прекращения бывшего в войске Яицком мятежа и казалось был по-видимому наружный покой, однако последующее время открыло, что тот покой был притворный, а внутренно зломышленный — — — Казаки, забыв свою недавно возобновленную в верности присягу и высочайшее оказанное к ним монаршее милосердие etc.[2]

Сент.‹ября› 25‹го› 1773-го

(Донесение Рейнсд.‹орпа› императрице).

---

11 ноября рапорт ген.‹ерала› Кара в Коллег.‹ию›.

Г.‹енерал› Кар запасаться начал провиантом, по причине малоселения и преумножения команд — и во ожидании артиллерии и 2-го гренадерского полку стал по-маленьку подаваться вперед, чая соединиться с башкирцами и мещеряками, высланными от Уфы и с гренадерами, 160 чел.

---

[1] *Начато было:* 14 ноября Савин Степанов показал

[2] *Не окончено.*

Между тем, узнал от уфимского воеводского товарища Богданова, что бежавший из Оренбурга ссыльный работник Хлопуша, пробирается к Пугачеву с Авзянопетровского Демид.<овского> завода с возмутившимися крестьянами и 500 башкирцов — и ведет пушки и мортиры. [Я] Кар хотел их перехватить[1] в деревне Имангулове по Моск.<овской> дор.<оге>, отрядил секунд-маиора Шишкина с 300 в дер.<евню> Юзееву,[2] а сам пошел за ним с ген. Фрейманом. Но Шишки<н> был атакован, при чем 18 человек тотчас передались на сторону мятежников — К.<ар> вступил[3] в Юзееву часа в 4 ночи. Не мог, по причине неспособности конницы, атаковать, и стал ожидать света. 8-го оказалось неприятелей 600 с одною пушкою, читан им манифест, и рассеяны несколькими выстрелами.

В полночь услышал ген. Кар выстрелы позади его, то, боясь быть отрезан, стал отступать — и был атакован 2,000 человек и 9 пушками.

Команда 2-го гренад.<ерского> полку поручика Карташева была захвачена вся по его оплошности (каждый спал в своих санях).

Мещеряки и башкирцы, коих поблизости было 150 в деревне Сармаваевой, не пошли на помощь, не смотря на приказание князя Уракова, и разбежались. —

Кар отстреливался 8 часов 17 верст — потеряв 123 чел. убитыми, ранеными и бежавшими, и потеряв несколько подвод с амуницией и хлебом.

У Кара был единорог, на коим подбили лафет, и 4 ненадежные пушки. Против мятежников действовали одни стрелки, а в рассыпную стрелять из пушек было неудобно.

---

2 октября.

Генерал-аншеф фон-Брант, уведомленный Рейнсдорпом о Пугачеве, приказал Миллеру[4] (командиру *над поселенными* (?) вооружить человек до 500, и разделить на 2 части поставя одну около Кичюевского фельдшанца, а другую вниз по Черемшану реке, между Ставрополем и Кичюем на половине дороги. — Находящемуся на Волге одному секунд-маиору для искоренения разбойников, с командою из 30 человек, — спуститься по Волге для примечания и осторожности. Синбирским и сызранским канцеляриям принять должную предосторожность. Здешнему обер-коменданту, в подкреплении поселенных команд, — собрать половинное число

[1] им перехватить дорогу
[2] с 300 стами
[3] [Но] а Кар остановился
[4] приказал [генералу] секунд-маиору Миллеру

всех караулов и гарнизонов, и назначенных для отводу рекрут и преступников команд, — при надежном штаб-офицере вслед за 2-мя единорогами, отсель отправленными к г-ну Миллеру.

Также писано и в Москву к генералу Волконскому.

От ген.<ерала> Волконского.

У меня здесь гарнизон по случаю рекрут.<ского> набора и с поселенными в Казань весь откомандирован. А Томского полку по городу и около его содержать караулы; от чумы во многих местах заставы; да из оного 200 человек послано за рекрутами. Однако, 300 человек с пушкою под командою капитана на ямских подводах окт.<ября> 9 дня отправил.

(Указ Кару 14 ок.<тября> 1773)

Ген.<ерал> Фрейман находился тогда в Калуге для набору рекрут.

Кар сдал свою бригаду и дела по рекрутскому приводу в П.<етер> Б.<урге> (рекр.<утский> прием) ген.<ерал>-маи.<ору> Нащокину.

Указ В. Мих. Долг.<орукому> (ген.<ерал>-анш.<ефу>) о мерах около Донских пределов — 15 окт.<ября> (главноком.<андующему> 2-ой армии).

Ген.<ерал>-м.<аиор> Потапов, кр.<епости> св. Дим.<итрия> обер-коменд.<ант>; полк. Цыплетов, царицынск.<ий> ком.<ендант>; ген.<ерал>-м.<аиор> Левин, астрах.<анский> об.<ер> ком.<ендант>. От 15 окт.<ября>.

---

22 ноября в Казани вóйска 1600 рег.<улярного>, 1369 нерегулярного. Сверх того для отводу пушек к Черныш.<еву> 30 чел., поруч.<ик> 1. — Да для поиску к Богоруслану сек.<унд>-маиор Черносвитов, 140 нер.<егулярного> и 135 рег.<улярного>, артилл.<ерии> 10 ор.<удий>.

Бригад.<иру> ф.<он> Фегезаку ставроп.<ольскому> коменд.<анту> дон.<осят>, что мордва, калмыки, чуваши и господск.<ие> кр.<естьяне> вообще вз<б>унтовались — от 15 дек.<абря>.

Окт.<ября> 21<го> от войскового наказного атамана Семена Сулина уверение в верности из Черкасского.[1]

В дек.<абре> 2. Ответ и комплименты.

Ноября 30<го> пишет Волконский, что приезд Кара произвел в Москве неприятное впечатление. Он же объявил через своего брата доктора, что он 16 дней горячкою болен.

---

[1] из Черкасска.

При Бибикове находился лекарь Роман Стефанович.

От генер.<ал>-поруч.<ика> Чичерина, сибирскаго губ.<ернатора>, *окт.<ября> 20 дня* репорт в Воен.<ную> Колл.<егию>. Он рекрут посылает в Оренб.<ург> или в Казань.

Ответ: ни туда, ни сюда.

Окт.<ября> 27<го> дня от Чичерина рапорт.

2-ая губернская резервная рота и две роты Тобольских баталионов под командою сек.<унд>-м.<аиора> Заева — всего *535 чел.*

9 ноября Декалонг репорт.<ует>.

Отрядил он ген. Станиславского с войсками с линий сибирских — а сам на подводах 24 окт.<ября> в креп.<ость> Троицкую прибыл. Станисл.<авский> с двумя легкими ком.<андами> прибыл 31 окт.<ября> в Троицк.<ую>, сделав 800 верст в 20 дней, и оттуда к Оренб.<ургу> пошел 1 ноябр.<я>, к креп.<ости> Озерной (где команд.<иром> бригадир Корф).

Башкирцы из-под крепостей уводят скот, и злобствуя на киргизцев, на них нападают в степях. Они же следующий из Бухарии караван на 120 верблюдах разграбили и караванщиков 30 чел.<овек> убили (NB в конце сентября, топорами и стрелами, а найдено в портяном мешке ячменных круп, да башкирскую крупу, и сапог башкирских). Из Зелаирской креп.<ости> взял Пугачев 60 чел. солдат да денег 2 воза в октябре, а с Твердышевского завода 400 чел. и денег 20 возов.

За поимку казака дает он по 100 рубл. башкирцам (?).

Указ в завод[1] Авзян Петр.<овский> самодерж. и проч. — — — Максиму Осипову, Давыду Федорову и всему миру мое именное — — — Исправьте вы мне вел.<икому> госуд.<арю>, мартила и с бомбами.

Разбой сей случился окт.<ября> 26.<го>

Башкирцы Абакай, Избай, Муса разграбили 24<го> медный рудник Уртазымской. —

1773. 22 ноября получил Брант р<а>порт из Уфимской ка<н>цел.<ярии> и тамошнего ком.<енданта> Мясоедова, что Стерлитамацкая пристань атакована и что бывший у соляных дел командир сек.<унд>-м.<аиор> Маршилов да находящийся при наряде башкирцев на службу маиор Голов

---

[1] в заводы

бежали, а люди их с экипажами, также казна денежная и дела, разграблены — а салдаты их с артиллери⟨е⟩ю, остались[1] при той пристани. Брант, Кар и Фр.⟨ейман⟩ отказали в помощи Уфе, а предписали в крайности бросить в реку казну и *порох*; Фрейману ф.⟨он⟩ Брант предписал *издали* защищать Казань (он хотел ретироваться ближе) и назначил ему разположиться между Кич.⟨уевским⟩ фел.⟨ьдшанцем⟩, Бугульмою и Бугурусланскою.

Увещание Рейнсдорпа: 1773, окт.⟨ября⟩ 2. Предлагает яицким и илецким мятежным каз.⟨акам⟩ выдать самозванца и тем заслужить себе прощение. Дает знать, что Пугачев пред сим в Астрах.⟨анской⟩ губ.⟨ернии⟩ пойман *в равномерном злодеянии и жестоко наказан.*

---

11 ноября Кар собирается уже ехать из своей армии.

27 ноября. Посылают на подкрепление Кара из П.⟨етер⟩Б.⟨урга⟩ 2 пехотных, 1 гусарский, шесть 6 ф.⟨унтовых⟩ пушек. Из Смол.⟨енска⟩ 1 карабин⟨ерный⟩ и Чугуевской казацкой — также и генералитет.

29 нояб⟨ря⟩. Указ Бибнкову (второй).

Войско Кара и Фреймана: *из Москвы* Томск.⟨ого⟩ 300, да рота гренад.⟨ер⟩, 4 полковых орудия.

из Новг.⟨орода⟩ Вятского п.⟨олка⟩ рота гренад.⟨ер⟩.

Из П.⟨етер⟩Б.⟨урга⟩ 2 12/ф.⟨унтовые⟩ пушки.

Да в Казани из армейских командированных за рекрутами 295.

Гарнизонных 1485 [NB из коих некоторые следовали к Оренб.⟨ургу⟩ под ком.⟨андой⟩ ген.⟨ерал⟩-м.⟨аиора⟩ Варнстеда, а некоторые были на Сакмарской линии под ком.⟨андой⟩ Чернышева, кроме закрывавших Каз.⟨анскую⟩ границу вооруженных поселенных и нерегулярных 710].

Сверх того идут из:

Смоленска бывшие в Белоруссии 4 легких полевых команды, *из Бахмута* 2 гусарские эскадрона.

В Оренбурге кроме гарнизонных три легких полевых команд⟨ы⟩. 700 башкирцев *из Польши* при маиоре Кичуне.

В Астрахане и Царицыне 2⟨м⟩ легким поле.⟨вым⟩ ком.⟨андам⟩ велено быть готовым.

---

[1] воро⟨тились⟩

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

III.

(ЛБ 91, лл.133–139)

ДЕКАБРЬ[1] 1773.

Октября 15 манифест государыни — повелевается отстать от шайки Пугачева,[2] под опас.<ностью> самому быть *бунтовщиком и возмутителем.*

Декабря 2<го>. Из Ставроп.<ольской> канцелярии дают знать в В.<оенную> К.<оллегию>, что калмыки объезжают деревни и грабят. А 29<го> н<оября> разбили деревню в 12 верст.<ах> от города и ун.<тер>-оф.<ицера> Селифановского до гола раздели — а в Ставроп.<оле> всего 200 человек худо вооруженных *да черкасс чел. до 30,* на коих надежда плоха.

7<го> декабр.<я> Фрейман доносит в В.<оенную> К.<оллегию>.

Башкир.<ец> из Уфимск.<ой> провинции откомандированный командир Тевкелев (сек.<унд>-маиор) был послан с оставшимися от побегов и с прибывшими из Польши башк.<ирцами> в Нагайбацкую крепость для препровожд.<ения> пехоты и для примечания[3] казаков. Возвратясь оттоль он разположился в деревнях Крым-Сарае и Акбашевой (23 вер. от Бугульм<ы>). 6 дек.<абря> напали на него башкирцы, и соединясь с его командою, увели, а деревню выжгли (под предводит.<ельством> яицких к.<азаков> 600 чел.) Старшина Каскын первый ударил маиора по голове.

От 2-го декабря из Уфы — было нападение на У.<фу> с 2 сторон, от реки Белой и от села Богородского — помещ.<ичьи> и казенные крестьяне.

Из Мензелинска там.<ошний> командир сек.<унд>-м.<аиор> Петров от 4 дек.<абря> репортует: 2 русские села (от Уфы к Бирску) раззорены башкирц<ами> — а пригород Менз.<елинск> имеет всего 3 пушки да 100 чел. старых, дряхлых, без оружия кроме пик да бердышей — (просит о помощи).

Запрещено Пугачевым курьерам и казенным посланцам давать подводы — а их велено представлять ему. Доношение Нагайбацкой канцелярии.

От 5<го> и 6<го> известия о злодейских разъездах в Казанской и Синбирс<ко>й губ.<ерниях>.

Пехота не успевает за разбойн.<иками> (всегда на переменных конях) скачущих по полям покр.<ытым> мелким снегом.

Уфа отрезана от Казани.

---

[1] Ноябрь

[2] от его шайки

[3] для усмирения

(Рапорт ф.<он> Бранта *дек. 4*).

Маиор Голов и Маршилов из Стерлитамацкой пристани бежали. [На место их послан сотник —]. Уфа не в атаке, а около ее, в 10 вер., стоят башк<ирцы>.

4 декабря 1773 г. рапорт капитана Бутремовича к Новохоперскому коменд.<анту> полк. Подлецкому.

Пугачев в Нижн.<е>-Озер.<ной> кр.<епости> повесил коменданта за то, что сей потопил порох.

В Сакм.<арском> Гор.<одке> Пугачев пошел в церковь и сев на стул велел петь молебен, потом привел к присяге солдат (гарнизонных) и дал им цаловать руку, положенную на пелене.

Казак Василий Елизаров (называвшийся 7-ой член) ездил грабить и бунтовать Бузулуцкой уезд в 30 вер. от кр.<епости> Бузулуцкой, отст.<авной> переводч.<ик> Арапов принял его с ласкою, и напоив до пьяна, отобрал оружие, и спасся, убив 2 злодеев.

Из Казани и из других мест везут в Москву казну.

У Пугачева все обстрижены по-казацки и все зовутся казаками.

Декалонг 5 дек.<абря> из Верхояицкой креп.<ости> доносит:

1) о разб.<итии> Чернышева

2) О[1] общем бунте башкирц.<ев>, о взятии ими Стерлитамацкой соляной пристани и намерении идти на Уфу — о их нападении на ген.<ерал> м.<аиора> Станиславского, идущего в Ор.<енбург> по близости Озерной, в деревне Сакмаре — о отряде 3.000 противу его (Станисл.<авского>), кои вероятно встретят его по сю сторону Губерлинской крепости в гористых и ущелистых местах — о взятии Овзянопетр.<овского> завода и бывшего там киргизск.<ой> команды прапорщ.<ика> Кандалинцова захватили, и намерены идти на Белозерской завод — и нападали 2 раза на Верхояицкую креп.<ость>.

3) Рейнсдорп, помощи не требует, а просит его (Декал<онга>) расположить одну легкую команду в Озерной, роту в Ильинской, в Губерлинской и Орской — а 2 легк.<их> ком.<анды> отправить в Зелаирскую, пустыми местами выжженными башк.<ирцами>.

17-го декабря 1773.

Кречетников из Саратова доносит 1) что кирг.<из>-кайс.<аки> Мошкарского рода перешли реку Яик и грабят казачьи хутора; 2) что Кундровских татар, кочующих близ Красного-Яра, посланных на смену в Гурьев

---

[1] О взя<тии>

Гор.‹одок› взяли в плен; 3) что уже напали они на морскую ватагу купца Вохромеева; 4) что предводители их Нурали-Хан и брат его, Айчувак Салтан.[1]

Рап.‹орт› от 19 янв‹аря› 1774. Январь

От Чичерина на Оренб.‹ургскую› линию и в другие места команд послано:

На Оренб.‹ургскую› линию	— 535
[рекрут]	520
в Челябу	27
в Екатеринб.‹ург›	128
Татар казан‹ских›	571
Всего	— 1,786

Из Малороссии 1,000 казак‹ов› послано в Казань.

С Дону 500 каза‹ков› (из отставных) под команд.‹ой› Денисова.

1773.[2] 26 декабря.[3]

Нурали прислал в Астр.‹аханскую› канцеляр‹ию› на имя губернатора всеподданнейшее письмо: в конце 1773[4] получено известие чер‹е›з грузина, что кабардинские князья сносят‹с›я с крымск.‹ими› татарам‹и› и намерены напасть на российские границы.

IV.

(ЛБ 91, лл. 140—154)

ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ[5]

1774.[6]

Январь ‹1774 г.›

1) Янв.‹арь›. От Фрейм.‹ана› (из Буг.‹ульмы›). Список офицер.‹ов›. Пр.‹емьер›-май‹ор› каз.‹анских› бат‹альоно›в ф.‹он› Варнстед, дежурмаиором с.‹екунд›-м.‹аиор› Черносвитов (Филэт) etc.

---

[1] В дек.‹абре› казаки рыбу *багрят* и *неводом* тянут. *$ПБ_2$, л. 337.*

[2] 1774.

[3] *5 янв.‹аря›.*

[4] в конце 1773 донес‹ение›

[5] Январь 1834 г. и март.

[6] *Начато было:* 18 *Далее — не соответствующий содержанию тетради заголовок:* Указ о доме Пугачева.

2) Маи<ору> Черносвитову приказано следовать с командою в деревню Каменку на выручку маи.<ора> Шишкина.

Подполковн.<ик> Гринев получил ордер идти в Самару.

Фрейману велено отправить в Самару 4 легких пол.<евых> команд<ы>.

5-го. Злодеи около пригорода Сергиевска собирают с жителей подать. [6-го. Известие, что Ставрополь взят]

Изюмск.<ого> гус.<арского> капит.<ан> Кардашев.[1]

14-го. Ген.<ерал>-м.<аиор> Мансуров — освобождает пригород Алексеевск.

19-го Манс.<уров> изв.<еща>ет, что отрядил на подкрепл.<ение> Ставрополя подп.<олковника> Аршеневского.

Капитан Фатеев из Кичуя идет к Черемшану.

В Мордовскую деревню Юраули пришло 150 цыганов.

Сек.<унд>-маи.<ор> Гагрин нигде не видал неприятеля.

24<го>. — Бибиков в Заинске привел весь уезд в повиновение.

21<го>. Мансуров за деньги послал[2] шпиона в Я<и>ц.<кий> Гор.<одок> с пакет.<ом> к Симанову.

NB От Галицына 22<го>[3] *войско выступило — у р.<еки> Камы* разделясь на 3 колоны.

Полк. Бибиков из Заинск<а> пошел к Мензелинску. У Манс.<урова> 3 легкие ком.<ан>ды.

25<го>. Маио<р> Гагрин в Кунгур благополучно прибыл. Декалонг идет к Челябе,[4] занятой злодеями.

6-го марта Галицын соединился с полк. Бибиковым. 7-го Обернибесов пошел на Заинск и прибыл в Мензелинск.

10-го Гагрин репортует, что Белобородов[5] *с остальными* силами бежал на уфимские заводы.

10-го от Галиц.<ына>, что Пугачев ушел в Сорочинскую креп.<ость>.

NB 11-го от Галицына. Пугачев напал на передовые отряды его, но был разбит. В следствии сего оставил он Сорочинскую и Тоцкую кр.<епости>, и бежал в Новосергиевск.

Сорочинская избавлена появлением Мансурова (соединившегося 10-го марта с Галиц.<ыным>). Непр.<иятель> бежал выводя жителей и истребляя провиант и фураж.

---

[1] Карташев.

[2] нашел

[3] (23)

[4] к Челябе, где

[5] Белобородов бежал

Галиц.<ын> через 2 дня выступил из Сорочинск.<ой>, оставя в ней запасный магазин 400 чел. и 8 пушек. Пугачев бежал к Илецкому городку — бунтовщики на него негодуют.

19-го марта Михельсон прибыл в Бакалу и принял от г.<енерал> м.<аиора> Ларионова начальство (6 пушек).

22<го> полковн.<ик> Шепелев принял начальство от Толстова.

20 числ.<а>. Галицын вошел в Переволоцкую, бунтовщики бежали в Татищеву.

Дмитрий Анофриевич Гагрин.

Салават Юлаев.

{ Синбирск.<ий> уланск.<ий> корпус.
{ Шеф сек.<унд>-м.<аиор> Гладков февр. 23<го>.

Рапорт в коллегию Декалонга 1 апрел.<я> 1774.

Называющийся поверенным полковником Грязнов, с шайкою <в> 4,000, с 20 пушк.<ами> взятых на заводах и малых крепостях, занял деревню Першину близ Челябы, а отправлен.<ного> Исетским воеводою ст.<атским> с.<оветником> Веревкиным серж.<анта> Кирьякова повесил.

Я с 2 пол.<евыми> ком.<андами> драгун да 120 казака<ми> пошел против него 1 февр.<аля> рано, а встретя их взял 2 пушки и обратил в бег, убив 300 чел., а за мятелью и туманом преследовать не мог. — 5 февр.<аля> они хотели атаковать Челябу, но не допущены мною. — Конница их имеет над нашей превосходство, и всегда принуждает нашу ретироваться к пехоте и пушкам. —

Получив требование о помощи из Екатеринб.<урга> от полковн.<ика> Бибикова, я приказал туда идти 2 передним гарниз.<онным> ротам,[1] а из Челябинск<а> взяв ст.<атского> сов.<етника> Веревкина и товари<ща> Свербеева, также казну и удобную артиллерию, а неудобную загвоздя и заколотя ядрами бросил.

Путь прямой к Екатеринб.<ургу> был затруднен пустыми и вызженными селениями, где провианту достать было невозм<ожно>.

23 февр.<аля> прибыл я в пригород Шадринск, нашед там 12-ую легкую пол.<евую> ком.<анду> — и узнал, что передовые 2 гарн.<изонные> роты уже 31 янва<ря> в Екатер.<инбург> прибыли. — Маиор Жолобов 24 февр.<аля> остановил злодеев, расположенных по деревням около

---

[1] ротам, оставя в ненадежном Челябинске

Шадринска, разбил их и селения зажег, а схваченных бунтовщиков я повесил. — На другой день устрашенные селения пришли с повинною, и начали подвозить фураж и провиант.

9-го числа я пошел с 900 чел.<овек> противу Еруслаиова и Ражева, имеющих 7,000 чел.<овек> в деревне Голухиной отсюда в 42 верстах, и разбил их, обратив в бегство. — Наша конн.(ица>, под предвод.<итель-ством> маиор.<а> Жолобова, гнала их только 5 в.<ерст>, за усталью и глубиною снега. Убито более 1000, освобождено 28, взято в плен 130, пушек 27. — Неприят.<ель> бежал к Челябе; Далмат.<ов> монастырь, в 40 вер.<стах> отселе, в тот-же день освобожден. Ст 50 и 60 вер.<ст> селения вереницами приходят с повинною. Дорогу до Екат.<еринбурга> и до Конгур<а> открыта и начинают по ней ездить в одиночку.

---

18 янв.<аря> 1774. Заинск.

Рапорт полковника Бибикова.

Из села Алексеевского идя к Заинску в 30 вер.<стах> от оного, близ села Сухарева увидел я пикет. — Злодеи, выстрелив, ускакали. — Я послал тотчас подполковн.<ика> Бедрягу с гусарами и с ротой гренад.<ер> занять село Сух.<арево>. — Увидя его злодеи бросились толпою к мосту, сделан.<ному> по дороге над лощиной и разобрав его ушли. — Бедр.<яга> переправился чрез лощину[1] по сугробу, и занял оное село. — Мужик при входе в улицу ранил рогатиною гренадера и был заколот. — Я сделал роздых ибо пушки мои тяжелы, а дороги так снежны, что и одна лошадь едва идет. — Я знал, что шайка расположилась в 2<х> и 3-х верст.<ах> от меня, в деревнях Ерыклы крещеной[2] и Ерыклы и Туба магометан; и на другой день в 8-м часу разбил их, 8 человек убил, 2 взял в плен. *Отбитую у злодеев военную амуницию, от которой г-н маиор Остафьев и капит.<ан> Мертвецов обмирают со страху, при сем к в.<ашему> высокопр.<евосходительству> посылаю, и еще двух пленных: изволите сами увидеть сих воинов.* (Отставной солдат, кричавший гусарам: Бросьте сабли и подите к нам, а другой поп, читавший народу манифест от Злодея). Оставших мужиков я всех *наказал* и привел к присяге. Из них все виноваты.

Из села Сух.<арева> выступил я 16 числа, и напал на деревню Аксарину (26 верст), в ней жил атаман Ареикул Асеев. — Он выстроился у мельнице, и начал канонаду из 3-х пушек (с правого своего фланга). Я отвечал ему тем же и послал против батаре<и> гренадер. — Неприя<тель> разбежался, оставя пушки, и, скакав в беспорядке, мешали друг другу,

[1] по лощине

[2] крещеная

и вязли в снегу, где их чел.<овек> 200 и изрубили гусары. Нашел я деревню Аксарину пустой, и узнал от двух татар, скрывшихся в авине, что *к вечному своему стыду* 70-летний капитан Мертвецов сдал им город, на условии, чтоб его не грабили, принял разбойников с честью, 60 ружий положил перед ними, и они 2 дни управляли городом.

Я пошел к Заинску и в 5 вер.<стах> от оного увидел уже их канонаду. Я разделил команду мою на 3 колоны; 1-ая под ком.<андой> маиора Неклюдова пошла по дороге сломить рогатки и овладеть батареею, 2-ая под ком.<андой> капит.<ана> Плахута занять предместье, 3-я занять также предместие по прав.<ой> стор.<оне> города. Сам же я в 200 саж.<енях> от города выстроил батарею и началась обоюдная канонада... Все исполнено было с успехом — рогатки сломлены, батареи взяты, артилеристы перерезаны, предместия заняты — и злодеи бросились бежать и в беспорядочном их бегу, подполк.<овником> Бедрягою порублено их на двух верстах чел.<овек> до 300.[1] Капитан Мертвецов увезен злодеями; он виноват, но корень всему был отст.<авной> прапорщ.<ик> Буткевич, захваченный нами, коего[2] злодеи обещались сделать в Заинске командиром. Поп и дьякон, певшие за здравие Пугачева молебен, и встретившие с честью злодеев. 25 деревень пришли в послушание, взятые люди бегут ко мне, я даю им билеты и отпускаю в домы, держать их негде — вчера было их тыс<ячи> 4.

В Красноярск ком.<енданту> подп.<олковнику> Пирогову.

16 февраля рапорт, что в Гурьеве казаки взбунтовались, убили прапорщ.<ика> Мякишина, находящ.<егося> при земском правлении, убили священника,[3] старшину Филимонова, двух офицеров, воинскую команду и обывателей. — Сего ради просят Кречетникова послать туда команду.

---

21 января Казань.

Репорт Бибикова в Гос.<ударственную> В.<оенную> Колл.<егию>. Прибыв в Казань, тотчас послал я прибывшую в гор.<од> Сызрань 24 легкую полевую команду при майоре Муфеле отнять у злодеев Самару, что и исполнено.

22 лег.<кой> пол.<евой> ком.<анде>, при подполковн.<ике> Гриневе прибывш<ей> в Синбирск, приказал я идти в Самару же (куда также прибыли 2 Бахмутских посел.<енных> гусар эскадроны) и делать поиски вверх по самарской[4] линии до креп.<ости> Бузулука.

[1] чел.<овек> 2<00>.
[2] коему
[3] священника и проч.
[4] сакмарской

В следствии сего Гринев репортует, что 7-го янв.‹аря›, приблизясь к пригороду Алексеевскому, был он атакован, но взял 3 пушки на санях, убил 20 человек, и злодеев прогнал, потеряв 3‹х› драгун, гус.‹ара› и казака, да 4 ранен.‹ых›.

13-го генер.‹ал›-маи.‹ор› Мансуров с протч.‹ими› двумя (23 и 25) легк.‹ими› полев.‹ыми› команд.‹ами› в Сам.‹ару› прибыл — и должен чинить поиски к Бузулуку и к Ставрополю.

Со здешней стороны 5 янв.‹аря› послал я капитана Кардашевского с одною ротою гусар, с 50 гренадер.‹ами› и 1 пушкою к городу Арску и далее до реки Вятки (до ее устья[1] при Каме) очистить край сей. А 4-го января послал я полк.‹овника› Бибикова с 4 ротами гренадер, 3 рота‹ми› гусар и 2 пушками к городу Заинску и Мензелинску, о коих не имел известия, и, освободив их, очнстить комуникацию их с Богульмою. В следствии сего капит.‹ан› Кардашев репортует, что он тщетно искал врага, всё бежало и рассеилось и ему удалось только убить 2-х и взять 3-х в плен при деревне Каюках.

Полк.‹овник› Бибиков 13-го разбил злод‹еев› при селе Сухареве, 14-г‹о› при деревнях Ярыклы и Туба могометан. 16-го при дер.‹евне› Аксарине, а 14-го и самый Заинск взял.

Генер.‹ал›-маи.‹ор› Фрейман репорт.‹овал›, что 13-го янв.‹аря› при деревн.‹ях› Иштеряковой и Кувацкой капит.‹ан› Томского полку Фатеев с 50 грен.‹адер› 50 крестьян‹ами› и 50 малолеток, взял у злодеев 20 чел.‹овек› в плен, и 4 малые пушки, посадив гренадер на сани, а солдат на лыжи.

Между тем по трем дорогам к Оренб.‹ургу› отправил я ген.‹ерал›-м.‹аиора› князя Галицына, для очищения их до Бугульмы и Богоруслана и соединиться *там* постами и разъездами своими с ген.‹ерал›-м.‹аиором› Мансуровым. Между тем готовлю провиант и фураж для продовольствия войск в походе чрез Ор.‹енбургские› степи и всё сие будет готово к исходу[2] сего м‹е›с‹я›ц‹а›.

1774 г. 14 январ‹я›. Чернышев к Бибик‹ову›. За взятие Пугачева обещать 10,000 рублей. Известие, что злодеи выгнаны из Самары, подтверждено. Муфель прибыл в Самару, прогнал мятежников (первая победа над Пугачевым).

---

[1] устья гд‹е›

[2] в исходе

Января 1774.

От царицынск.‹ого› коменд.‹анта› велено было чтоб за Волгою расставлены были форпосты, и чинились разъезды из трех сот чел., чтоб скота и людей в зимовьях не оставалось, а убирали бы домой. 27 дек.‹абря› 1773‹го› года киргиз‹цы› сделали нападение на форпост, и старшина Терский, прорвавшись сквозь их, прискакал в Дубовку. Тогда у пушки канонера не было, и депутат Дьяченков с проезжающим офицером заряды выпалили.

Вместо того, чтоб в сию тревогу собраться всем в назначенное место, не было и 10 чел.

Атаман показал ложно, что киргизцы атаковали Дубовку и отвратил тем погоню. Кирг.‹изцы› шли на гору пешком ведя лошадей в руках (неподкованные скользили и падали) и на них в сие удобное время не сделано нападения.

Между тем атаман таскал из своих домов пожитки и тем подавал дурной пример.

1774 ‹г.› 13 февр.‹аля› от Чичерина рапорт в В.‹оенную› Колл.‹егию›.

Злодейские силы не только приблизились к Сиб.‹ирской› линии и к Екатеринб.‹ургу›, но даже и в Сибирь уже вкрались, не смотря на всевозможную предосторожность. [Шайки] Екат.‹еринбург› окружен (*моими*) партиями, комуникация пресечена, а между тем вредные слухи сеются везде и по ту сторону Тобольска к Иркутску, *где по тракту* все жители колеблются.

Город Челяба (до вступления еще ген.‹ерала› де Калонга) выдержал 4 нападения, от бродяги Ив.‹ана› Никифорова Грязнова. На осаде их злодеев побито много, между прочим и сотник Невзоров, главный их бунтовщик. Депеши остановлены и содержатся в Троицк.‹ой› креп.‹ости›. Последние дистрикты по Сиб.‹ирской› линии Куртамышевой, Окуневской, Исецкой,[1] Шадринской и Далматов монастырь в опасности от взбунтовавш.‹ихся› крестьян и вступления к ним партий злодейских. Денежную казну отправил я в Тобольск. Артиллерию, из мало укрепленных мест, советую вывезть в Шадринск и там соединить ее силы.

Екатеринб.‹ург› осажден, и комуник.‹ация› от Тюмени пре‹с›ечена — я не могу ему помочь. 2 роты Сиб.‹ирской› линии туда откомандированы, но не знаю, войдут ли. [К] Туда-же идет по Сибирск.‹ому› тракту с Сиб.‹ирской› линии маиор Жолобов с 12-ой легкой полевой командою.

---

1 *В рукописи ошибочно:* Илецкой

Ялуторовского дистрикта наказанные кнутом за возмущение Андрей Тюленев и Яков Кудрявцев (1-ой в Нерчинск, а другой в Селенгинск) явились вдруг на прежнем жилище в Утяцкой слободе уже из злодейской толпы для возмущения. Они бежали, но единомышленники их захвачены.

Посланный в окт.<ябре> 1773 <г.> из Оренб.<урга> старшина Ив.<ан> Логинов, с двумя сыновьями, в Иркутск, всю дорогу привел в смятение.

Киргизцы близ Дарьи-реки (?) съезжались и толковали о нападении на Россию.

---

9 Января 1774.

От Чичерина. Поручик Федот Пушкарев, конво<иру>ющий полевую артиллерию на[1] Ор.<енбургскую> линию, из Челябы доносит, что 5-го поутру челяб.<инские> казаки взбунтовались под предводит.<ельством> хорунжего Невзорова, взяли полевую артиллерию, и воеводу Веревкина схватили из его дому в свою войсковую избу. Пушкарев, собрав наскоро рекрутскую роту и артил<л>еристов, усмирил бунт, освободил воеводу и артиллерию.

V.

(ЛБ 91, лл. 155—169)

МАРТ И АПРЕЛЬ 1774.

20 февраля 1774 <г.> рапорт Троицкой дистанции бригадира Фейервара.

19 февраля к Троицкой креп.<ости> подъезжали 3 злодея, с указами Пугачева, из коих один схвачен и показал:[2] его зовут Кондр.<атием> Яриным, из Чистоозерной кр.<епости>. В Исецкой[3] провинции; над шайкой начальствует бывший в Воскресенск.<ом> зав.<оде> мясником;[4] от него отряжен бывший на Лугининском Сацком заводе при конторе Масленников, с 1,000 башкирц.<ев>, который от Челябы до Сиб.<ирской> границы все селения взбунтовал. От главного начальника прислан к Ичигиной креп.<ости> отст.<авной> каз.<ак> Осип Созонов, а сам главный начальн.<ик> находится в Челябе. А генерал Декалонг выступил к Сиб.<ирской> границе, через Башкирскую степь. Озерная кр.<епость> (слышно) взята, а в Орской всё спокойно, и жители через Киргизскую степь пошли прямо к Сиб.<ирской> гран.<ице.>

По сему Фейервар думает, что ген.<ерал> де-Кал.<онг>, имея при себе 2 полевые команды, одну рекр.<утскую> оруж.<ейную> роту, единорогов и пушек 3<х>-ф<унтовых> 14 и при них артиллеристов до 70 чел. да

---

[1] артиллерию в

[2] показал что

[3] *В рукописи ошибочно:* Илецкой

[4] *После* мясником *оставлен пробел для вписания имени.*

казаков и посадских людей, с челябинскою артиллерией — безопасен. В Орскую крепость ген.‹ерал› Станисл.‹авский› мог забрать команду Озер‹н›ую и другие, а за неимением провианта послать жителей к Сиб.‹ирской› линии. По реке Ую и Яику все селения взбунтовались, а потому все крепости заперты и жители по бедности,[1] продовольствуются из магазинов. — Башкирцы[2] отовсюду нападают, уводят скот и людей, раззоряют и жгут селения. Киргизцы в том с своей стороны им подражают.

8 март.‹а› Казань — реп.‹орт› Биб.‹икова› в В.‹оенную› Кол.‹легию›.[3]

Правление Ор.‹енбургской› губернии пресечено, и потому просил госп.‹одина› ген.‹ерал›-анш.‹ефа› ф.‹он› Бранта городá и крепости, освобожденные от влод.‹ейских› рук, принять под смотрение общее с казанским.

1774 года, 2 марта, Казань. Репорт в Воен.‹ную› Колл.‹егию› от ген.‹ерал›-анш.‹ефа› Бибик.‹ова›.

Ген.‹ерал›-м.‹аиор› Мансуров, командуя двумя[4] легк.‹ими› пол.‹евыми› ком.‹андами› 23‹й› и 25‹й›, с первою пошел к Самаре, а другую отрядил к Ставрополю, предписав ей сделать поиск над калмыками. Что ею и исполнено, но не наш‹е›д их по близости города, она пошла к Самаре, а злодеи[5] в толпе состоящей из крещ.‹еных› калмыков и всякой сволочи, под предвод.‹ительством› войскового квартермейстера Дербетева, 2-го янв.‹аря› в 5 ч. веч. вошли в Ставрополь, артиллерию сост.‹оящую› из 6 пушек захватили, а потом бригадира и коменданта ф.‹он› Фегезака[6] из его дома, также надв.‹орного› совет.‹ника› Мильковича, батал.‹ьонного› команд.‹ира› маиора Алашеева и секрет.‹аря› Миклеева увезли с собою, разграбя многие дома. К ним присоединился из тамошних казаков пятидесятник Долгополов, с 50 казаками. Через несколько дней тела их отысканы в 70 в.‹ерстах› от городу.

Мною туда послан из Синб.‹ирской› канцелярии маиор князь Чагодаев, а на место ф.‹он› Фегезака (на время) ворон.‹ежских› баталионов сек.‹унд›-маиор Стрелков.

В Ставрополе было 249 чел.‹овек› вооруженных, из коих ни один не выстрелил.

---

[1] по бедному

[2] *В рукописи описка:* Киргизцы

[3] *Начато было: (марта реп.‹ортует› Бибик‹ов›).*

[4] Мансуров с двумя

[5] а калмыки

[6] Фегезака в до‹ме›

20-го март<а> Пугачев имел намерение напасть с зади на транспорт с 4,000 мятежников. Галиц.<ын> отрядил Бедрягу с 3 эскадр.<онами> до мельницы Мустафиной в 38 верст.<ах> к Илецкой крепости на полов.<ине> дороги, а в 15 вер. пехота с пушкам<и>.

22<го> дело под Татищевой — у Пугачева было 9,000 — и 36 пушек — пленных взято до 3,000. Фрейман командовал левым флангом. Действовала одна пехота по прич.<ине> глубокого снега, артиллерия вязла.

Преследовали 20 верст — к Илецк.<ому> Гор.<одку> (к Оренб.<ургу>) путь был пресечен.

Пугачев спасся с 60 чел.

Пугачев был обманут движением Бедряги. Он думал, что весь корпус идет к Ил.<ецкому Городку>, но Бедряга, возвратясь к Переволоцкой куда маршировал весь корпус Галицына, из Перевол.<оцкой> пошел на Титищеву, оставя обоз под прикрытием одного батал.<иона>[1] с пушк.<ами> при Гриневе.

Бунтовщики подпустили, притаясь, рекогносцировку и вдруг 300 яицк.<их> казаков бросились из крепости, но были в преследовании своем удержаны 2-мя эскадронами[2] подкрепления. Полк. Бибиков тот час занял *лыжниками* и егерями все высоты с пушками.

Галиц.<ын> пошел 2-мя колонами (прав.<ая> при Мансурове, левая при Фрейм.<ане>), а передовой отряд составил особую колону с права.

Расположа батареи, открыл он огонь, Пугачев отвечал, и 3 часа продолжал<ась> пальба. Галиц.<ын> решился штурмовать.

Против Фреймана поставил Пугачев на пригорке 7 пушек — но батар<е>и наши их сбили и Фрейман занял неприят.<ельскую> батарею etc. etc.

Полк. Бибиков на Илецкой дороге подкрепил егерей и лыжников сражающихся с вышедшими из крепости.

Преследовали по всем дорогам под предводит.<ельством> Мансурова.

Мертвых в одной крепости 1300.

Отличились: Фрейман, полковник к.<нязь> Долгорукий, полк. Бибиков, Мансуров, Муфель, Кошелев.

Un poude de farine coutait déjà 16 roubles.

[*Lettre de Reinsdorp à Galitzine*].

---

[1] одного эскадр.<она>

[2] удержаны пехотой

1774 года 28 марта от Чичерина рапорт.

Секунд-маиор Фадеев оставленный[1] пр.<емьер>-май<ором> Эртманом для усмирения бунт.<овавших> крестьян с ротою рекрут, при поруч.<ике> Пушкареве и с челябинск.<ими> казаками сие исполнил и 20 числа соединился с Эртм.<аном>, окруженным злодейской толпою в Иковской слободе. К ночи злодеи заступили Крутоярский Проток на реке Тоболе (в 1 в<ерсте> от слободы) и поставя в 3 местах батареи, выкопали из снегу с выходами ров длиною в 30 саж. и укрепясь, канонировали их. 21<го> посланный Эртманом подпоручик Чеснов с двумя пушками со егерями, драг.<унами> и каз.<аками> — был отбит. 22<го> пошел Фадеев с 3 пушками и с усиленной командою рекрутской ротою, который их разбил, 3 пушки взял, и рассеял толпу в 5,000 чел.<овек>. Взято в плен несколько отставных солдат и крестьян. Толпа состояла из башкир.<цев> и яи.<цких> каз.<аков>. Предводителями были, рвы, батареи и апроши делали: Курганской слободы поп Лаврентий Антонов, дьякон Андрей Антонов, дьячки Тимофей Бурцов и Гаврила Каширский, да Утяцкой слободы, кнутом наказанные и из Нерчинска[2] бежавшие, крестьяне Андр. Тюленев и Як. Кудрявцев. 24<го> Эртм.<ан>[3] репорт.<ует>, что в Курганск.<ой> слоб.<оде> никого не нашел, и что толпа разбитая собралася в Утяцкой слоб.<оде>; поп, дьякон и дьячки (см. выше) захвачены, и что 500 чел.<овек> команды с линии из Петропавл.<овской> крепости должны со<е>диниться с ним и идти на злодеев.

Комендант Долматова монастыря сек.<унд>-маи.<ор> Заворотнов репор.<тует>, что целый месяц был осажден — и защищаем там.<ошним> архимандритом Иакинфом, без военной команды, одними монастырск.<ими> служителями, и 100 крестьян. — Он всегда удачно отражал атаки, и чинил вылазки, на коих многих злодеев и переловил. — Монастырской артиллерией заведовал бывший маиор Ржевский Алексей, с 62 года там заключенный.

Репорт Чичерина 27 марта 1774 г.

Разбитые подпоручиком Фефиловым, с маи.<ором> Эртманом и Фадеевым злодеи, усилились занятием[4] разных слобод Тюменск.<ого>, Туринск.<ого> и Краснослоб.<одского> ведомств — и попрежнему атакуют сни города.

---

[1] отправ<ленный>
[2] с Нерчинска
[3] Фадеев
[4] усилились и заняли

Я откомандир.<овал> против их 3 рекрутские роты, одел их (взяв из губ.<ернской> канц.<елярии>) в сукна купленные для одежды ссыльных колодников. Кафтаны серые, обшлага, лацканы, камзолы, штаны и картузы белые с красн.<ыми> козырями, патронн.<ые> сумы сделаны из негодных подседельных крышек, взят<ых> от[1] здешн.<ей> кригс-комисарской комисии, из полков присланных. Перевязи и портупеи — из негодных разн.<ых> ремней. К ним сообщил конфедератов из городов Сургута и Березова. Гусарскую роту обмундировал также: мантии и штаны белые, кивера из черного, уланы из негодных драгунских шнабзаков. Купечество вооружило 900 чел.<овек> конных, из них 200 конных, с сабл.<ей> и с парой пистол.<етов>. Тобольск.<ий> ямской управитель Ив. Борисов (губерн.<ский> секрет.<арь>) представил себя и 120 чел.<овек> доброконных из ямщиков пикинеров — к ним присоединились 250 подгорных крестьян. Я придал им 2 орудия (не имея более) и по одному канониру.

[1 часть прямым трактом пошла к Екатеринбургу, утверждая вновь присягою усмиренные слободы.]

12<го> и 15<го> апреля Мансуров 1) при Иртецком городе разбил человек 200 каз.<аков>, убил 50, взял 10 и 2) при переправе черев Быковку был атакован атаманами Дерхтеревым и Овчинниковым (в 500 чел.), разбил их с помощию Изюм.<ского> гусарск.<ого> подполк. Бедряги и старшины Бороднна. — *Апрель 17.*[2] Яицкой городок, *начальное гнездо бунта* (сл.<ова> Гол.<ицына>), освобожден и занят им. Жену Пугачева, и начальников мятежа, Каргина и Горшкова, взял. Овчинников и Перфильев рассеялись по степи; их преследуют.

Всё сие совершено в распутицу, и разлитие рек — путь[3] к Гурьеву городку отрезан и тем от Каспийского моря до Исетск<о>й пров.<инции> бунт мож.<ет> прекратиться (*рапорт Щерб.<атов>у, кн. Г<али>цы<на>*).

Фрейман уже в Табинске, но как дорога черев Уральск.<ие> горы непроходима. то он запасает<ся> паромами и провиантом.

Пугачев бежал непрох.<одимою> дорогою из села Ташлы на Овзяно-петровские зав.<оды>. — Он недавно находился в 70 в.<ерстах> от Верхояицка[4] на Белорецких зав.<одах>. Башкирцы двинулись от Челябинска, теснимые м.<аиором> Гагриным, подвинулись к Саткинскому заводу Твердышева.[5]

---

[1] присла<нных> в

[2] *Апреля 17.*

[3] и путь

[4] находился близ Верхояицка

[5] заводу Твердышеву.

Михельсон, разбив злодеев под Уфою, шел к Табинску, но услыша что богорусланск.<ий> депутат Давыдов и Таринов[1] собирают толпу около Нагайбака, обратился к ним — но узнал, что шайка уже разбита башк.<ирским> старшиною Кидрисом, а начальники взяты в пл.<ен>.

Сей Кидрис, быв особенно замечен и награжден импер.<атрицей> в бытность ее в Казани, потом бунтовал, и первый обратился в повиновение.

Нурали-Хан поздравляет Галицын<а> с победами.

Апреля 9 1774 г. из Бугульмы — Генерал Ларионов доносит кн.<язю> Фед.<ору> Фед.<оровичу> Щербатову, что в 12 часо<в> 9 апр.<еля> скончался Бибиков.

Апр.<еля> 10. Ему же он же:

Его высокопр.<евосходительство> А.<лександр> И.<льич> пред кончиною своею вручил запечатанные им самим высочайшие е. им. в. ему повеления, данные касательно возложенной на него комисии и приказал мне чтоб их поднести е. в-у, или вручить кому повелено будет, прочие-ж все бумаги доставить в.<ашему> с.<иятельству>. В следствии сего и отправил я в П.<етер>Б.<ург> вручителя сего, ген.<ерал>-адью.<танта> кн. Куракина со всеподд.<аннейшим> моим донесением как о сем, так и о кончине дней его. Препроводя оное рапортом моим к е. с. гр.<афу> З. Гр. Чер.<нышеву> я покорнейше в.<аше> с.<иятельство> прошу приказать из Каз.<ани> его отправить и подкрепить е.<го> с.<иятельству> мое донесение.

Ген.<ерал>-м.<аиор> Александр Ларионов.

---

13 апр.<еля> Ялчи. Реп.<орт> Щерб.<атова>.

Ген.<ерал>-м.<аиор> Ларионов доставил мне рапорт кн. Галицына от 3-го апреля из Сакмарского городка. По разбитии злодея в помянут.<ом> городке, отрядил он деташементы: один при ген.<ерале> Фреймане (из 1 батал.<иона> и 1 роты грен.<адер> с 7 пушк<ами>), с лейб-гв.<ардии> кап.<итаном> Толстым (<из> 2 эскадр.<он> Архангелогор.<одского> караб.<инерного> п<о>лка, одного Бахм.<утского> гус.<арского>, 1 роты Чугуевск.<ого> и 100 яицк.<их> каз.<аков>) для усмирения Башкирии; второй, по Ново-московской дороге, для восстановл.<ения> комуникации с Бугульмою, при полков.<нике> Аршеневском из 1 бат.<альона> легк.<ой> пол.<евой> ком.<анды> с 8 орудиями, 2 эскадр.<онами> легк.<их> и Бахм.<утских> гус.<ар> и 50 оренб.<ургскими> каз.<аками>, поруча и сей ген.<ералу> Фрейману. Сам-же к.<нязь> Гал.<ицын> вступил в Оренб.<ург>, в Сакм.<аре>

---

[1] Давыдов и Тарыков та <?> (l.)

оставя полковника князя Одоевского, а в Берде[1] полк.<овника> кн. Долгорукова. Ген.<ералу> Станиславскому, всё еще в Орской креп.<ости> находящемуся, предложил вспомоществовать с своей стороны, ген.<ерал>-маи<ора> Мансурова послал освободить Яицкой городок. В Оренб.<урге> провианту довольно. Слухи рассеянные в Башкирии о поимке Пугачева имели успех и старшины вступили с ним в сношение. Получил я также (кн. Щерб.<атов>) от Чичерина[2] известие, что колебание уменьшается, и что ген.<ерал> Дек.<алонг> разбил многочисленную шайку злодеев.

---

13 апреля. Рапорт в Гос.<ударственную> В.<оенную> Колл.<егию> ген.<ерал>-пор.<учика> и кавал.<ера> к.<нязя> Щерб.<атова>.

[Я] В двое суток я проехал только 70 верст едучи в кибитке по почте, силясь достигнуть Бугульмы. Приехав к р. Каме, нашел я походную канцелярию покойн.<ого> г.<оспо>д<ина> ген.<ерала> Биб.<икова> насилу переправившуюся при ген.<ерал>-маи.<оре> и оберштер-кригс-комисаре Ларионове, поспешно выехавшем из Бугульмы по приказ.<анию> покойника, и получившем[3] мой ордер остановиться уже в дороге. Я не мог по худобе реки чрез оную переправиться, и возвращусь в Казань. — Тело покойн.<ого> г. ген.<ерал>-анш.<ефа> Бибикова, командируемое из Бугульмы до Казани одним эскадр.<оном> карабинер, принуждено остановиться по ту сторону реки Камы, за невозможным теперь чрез нее препроправлени<ем>.[4] Г.<енерал>-пор.<учик> к.<нязь> Щ.<ербатов>. *Деревня Ялчи от К.<азани> 70 в.*

От Рейнсдорпа апреля 8.

По разбитии Пугачева в Татищ.<евой> он бежал с 5 чел. в Берду, куда Рейнс.<дорп> и послал, за неимением конницы, отряд пехоты. Пугачев бежал из Берды, а здешняя команда получила оставшийся провиант, и пушек[5] с 50 им по своей моде на заводах вылитых. Пугачев из степи возвратился и засел было в Сакм.<арском> гор.<одке>, где и совершенно разбит кн. Галицыным.

От Декал.<онга> около месяца нет известия, хотя теперь от Оренб.<урга> до Верхо-Яицкой креп.<ости> и благополучно.

---

[1] в Бердинск.<ой> слоб.<оде>
[2] от Чичерина и Декалонг.<а>
[3] *В рукописи описка:* и получивший
[4] препровожден<ием>
[5] и пушки

При чем дупликат, с посланного ген.<ералу> Декалонгу журнала 24 декабр.<я>, в коем сказано: Пугачев почти ежедневно нападает на Ор.<енбург>, но здешними резервными командами отражается. Ожидаю ген.<ерала> Фреймана с часу на час, дабы сделать окончательный над злодеями поиск.

Апреля 18 из Казани. Реп.<орт> в В.<оенную> Колл.<егию> кн. Щерб.<атова>.

Последний рапорт Бибикова от 7 апр.<еля> заключал известие о взятии Уфы Михельсоном (по слухам). Репорт подполк.<овника> Мих.<ельсона> (командующего деташемент.<ом> С.<анкт->П.<етер->Б.<ургского> карабинерного полка) — получен черев посланного им мещеряка (от 11 апр.<еля>).

Разбив в окрестн.<остях> Уфы разбойников, Мих.<ельсон> старается о восстановлении порядка, обще с прокурором Зубовым.

Я предписал ему (по причине распутицы и разбития злодеев) остаться в Уфе, делая поиски к Оренб.<ургу>, к Исецкой провинции, к городк.<у> Челябинск.<у>, к Кунгуру и к Бугульме, и во всей Уфимской провинции, для восстановления свободиой комуникации. А пойманного им Чику и проч<их> 20 чел.<овек>, содержать под креп.<ким> карау<лом> в Уфе. А когда часть учрежденной по имянному е. им. в. указу секретной комисии[1] в Ор.<енбург> прибудет, и оных потребует к следствию — то и препроводить туда под крепк.<им> караул.<ом>.

Из Бугульмы от подполк.<овника> Кожина получил сей час репорт, при посылке двух важных мятежников — атамана Торнова, разорителя Нагайбака и окрестностей оного, и депутата Давыдова, а с ними приехали и изловившие их старшины башкирские с повинною. Злодеи отправл.<ены> в секр.<етную> ком.<иссию>, а старшинам даны билеты и манифест от 29 ноябр.<я> 1773 г.

---

23 апреля из Казани рап.<орт> Щербатова.

Ген.<ерал>-м.<аиор> Мансуров 6<го> и 7<го> занял оставленные креп.<ости> Озерную, Рассыпную и Илецкий Городок, нашед в сем 14 пушек. Сволочь рассыпалась. Бывшие начальники там Чулошников, Аиткин и Моски Кизилбашинин бежали в Яицк.<ий> Гор.<одок>.

Фрейман 7<го> и 8<го> следуя из Ор.<енбурга> в Стерлетомацкую прист.<ань> реп.<ортует>, что Пугачев находится на Вознесенских казенных

---

[1] Эксп<едиции>

завод.<ах>, собрав до 1000 чел.<овек>. Галиц.<ын> для пресечения ему пути к Сибири, велел Станиславскому до Верхояицкой крепости преградить ему путь, тоже и комендантам: Верхояицкому полк.<овнику> Ступишину и Троицкому бригадиру де Фейервару.

В Оренб.<урге> более 4,000 злод.<еев> под караулом и в Уфе до 1,000. В Оренб.<ург> едет из Каз.<ани> часть секретн.<ой> комиссии, куда и пришлют Чику и Ульянова. — Щерб.<атов> дал повеление Михельсону и Уф.<имскому> коменд.<анту> Мясоедову не заботит<ь>ся о их пропитании в случае нужды.

VI.

(ЛБ 91, лл. 170—181)

МАЙ 1774.

26 мая. Рапорт Декалонга.

Я из Челяб<инска> спешил к Верх.<о>-Я<и>цк.<ой> кре.<постя> не делая роздыхов — думая застать Пугачева на Белорецк.<ом> зав.<оде>, но вышед на Оренб.<ургскую> линию в Караг.<айской> креп.<ости>, получил от Вер<х>о-Я.<ицкого> коменд.<анта>[1] рап.<орт>, что он из той Карагайской креп.<ости> гарнизон с коменд.<антом> Фоком весь вывел в Верхо-Я.<ицкую> — и что Пугачев, начиная с Магнитной, идет брать крепости вверх. Тут отдохнув только 2 часа, поспешил я к Верхо-Я.<ицкой>, куда прибыл, где и узнал от полк.<овника> Ступишина, что Пугачев Магнитную взял, и вышел на Кизил; я пошел отрезать ему путь и отошед 15 верст, узнал через пойманных башкирцев, что Пугачев пошел не на Кизил, а прямо на Карагайскую крепость Уральскими горами; а оставил Верх.<о-Яицкую> узнав обо мне. По сему я пошел назад. Но в Караг.<айской> уже его не застал; Пугачев забрал с собою жителей и отставных с прапорщиком Вавиловым, зажегши крепость. Я имея овса на сутки, думал догнать Пугачева в Петропавл.<овской>, однако и ту нашел разореную и сожженую. Церкви были разграблены, образы исколоты и из них щепками кашу варили.

Я пошел, с линии внутреннею дорогою, прямо на Уйскую креп.<ость>, желая Пугачева перехватить хотя в Степной кр.е<пости>, а в Уйск.<ой> получ.<ить> провиант, где и взял оного несколько; и узнав что уже и Степная взята и разорена, пустился к Троицкой креп.<ости> (на *Сенарскую*) и в сей нашел с несчастных крепостей бедный народ засаженный, со множ.<еством> шт.<аб>- и об.<ер>-офиц.<ерских> жен и детей, обо-

---

[1] полк<овника> Ступишин<а>

рванных и босых. — Офицеры мои, бывшие сверстники их мужьям, разобрали их, а прочие за мною последовали. Я остановился на 2 часа, и потом пустился к Троицкой креп.<ости> и 21<го> утром осиля 60 верст, нашел Пугачева под Троицкой креп.<остью> в лагере, в $1\frac{1}{2}$ вер.<стах> к Оренб.<ургу>. — Пугачев в числе 10,000 встретил[1] меня пушечной пальбою и с 7-го по 11-й час сражался, наконец разбит, трупы валялись на 4 верст.<ах> слишком, в числе убитых Белобородов, и яицкой атаман, и другие; Пугачев, *на подобие ветра*, стремился везде, удерживая свое войско, когда сии рассеялись; гнаться мне было невозможно. Троицк.<ая> креп.<ость> (взятая Пугачевым 20<го> ч.<исла>) освобождена и от пожара спасена. Пугачев с малыми силами и при одной пущенки пошел по Челябинской дороги, на Нижне-увельскую слободу, куда отрядил я прим.<ьер>-майор<а> Желобова и сек.<унд>-май.<ора> и кавалера Гагрина, кои рапортуют, что Пугачев в Нижне-увельской выжегши до 90 дворов и ограбя всё, пошел к Кичигину, где взял 50 казаков, и ограбил (без пожара). Одна<ко> сей отряд гнал его по пятам, не давая ему ни в какой крепости[2] останавливаться. 25<го> получены рап.<орты> от Михельс.<она>, что 22<го> чис.<ла>, на Кундравинской дороге, разбил он Пугачева, убив до 600, и взяв в плен до 400, с последнею пушкою и весь обоз. Я же привел в порядок поврежденную и разореную Тр.<оицкую> крепость, и иду сегодня к Челябе для усмирения башкирцев.

При том взято и отбито:

Троицкого баталиона знамен 2

Пушек 28.

Пугачевский Военной Коллегии секретарь хорунж.<ий> Ив. Шундеев.

Освобождено духовн.<ого звания>, благор.<одных> и проч. 3000.

---

11 мая на имя имп.<ератрицы> от кн. Щерб.<атова>.

Щерб.<атов> назначен главнокоманд.<ующим> 1 мая, указ получен им 8-го. Он сам отправился в Оренб.<ург>. 11<го> находился в селе Мурзяхе.

Пред сим доносил он о содействиях между собою деташментов, преследующих Пугачева, находящегося по после.<дним> изве.<стиям> на Белорецких[3] заводах.

Распутица помешала его преследовать — но теперь все идут на него. Декалонг должен пересечь ему путь к Сибири. Сей ген.<ерал> находится в Челябинске.

---

[1] атако<вал>

[2] не давая ему нигде

[3] в Белорецких

Ген.<ерал> Мансуров, заняв Яицк.<ий> г.<ородок>, распространяет посты вниз по Я.<ику> до Гурьева, а вверх до Татищ.<евой>, в сие самое время злодеи числом в 300 чел., под предвод.<ительством> Овчинникова, забирая у обывателей свежих лошадей, проскакали через Сакмарскую линию и Новомосковскую дорогу в Башкирию. Бахм.<утского> гус.<арского> полка маиор Шевич не мог их остановить и удержать не смотря на его выступлении из Сакмары и нападения на их ариергард. Г.<вардии> полковн.<ик> Шепелев из Ор.<енбурга> отрядил противу их деташм.<ент> Изюмск.<их> гусар при маиоре Эвкине, дабы при переходе их через Уфу истребить. Бунт.<ующие> ставроп.<ольские> и оренб.<ургские> калмыки хотели то же исполнить, и в 600 кибитках двинулись было к Сакмарской линии близ Сорочинской кр.<епости>, но отст.<авной> подп.<олковник> Милькович, находящи<й>ся в ней при провиант.<ских> и фураж.<ных> магазинах, разбил, и обратил их в повиновение, и на прежние жилища при военных командах от ор.<енбургского> губ.<ернатора> посланных. Для истребления по степи шатающихся, посланы кн. Гал.<ициным> и Щерб.<атовым> 300 чел. малорос.<сийских> каз.<аков> к Бузулуцкой крепости и к Малыковке следующего Донск.<ого> войска полк.<овник> Денисов, закрывая Волгу и Самару и делая союзную цепь с Яиком. В селениях Иргиза находятся уже 3 фузилерные роты опекунской Саратовской конторы, а к ним идет и часть донск.<их> каз.<аков> с Дону.

Сверх сего отправлены два отряда легких пол.<евых> войск, 1-ый при отст.<авном> подп.<олковнике> Тимашеве, от Воздвиженской креп.<ости> к вершинам реки Сакмары, для покорения башкир. Другой[1] для обращения около Табинска, для прикрытия преследующих отрядов в Исецкую провинцию Пугачева, и для обеспечения Уфы и комуникации с Ор.<енбургом>.

Полк.<овник> Якубов.<ич>, прибывш.<ий> в Казань с малор.<оссийскими> казаками, отправлен в Уфу.

Башкирия всё еще в колебании.

Май.

Пугачев под Магнитную подступил с 6.000. Жители изменили: зажгли артилл.<ерийские> ящики.

Запасшись в Магнитной, Пугачев объехал горы и выжегши Карагайскую и Петропавл.<овскую> пошел на Тр.<оицкую>.

Белобородов со<е>динился с Пугачевым под Магнитною (с 4,000 челов.<ек>) по<с>ле взятия.

---

[1] 2-ой

Пугачев картечью ранен в руку.

Фейервар убит в сражении.

Пугачев Тр.<оицк>ой не грабил (кроме одной лавки).

Якубович 2 июня прибыл в Уфу.

Рапорт Михельсона от 27 мая.

Ночевав на месте сраж.<ения> (22 м<ая>), я пошел в Чебаркульскую крепость. Узнал, что Пугачев, отдыхая за рекою Корягою,[1] плакал, говоря: мы пропали.

25<го> Мих.<ельсон> шел к Злотоуст.<овскому> заводу, и узнал, что там находятся чел.<овек> 100 яицк.<их> каз.<аков>. Харин их преследовал; следы чем далее, тем более рассыпались, и накоиец пропал<и>.

Жолобов, вместо того чтоб идти на деревню Караси, пошел к Челябе.

Михельс<он> пошел в Саткинской зав.<од> и прибыл 27 мая. И сделал тут свой первый роздых, по выступл.<ении> из-под Уфы.

Рапор<т> от 22 мая.

15<го> прибыл Мих.<ельсон> в Саткинской зав.<од>. И выступил прямо на вершину Яика.

За вершиной *Ая,* в дефилее, был атакован башкирцами *в жестяных латах* — пленных 2, в болото загнаны прочие etc.

Мих.<ельсон>, рассудя что к Тр.<оицкой> не подоспеет, взял марш к Челябе.

<Рапорт от> 23<го> <мая>.

Злодеи, спешась, бросились на *пушки,* но были приняты штыками — а Пугачев на фланг, который и смял, и пошел в рассыпную,[2] но я ударил на весь его фронт etc.

Отбита *голубая лента.*

У нас убито 11, ран.<ено> 37, легко 43. Отличились Харин, кн. Енгалычев etc.

Июня 3<го>.

Разбитый[3] под Кундравами, Пугачев скрывался в горах и собрав 2,000 башк.<ирцев> и 300 разбойников со<е>динился при реке *Ай* с Салаватом (всего 4,000 чел.) Разбитые ушли[4] в лесные горы.

---

[1] *Слово* Корягою *выписано Пушкиным из подлинника под титлом.*

[2] *В рукописи:* в Рассыпную

[3] Разбив

[4] пошли

Рапорт Фреймана из Кизыла 4 июня.

Тимашев пошел в горы и к Зелаирской крепости ушел с лучшею конницею.

Получил из В.<ерхне>-Я<и>цк.<ой> рапорт, что Пугачев в 12 верстах от оной с 7,000. — Станиславский отказался от команды.

Из под Тр.<оицкой> спаслось до 700 яицк.<их> казак.<ов>.

Белобородо<в> советовал Пугачеву[1] (прежде[2] 22<го>) идти на Кунгур — но пошел потом на Саткинской (и отоль намер<евался> на Екатеринб.<ург>).

5 числа мая. Пугачев подступил под Магнитную креп.<ость> через Урал.<ьские> горы. Тамошний капитан Тихановский сперва отразил его, но не смотря на великую свою потерю, Пугачев в 3 часа ночи крепость взял, разобрав заплоты, и Тихановского с женою повесил.

От 25 мая. Уфимская провинц.<иальная> канцелярия доносит, что главный башкирской бунтовщ.<ик> Каранай Муратов с 6 стам<и> чел.<овек> разбойничает, а с ним и старшина Качкын Самаров с 600 же ч.<еловек>.

Рапорт Чичерина от 13 м.<арта> 1774 из Тобольска.

По приближении злодеев Тоб.<ольской> губ.<ернии> Ялуторовского дистрикта к слободам Утяцкой, Курганской и Иковской послал я к ним роту с пушкою при[3] капитанах Смольянинове, Касьяновском и подпоруч.<ике> Парфентьеве, прап.<орщиках> Хахилеве и Щепкине, а в подкрепление оным из Белозерской и Верх<не>-Суерской 700 чел.<овек> при маиоре Салманове. Первые с вольножелающими 1000 человек крестьян пошли против приближающегося неприятеля, но были схвачены изменниками крестьянами и при помощи других бунтовщиков разбиты и отосланы в Кунгур, куда вступили злодеи числом 3000 чел.<овек>. Тоже сделали и с маиор.<ом> Салмановым. И слободы Марайская, Белозерская, Тебеняцкая, Емуртлинская и Усысуерская одна за другою злодеям предались. (Всего 15,000 душ). Осталась того дистр.<икта> одна слобода[4] Банчанка, в коей главное правление, с принадлежащими ей деревнями.

В следствии сего ген.<ерал> Декалонг, находящийся в Шадринске, отрядил 13-ую легк.<ую> пол.<евую> ком.<анду> при маиоре Эртмане, который со<е>динясь с сек.<унд>-маи.<ором> Фадеевым и поручиком

---

[1] Пугачеву идти

[2] после

[3] с пушкою под <командою>

[4] одна дерев<ня>

Пушкаревым, бывшим в Челябе с Тобольской ротою рекрут, пошел к Осиновой слободе, где находилась толпа, и при оной был встречен 3,000 злодеев с артиллерией, яицкими казаками, башкирцами и крестьянами; он их разбил и разогнал, убив 600 чел.<овек>, в том числе и предводителя их, атамана Ковалевского, и взяв артилл.<ерию> и письменное производство, не потеряв ни одного человека. Бегущих преследовали егеря на лыжах (за неимением кавалерии).

Екатеринбург освобожден и отправленный из Казани маиор Гагрин в оный вступил, и от Екатеринб.<урга> до Кунгура всю дорогу очистил. Все сии толпы обратились на Тюмень, Туринск, и Краснослободск, и все на пути слободы преклоняли на свою сторону.

Белослуцкая *приписная к заводам* слобода (в 50 в. от Краснослоб.<одска>) соединясь с партией злодеев, пошла к Краснослоб.<одску>, но управитель,[1] той слободы подпор.<учик> и сибир.<ский> дворянин Фефилов их разбил, взяв артил.<лерию> и письменные дела, из коих оказались главными возмутителями тех слобод священники.

Отправленный мною с рекрут.<ами> сек.<унд->маи.<ор> Фадеев,[2] разбив башкирцев, вступил (будучи ранен легко) в Челяб.<инск>, принял команду над оным, и ежедневные нападения на открытый город отражал до самого прибытия ген.<ерала> Декалонга.

---

20 мая.

По занятии Яицког<о> Гор.<одка> мятежники[3] под предвод.<ительством> Овчинникова, перелезли чрез Сакмарскую[4] линию и бежали в Башкирию; шатающиеся же по степи, уговорясь со ставроп.<ольскими> и оренб.<ургскими> калмыками, хотели было бежать по его[5] следам — но частию остановлены подполк.<овником> Михельсоном под Сороч.<инскою> креп.<остью>, частью разбиты[6] отрядами кн. Галицына, Квашниным-Самариным и Шепелевым. Дербетев, с злою матерью, бежал к рекам Узеням от подполк.<овника> Муфеля, и им преследуем по реке *Двум сестрам.* Реки Иргиз, Узень, Волга и г. Сызрань прикрыты фузил.<ерной> саратовск.<ой> ком.<андой>, саратов.<скими>[7] казак.<ами> и полком Денисова.

---

[1] но управителем
[2] подпоручик Ливин
[3] мятежники по степи
[4] Самарскую
[5] по их
[6] частью остан<овлены>
[7] и саратов.<скими>

Мансуров привел в повиновение все нижние форпосты до самого Гурьева. Отряд посланный от Кречетникова расположился в Гурьеве.

Михельсон от 8-го репорт.<ует>, что он для пресечения соединения Салавата[1] с Белобородовым прибыл на Симской зав.<од>, где близко находился первый с 2,000, коего он и атаковал с помощию маи.<ор>а Харина и Тютчева, убито 300 чел., захвач.<ено> 17 и 8 пуш.<ек>, большая часть загнана в болото, и там истреблена. — У Мих.<ельсона> убито 8 чел., ранено 22. Мих.<ельсон> намерен обратиться потом на Белобородова и на вновь появившегося Анику, и потом соединиться с г. Фрейманом. Башкирцы, приведенные было в повиновение, бегут толпами в Ур.<альские> горы, в 4,000 соединясь с Пугачевым. — Пугачев, присовокупя к ним крестьян с Белорецк.<их> зав.<одов>, зажегши их, приступил к Магнитной и взял ее 6-го без пушек. В ней находилось 70 чел. гарниз.<она> н 5 орудий. Фрейман и Станисл.<авский> поспешают на его поражение, к ним соединится и колл <ежский> сов.<етник> Тимашев. Декалонг неподвижен в Челябе.

VII.

(ЛБ 91, лл. 182—207)

ИЮНЬ И ИЮЛЬ 1774.

20<го> июля Нижег.<ородской> губернии Алаторской провинции, близ приписного города Курмыша 14 чел. убито бунтовщиками Пугачева.

25-го Мих.<ельсон> рап.<орту>ет что Пугачев, узнав о его марше, с Ядрина повернул на Алатарь — а в Ядрин отправил отряд с приказан.<ием> его взять и набрать толпу. Город ему противился и сегодня, кажется, слышна была пальба. Если Пугачев пошел[2] на Алатарь, то пойдет на Пензу к Яику или Дону. Статься может, повернет к Арзамасу. У него не более 5<00> или 600; у каждого по 3 и 4 лошади. Мелин в Курмышах. Он преследует Пугачева, а я завтра переправлюсь через Суру под Васильевым. — Если действит.<ельно> Пугачев от Москвы поворотил, то пойду к Ядрину. 26-го Муфель, переправясь через Волгу, приб.<ыл> в Симбир.<ск>.

19-го от кн. Галиц.<ына>. Сделав от Уфы более 100 вер., оставя вправе Нагайбак, пойдет на Заинск — пехота на подводах.

22-го рап.<орт> Мих.<ельсона>. — Он идет на Кузмодемьянск — Москва останется вправе а Пугачев в леве. Е<с>лиж Пугачев идет на Синб.<ирск>, то Мих.<ельсон>у догнать его не льзя. Где точно Пугачев, неизвестно.

---

[1] Салаватки<?>

[2] пойдет

Вероятно Пугачев к Алатарю идет — а к Симб.<ирск>у *делает маску.*

19-го июля пойман Белобородов около Казани.

19-го Меллин из Свияжска выступил к Цивильску.

Декалонг 4[1] июня жалуется, что ген.<ерал>-м.<аиор> Фрейман, маиор Наумов и кол.<лежский> сове<тник> Тимашев, что они, не дав о себе знать, пошли по линии к Троицк.<ой> креп.<ости>, что Фрейм.<ан> дошед до развалин Степной креп.<ости>, узнав о разбитии Пугачева п<од> Тр.<оицкой>, возвратился в Верхояицк.<ую> креп.<ость>, а оттуда и в Оренб.<ург>.

Декалонг Жолобова и Гагрина взял к себе в Челябу, оставя Мих<ельсона> одного преследовать злодеев.

Пожар разгарается между Екат.<еринбургом> и Кунгуром.

Михельс.<он> не знает куда пошел Пугачев.

17 июня письмо ф.<он> Бранта к Щерб<атову>.

---

11 июня. Попов, узнав, что *Пугачев* находится близ Красноуфимска, пошел туда (10-го), в 8 верст.<ах> был атакован, ретировался к Кунгуру.

17 июня. Найдены[2] в лесу при рек.<е> Уз<ен>ях 17 человек яицк.<их> каз.<аков>, из оных Степ. Речкин, Яков Серебрецов, Ив. Ерофеев и Аверьян Лифанов повешены, как злобные возмути<те>ли, в *Яицк.<ом> Гор.<одке>* Мансуровым.

Якубович пошел по Осинской дороге для поиска. Уфа без защиты. Табинск осажден башкирцами, жгущими хлеб на гумнах.

Непонятно, почему Якубович, Дуве и Обернибесов неподвижны и не со<е>динены. 3,000 башк.<ирцев> за Белою р.<екою> оставлены в покое. Бирск сожжен в виду у Дуве, а Якуб.<ович> был в 20 верст.<ах>.

Салаватка и Белобор.<одов> соединясь пошли к Кунгуру.

---

22 июля. *Рап.<орт> кн. Щерб.<атова>* из Казан<и>.

Собранные команды с Воткинского и Ижевского зав.<одов> при кол.<ежском> сове.<тнике> Венцеле, не могли остановить Пугачева, Венц.<ель> и офиц.<еры> были захвачены, команды разбиты. Не имея известия

---

[1] 15

[2] Найденные

о Мих.<ельсоне> — приказал я Голиц.<ыну>, не останавливаясь уже в Уфе, спешить к Каме с лучш.<ими>[1] войск.<ами>.—А за собою потянул подполк.<овника> Муфеля с легк.<ой> ком.<андой>, и Пензенск.<им> уланск.<им> корпусом. Новомоск.<овская> дорога была пуста, башк.<ирцы> бунтовали и жители разбежались. Прибыв в Бугульму, получил я от ф.<он> Бранта извест.<ие>, что он собрав 600 чел.<овек> команды мо<е>й, сверх того гарнизон.<ных> и разночинцев, укрепился; а от Мих.<ельсона> (6 июл<я>), что он спешит за Пугачевым и 8<го> надеится переправ.<иться> через р. Вятку. Свои же войска я посадя на подводы, поспешил к Казан<и>. Но на дороге узнал etc.

Михельс.<он> был затруднен сожжением мостов мужиками, и увозом паромов и лодок. Казань была бы спасена, когда хотя бы немного держались.

Михельс.<он>, укомплектовав<ш>ись лошадьми, от Нижегор.<одской> губ.<ернии> отрежет Пугачеву путь, а гр.<аф> Меллин за ним гонится. Бег сего злодея столь *быстр и опрометчив*, что нет способу с соблюдением порядка службы его преследовать. Лучшее средство перехвачивать ему путь, но по столь великóму пространст<в>у рассеянные войска не могут делать быстрые обороты, а в лошадях мор и нужда. Пугачев от Казани (сверх чаяния всех), с лучшими своими войсками, перекинулся за Волгу на Коншайской перевоз в село *Сундырь*, которое и сжег, и пошел на Цывильск, котор.<ый> сжег, повесив воеводу, а отоль проселычными дорогами пошел к Курмышу, имея в тылу гр.<афа> Меллина. Подполков.<нику> Муфелю, находящемуся в Черемшанской креп.<ости>, велел я наискорее обратиться к Синбирску, перейти Волгу и идти на встречу Пугачеву, а Пенз.<енского> уланск.<ого> корпуса шефу маи.<ору> Чемесову от Шуракского перевоза р. Камы идти к Устью оной и также перешед Волгу соединиться с Мелин.<ым> или Муф.<елем>.—Мансурову же с его команд.<ой> и с яицк.<ими> казаками идти к Сызране, по реке Иргизу, оставя Симанова для охранения Яицк.<ого городка> и линии.

Правая сторона Каз.<анской> губ.<ернии> успокаивается, а для обузд<ания> башк.<ирцев> послал я кн. Гал.<ицына> в Мензелинск.

Я же занимаюсь восстановлением порядка, вывожу из крепости стеснившихся обывателей, развожу их по[2] уцелевшим домам, по концам города, и тушу в<е>зде тлеющийся огонь, о чем и приказал здешн.<ему> об.<ер>-ком.<енданту> артил.<лерии> полк.<овнику> Лецкому.

Пред сим полк.<овник> Обернибесов на Каме за Мензелинском, близ устья Вятки, потопил одну из 3 лодок и удерж.<ал> злодеев.

---

[1] с легк.<ими>

[2] развожу их к

Меллин (Томск.<ого> пех.<отного> сек.<унд>-маи<ор>) в Башкирии разбил 3 раза злодеев.

Полк.<овник> Якубович, около Уфы, разбил башк.<ирцев>. Полк.<овник> Шепелев, на Белой реке, с отряд.<ом> караб.<инер>, и подполк.<овник> Рылеев, прикрывая Табинскую и Стерлитамацк.<ую> прист<а>ни, не раз разбивали башк.<ирцев> в самое их жесток.<ое> возмущ.<ение>.

Галиц.<ын> очистил Белую Реку до самой Уфы и удалился к Мензелинску.

Из Нижегородского Архива.

От 27 июля. Алекс. Алекс. Ступишину. Рапорт Кур.<мышских> инвал.<идных> офицеров.

Курмышской воеводский товар.<ищ> Алфимов бежал, узнав о приближении Пугачева, а 20<го> поутру Пугачев вплавь переправясь через Суру, вошел в Курмыш. Дворяне бежали, а народ встретил его на берегу с образами и хлебом. А все мы были из наших домов выгнаны казаками к Пугачеву. Где мы безоружные и дряхлые стояли в страхе, а злодеями сделаны были рели, и на одной повеш.<ен> унт.<ер>-оф.<ицер>, потом читан манифест, которого мы со страху не поняли; но где было сказано, что он, госуд.<арь> природный, сверженный с престола дворянством, народу обещал соль безденежно, а подати и солдатство уничтожить на 5 лет, и дать Вольность, а дворянской род весь искоренить. А потом все мы приведены к присяге: гос.<ударю> Петру III, гос.<ударыне> имп.<ератрице> Устинье Петровне, и наслед.<нику> гос.<ударю> цес.<аревичу> и в.<еликому> к.<нязю> П.<авлу> П.<етровичу> и супр.<уге> его благ.<оверной> гос.<ударыне> и в.<еликой> к.<нягине> Нат. Ал. И та присяга нами хоть и дана, но не от искреннего [1] сердца, но для наблюдения е. и. в. интереса. После чего повешен канцелярист Еремеев и в то время казаки грабили город, церкви и обыв.<ательские> и наши домы — в продолжении 5 часов — за рекою же грабили башкирцы селения и вешали. Потом Пугачев оставил в городе 4 чел.<овека> казаков да 60 из предавш.<ихся> ему боярск.<их> людей. А мы заключены были до прихода гр.<афа> Меллина до 26<го> ч.<исла>, который повесил 3 человек, а 30 на канате отправил в Ядрин. Чувашам Пугачев велел раздать казенное вино, а приведенных крестьянами дворян повешал: Юрлова, Маковнина, и Ульянову, да пор.<учика> Муромцов<а> с солдат<ами>. Ныне в гор.<оде> все обст.<оит> благоп.<олучно>. — *А что мы* перед богом и е. им. в. всемил. гос.<ударыней> н.<ашей> имп.<ератри-

---

[1] от чистого

цей› Ек.‹атериной› Ал.‹ексеевной› нарушили присягу и тому злодею Пугачеву присягали, в том приносим наше христианское покояние и слезно просим отпущения сего нашего невольного греха, ибо не иное нас к сему привело, как смертный страх,[1] и просим, чтоб город и мы, дряхлые и безоружные люди, были подкреплены войском, ибо гр.‹аф› Мелин выступил н‹ы›не за Суру.

Подписали сек.‹унд›-маи.‹ор› Алтуфьев

Кап.‹итан› Беляев и 20 чел.‹овек› офицеров.

Михельс.‹он› кн.‹язю› Щерб.‹атову›

16 июля.

14‹го› услышал я, что Пугачев в 20[2] вер.‹стах› от Казани усиливается. 15 ‹го› подступил он в числе 25,000. Я подкреплен будучи 150 че.‹ловеками› пехоты, пошел ему на встречу на место сраж.‹ения› 12 числа. Злодеи дрались отчаянно, сперва стрельбой, наконец и копьями и штыками. Наконец после 4 часов сраж.‹ения› разбиты совершенно. Артилл‹ерия› вся взята, 2,000 убит.‹ых› (большею частию татар и башк.‹ирцов›), 5,000 пленн.‹ых›, 17 знамен, 9 пушек. Препоруча кавал.‹ерию›[3] Харину, повелел ему гнаться за Пугачевым. Он имел два лагеря, в коих находились каз.‹анские› жители. Пугачев, доскакав до первого, потом и до 2-го, старался нас удержать — но из 2-го едва ускакал от нас, и преследуемый более 30 вер.‹ст› ударился в лес. Казанск.‹ие› жит.‹ели›, жены и дети, захваченые Пуг‹ачевым›, освобождены до 10,000.

У нас убито 35 чел.‹овек›, ранен.‹о› тяж.‹ело› 63, легко 58 — лошад.‹ей› уб.‹ито› 46, ран.‹ено› 68.

---

2 июля, из Бухареста от ген.‹ерал›-поруч.‹ика› Суворова в Вое.‹нную› Кол.‹легию›.

Указ от 29 марта получен мною только 30 июня. Копию[4] с оного представил я главноком.‹андующему› гр.‹афу› П. А. Р.‹умянцеву› с прошением что повелит он учинить.

Слушано 28 авг.‹уста›

---

[1] А что мы ~ смертный страх *отчеркнуто Пушкиным на полях.*

[2] в 23 ‹?›

[3] артилл.‹ерию›

[4] Он‹ый› ‹?›

Рап.<орт> Михельс.<она> кн. Щ.<ербатову> от 13 июля.

11<го> чи<сла> вечером в 60 <верстах> от Каз.<ани>. Покормя, выступил 12 числ.<а> ночью.[1] На дороге узнал что Пугачев, разбив команду, выступил 11<го> на рассвете из деревни Чипчиковой (в 35 в.<ерстах> от Каз.<ани>). Я поспешил, и в 5 ч.<асов> утр.<а> в 45 верст.<ах> от Каз.<ани> услышал пушеч.<ную> пальбу, продолж.<авшуюся> до полудня — и потом показался дым. В 30 верст.<ах> кормил лош.<адей>, чер<е>з час выступил и получ.<ил> изв.<естие>, что Казань взята. Дым час от часу умножался. Злодеи,[2] ободренные победой и усиленные захваченной артиллерией... Крепость я наверное считал не взятою.... Не дошед вер.<ст> с 14, получ.<ил> от моих передов.<ых> рап.<орт>, что злодеи в 7 вер.<стах> от Каз.<ани> не далече села Царицына построились[3] в бой. Я пустился через лес одною колоною — и при выходе увидел злод.<еев>, превосходство их числа и места не позволили мне взять их во фланг. Я принужден был ударить прямо на середину, на лучшую их батарею, я был встречен ужасной и искусной пальбою. Я отрядил против их лев.<ого> фл.<анга> маи<ора> Дуве с его колоною, а сам шел всё прямо, на правый — маиора Харина. Злодеи перед батар.<еей> имели болота и не отступали, но я пошел через, а Харин[4] и Дуве старались их обойти. Непр.<иятель> сбит и потер.<ял> пушки. Дуве на правом их фл.<анге> отбил 2 пушки. Злодеи разделились на две кучи — одна пошла на встречу маи.<ору> Харину, и остановилась за рвом и тесным проходом за мельницею, откуда производила больш.<ую> пальбу, стараясь заехать нам в тыл; я оставил маиора Дуве и пошел на подкрепл.<ение> Харина, проходившего ров[5] под их огнем — и по пятичасовом сражении непр.<иятель> разбит. Ночь, место и усталые кони не позволили мне преследовать непр.<иятеля>. — Я, отбив 6 пушек и преследуя 3 верс.<ты>, остановился и повернул назад. Убито непр.<иятеля> 800, взято 780[6] — у нас убит капит.<ан> Базаров,[7] и 21[8] чел.<овек>, ранен<о> 37.

Переночевав на Костях, я пошел к Казани, рубя встречные злодейск.<ие> кучи. Не успел я постановиться на Арском поле, как Пугачев, собрав

---

[1] выступил в 12 утра.
[2] Злодей
[3] выстроились
[4] а он
[5] чере<з> ров
[6] 700
[7] Базаров, прапорщ<ик>
[8] 54

свою толпу, опять показался. Я дал знать о том ф.<он> Бранту и ген.<ерал>-м.<аиору> Потемкину, который и прибыл ко мне, и был свидетель поражения злодеев; Пугачев бежал по Алатской дороге. Гнаться было невозможно, 30-ти лошад.<ей> не было годных. Пугачев перешел через Казанку, и остановился.

1773<г.> авг.<уста> 31<го>. Рейнсдорпом посланы в Сибирь за Яицкой бунт 144 чел. муж. и женск. <пола> и старш.<ина> Логинов с детьми и женою, оказавшийся *сумнительным.*

30 мая 1774 — донос.<ит> Декал.<онг>,[1] что Фрейман и Станиславск.<ий> вступили в Верхояицкую.

Скрыпицын посылал сержанта к Пугачеву узнать, точно де-ли государь. Ответ серж.<анта>: волосом похож, а лицем несколько не похож. Скрып.<ицын> вступил в переговоры. Ночью похоронил убитых, а пленных развязал. Воевода Осинской противился.

Брант 1 июля Кожину (в Бугульму) и Обернибесову дает знать о приближе.<нии> Пугачева к Мензелинску — также и кн. Галицыну.

У Пугачева под Кунгуром было 4,000 против подп. Попова. 15 июня Жолобов и Гагрин вступили еще в Кыштым. Екатеринбургской коменд.<ант> Бибиков нарядил для них лошадей. Они вступили в Ека<теринбу>рг.

Самозванец[2] разгласил, что в его войске действительно находится некто Пугачев, но что при нем есть и государь.

Брант, не зная где Мих.<ельсон>, послал к Сарапулу отыскать его и сказать, чтоб он старался Пугачева отрезать от Хлынова и Казани, предоставя преследование из Екат.<еринбурга> Жолобову и Гагрину, а из Кунгура Попову.

Скрыпицын встретил Пугачева с образами на коленах. Пугачев сказал ему: *бог и г<ос>ударь* etc., и оставил ему шпагу.

Пугачев объявил войску, что в.<еликий> кн.<язь> желает видеть его в Казани, и прислал ему золотую, походную шляпу, косу и пару платья — обещая 70 п.<удов> пороху.

Заводские люди приготовили ему для перевозу *коломенки.*

От Бранта 9 июля. Мих.<ельсон> 2-го в Каракулине переправился через Каму, а 3-го был в с.<еле> Пьяном Бору. Говорят, что Пугачев в селе *Мамадышах* (сумневаюсь).

Граф Меллин с 2 пушк.<ами>, с пехот.<ой> и кав.<алерией> поспешил на Каму, дабы удержать Пугачева в случае разбития (после его перепр.<авы>).

Мих.<ельсон> 5-го июля перепр.<авился> через р. Иж.

---

[1] донос.<ит> Чичер.<ин>

[2] Пугачев

Мансуров привел в повинов.<ение> ниж.<ние> каз.<ацкие> форпосты до Гурьева.

На 8-ое в ночи приб.<ыл> в Каз.<ань> для ведения *здешнею* и Оренб.<ургскою> секрет.<ною> ком.<иссией> и принял команду над всеми здешн.<ими> ком.<андами>.

15-го Мелл.<ин> (по прик.<азанию> Потемк.<ина> и Бранта) идет *прямо* к Казани.

От Мих.<ельсона> 18 июля. Пугачев, распустя всюду остатки сво<е>й шайки, сам перешел через Волгу, по рапорту гр.<афа> Меллина в 70 верст.<ах> от К.<азани>. Я приказал графу его преследовать и отрядил 150 кон.<ных> за Волгу (всего более 700 чел., чего пока довольно для преследования).

Пугачев разгласил через своих воров, что он уже переправился, а в самом деле стоял еще на Курчуцком перевозе делая паромы.

16-го Муфель идет к Черемшану.

14-го прибыл Мелл.<ин> в Каз.<ань> и получа подкрепл.<ение> от Мих.<ельсона> отправился в погоню. 13-го он разбил за Камою[1] 3,000 мятежных башк.<ирцев> под *Шурамск.<им> перев.<озом>*.

Рапорт генер.<ал>-поруч.<ика> Ступишина, Нижегор.<одского> губ.<ернатора> от 21 июля.

Сей час получаю известие, что Пугачев уже в здешн.<юю> губ.<ернию>, в Курмышской уезд, в село *Малые Яндобы* (15 вер.<ст> от *Курм.<ыша>*). Поруч.<ик> Муромцев захвачен, дороги в Казань пресечены. Просит помощи из Москвы от Волконского.

Брант от 17<го> уведом.<ляет> Волк.<онского> о намерении Пугачева идти на Москву.

Волк.<онский> при сем объявл.<яет> в Гос.<ударственную> Колл.<егию> от 25 июля, что порох и снаряды уже в Нижн.<ем>-Новг.<ороде>, что команда из Владим.<ира> следует через Гороховец, и подоспеет, вероятно, что ген.<ерал>-маи.<ор> Чорба вступил[2] сегодня в Москву, что полк Донской будет к 28<му>. В Тулу послано ген.<ерал>-м.<аиору> Жукову повеление прислать сюда как можно более сабель и ружей, дабы в случае вооружить и разночинцев.

21<го> прибыл в Нижн.<ий> курм.<ышский> воевода и объяв.<ил>, что 20<го> Пугачев вошел в Курм.<ыш>.

---

[1] на Каме

[2] прибыл

От 7 июля. Рап.<орт> Рейнсдорпа.

Башкирия генерально бунтует и почти половина людей губернии частию убиты, частию захвачены, а крепости, заводы и селения разорены и обращены в пепел.

Указом от 8 июля из Петергофа ген.<ерал>-п.<оручик> к.<нязь> Щербатов отозван от двора а на место его назначен на время кн. Галицын.

Михельсон, после Декалонга, разбив Пугачева, преследовал его до Саткинск.<ого> зав.<ода>, а услыша о Салавате 31 мая, шед[1] на него, встретил его при переправе через реку Ай, разбил и пошел за Пугачевым. Но 3-го июня встречен опять Салаваткою в 1,000 ч.<еловек>, которого разбив, преследовала конница, а сам он шел тихим маршем, но узнав, что сзади обоз его окружает с трех сторон, послал за конницей, обратился назад, отбил злодеев, и тут соединясь с своей конницей, пошел[2] версты с 3, и был атакован самим Пугачевым без пушек. Михельсон их разбил, и гнал верст 5 убив до 400. 5-го июня узнав о близкой[3] переправе Пугачева через Ай, пошел туда, но встречен в лесных местах в дефилеях, Михельсон *кажется* претерпел урон, и ретировался к Уфе, а Пугачев свободный от погони (ибо май.<ор> Гагрин и Желобов отступили к Челябе[4]) пошел к Красноуфимску, и, встретя идущего на него из Кунгура гарнизонного полковника Попова, с 400 рекр.<ут> и муж.<иков> 400 с 4 пушк.<ами>, атаковал его, и преследовал 20 верст до самого Конгура, но Попов выстроясь в каре отстрелялся и 13<го> возвратился. Пугачев пошел в Иргинской и Уинской Зав.<оды>. 16-го Попов опять выступил против Пугачева и узнав в 20 вер. от сих заводов, что они сожены, и что Пугачев пошел к реке Тулве[5] для соединения с башкирцами под Осою — пошел на Осинскую дорогу. В *Осе* и в ближн.<их> деревнях стоял шихтмейстер Яковлев с вооруж.<енными> мужиками, по приказанию кол.<лежского> асс.<ессора> Башмакова. Он хотел идти, разделясь на две части, на помощь Кунгуру и Юговскому заводу, но 14<го> был атакован башкирцами и к тому не допущен. Яковлев ожидал прапорщ.<ика> Евреинова из Рожественск.<ого> Завода до 16<го>, но не дождавшись 17<го> стал отступать из Осы к Аннинскому Зав.<оду>, но башк.<ирцы> через Тулву его не про-

---

[1] пошед
[2] пошел за Пугачевым
[3] о скорой
[4] в Челабе
[5] Тульве

пустили, и отрубя канат, пустили паром вниз по реке. 18-го прибыл в Осу и с ним соединился сек.‹унд›-маи.‹ор› Скрыпицын со 100 чел. и 3 пушк.‹ами› (к тому же с командою бывшей на Рожеств.‹енском› Зав.‹оде› и 100 муж.‹иками› сарапулскими). Башк.‹ирцы›, напав на них, отражены с уроном, потеряв 3 пушки, и 90 чел. мужик.‹ов› передались Скрыпицыну.

Но 20‹го› числа под Осу подступил Пугачев и 21‹го› *Скр.*‹ыпицын› с ком.‹андой› взяты в плен. У Пугачева 8,000. Если Пугачев через Хлынов пойдет на Кузьмодемьянск, то может прервать комуник.‹ацию› с Москвою, а ежели Камою и сухим путем, то легко возмутит вотяков и заводск.‹их› людей.

Брант близ устья Камы на судах учредил батарею,[1] и *сыскные* команды посадил на лодки, и тем запер проход реки. Таковую же заставу велел учредить и в Синб.‹ирске› на Волге, и Держ.‹авин›у рекомендовал охранять Иргиз и Волгу, и поделать везде преграды.

Рапорт ф.‹он› *Бранта от 27 июня.*

Указ‹ом› 23 июля Михе‹льсон› пожал.‹ован› в полковн.‹ики›.

---

4 июля. Рап.‹орт› Щерб.‹атова›.

Михельсон по освобождении Уфы 7 раз разбил неприятеля, и в тесных проходах при реке *Ай* — но после того отягченный пленными, ранеными, и имея нужду в запасах, принужден зайти в Уфу и известясь, что Пугачев идет к *Кунгуру*, пошел через Бирск к Сарапулу дабы зайти к нему на встречу. — Но Пугачев не только 21‹го› числ.‹а› овладел пригородом *Осою* и взял команду при маи.‹оре› Скрыпицыне, но уже и через реку Каму переправился, пресекши тем комуник.‹ацию› с Кунгуром.

Посему кн. Щерб.‹атов› поспешил в Бугульму. Полковн.‹ик› Обернибесов из крепости Бакалы,[2] поспешает к Мензелинску, чтоб не допустить Пугачева плыть по Каме, или для встречи его на сухом пути к Казани. У Бранта гарнизонные роты, и 400 чел.‹овек› оставленных от полков. Кн. Галиц.‹ын› в Башкирии, я приказал ему идти поскорее в Уфу, дабы оттуда поразить Пугачева. — Михельс.‹он› 18‹го› числа был по сю сторону близ Бирска — и конечно, если не встретил Пугачева, то не в дальнем расстоянии за ним следует. О Декал.‹онге› не имею известия.

---

[1] батареи

[2] в крепости Бакалах

23 июля. От Ступишина Волконск.<ому>.

Злод.<ейская> толпа, вступив в Ниж.<е>-гор.<одскую> губ.<ернию>, разделилась на две части — одну ожидали в село Лы<с>ково, другую в Мурашкино (от Ниж.<него> в 80 верст.<ах> на 2 больших дор.<огах>, 1-ое на Нижегор<одск>ой, 2-ое на Алатор<ск>ой) и дороги к Каз.<ани> и к Ор.<енбургу> пресечены и курьеры из П.<етер>Бу.<рга> задержаны здесь (в Нижн.<ем>). Ждут злод.<еев> в Нижний. Их от Казани и Оренб.<урга> никто не преследует.

Известия есть, что Пугачев намерен идти на Дон, другие — на Москву. Но что верно, Пугачев здесь сам.

---

26 июля. Поминутно узнаю, что Пугачева сообщники, в 2, 3 не более 6 чел.<овек>, вешают дворян и прикащиков. Не имею легк.<их> войск, не могу пресечь зла. Что ген.<ерал>-м.<аиор> Чорба? Опасаюсь, чтоб вместо одного, не явилось бы несколько Пугачевых. Боюсь за Москву. Сию минуту узнаю, что Пугачев коснулся деревне гр.<афа> Салтыкова, многих повесил, разорил конск.<ий> зав.<од>, а конюхов 40 чел.<овек> взял с собою.

---

25 июля. Письмо Ступишина к к.<нязю> Волконскому.

Пугачев клонится к Алатарю, оттуда, по показанию пленных, на Дон. — Но сие неверно ибо он мог обмануть уже несколько раз низовое войско. Опасаюсь[1] чтоб не вышел он на Москов.<скую> дорогу, о чем и писал я 24 чи<сла> Михельсону, который в Чебоксарах был 23<го>. В Курмыше поставлен Пугачевым в командиры казак. Мужики истребляют попов, и содержат под караулом помещиков. Удержанные курьеры отправлены водою в Казань 24<го>. Порох и Владим.<ирская> команда прибыли 23<го>.

P. S. Сей час узнаю от Ядр.<инской> воевод.<ской> канц.<елярии>, что комиссар, поруч.<ик> Лихутин, с жителями разбил из Курмыша пришедш.<их> 300 чел. — Для усмирения *новокрещен* и помещ.<ичьих> крестьян послан мною отряд из 50 солд.<ат>, 12 каз.<аков> и <с> 3 пушками.

26<го июля>. Вчера здесь в уезде пойман злод.<ейский> полковник Аристов и по *довольному истезанию чистосердечно открыл*, что Пугачев бежит к Дону, что отбитый от Казани хотел он идти на Нижний, но отошед вер.<ст> 15, остановился кормить — и узнав тут от чуваша, что Нижн.<ий> укреплен и имеет значит.<ельную> команду, и узнав через свои разъезды о погони, перепр.<авился> у Свияжска, пошел к Донцу и Дону

---

1 Опасаюсь за

лесными местами, через Курмыш, миновав Алатарь на Промзино Городище, а потом минуя Пензу на Устье Медведицы, и через станицы Качалино, больш.<ой> и мал.<ый> Чиры и Пятиизбинскую. А отсель[1] послать в Царицы<н> осмотреть, не льзя ли будет из Гурьева получить пушек с припасами — с коими идти до Черкасска и, возмутив Белогородскую и Кубанскую область, идти к Москве, что и вероятно.

---

27 июля рап.<орт> кн. Щ.<ербатова>.

Ф.<он> Бр.<ант> крайне болен. Бунтовщики, рассеянные, грабят селения. жители все переведены по домам.

Пугачев из Цивильска через р.<еку> Суру пошел в Курмыш, он бежит просел.<очными> дорог.<ами>, забирая лошадей, преследовать его невозможно. Михельс.<он>, 25<го> ч.<исла> репор<тует>, что Пугачев идет к Ядрину — и намерен в Нижний. Михель.<сон> поспешно из Чебоксар, идет преградить ему дорогу к Москве. Мелин[2] следует за Пугачевым. Муфель должен из Синб.<ирска> спешить к Алатарю, отрезать Пугачева от Москвы и все сии 3 отряда стеснят[3] его в полуциркул. Не только преклонны ему места, где он находится, но и самые отдаленные к нему стекаются, жертвуя для него имуществом (?). Едва перешел за Волгу, чебоксарские и козьмодемьянские иноверцы возмутились,[4] убивая священников. Михельсон мимоходом усмирил шайку Чуваш (200 чел<овек>) и узнал о общем их бунте.

Жду с нетерпен.<ием> от кн. Галиц.<ына> из Мензелинска войск — для отправления оных на подкрепление отрядов, и сам поспешу за ними. Войска у меня мало, пространство велико, зло повсеместно — со всем тем войско проходит из конца в конец неутомимо и победоносно.

VIII.

(ЛБ 91, лл. 208—223)

АВГУСТ 1774.

Указ о Панине

Письмо к Пан<ину>,

Реестр крепости и Завода.

(Роспись войску в Ор.<енбургской>, Каз.<анской>, Нижег.<ородской> губ.<ерниях>).

Оправдания Щербатова.

---

[1] И стсель

[2] Муфель

[3] стесняют

[4] иноверцы наполнились

1 авг.<уста>. Рапор.<т> кн. Щерб.<атова>.

Пугачев, укрываясь от преследования, шел от Курмыша[1] к Ядрину,[2] оставя позади себя шайки для затруднения сек.<унд>-маи<ора> графа Меллина — но Меллин, не заходя в Курм.<ыш>, шел к Ядрину, а Михельс.<он> отправил маи.<ора> Харина.

Пугачев, узнав о том, обратился к Алатарю, оставя гр.<афа> Мел.<лина> в стороне и прикрывая свой бег оставленною под *Ядриным* толпою (собран.<ною> из сволочи), которая и приступала к Ядрину, но отбита ядр.<инским> воеводою и жителями и потом встречена гр.<афом> Меллиным и рассеяна. Гр.<аф> Меллин поспешил потом к Алатарю через Курмыш, где взял яицк.<ого> казака, назвавшегося воеводою и от него узнал о намерении Пугачева бежать к Яику (?).

25 июля получены рапорты от гр.<афа> Мелли<на> и от идущего от Синбирска подполк.<овника> Муфеля, что Пугачев бежал уже из Алатаря[3] к Саранску. Я приказал Муфелю от Карсуна поспешить к Пензе чтоб оттуда перехватить ему дорогу — а ген.<ерал>-м.<аиору> Мансурову, идущему из Яицк.<ого> гор.<одка> в Сызрань, не упускать Пугачева. В Саратов писал о посылке томошней команды против злодея.[4] А Михельсону от Арзамаса идти за ним же, и отрезав ему дороги к Москве теснить его с третей стороны.

В Алатаре был Пугачев встречен народом и некот.<орыми> дворянами, и сие когда он был без артилл.<ерии> и в малолюдстве! Пугачев в 5 суток[5] сделал более 400[6] верст. — Отряды его преследуют, между тем укрощают и бунтующую чернь.

Кн. Галиц.<ын> сего дня прибыл сюда и репорт.<ует> о бунте башк.<ирцев>, везде успешно усмиряемом. В следств.<ие> *указа от 8 июля*, я сдал ему команду.

Казань.

---

1 августа.

Щерб.<атов> сдает команду кн. Пет. Мих. Галиц.<ыну>.

В Казане убито 162, ранено 129, пропало 486. В том числе ранен[7] директор гимназии надв.<орный> сов.<етник> Каниц.

---

[1] из Курмыша
[2] к Ядринску
[3] от Алатаря
[4] против команды
[5] в 4 сутки
[6] более 500
[7] В том числе убиты

Учителей и учеников 17 чел. уб.‹итых› и ран.‹еных›. Отставн.‹ых› убит.‹о›:

ген.‹ерал›-м.‹аиор› Кудрявцев
полк. Ив. Алекс. Родионов
кол. сов. Казимир Петр. Гурской
Кол. асс. П. Тим. Брюховской
прем.‹ьер›-м.‹аиор› Хвостов
Арт.‹иллерии› капит.‹ан› Алекс. Родионов.

Церквей погорело 25, монаст.‹ырей› 3.

Богородицкой Казанск.‹ий› девнчий, Ивановской, Троицкой, Федоровской мужск.‹ие› разграб.‹лены›.

Домов 1772 сгорело и разграб.‹лено›, остал.‹ось› 298.

В суконной слоб.‹оде› сгорело 186, остал.‹ось› 492.

В Ямской — — 105, — 20.

Гост.‹иный› двор — разграбл.‹ен›.

Казармы в остроге тюремного двора сгорели, а колодников 153 чел. взято в толпу.

---

4 авг.‹уста›. Рапор.‹т› в Колл.‹егию› кн. Гал.‹ицына›.

Ф.‹он› Брант 3-го умер.

Мансур.‹ов›, идущий к Сызране, реп.‹ортует›, что мят.‹ежник›, каз.‹ацкий› судия Фофонов, собрал шайку в степи и казака Безштанова подослал подговаривать яицк.‹их› казаков.

Синбирск.‹ий› коменд.‹ант› полков.‹ник› Рычков реп.‹ортует›, что Пугачев три дня находился в Сарайске, и собрав толпу из крестьян, вышел 30 июля к Пензе. Рычк.‹ов› предписал сек.‹унд›-маи.‹ору› Несветову восстановить порядок в Алатыре.

Ген.‹ерал›-пор.‹учик› Ступиш.‹ин› уведомляет, что Мих.‹ельсон› и гр.‹аф› Мелл.‹ин› еще не успели достичь Пугачева, что Пугачев за собою оставляет возмутителей. Михельс.‹он› старается усмирить бунтующие селения, но не может.

1-го авг.‹уста› был Муф.‹ель› в 60 вер.‹стах› от Пензы, репорт.‹ует› о бунтах дворовых людей, все идут к Пуг.‹ачеву›, который обещает им по 100 р. на месяц и вечную волю. Командирам отрядов предписал я везде покупать лошадей, или брать под квитанции.

Жду ген.‹ерал›-м.‹аиора› Чорбы.

7-го авг.‹уста› выступаю в Сарайск.

Репорт гр.<афа> Меллина от 2-го авг.<уста>.

Не только крестьяны, но попы, монахи, даже архимандриты возмущают чувствительный и нечувств.<ительный> народ. В Сарайске архимандрит Александр в иктинье помянул Петра III — при въезде же его встречал<и> архим.<андриты>, монах.<и>, свящ.<енники> с народом и прапорщ.<иком> Ша<х>маметьевым, коего Пугачев и пожаловал полковником и воеводою. При входе моем в город, я его арестовал. Дворяне, купеч.<ество> и народ не супротивлялись злодею.

Я один преследую Пугачева, лошади устают, люди занемогают — не знаю где Муфель; Михельсон в Арзамасе. Пугачев в Сарайске дворян и прочих повесил 300 чел.<овек> (между проч.<ими> ген.<ерал>-м.<аиора> Сипягина). От прапорщ.<ика> Шахмаметьева не успел взять я допроса — благородных изменников взял с собою, а черных людей велел под висилищею высечь плетьми.

Август. Николаю Лаврент.<ьевичу> Шестневу рапорт Новохоперского баталиона капитана Бутремович.

6-го авг.<уста> в бытн.<ость> мою в Верхн.<ем> Ломове один человек из злодейск.<ой> толпы шел по городу с обнаж.<енной> шпагою, спрашивая кто есть в том городе противник г<о>с.<ударя> Пет.<ра> Фед.<оровича>? а потом вшед *азартно* в церковь, подал читающему евангелие священнику письмо от Пугачева. По выходе его из церкви я велел его с<х>ватить вместе с крестьянином, его товарищем, что возбудило ропот в народе, опасающемся разорения от злодея. После того я допрашивал их всенародно. Первый показал, что он беглый помещ.<ика> человек, Борис Никитин, что за три дня тому бежал с товарищем и пристал к таковым-же 15 чел.; а где Пугачев, не знают. Я велел их ск<о>вать и отдал тамошн.<ему> воеводе. Народ успокоился, и решились защищаться от злодеев. Почему 8<го> приказные, купцы и однодворцы, собравшись в числе 25 чел., поехали со мною для поиска и в первой деревне захватили 5 беглецов.

Оттоле отправился я в деревню[1] Андреевскую, где крестьяне содержали помещика Дубенск.<ого> под арестом для выдачи его Пугачеву. — Я хотел было его освободить, но деревня взбунтовалась, и команду разогнала. Оттоль поехал я в деревни г. Вышеславцова и кн. Максютина, но их нашел я также под арестом у крестьян, и сих освободил, и повез их в Верх.<ний> Ломов; из деревни кн. Максютина видел я как гор. Керенск горел и воз-

[1] в село

вратясь в В.<ерхний> Л.<омов> узнал, что в оном все жители, кроме приказных, взбунтовались, узнав о сожжении Керенска. Начинщики: однодворец Як. Губанов, Матв. Бочков, и стрел.<ецкой> слободы десятской Безбородой. Я хотел было их схватить и представить в Ворон<е>ж, но жители не только меня до того не допустили, но и самого чуть не засадили под свой караул, однако я от них уехал и за 2 верст.<ы>[1] от города слышал крик бунтующих. Чем всё кончилось не знаю, но слышал я, что Керенск с помощью пленных турок от злодея отбился.

В проезд мой в<е>зде заметил я в народе дух бунта и склонность к Самозванцу. Особенно в Танб.<овском> уезде, ведомства кн. Вяземского, в экономич.<еских> крестьянах, кои для прие<з>да Пугачева и мосты везде исправили и дороги починили. Сверх того селà Липнего староста с десятскими, почтя меня сообщником злодея, пришед ко мне, пали на колени.

---

9 августа.

Злодеи партии Пугачева в городах Наровчатове[2] и Троицку воеводск.<их> товарищей и правящ.<их> секр.<етарские> должн.<ости> повесили, оттуда пошли к Керенску.

---

11 авг.<уста>. От Потапова.

28 июля партия вошла в Нижний Ломов. А Воронеж<с>к<ий> губерн.<атор> отправился в Павловск. В конце июля Пугачев находится в городе Инзаре, оттуда будет в Наровчатов, где жители бунтуют и воеводу с канцеляри<ей>[3] держут под караулом. Августа 1<-го> из Инзарск.<ой> канцел.<ярии> прислан вахмистр с 12 чел. в город Керенск, где однодворцы бунтуют и ждут Пугачева *с большим апетитством*. Беглый холоп Петр Евсигнеев, назвавшись также Петр.<ом> III, в Инзаре правил, а оттоль отправился к Троицку, где воеводу Столповского убил и оттоль обратно в Инзар — а оттоль через Наровчат на днях будет в Керенск.

---

11 авг.<уста>.

Верхоломов взят 11, полусожжен и ограблен при помощи однодворцев, офицеры инв.<алидной> команды перевешены, высечены плетьми, изрублены тесаками.

---

[1] и в 2 верст.<ах>

[2] Нарочате

[3] с его канцеляри<ей>

[22 авг.<уста>]. Из Царицына, отбитого пушками Пугачева преследовали казаки 15 верст, отбив у него пушку, 2 знамя и множество пленных — и в тот же день пришел к Царицыну и Михельсон,[1] а пехота пришла 23 авг.<уста>.

Августа 15. *Рапорт лейтен.<анта> Савельева в В.<оенную> Кол<легию>.* 6 авг.<уста> в 4 часа по полуд.<ни> напал на Саратов Пугачев с разных сторон с 4,000 чел. и с пушками и под вечер, после упорного сражения, ворвался от Волги с двух сторон в город. Тотчас выпустил из острога колодников, и разбив команду, стал грабить с саратовск.<ими> казаками и жителями казенный капитал, и разорил обыват.<ельские> дома,[2] дворян и купцов перевешал, не разбирая ни лет ни пола, сообща с отставным пятидесятником Уфинцовым, сделанным[3] им в Сар.<атове> комендантом — до 11 числ.<а> авг.<уста>.—Того числ.<а> прибыл Муфель и Пугачев бежал к городу Д....тр...ку[4] что на Каме,[5] отстоящ.<ему> от Сар.<атова> вниз по Волг.<е> 180 <верст>.

[Где] Коменд.<ант> полковн.<ик> Бошняк, Опек.<унской> конторы ст.<атский> совет.<ник> Лодыжинской, воеводский товарищ ассесс.<ор> Жуков неизвестно где находятся.

14<го> числа прибывший Михельсон[6] приказал мне принять начальство над городом, в коем все начальники Пугачевым истреблены.

Августа 16. Рап.<орт> Потапова.

Из Дмитревска пишет полковн.<ик> Меллин (тамошн.<ий> коменд.<ант>), что его город первый по Саратове, но что он приготовляется к отпору.

Ком.<ендант> Царицынск.<ий>, полк.<овник> Цыплетев, что для охранения Дмитревска, наряжен им полк.<овник> князь Дундуков с 3000 калм.<ыков>, с перв.<ой> легк.<ой> пол.<евой> команд.<ой> и с Д.<онскими> казак.<ами> — к коим ожидают ген.<ерал>-ма.<иора> кн. Багратиона.[7]

Потапов писал на Кубань к бригад.<иру> Бринку, чтоб (назначенное кн. Долгоруким, предвод.<ителем> 2-ой армии) войско скорей отправил на подкреп.<ление> кн. Багратиона. То же писано и генер.<ал>-м.<аиору> Фризелю.

---

[1] *Приписано:* эскадроны
[2] и разорение учинил обыват.<ельским> домам
[3] сделанного
[4] <Дмитриевску>
[5] <на Камышинке>
[6] с ко<мандою> Михельсон
[7] с коим следует ген.<ерал>-ма<иор> кн. Багратион.

Рапорт Потапову от Башняка 8 авг.<уста>.

Пугачев[1] напал на Сар.<атов> 6 авг.<уста> с 4,000 чел., в полдень. Башн.<як> с саратовск.<им> баталионом и с артилл.<ерийскою> командою тщетно ему противился. Ком.<анда> Донск.<их> (5<-го> числ<а>), а Волж.-<ских> каз.<аков> (6-го) посланные к Петровску для развед.<ки>, не возвратились и изменили. По приходе же Пугачева послана была Сарат.<овская> казач.<ья> команда. Но и та изменила — а во время сражения из артилл.<ерии> некотор.<ые> офицеры, а за ними Саратовск.<ого> батал.<ьона> командир, май.<ор> Салмаков, со многими жителями, изменили и ушли, а я, с остальными, дрался до 5-го часу. А по занятию города, и явной измене, едва мог спастись, и ныне следую вниз к Астрах.<анской> губ.<ернии>, до первой крепости.

17[2] августа. От Цыплетева рапор.<т> Чернышеву.

Высланный мною кн. Дундуков с калмык.<ами>, Д.<онскими> казаками и полев.<ою> командою, встретил в Волск.<ом> Войске, в 100 верст.<ах> от Саратова, Пугачева. Калмыки разбежались при первом пушечном выстреле; казаки дралися храбро, доходя до самых пушек, но были отрезаны от команды — и побиты. 17-го, из Волского войска, старшина Венеровский реп.<ортует>, что Пугачев ночевал на месте сражения, и ожидают его в Дубовку (последн.<юю> станицу к Цариц.<ыну>). Оттоль, по показ.<анию> пленного, Пугачев пойдет на Цар.<ицын> — где и буду защищаться. О Баграт.<ионе>, идущем по Дону, слух есть, что он находится по Иловле.

Писано ему спешить к креп.<ости> или ударить в тыл Пугачеву. Пленники показали, что Пугачев идет на Терек, чтобы пройти в горы.

---

20 августа. От ген.<ерал>-поруч.<ика> губ.<ернатора> Воронежск.<ого> Шетнева.

Он старается укрепить Павловскую креп.<ость>, куда и послал батал.<ьона> Ворон<ежско>го 20 чел.<овек>, да потом 60 Чугуевск.<их> каз.<аков> да 200 чел. из ротн.<ой> команд<ы>. Злодеи явились по Хопру. Г.<енерал>-м.<аиор> Чорба находит<с>я[3] близ Касимова на моск.<овской> дороге, а Венг.<ерский> гусарск.<ий> полковн.<ик> Древиц идет к Шацку

---

1 [Сар.<атов>] Пугачев

2 16

3 находясь

и Танбову по астрах.‹анской› дороге. Пугачев же 13-го ворвался в Дмитриевск, но вероятно будет разбит Дундуковым и Багратионом. В таком случае я советовал Чорбе двинуться к Танбову, а Древицу к Воронежу.

У Пугачева после взятия Саратова было до 10,000 с артилл.‹ерией›.

Хоперской креп.‹ости› коменд.‹ант› Аршеневский доносит о въезде партии по Хопру, и о бунте крестьян.

Бунтовщ.‹ики› положили соль продавать по 20 коп.

---

23 августа. Репорт Рейнсдорпа.

Башк.‹ирцы› и киргиз.‹цы› не усмиряются, последние поминутно переходят через Яик, и из-под Оренб.‹урга› хватают людей. Войски здешние или преследуют Пугачева, или заграждают ему путь, и на кирг.‹изцев› идти мне не льзя, хана и салтанов я увещеваю. Они отвечали, что они не могут удержать кирг.‹изцев›, коих вся орда бунтует.

Рапорт Потапову от Цыплетева 26 авг.‹уста›.

Пугачев по взятии Саратова, Дмитриевска и городка Дубовки 21 авг.‹уста› напал на Царицын, но пушками отбит, и 500 взято в плен. Пугачев пошел вниз по реке к Черн.‹ому› Яру, за коим 23 авг.‹уста› Михельсон с корпусом своим и придачею здешних казаков его преследовал и 25‹го› на утр.‹енней› зоре был беспр.‹ерывно›‹?› огонь.

Сию минуту узнаю, что Пугачев в 100 в. от Цариц.‹ына› разбит Михе‹льсоно›м — 4,000 убито, в плен взято до 6,000.

IX.

(ЛБ 91, лл. 23—31 об.)

ВЗЯТИЕ ПЕТРОВСКА И САРАТОВА.

АВГУСТ.

Рапорт саратовск.‹ого› коменд.‹анта› в В.‹оенную› Кол.‹легию›.

От 15 июля ордер губ.‹ернатора› астрах.‹анского› о взятии мною предосторожности получа — тотчас послал в опекунскую контору отношение, с требованием казаков для разъездов, и с таков.‹ым› же требованием прап‹орщик›у Уланову, находящемуся на луговой стороне.

А узнав, что Пугачев уже в Пензе, я съездил в Опек.‹унскую› контору для рассуждения о защите города—и предложил возобновить город-

ские укрепления, и для того требовал офицера для приведения в порядок моих пушек; но из сего ничего не воспоследовало.

24 июля получил я ордер от г. астр.<аханского> губ.<ернатора> истребовать от Опек.<унской> конторы казаков и артиллерию, но сие не было исполнено.

А 1 августа ст.<атский> сове.<тник> Лодыжинской и гв.<ардии> поруч.<ик> Державин потребовали меня в ту контору, и предложили укрепляться где было начато, а не вокруг всего города, как я того хотел. На что уже и прежде[1] отвечал я, что не внутри жила должно укрепляться, но с переди; повторя мою просьбу, чтоб по силе ордера г. губерн.<атора> всех артиллер.<ийских> служителей[2] ко мне откомандировали, да и весь артилл.<ерийский> лагерь из прежнего места (в боку города) перевели бы перед самый город близ каменн.<ой> часовни, где есть и вода. Я поехал в Опек.<унскую> контору, и мнение мое повторил словесно; но Лодыж.<инский> и Держ.<авин> не только не согласились, но еще и ругали, и Держ.<авин> предлагал меня арестовать.

1 авг.<уста> г. Державин, вошед[3] в Саратовский магистрат, подал предложение, чтобы все обыватели поголовно явились к деланию укреплений; и как некоторые купцы подписались к определению Опек.<унской> конторы,[4] то к начатому около всего селения укреплению,[5] от тех купцов давно не было и рабочих людей для рытья вала, отосланы были все в Опек.<унскую> контору.

Узнав о взятии Петровска, 5 авг.<уста> собрал я со всех ненужных караулов солдат Саратовск.<о>го батал.<иона>, также сарат.<овских> казаков и расположился на валу, обставясь рогатками, а г. Держ.<авин> взяв с собою Донск.<их> казаков (4 авг.<уста>) поехал в Петровск[6] для забрания пороху и пушек, но те казаки соединились с бунтовщ.<иками>, а г. Державин возвратился с 2-мя казаками в Саратов, где, переночевав, уехал неизвестно куда. Я же казну и дела нагрузив на судно, отправил водою вниз, при воеводск.<ом> тов.<арище> Телегине и штатн.<ой> ком.<анды><?> подпоручике Алексееве.

6-го узнал я, что ст. сов. Лодыжинской уехал. Пугачев пришед к Сарат.<ову> остановился в 3 верст.<ах>. Я отрядил сар.<атовских> казаков для поимки языка, но они изменили. А обыватели для переговоров

---

[1] На сие
[2] все поинские служители
[3] вошел
[4] к сему
[5] то и начатию ~ укрепления
[6] в Саратов

подослали купца Кобякова, после чего толпа подходила к самым укреплениям и с казаками разговаривали. Я приказал по ней стрелять, на что бургомистр купец Матвей Протопопов, и многие обыватели с криком сказали мне, что я тем выстрелом потерял у них подосланного ими первостатейного купца Кобякова. А на вопрос мой, как осмелились они подсылать к Пугачеву? — они повторяли свои упреки. Нечего мне было делать. Между тем Кобяков возвратился с пугачевск.‹им› указом, который, взяв от него, я разорвал и растоптал, а его велел арестовать. Но по усильной просьбе купцов принужден был освободить, дабы не произвести явного возмущения. Пугачев потом вшед на ** гору, которую не в силах я был прежде занять — я приказал бросить на них из мортиры бомбу, но бомба упала в 50[1] саж.! Поруч.‹ик› Будинов, выстреливший, объявил мне, что это случилось от малого заряда. Я обошел фрунт и увидел везде бездействие и готовность к измене. По первому выстрелу Пугачева, казаки и обыватели разбежались. Потом[2] с горы нас атаковали, я открыл пальбу в 2 часа, до 6-го. Удача была на моей стороне; вдруг 300 артилл.‹еристов›, выхватя из под пушек клинья и фитили, выскочили из укрепления и передались. В сие время резерв Пугачева кинулся на меня с горы. Тогда с Саратовск.‹им› баталионом и со знаменами, я решился сквозь толпы идти[3] ретирадою — и велел сек.‹унд›-май.‹ору› [и] батал.‹ионному› командиру Салманову с первой половиною выступить из укрепления, но заметя что[4] он солдат приводит в замешательство, не выстроив порядочно, отрешил было его от команды, но оставил по представлению сек.‹унд›-маи‹ора› Бутырина. Но только поворотился я к другой половине, приказав ей выступать из укрепл.‹ения› со знаменами, Салманов передался и я остался с 59 чел. шт.‹аб› и об.‹ер›-офиц.‹еров› и солдат. С ними пробился я сквозь толпу разбойников и наших изменников. Пугачев преследовал нас 6 верст, но наставшая ночь его остановила, а я с знаменами, с казною и с офицера‹ми› прибыл 11 авг.‹уста› в Царицы‹н›.

21 ‹го›, когда Пугачев подступил под Царицын, я с подчиненными занял батарею над Волгою, и обще с полк.‹овником› Цыплетевым осаду отбили.

27‹го› по повелению астр.‹аханского› губ.‹ернатора› отправя прим.‹ьер› маи.‹ора› Зоргера в Саратов править должн.‹ость› коменданта, сам поехал в Астрахань, а оттуда прибыл в Саратов 7 сентября.

---

[1] в 15

[2] Почему

[3] я сквозь толпы пошел

[4] но заметя его

Распоряжение Опек.‹унской› конторы.

1) Вокруг конторских магазейнов сделать укрепления.

2) Отдать коменданту в ведение всё войско невозможно, ибо главный судья конторы Опекунства иностранных, будучи в чине бригадира, под командой его быть не может.

3) Но[1] мнение г. коменд.‹анта› сделать другое укрепление и 2 батареи: одну у московских ворот, а другую чрез оврэг[2] у мосту[3] близ Волги, нельзя согласить, ибо мало пушек.

4) Идти навстречу Пугачеву, оставя в помянутом укреплении малое число команды.

5) Осмотреть пушки, и если сверх 10 найдутся годные, то сделать поскорее лафеты.

6) Лодки на Волге сжечь, а по берегу сделать батареи, артилл.‹ерийский› лагерь перевести ближе к городу на высокое место.

7) Перевезти казну в укрепление и вырыв ямы закопать. Казенное вино[4] нагрузить на судно и пустить вниз по Волге.

В Саратовской крепости[5] было всего 210 чел., из коих бежало 141. В ретираде убито около 10.

Показания казаков Василья Иван. Ма[ло]хова да Ив. Гр. Мелехова
18 авг.‹уста› 1774.

Находились они с есаулом Фоминым с 1771 года в Саратове Мелехов сотником, а Малохов квартермейстером для наблюдения колонистов и поиску разбойников в команде бригадира Ладыжинского.

3-го авг.‹уста› ес.‹аул› Фомин, они оба и 60 чел. каз.‹аков› с двумя хорунжими откомандированы им (Ладыж.‹инским›) в гор.‹од› Петровск, для разведания о Пугачеве, защищения города, а в случае крайности, потопления пушек и пороху — и для спасения денежн.‹ой› казны. Гвардии поруч.‹ик› Державин, по словам Фомина, должен был быть за ними в Петровск. Но он не приехал, а послал вместо себя поручика Гоголева. Тут увидели они войско Пугачева. Передние верхами входили с горы уже в город, а сзади шли повозки и остальные туда же. Духовенство встречало их с образами и с колокольным звоном и хлебом и солью. Гоголев

[1] По
[2] за оврагом
[3] под мостом
[4] Казенным вином
[5] В Саратове

и к нему приставший прапорщ.<ик> Шкуратов с ес.<аулом> Фоминым поехали ближе для разведывания. Несколько времени оба офицера и Фомин проскакали мимо их, и Фомин закричал им: что вы стоите? Неприят.<ель> в Петр.<овске>, убирайтесь. Сам он держал лошадь в путь на поводе. Малохов пенял ему за побег, и проговорил: лучше де нам здесь умереть по службе. Фомин сказал, что догонет только Гоголева, возьмет у него свою лошадь и воротится. Но ускакав не возвращался.

Едва они скрылись, показалось до 150 чел. скачущих с 9 знаменами с изображением святых, без полей и звезд волотых (на иных вышиты звездочки,[1] на других пазументы, дру<г>ие простые). Они их окружа, отрядили к ним яицк.<ого> казака, который кричал: Не противьтесь, сам здесь гос.<ударь> Пет.<р> Фед.<орович>, слезать с лошадей! и с тем отъехал. Другой прискакал с повелением оставить лошадей сзади. Государь де едет — а как подъедет, кладите оружие, и пав на колени поклонитесь, и казак тот остался при них. И сам Пугачев с знаменами приехал, а они, став на колени, поклонились. Он сидя на коне, спросил: какие вы? Услыша, что донские казаки, и были в Саратове, сказал: вставайте, детушки; бог и государь вас во всех винах прощает, ступайте ко мне в лагерь. Потом по распросам узнав, что есаул и 2 офицера бежали, сам Пугачев переменил лошадь, на буром коне взяв у казака дротик сам пят пустился в погоню. А их, при бунчуке[2] с изображ.<ением> знамения богородицы, отбитом[3] некогда ими при реке *больш.<их> Узенах* у изменника Бештанова, оставшиеся казаки привезли вечером в лагерь, у самого города, где были 2 палатки самогȯ Пугачева, и третья секретаря его Алексея Пьянова — и определили их в полк яицк.<ого> казака Афанасья Петрова.

В сумерки приехал Пугачев, есаул и Гоголев[4] ушли от него, а Шкуратов был заколот. Пугачев Мелихова и Малохова да хорунжих Попова и К<о>лобродова позвал к себе ужинать, велел им сесть и поднес по две чарки приговорив: пейте, детушки, при мне. Спрашивал о жаловании — и услыша, что они оным довольны, сказал: „нет, хоть вы и довольны, да мало этого на седло,[5] не только на лошадь. Послужите у меня, вы не так будете довольны, и будете в золоте ходить, а у вас господа съедают жалованье"[6] и прибавил: Слушайте, други мои: я был в Египте 3 года,

---

[1] звезды

[2] с бунчуком

[3] ут<ерянном> <?>

[4] есаула и Гоголева

[5] для седла

[6] жалованья. *Слова* нет, хоть вы и довольны ~ съедают жалованье *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

в Цареграде 3 года (да 2 года в третьем не упомнят котором месте) и он примеры все чужестранные узнал, а не так как у нас; я знаю как с господами поступлю.

Потом отпустил ночевать, приказав приходить к нему утром и вечером.

Фомин с офицерами подъехав к Петровску, послал для разведывания в город 4 человек — они были взяты и представлены Пугачеву, который двоих отрядил обратно к Фом.‹ину› с приказом ехать в лагерь, но не нашед уже есаула, остались с нами и вместе взяты.

5-го Пугачев пошел к Саратову (от Петр.‹овска› 90 ве‹рст›). Они нарочно оставаясь сзади видели всю его сволочь. Оная состоит из 300 яицк.‹их› каз.‹аков›, остальные калмыки, башкирцы, татары есачные, киргизцы, господские крестьяне, лакеи и проч. сброд. Знамен писаных и неп.‹исаных› 20, пушек с 13, при них захвач.‹енные› канониры — сволочи всей с 10,000, из оных тысяч‹и› 2 вооружены, прочие с вилами, чепушками, с крючьями и прочие безо всего. — На дороге ночевали и казаки вечером приведены были к присяге, кроме Мелехова, отставшего сзади в лихорадке. Пугачев призвал его к себе, и подал ему сам франкфуртскую медаль говоря: Жалуют тебя бог и государь — и Мелехов его мерзкую руку принужден был поцаловать. За ним вслед позван был хорунж.‹ий› Колобродов и ему дана также медаль, серебр.‹яная› позол.‹оченая› — но какая, он не разглядел. Полковн.‹ик› Афанасий Петров нам их на шеи и надел, при чем они подчиваны вином. Присяга была над образом писанном в медных складнях. Атаман Овчинников и секретарь собрав казаков прочли указ и привели их к присяге. После чего Овчинников произнес: „Слушайте: его в.‹еличество› жалует вас жалованием: казаков по 12, а старшин по 20 руб.“, — которое и выдано медными деньгами.

6-го до света Пугачев пошел на Саратов; 500 повозок оставалось на зади. Приближась к городу, Пугачев сам с пушками взошел на гору Соколову, а конницу поставил под горою и стал в город стрелять, и когда произвел замешательство, тогда конница ворвалась, и Пугачев за нею вступил, убивая и грабя хлебные, соляные и винные казенны‹е› анбары отворя,[1] предал черни своей, колодников выпустил и — жителей привел потом к присяге, не велел погребать побитых тела — а 9-го авг.‹уста› в обеды пошел со всею толпою к Дмитриев‹ску›. В то время они из лагеря бежали.

Пугачев росту средн.‹его›, лицом смугло красный, ряб, на голове волосы черные с русиною, борода небольшая и не широкая, в коей и седина про-

[1] отворя хлебные, соляные и винные казенны‹е› анбары

бивалась, а по лицу пухом крайне редка, брови черные, глаза серые с желтиною, нос небольшой,[1] на средине манян<ь>кой бугорчик, а конец сверху загнулся, острый, кожа лупится.

Оба видели его сына лет 12 беловатого, дочь поболее того. Сын в казач.<ьей> одежде, а дочь в немецком уборе. — Жену не видали. — Первый по злодей<ству> Андрей Афон. Овчинников.

---

[1] небольшой с

Г. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

I.

‹УКАЗЫ ПУГАЧЕВА.›

1.

(ПД 380)

Первый указ Пугачева: от самодержавного императора Петра Федоровича Всероссийского, и проч. и проч. и проч.

Сим моим имянным указом в Рассыпной крепости всякого звания людям повелеваю: как вы мои верные Рабы служили и покорны были напред сего мне, буд‹ь›те верны и послушны, ожидать меня старайтесь к себе[1] с истинною верностию, верноподданническою радостию и детскою ко мне, государю вашему и Отцу, любовию. Потом старайтесь послужить верно и неизменно. За что жаловать буду вас всех, воперво: вечною вольностию, реками, лугами, всеми выгодами, жалованием, провиянтом, порохом и свинцом, чинами и честию, а вольность, хоть и не легулярные,[2] [но всяк] навеки получит. Кто ж сего моего указа преслушает, тот сам узнает праведный гнев противникам моим.

Подлинный подписал
великий государь Петр третий Всероссийской.

2.

(ПД 379)

Указ Пугачева.

Самодержавного импер.‹атора› наш.‹его› вел.‹икого› госуд.‹аря› Петра Фед.‹оровича› Всерос.‹сийского› и проч. и п‹роч.›

Во имянном моем указе изображено Яицкому войску, как вы, други мои, прежным царям служили до капли своей до крови, деды и отцы ваши, так и вы послужите за свое Отечество мне, вел.‹икому› госуд.‹арю› имп.‹ератору› П.‹етру› Ф.‹едоровичу›. Когда вы устоите за свое отечество, и не истечет ваша слава казачья от ныне и до веку. И у детей ваших будите мною, вел.‹иким› гос.‹ударем› жалованы, казаки и калмыки и татары и которые мне, госуд.‹арю› императорск.‹ому› велич.‹еству› Петру Фед.‹оровичу› винные были, и я, гос.‹ударь› Пет.‹р› Фед.‹орович›

---

[1] с кебе. *Имитация безграмотного почерка и ошибки:* с кебе *вм.* к себе.

[2] легулярные — *сохраненная Пушкиным ошибка подлинника.*

во всех винах прощаю и жаловаю я вас рекою с вершины и до устья, и землею и травами и денежным жалованием, и свинцом и порохом и хлебным провиантом я вел.<икий> госуд.<арь> имп.<ератор> жалую вас П.<етр> Фед.<орович> 1773 году сентябр.<я> 17 чис<ла>.

3.

(ПД 378)

От велик.<ого> государя имп.<ератора> Петра Фед.<оровича> Всерос.<сийского> и проч.

Сим моим имянным указом Илецкой станицы атаману Лазарю Портнову с старшинами и казаками повелеваю: как вы служили мне и предкам моим долговременно, так и ныне, верные мои рабы, послужите верно и неизменно и докажите мне свою верноподданическую[1] ревность, тем что во-первых ожидайте меня, в елик.<ого> г<осу>д<а>ря к себе с истинною верноподданическою радостию и из города на встречу мне со оружием своим вытте и в доказательство своей верноподданической верности положите оружие свое перед знаменами моими, почему и приму я вас с великою честию и удостою..... Службу мне которую ежели так будете продолжать, как присяжной долг требует, и так как мне приятно может быть, то столько награждены будете, сколько заслуги ваши достойны: и чего вы не пожелаете, во всех выгодах и жалованиях отказано вам не будет и слава ваша не исчезнет до веку — и как вы, так и *потомки* ваша первыми *при мне* велико.<м> г<о>с<у>д<а>ре, учинятся — а жалованья, провианта, пороху и свинцу всегда достаточно от меня давано будет. Кто же сверх чаяния моего преслушает и неисполнит сего моего великого повеления, тот вскоре почувствует сколько жестокие приготовлены муки изменникам моим — и когда атаман или старшины, вам рядовым казакам, попрепятствуют, то и самих их перед меня неволею привести. За что награжден, тот кто приведет их, будет.

На подл.<инном> подписано по сему: Я, великий государь
Петр III импер.<атор> Всеросс.<ийский>.

* 4.

(ПД 387)

Указ. Я во свете всему войску и народом учрежденный великий государь, явившийся из тайного места, прощающий народ и животных в винах, делатель благодеяния, сладоязычный, милостивый, мягкосердый российский царь император Петр Федорович, во всем свете вольный, в усердии чистый и разного звания народов самодержатель и прочая, и прочая, и прочая.

---

[1] верноподданическую честную

На сем свете живущему в городах и крепостях мне подданному благодетельному и продерзательному народу с домашними, то есть с детьми и женами объявляются сии мои указы во всех сторонах, как то: на всех дорогах, местах, деревнях на перекрестках и улицах публикуются, за нужное нашел я желающим меня показать и для отворения на сих днях пространно милостивой моей двери послать нарочного, и Башкирской области старшинам, деревенским старикам и всем малым и большим, так как гостинец посылаю мои поздравления, заблудившие, изнурительные, в печале находящиеся, по мне скучившиеся, услыша мое имя ко мне идти, у меня в подданстве и под моим повелением быть желающие без всякого сомнения идите и как прежде сего ваши отцы и деды моим отцам и дедам же служа выходили против злодеев в походы, проливали кровь, а с приятелями были приятели, так и вы ко мне верно, душевно и усердно, бессомненно к моему светлому лицу и сладоязычному вашему государю для походу без измены и пременения сердцов и без криводушия в подданство и в мои повеления, а особливо первая надежда на бога: на сем свете мне вольному вашему государю служа душ ваших не пожалейте против моего неприятеля проливать кровь, когда прикажется чтó, будьте готовы, то изготовьтесь, а что верно я, то для уверения вас своей рукою во все стороны как то и к вам указы послал, слушайте и когда на сию мою службу пойдете, то за сие я вас по прежнему как вы от бога меня просите, так и я вас помилую; а что я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верьте, ныне я вас во-первых даже до последка землями, водами, лесами, жительствами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу и пребывайте так как степные звери, в благодеяниях и продерзностях всех вас пребывающих на свете освобождаю и даю волю детям вашим и внучатам вечно. Повеления мои послушайте и исполните; а что точно ваш государь сам едет, с усердием вашим для смотрения моего светлого лица на встречу выезжайте, а я уповаю на бога, и вам подтверждаю: от таких продерзностей размышляя, на себя сомнения не возлагайте; когда ж кто на приказания боярские в скором времени положась, изменит и повстречается моему гневу, то таковые от меня благодеяния уже не ожидайте и милости не просите и к гневу моему прямо не идите. Сие действительно божиим именем под присягою я сказываю, после истинно не прощу.

Доброжелатель великий император государь Петр Федорович и царь сам третий руку приложил.

Сей мой указ писан и скреплен по исход сентября месяца во вторник, то есть, в Покров.

На конверте написано:

Между народов красивый и сладкоязычный сей написанный указ от высоковременного и высокопочтенного величайшего императора царя Петра Федоровича следует в Башкирскую область. С подлинного переводил толмач Андрей Васильев.

---

* 5.

(ПД 387)

Перевод с листа[1] на татарском языке от самозванца в Башкирию отправленного, учиненный октября 4 дня 1773 года.

Тысячью великий и высокий и государственный владетель над цветущим<и> селении, всем от бога сотворенным людям самодержец, тайным и публичным даже до твари наградитель усердственный и в святости искусный, милостив и милосерд, сожалетельное сердце имеющий государь император Петр Федорович, царь Российский, во всем свете славный, в верности свят, реченным разного рода людям под своим скипетром самодержавец еще и прочих, и прочих, и прочих. Всем от времени пришедшим в подданство светскому народу в городах и провинциях, також в степи и в полях повелению моему повинующимся добрым и худым людям моим с женами, с детьми и с дочерьми известно и ведомо да будет, сии мои указы публиковать во всех странах живущим в деревнях, в пути проезжающим и в деревнях по каждой улице распространяя везде разглашать, повелел показывать нужным моим людям жадное, радостное, мои милости для отворения у высочайшего моего двора дверей с посланцем башкирским, моим областям старшине и деревенским старикам большим и меньшим заблаговременно повеление посылается с моим поздравлением. Також с других стран заблуждая и претерпевая нужду и печаль находящиеся, да и с боку вспомня меня и услыша о моем имени приезжающим, желающим быть в моем подданстве, каким образом и чем отцы и прадеды ваши издревле предкам отца моего и прежним дядьям и теткам служили, проливая кровь и неприятелям сопротивлялись, приятелям же подмогу давали, и ныне таким же образом душевно-усердствующей и сердечно-вернейшей и несомнительнейшей, дражайшей, светлое лицо имеющей, сладчайший и честнейший разговор имеющей государыне вашей служите безъизменно, не пременяя сердца свои, повелениям бы моим были послушными, не вложа ваши сердца укривлению точно верьте. В начале бог, а потом на земле я сам, властительный ваш государь, и мне служить

---

[1] *Подлинник перевода — тот же, что и для предыдущего указа.*

будете не щадя живота своего и души свои принося на жертву, и неприятелям моим сопротивляясь к пролитию крови при мне в готовности быть: ибо справедливо и точно сие есть, в чем во уверение ваше своеручно повсюду, а потом и к вам указы мои разослал. Итак будьте послушными и к сей моей службе преданность учините, то я в следствие первых примеров всем тем, что вы от единого бога просите, равно пожалую, ибо всемилостивший ваш государь я, о чем верно знайте и верьте, отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом и провиантом, словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу, и будьте подобными степным зверям, а происшедшие от вас в сей жизни добрые и худые дела упущаю, купно и с потомками вашими обоего пола до будущего пришествия. В следствие чего исполняя повеление мое, послушайте, что истинный ваш государь сам идет и с усердием и верностию вашей благословенное лице мое видеть встречайте, уповаю на господа от худых дел: чтоб сие выдумано было, в сердце не держите никакого сомнения; а когда по велению господина скорым временем лицо отвратите и придете на мой гнев, те мои подданные, от меня не ожидав хорошее упование, милосердия б уже не просили, чтоб на мой гнев и противность не пришел, для чего точно я присягаю именем божиим, после чего прощать не буду, ей, ей!

P. S. Сей мой указ писан сентября в последних числах во вторник. Начало в день Покрова подтвержден.

Доброжелатель тысячью великой и высокой един великой император государь Петр Феодорович третий руку приложил.

Переводил коллежский регистратор Артамон Иманов.

6.

(ПД 383)

Самод.<ержавного> имп.<ератора> наш.<его> велик.<ого> гос.<ударя> П.<етра> Ф.<еодоровича> Всерос.<сийского> и п<р.> и п<р.> и п<р.>.

Сим моим имянным указом регулярной команде повелеваю: как вы мои верные рабы, регулярные солдаты рядовые и чиновные, напредь сего служили мне и предкам моим великим государям имп<ератор>ам Всер<оссийски>м верно и неизменно, так и ныне послужите мне законному своему велик.<ому> госуд.<арю> П.<етру> Ф<едорович>у, до последней капли крови и оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают, и лишают вместе с собою великой милости моей, придите ко мне с послушанием и положа оружие свое пред знаменами моими явите свою верно подданическую мне в.<еликому> гос.<ударю>

верность, за что награждены и пожалованы мною будете денежным и хлебным жалованием и чинами — и как вы, так и потомки ваши первые выгоды иметь в государстве моем будете и славную службу при лице моем служить определитесь — ежели же кто, позабыв свою должность к природному своему государю Пет.<ру> Фед.<оровичу>, дерзнет сего имянного моего повеления не исполнить, и силою оружия в руки моего верного войска получен будет, то увидит на себе праведный мой гнев, а потом и казнь жестокую.

Велик.<ий> гос.<ударь> имп.<ератор> П.<етр>
Ф.<едорович> Всерос.<сийский>.

7.
(ПД 384)

Самодержавного имп.<ератора> П.<етра> Ф.<едоровича> Всеросс.<ийского> и пр.

Сей имянной указ Красногорской крепости коменданту и Сакмарским казакам и всякого звания людям.

Имянное мое повеление: как деды и отцы ваши служили, так и вы послужите мне велик.<ому> госуд.<арю> верно и неизменно до последней капли крови. Второе: когда вы исполните мое имянн.<ое> повеление и зато будете жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями и денежным жалованием и хлебным провиантом и свинцом и порохом и вечною вольностию. И повеления[1] мои исполните со усердием, ко мне приезжайте,[2] то совершенно меня приобрести можете к себе мою монаршескую милость, а если вы моему указу противиться будете, то в скорости восчувствуете на себе праведный гнев мой, власти всевышнего создателя нашего и гнева моего избегнуть не может никто, тебя от сильныя нашея руки защитить не может.

Вел.<икий> гос.<ударь> Петр
тр.<етий> Всеросс.<ийский>.

8.
(ПД 385)

Самодерж.<авного> и проч.

Сей мой имянной указ Яицкому войску старшине Мартемьяну Бородину и всем старшинам и казакам и всякого звания люди[3] имянное мое повеление: как деды и отцы ваши служили мне великому гос.<ударю> верно и неизменно до капли своей крови. Второе когда вы исполните

---

1 И повеление
2 приить чаите
3 людям

имянное мое[1] повеление и за то будите жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованием, и хлебным провиантом и свинцом и порохом и вечною[2] вольностию — и повеление мое исполните со усердием, ко мне приезжайте, то совершенно меня за оное приобрести можете мою монаршескую милость, а ежели вы моему указу противиться будете, то в скорости восчувствуете на себе праведный мой гнев; власти всевышнего создателя нашего, и гнева моего избегнуть ни можете, никто тебя от сильныя нашея руки защитить не может.

9.

(ПД 381)

<1>773 <г.> 22 окт.<ября>. Указ Пугачева.

Самодерж.<авного> и пр.

Дан мой имянной указ в завод Каноникольской медиплавительной Назару Сорокину с командою. Взять в креп.<ость> пушки и ядра и свинец и порох и всякие государств.<енные> припасы и поспешать бы тебе скорым поспешением; да никто же бы Наз.<ара> с ком.<андою> не обидил, и брать бы ему подводы сколько Наз.<ару> Сор.<окину> потребно. А кто же Сор.<окина> с ком.<андою> обидит, тот примет от велик.<ого> гос.<ударя> гнев.

10.

(ПД 385)

Самодержавного и проч.

Имянной мой указ во Ор.<енбургскую> губер[н]скую[3] канцелорию[4] губернатору ирейнъздорпу ивану Андреевичу и всем господам и всякого звания людям. Выдите вы из града вон, вынесите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред великим государем — и за то великий г<осу>д<а>рь не прогневался что вы учинили великую пальбу и в этом великий г<осу>д<а>рь прощает чиновных и солдат и казаков и всякого звания людей а когда вы не выдите из града вон, да учините вы великую противность, то не будет вам от вел.<икого> г.<осударя> прощения; и власти великого создателя нашего избегнуть не можете. Никто вас от нашея сильныя руки защитить не может.

1773 г. ноябр<я> 5.

[Великя] велики[5] государь Петр третий всеросийского.

---

[1] мое имянное

[2] и всякою

[3] губер[н]скую вм. губернскую — *сохраненная Пушкиным ошибка подлинника.*

[4] *Вм. канцелярию; тоже ошибка подлинника, как и дальнейшие ошибки.*

[5] велики — *имитация начертаний малограмотного, как и ниже в словах* Петр третий всероссийского.

11.

(ПД 385)

Указ нашему губернатору Рейнсд‹орпу›.

Довольно известно вам из публикованных манифестов, усмотреть можете каким образом мы от завистников общего покоя всероссийского престола беззаконно лишены были, а ныне всемогущий г‹оспо›дь неизреченными своими праведными судьбами паки наших[1] верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а завистников общему покою под ноги наши повергает; только вы ослепясь неведением, или *помрачитесь*[2] злобою, не приходите *в чувство*, власти нашея безмерно чините с большим кровопролитием противление и тщитися продсветъщаяся име[3] наше паки[4] тем образом как и прежде паки угасить и наших верноподданных рабов аки младенцев осиротить; однако мы по природному нашему к верно подданному отеческому великодушию буде хотя и ныне возникнув от мрака неведения и пришед в чувство, власти нашеи усердно покорясь, всемилостивейше прощаем и сверх того всякою вольностию отечески вас жалую а будеж[5] в таком же ожесточении и суровости остановитесь[6] и данной нам от создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный наш гнев.

Великий г‹о›с.‹ударь› П.‹етр› III всероссийского.

1773 г.
Ноября 17 дня

12.

(ПД 382)

Указ нашему губ.‹ернатору› Рейнс.‹дорпу›
декабр.‹я› 17.‹го› 1773.

Небезызвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом не от доброжелате‹ле›й и зависцев общего покоя, всероссийского и по всем правам принадлежащего престола лишены были, а ныне всемогущий г‹о›сп‹о›дь неизреченными своими праведными судьбами, и молением и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а зависцев общему покою и облаготишию под ноги наши повергает. Только ныне некоторые ослепясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство и высокой власти нашей чинят

---

[1] паки возврати нас соизволит
[2] омрачитесь
[3] продсветъщаяся име — *имитация написания подлинника.*
[4] паки иже
[5] будешь
[6] останешься

противление и непокорение, и тщатся процветшееся имя наше, таким же образом как и прежде, угосить и наших верноп.<одданных> рабов, истинн.<ых> сынов отечеству, аки младенцев осиротить. Однако мы по природному нашему к верноп.<одданным> отеческому и неизреченному великодушию, буде кто и ныне, возникнув от мрака неведения, и пришед в чувство, власти нашей усердно покорится, а во ви<но>подданической должности быть повинитесь, всемилостивейше прощаем, сверх того всякою вольностию отечески вас жалуем. А буде же и за сим в таком же ожесточении и суровости останетесь,[1] и данной нам от создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный наш и неизбежный гнев, чего ради от нас надлежащего исполнения и всенародно истинного познания сим и публикуется.

Petr

13.

(ПД 382)

Указ директору Ив. Тимашеву.

Понеже по данной нам от создателя высокой власти между прочими ежедневно изливаемыми щедротами новые знаки отеческого своего милосердия всегда оказуем и тщимся, аки Отец Отечеству, своих верноп.<одданных> рабов привесть в благоцветущее состояние и во всеподданическое, усерднейшее повиновение, но хотя коль краты от вас нашей особе касающих неизреченных озлоблений и противностей и не было, ежели возникнув от мрака неведения и со усердием прийдешь в чувство, власти нашей покоритесь конечно, прията можете от нас всемилостивейшее прощение и преданы те противности будут вечному забвению, и сверх того всякую вольность и благополучие вам даруем, а буде и за сим последним нашим всемилостивейшим указом в такой же жестокой суровости и непокорении найдетесь, то уже всемерно избегнуть не можете поносной и публичной, как и Копеичкин, смерти. С давного б времени вы могли от нас восприять по суровости вашей награждения; однако, как г<оспо>дь терпя отдает человеком грехи, чему и мы ревнуем и ожидаем от усердия обращения вашего. При том же несколько сожалительно о неповинных и ко оной злобе и противлению неучастных. Дек.<абря> 21 дн.<я> 1773 года:

Petr

---

1 останется

14.

(ПД 382)

Указ Март.‹емьяну› Бородину.

Понеже, и проч.[1]

* 15.

(ЛМ, № 398/99)

Указ нашего императорского величества самодержца всероссийского.

Мещеряцкому полковнику Бахтиару Каныкаеву, походному старшине Ерму Хадмету Кадерметеву. Репорт ваш сего июня 13 числа получен, коим требуете повелительного указу о набрании русского и башкирского войска, на что сим имянным нашим указом повелевается оного войска как русского, так и башкирского всячески стараться набирать болшую армию и стоять против злодеев и искоренять противящихся нашей короне. И полковнику Каныкаеву и старшине Кадырметеву учиниить о том по сему нашему указу во всем непременно. Во верность сего за подписанием собственной руки и за приложением корон.

Сей указ дан июня 13 дня 1774 года.

Петр.

II.

‹ПОСЛАНИЯ ПУГАЧЕВЦЕВ.›

1.

(ПД 387)

Окт.‹ября› 17 д.‹ня› 1773 г. Держителю другу господину старшине Аблаю Мурзагулу и прочим башкирским старшинам нижайший поклон.

Известно б было подкомандующие твои с полковником, прямо не истеряв войска явясь, для того вы сами известны — желаемое нами от бога, дал бог нам. От земли. Потерянный царь вел.‹икий› гос.‹ударь› П.‹етр› Ф.‹едорович› подлинно сам, клянусь тебе богом — и сын его Пав.‹ел› Петр.‹ович› с 72.000 Донск.‹ими› казаками уж к нам приближается и мы получили известие — и другие старшины с полками. 11 старшин уже склонились. Во уверение Навчаковский старшина Кинзя Арасланов руку приложил.[2]

---

[1] *Продолжение отсутствует.*

[2] *К посланию Арасланова — две приписки Пушкина; 1-я:* Указ генер.‹ал›-поручику Декалонгу со своей стороны действовать, защищая заводы. *2-я:* Киргизцы (окт.‹ября› 17) начинают свои набеги.

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

2.

(ПД 386)

Письма Падурова.[1]

<В. И. Могутову.>

Милост.<ивый> государь и отец Василий Иванович. Доношу вашему высокобл.<агородию>: командированные со мною чины и козаки всего 150 ч. за бежавшими хорунжего одного, урядника 1-го, капрала 1, рядовых 22-х, обстоят все благополучно; сверх того в.<ашему> высокобл.<агородию> объявляю: приказано мне от е. в. Петра Феод.<оровича> к вам писать чтоб вы не пришли в худое — а прочих не привести своей команды а жителей такоже в крайнее разорение, понеже еще к вам будет приступ, и получено с заводов 5 бомб, которые чинятся пороху[2] по два пуда и слишком; чем то допустить и всем разориться, то невозможно-ли, батюшка, уговаривать его высокопр.<евосходительство> Ивана Андреевича, чтоб он склонился и по обычаю прислал бы к нему письменно наклонность с прописанием тем чтоб он вас простил и ничего бы над вами не чинил, и на то он вам будет еще во ответ писать, сверх того вам объявляю, Бат.<юшка> В.<асилий> Ив.<анович>, что он упоминает об вас всегда, что вы к тому несклонны, и упоминает то, как вашего сына Ив.<ана> Вас.<ильевича> произвел в пажи; сверх того в.<ашему> высокобл.<агороди>ю, об нем объявляю, что он росту середнего, лицом смугл, верхнего зуба нет, правым глазом прищуриват, а затем вы сами изволите знать; ибо он ныне в городе, и ежели бы я его видел прежде, то б я мог его признать, а что слышал прежде про его поступки, то все на то сходны. Пожалуй, Бат.<юшка>, не оставьте свою команду, чтоб не пошли вечно плакать. И не смотри, Бат.<юшка>, на Мартемиана и на дядю его, понеже они разорили свой град да и нас бедных в то же привели, а за тем более уже до вас, мил.<остивый> г.<о>с.<ударь> и отец, писать не имею и остаюсь в.<ашего> высокоб<лагород>ия — верный и покорный слуга

Тимофей Падуров.

4 ноя<бря> 1773.

---

[1] Яицких верных казаков старшине Мартемиану Бородину, и подполковнику Могутову от сотника и депутата Подурова. Присл.<ано> в В.<оенную> Колл.<егию> от ген.<ерала> Рейн<с>д.<орпа> 25-го ноября. *ЛБ91.* Указы Пугачева и письма Падурова. Ноя<бря> 4, 5, 16. *ПД 376.*

[2] порохом

‹М. М. Бородину.›

Г‹о›с‹у›д.‹арь› мой братец Мартемиан Михайлович.

Известился я,[1] что вы, братец, в моей сиротской квартире стоите с своими казаками. Уже много, бр‹атец›, слышно мне, что вы и прочие ваши подчиненные моим домашним обиды кажете и почему мой сын малой, который оставлен от меня для сохранения моего дома, и тот содержится в таможне под караулом. По чему бы оное? кажется, я не вор и не разбойник, чтоб меня в том разорять. Подумай, братец, как о себе я по заочности на ваш дом кто найдет, не жалко-ли? То теперь пожалуй, бр‹атец›, прикажи сына моего выпустить из-под караула при последней вам оказии, чтоб он сохранил жену мою и мачиху свою и своих детей. Пожалуй, бр.‹атец› Мар.‹темьян› Мих.‹айлович›, не оставь моего прошения, чтоб я за то вас благодарить мог. Удивляюсь я вам, люб.‹езный› бра‹тец› Мар.‹темьян› Мих.‹айлович›, что вы в такое глубокое дело вступили и всех в то привлекли. Как сам ты знаешь, бр‹атец›, против кого идешь. Ежели бы не вы с дядею, то б и разорения на народ того бы не было. Известен ты сам, как наш г‹о›с‹у›д.‹арь› П.‹етр› Феод.‹орович› умре, а ныне вы называете его Донским казаком Ем.‹елькой› Пугачевым. И яко бы у него ноздри рваные и клейменый — а по усмотрению моему, у него тех признаков не имеется. Из чего вы, братец, в то вступили и не можно-ли вам просить прощения и може он человек милостивый, в той вас вине простить может,[2] а затем я уже писал Вас.‹илию› Ив‹анови›чу, изволите у него из письма усмотреть, и что команды[3] вашей козаки, которые съезжаются с своими козаками и ругают его беззаконно и что всё Он слышит, только терпит до время. Как бы то чинить мог такой человек? а он делает всё не боясь никого и вы, бр.‹атец›, одумайтесь и возьмите отсель тот ‹грех› на себя и проси прощения непродолжительно. А как уж Он вступит в дело, то уж в то время упросить ни в чем не можете, а более уже я до вас г‹осу›д‹а›ря моего братца, писать ничего не имею и остаюсь ваш покорный слуга

4 ноябр‹я›. Т. Под‹уров›.

---

* 3.

(ЛМ 398/100)

По указу его величества государя третьего императора Петра Феодоровича самодержца всероссийского и прочая и прочая и прочая.

---

1 Известился ны‹не›

2 в той вас вине простит

3 а что команды

Объявителям сего отправленным из государственной военной Коллегии сымянными его величества асамонужнейших делах Указами к находящемуся с войском старшинам Бахтиару Каныкаеву с товарищами Эсаулу Салиху Наврузову лежащим трактом башкирскими и рускими жителствами з будущими при нем тремя казаками давать мирских три подводы с пристойным числом камвою и нигде нимало недержав, во верность чего за подписанием Государственной военной коллегии присутствующих и за приложением печати дана июня 13 дня 1774 года.

Иван Творогов
Секретарь Алексей Дубровский
Повытчик Герасим Степанов

4.

(ЛБ 91, л. 270)

По указу его величества Петра Федоровича *самодержицы*[1] всероссийского с повеления его послан ис команды Якова Пьянова казак с товарищем до города В.‹ерхнего› Ломова и ‹в› верхоломовскую воеводскую канцелярию репорт.

Нынешнего числа августа месяца ехать вам немедленно учинить справку, которые слышно ко известию находится казаков команда и отколь оная команда послана[2] чтоб переслать ведомость когда оная команда его величества Петра Федоровича, а когда из других команд и чтоб тебе командующему и с командою из В.‹ерхнего› Ломова выступить безо всякого спору учиненного его величеству указу.

III.

‹ПОКАЗАНИЯ РАЗНЫХ ЛИЦ.›

1.

(ЛБ 91, лл. 112—115 об.)

Показания М. Кожевникова, в последст.‹вии› казненного. Приметы Пугачева. Сент.‹ябрь› 1773.[3]

1773[3] *года сент.‹ября› 16 дня* в управляющей войском Яицким[4] комендантской канцелярии Чаганских хутор‹ов› казак Михайло Кожевников спрашиван и показал.

В хуторах своих при урочище Чаганского устья состоящих, нахожусь я[5] с 16 прошедш.‹его› авг.‹уста› и будучи там сего сент.‹ября› 12‹го›, от

[1] самодержицы — *сохраненная Пушкиным ошибка подлинника.*
[2] команда пр‹ислана›
[3] 1772
[4] Яицкой
[5] находясь

работного казака Василья Коновалова, Михайлы (чей сын не знаю) слышал, яко против того чусла в ночи козаки Иван Зарубин и Тимофей Мясников приезжали верьхами с неведомо каким человеком, *оглашающим себя высокой фамилии самозванцем*, и переночевав в хуторе их при хозяяне[1] их, помянутом казаке Василье Коновалове, паки до рассвету уехал — по объявлению-де их якобы на Усихину[2] россаш (?), а после-де их по утру и тот хозяин его Коновалов и еще казак Козьма Кочуров туда ж для стреляния сайгаков[3] поехали, коих (Коновалова и Кочурова), как они поехали и я видел, и кои мне сказывались также, что едут туда для стреляния сайгаков, при чем у меня на двух колесах и колымагу выпросили и с собою взяли. А казаков Зарубина и Мясникова, а с ними и самозванца — каким образом они в хутор Коновалова приезжали и паки уезжали — сам я не видал и не знаю. В чем сказал сущую правду и подписуюсь.

(У подлинного подписано по сему: вместо казака Кожевникова, по его прошению, писарь Яков Плишкин подписал).

А в пополнении того, оный казак Кож.‹евников›, под битьем плети, показал:

Между произнесшемся в здешнем городе о помянутом самозванце слухе, назад тому ныне дней с одиннадцать, приехав[4] *ко мне* на хутор, казак Иван Зарубин сказал, яко сей самозванец едет к нам в хутора и хотя я несколько воспрещал, чтоб ко мне не возили, однако жительствующий у меня в хуторе в особливой избе, отставной казак Роман Шестерковский, сказал: Пущай-де привезут, мы посмотрим. Почему оный казак Зарубин и уехал и того же числа в ночи, например в часу четвертом, паки с тем самозванцем и с казаком Тим. Мясниковым к нам на хутор на лошадях верьхами и приехали;—и по приезде казаки Зарубин и Мясников уехали в город для повестки народу, а оный самозванец оставался у нас на хуторах, при чем вопрос мой изъяснил: „что-де о том яко *О* (*в подл.‹инном› чужим почерком вопрос.‹ительный› знак*) умре, указами публиковано, будто бы напрасно; но из-под караула выпущен-де он караульным офицером, и ушел в Киев и там за болезнию *продолжался* года полтора, а из Киева был в Цареграде, и в здешней противу тур.‹ецкого› салтана там находящейся армии, а из оной на Дону — и совокупясь с Донск.‹ими› казаками, двумя тысячью ч‹е›л‹о›в‹е›ки,[5] приезжал в город Царицын, и как-де во

---

[1] при хозяйке
[2] на Русихину
[3] для стреляния казаков
[4] приехал
[5] двумя тысячью казаки

оный с малыми людьми он въехал, тогда тут его поймали и содержали под караулом, а прочие Донские казаки разбежались. А потом паки собравшись под видом купцов, его отбили, откуда уже в прошл.‹ом› 772 г. приезжал он на Иргиз и оттоль и в Яицкой городок и *находился квартирою* у казака Дениса Пьянова, а с Яику паки был на Иргизе, и тут, по поимке, отослан был в Казань и содержен под караулом; но там-де у часовых неведомым купцом за 700 рублей выкуплен, и по побеге оттоль под видом купца и неимеющего у себя паспорта, в нынешнее летнее время паки подъезжал к здешнему Яицкому городку до Переволошной роще; но уведомясь через одну шедшую из коровьего табуна женку, что по неимению паспорта приехать ему в город невозможно, возвратился назад на Сызранскую дорогу; и будучи-де на То́ловинском умете, многие здешние казаки его видели, а с того-де умета поехал было с тутошним уметчиком, к Иргизскому монастырю, но там-де уметчика поймали, а он бежал обратно на Толовинской умет, и со оного уже казаками Ив. Зарубиным и Т. Мясниковым взят, и ко мне привезен. И как-де войско *на плавню* выступит, тогда-де и он при урочище Бударине[1] ко оному выедет, ибо-де ему прежде обнаружить себя и в город ехать невозможно. Потому что как иногда могут иные к нему приставать, а другие, *будучи сумнительными*, против его отпор держать, то может из-за того *напрасное кровопролитие последовать*. А когда-де войско на плавню выступит, тогда-де никто ему противиться не будет,[2] причем-де он и будущего при том войске атамана свяжет и наперед дав в город о себе знать, потом и сам следовать с войском туда имеет. А дабы прежде время *никуда* о сем известия подано не было — учредит заставы, а ежели кто ему противиться будет, с такими де он поступит как знает; а кои де склонными окажутся, тех-де за то (и вместо плавни, когда она пропадет) пожаловать ему есть чем; но если де, по прибытии его в город, находящаяся во оном воинская команда его не примет, а сила его не преодолеет,[3] тогда он с войском следовать будет в Русь, которая-де вся к нему пристанет, ибо-де желание его есть, *чтоб на царство восстановить государя цесаревича*, и в прочих местах учредить судей других, в рассуждении что-де в нынешних присмотрена им многая неправда, а сам-де он однако более царствовать уже не желает". — — — *Который* у нас и находился трои сутки, а потом вышеписанные казаки Зарубин и Мясников приехав его взяли и повезли на Усихину Россаш, куда его провожать и еще из тех наших хуторов казаки Вас. Коновалов и К. Кочуров поехали, а потом и я того же дня, для уверения, где они станут, за

[1] Будорине

[2] тогда-де и он при урочище Бударине

[3] не о‹долеет›

ними ездил же и на той рассоше *продолжался* с ними двое суток, а потом приехал обратно в свой хутор один, а за мною и они, все через один день (14 сент.<ября>) в хутор к казаку В. Коновалову приезжали и попарившись у них в бане, паки на ту же россаш уехали, где и хотели быть даже до выступления войска на плавню. А приметами сей самозванец: росту среднего, волосы на голове русые, борода черная, на левом виску пятно, одежа на нем бумажный полосатый азям, сапоги черные козачьи, шапка калмыцкая васильковго сукна, еще кафтан черный, армяк желтый верблюжий, ружье винтовка — в чем сказал сущую правду etc. etc.

2.

(ПД 381)

Показание мещеряка Ахмета Шаринова.[1]

Под Твердышевым заводом башкиром отнято у него 10 рубл. Шапка казачья красного кармазинного сукна, обложенная черной мерлушкой в 1 р., две рубашки, двое портки бумажные в 2 р., седел 2 (в 1 р., др.<угое> 80 коп.), сайдак с стрелами в 1 р.,[2] копье с древкою (25 коп.) *да кошма в 60 к.*, войлок в 50 коп. Узд плетеных ременных 2, недоуздов плетеных один 1 руб., плеть ременная (20 коп.). Зипун сукна белого новой (1 р. 50 к.), чулки ношеные 25 коп., шаровары сукна синего 1 р. 80 коп.

Тамгу свою приложил.[3]

3.

(ЛБ 91, лл. 254—259)

Взятие Ильинской крепости 29 ноября.

<а.>

При выступлении солдаты имели[4] заряж.<енные> ружья и шли батальоном карре.

Креп.<ость> нашли мы в худом состоянии, некот.<орые> стены и избы от злод.<еев> разбиты — командиров не было, кроме одного серж.<анта> да Озерск.<ого> баталиона больной прапорщик. А прежний комендант, поручик Лопатин (по ск.<азке> жителей) разбит и увезен. — Пушка была одна, да и та в ворота брошеная, да четыре ящика пустые, провианту было довольно. Анбар был отворен и несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе.

---

[1] *На обложке заглавие:* Быт башкирской. Указ Пугачева. Окт.<ябрь>.

[2] в 2 р.

[3] *После* приложил *знаки, имитирующие тамгу.*

[4] солдаты были

Противу въезжих ворот поставлен Заевым пикет при об.‹ер› и ун.‹тер› офиц.‹ерах›.

28‹го› отбитый[1] неприятель, показался потом из-за горы скача в рассыпную. Началась пальба пушечная. Из ружья выстрелил солдат на подбежавшего к воротам казака. В пятницу 29‹го›, около обеда, толпа ворвалась.

Убиты маиор Заев, кап.‹итан› Палицын, подпор.‹учик› Никитин.[2]

(Показ.‹ание› гарниз.‹онного› капрала Иванова).

‹6.›

Показания сотника Ив. Белоносова.

Верхояицкой ком.‹ендант› Ступишин послал[3] нас 200, в Ор.‹енбург›, откуда за худобою лошадей 22‹го› н.‹оября› отправлены мы были в редут Гириальский,[4] всего 590 чел.‹овек›. 25‹го› взяты Пугачевым и на другой день пошли к Озерной. При *первом* взятии Ильинской креп.‹ости› я не был, а под Озерной был 26‹го› (с самим Пугачевым), но взять ее не могли с осьмью пушками. Ил.‹ьинская› *прежде* была взята полков.‹ником› Хлопушею с 500 ч.‹еловек›, а пушек 6. Хлопуша с Пугачевым соединился под Озерной.

28‹го›, оставшись в деревне для навивки сена и сыскания саней и хомутов, бежал по степной стороне реки Я.‹ика›.

А у Хлоп.‹уши› ноздри рваные *до хрящей.*

Пугачеву хотелось взять Озерную, чтоб повесить жену бриг.‹адира› Корфа, а Ильинскую для казны, пушек и людей.

В ночное время Пугачев ставит к себе двух часовых, а пушки перед своею[5] квартирою, и караулы вокруг всей своей силы, ходят дозоры три раза в ночь и часовые их окликают.

У Пугачева под пр.‹авым› глазом рубец. Платье на нем казачье, шаровары малиновые, бархатные, бешмет голубой штофной,[6] шапка малинового бархату, мерлушка черная, рубашка белая, волосы подбриты под кружало и не много сверху спущены. Богу молится по-раскольнически, грамоте видно не умеет, а при нем писарь из Яиц.‹ких› казаков сам пишет указы и их подписывает, Пугачев ездит всегда верхом, а при себе имеет оружия, только два маленькие пистолета и сабля. Пугачева в тайне все боятся, он вешает за всякую вину.

---

[1] отбитые

[2] Никитин, прапорщ‹ик› Воронов.

[3] послав

[4] в Озерную

[5] перед своей

[6] голубой атласный

<в>.

Показание сотн.<ика> Як.<ова> Сутормина.[1]

Захваченные при том каз.<ацкие> старшины были повешены Пугачевым по доносу капрала Белдина. Им прочли приговор:[2] за непорядки и название г<о>с<у>даря злодеем и разбойником. Белд.<ин> был произведен за то в полковники.

Под Озерной в редуте Гиреяльском ночевали мы 25 ноябр<я>. По утру пошли к Оз.<ерной>. — Целый день палили, отступили в Бахчирскую деревню за 12 верст. Услыша от кого-то о каком-то маиоре, Пугачев двинулся к нему, но застал уже его в Ильинской: 28<го> подступал без успеха, а 29<го> после пальбы, вся толпа засела в ров, пешие — и вдруг все стеною бросясь на стены, стали колоть солдат и офицеров (и проч.).

Верблюдов взяли из креп.<ости> 25. Пугачев, оставя в Ильинск.<ой> однех баб, зажег ее и отступил в тат.<арскую> деревню, где делил между яицк.<ими> казак.<ами> захваченную пожить. Казак.<ов> Я<и>цк.<их> у Пугачева уб.<ито> 200.

Взята прежде всего была Ильинск.<ая> крепость Хлопушею, который и заколол кап.<итана> Лопатина да двух женщин и несколько солдат. Пугачев раздевает мертвых своих и чужих — а тела не прибранные валяются.

Ильинск.<ой> креп.<ости> поп ходил с крестом в тат.<арскую> деревн.<ю>. Пугачев к кресту не подошел, но попа оставил в живых.

Из Оз.<ерной> и Ильин.<ской> вылазки не было. По взятии Ильинск.<ой> вся сила Пугачева пела песни.

У Пугачева с Хлопушею было около 2200 чел. Пушек 12 (в Ильинск.<ой> взято 4). Под Оренб.<ургом>, слышно, в Гребенях стоит тысяч 30.

Пугачев жалование дает одним Яиц.<ким> казакам из разграбл.<енного>, лошадей и корм берет у башк.<ир>, всяк доволен тем что заграбит. Нашим ничего еще не дал, а обещает дать как возьмет Оренбург. Намерен зимовать в Бердинской слободе. Намерен был идти против[3] Станиславского, но, перехватив оренб.<ургскую> почту, раздумал и пошел на Озерную.

Ночью ставит караулы около своей силы на притин по 3 человека, разъезды состоят из 50 чел.

Наши гринодеры, мушкетеры и особливо поляки просились у Заева сделать вылазку выбрав под чиновн.<иками> лучших лошадей. Заев отвечал: разве хотите передаться к нему, злодею? Оставайтесь здесь и защищайте

[1] *у Пушкина — описка*: Сутормину.

[2] прочли указ где

[3] идти на

креп.<ость>.[1] А я от генерала выходить на вылазку повеления[2] не имею.

Воевода Рушинской из креп.<ости> Нагайбацкой бежал и явился к Фрейману в декабре.

Маршилов и Голов бежали из Стерлитамацкой пристани и ложно объявили о разбитии оной.

26 ноябр.<я>[3] Нураля-Хан прикочевал к Кулагинской[4] крепости на острову и послал письма к Пугачеву.

<г.>

Взятие Ильинской крепости.

Из редута Подгорного сек.<унд>-мая.<ор> Заев с губернскою[5] и 2-мя мушк<етерными> ротами, с капитаном Превлоцким, с казаками вступил ноября 27<го> в 10 ч. вечера в креп.<ость> Ил.<ьинскую>. 3 пушки поставлены были на 3 бастиона, а 4<й> крепостной бастион был без пушки. На обвахту откоманд.<ирован> обер-офицер один, с унд.<ер>-офицерами, капралами и рядовы<ми> 75 чел. (для креп.<остного> караула). С оной обвахты на баст.<ион> и у ворот[6] постав.<лены> часовые, а при пушках канонеры, а за крепостию не было ни конных, ни пеших отводных пикетов, а учреждены около крепости каз.<ачьи> разъезды.

28<го> подступил под крепость Пугачев в сумерки — человек со 100, вооруж.<ены> копьями, ружьями и стрелами, разъежали около крепости крича часовым: не палите, и выходите все, ибо под крепостию г<о>с<у>д<а>рь. На что отвечали им: У нас в России госуд.<арыня> имп.<ератрица> Ек.<атерина> Ал.<ексеевна> и наследник ея цесар.<евич> и в.<еликий> к.<нязь> Пав.<ел> Петр.<ович>, а кроме их никого г<о>с<у>д<а>ря нет — а потом Заев и велел выстрелить из пушки, и подстрелена была одна лошадь. Они ретировались за 2 версты и через полчаса возвратились в 1500 чел. с приезду отсюду (с креп.<ости> Губерлинской) от ворот на левой стороне к бастиону, и подле оного из лощины в сажен.<ях> во 100, из двух[7] пушек раз 10 выпалили и убили казака да ранили солдата — из креп.<ости> также. В 3 часа ночи Пугачев отступил в татар.<скую> деревню в $1^{1}/_{2}$ в. от креп.<ости> — а казаки и роты всю ночь были расставлены для охран.<ы> баст.<ионов> и заплотов.

---

[1] и защищайтесь
[2] повеления выходить на вылазку
[3] В декабре
[4] к Зулагинской
[5] с гренадер<скою>
[6] и в воротах
[7] вы<палили> из двух

29<го> в 10 ч. утра Пугачев опять подступил к тому же бастиону, везя возов 5 сена и из-за оного производя пальбу из 2 пуш.<ек> около получаса. И обратился[1] потом к бастиону (на реку Яик состоящему) где не было пушек; Заев велел туда поставить две, но непр.<иятель> разбил бастион пушками, и спешась разломали и ворвались в креп.<ость> и начали колоть солдат, сии побежали было, но в расстройстве,[2] к разбитому и разломанному бастиону.

Заева, лекаря Егерсона и многих офицеров изрубили и искололи, ряд.<овых> и унд.<еров> и капр.<алов> чел.<овек> 200 убили, а кап.<итана> Башарина, прап.<орщика> Воронова и остальных погнали в означ.<енную> тат.<арскую> деревню. Пугачев велел пред себя привести кап.<итана> Камешкова, да прап.<орщика> Воронова, да сотника каз.<ачьего> и спросил: зачем вы шли на меня, на вашего государя. На что Кам.<ешков> и Вор.<онов> отвечали: ты нам не госуд.<арь>, а у нас в России г<о>с<у>дарыня имп.<ератрица> Ек.<атерина> А.<лексеевна> и наслед.<ник> цес.<аревич> П.<авел> П.<етрович> — а ты самозванец и Бунтовщик. — Пугачев приказал их тут же повесить; потом привели к нему кап.<итана> Башарина, и Пугачев не сказав ему ничего, велел было его повесить, но солд.<аты> чис.<лом> 30, просили за него, что-де он был до них добр и в солдатских нуждах их не оставлял. На что он сказал: когда он был до вас добр, то я его от смерти прощаю. — И велел ему и солда<там> остричь волосы по-казацки, а раненых, чел.<овек> 60, отвезть в крепость.

29[3] разграбя крепость, и навьюча на верблюды, там бывшие, тесаки, шубы и мундиры салдатские и добро офицерское,[4] с артиллерией пошел Пугачев[5] в Оренб.<ургскую> сторону, взяв с собою Башарина, и креп.<остных> солдат — а пленных оставил, по просьбе их; обещаясь за нами прислать. [Командир креп.<ости> Орской с ними бывший тут же заколот].

Казаков не кололи, и оставили им оружие и спрашивали: зачем вы не вышли.

Казаки извинились, страхом быть побиты от солдат.

Солдаты приведены были против заряженой пушки, и поставлены на колена при появлении Пугачева, он сказал им: прощает вас бог и я ваш г<о>с<у>д<а>рь Пет.<р> Феод.<орович> III имп.<ератор>. И потом приказал всем встать и, единорог обратя в степь, выпалить. Был он в красном

---

[1] И обратясь

[2] а сии побежали в расстройстве

[3] 29 девятова

[4] и два

[5] пошел Пугачев обратно

каз.<ачьем> платье — а с ним всегда ездит неведомый человек в каз.<ачьем> платье, волос.<ы> и бор.<ода> русые, ряб, ноздри рваные и клеймы на лице поставлены.

(Фурьер Ив. Иванов 3<го> декабря привезенный из Ильинской кр.<епости> губерн.<ской> роты, допрашиван показал по повеле.<нию> ген.<ерала> Станиславского).

4.

(ЛБ 91, лл. 267—268)

Показания[1] *присланного курьером в П.<етер>Б.<ург> от Симанова казака Григ.<ория> Синельникова.*

О самозванце слух разнесся в марте 1773 года, но посланные от Симанова нигде настичь его не могли. Наконец из Яицкого городка бежал он с Пьяновым, у коего и жил. Собрал он чел. с 300 казаков *непослушной стороны*, и 18 сент.<ября> подошел в[2] 3 верст.<ах> от Яицк.<ого> Гор.<одка>.— Против него послано легк.<ой> пол.<евой> команды, да гарниз.<она> чел. 500, да чел. 400 каз.<аков> с *послушной*, да с 1000 *непослушной* под команд.<ой> маиора Наумова. В 2 верст.<ах> от города Наумов послал 100 послушных да 200 *непослуш<ных>* для рекогносцировки. Тут те перебежали. На ночь Сим.<анов> велел ретироваться. 19<го> самозванец приблизился, но при виде команды стал мало по малу отступать, преследуемый 1500 войска. Он пошел к Оренб.<ургу> без пушек и не более как с 400 людей (с 500).

Через неделю Симанов посылает за ним пол.<евую> команду, но та находит все крепости разоренными, и в Илеке узнает, что Пугачев внутреннею стороною пошел к Оренб.<ургу>. Они поворотили степною стороною и прибыли в Ор.<енбург> 1 окт.<ября> после разбития Билова.

Депутат Падуров по выходе с Биловым из-под Оренб.<урга>, передался Пугачеву. Он объявил Чернышеву, будто бы прислан от губернат.<ора> Рейнсд.<орпа> провести его безопасною дорогою, показывая в доказательство добронамеренности депутатской знак.

Живущие на нижних форпостах Яицкие казаки принадлежат непослушной стороне, и готовы пристать к Пугачеву, который уж и подсылал их уговаривать дабы они, возмутясь осадили, с 2,000 его войска,[3] и взяли Яицк.<ий> Городок.

25 декабр.<я> Самара взята 5 стами мятежниками, под начальством крестьянина, татарского переводчика Арапова, но 29-го прибыл с легк.<ой>

[1] *Начато было на обложке:* рапорт о Суворове Румянцова.
[2] подошел к
[3] осадили с ни<м>

полевой командою маиор Муфель. Они вышли к нему на встречу; он их разбил и прогнал (убив чел. 40, и вз.<яв> в пл.<ен> 60) и писал в Сызран гусарам повеление идти к нему в Самару.

14 ноября хотел идти Пугачев на Яик, оставя сволочь свою и башкирц<ев> против Оренб.<урга>, но башкирцы не пустили его. — Ты-де нас взбунтовал, обещал взять Оренб.<ург>, чтобы губернии не было, а теперь хочешь бежать, чтоб нас казнили, как казнили отцов наших.

О командах уверяет Пугачев, что они идут к нему на помощь от вел.<икого> кн.<язя> и что-де он сам к нему едет; и уже приготовил ему казацкое суконное платье и сыскал где-то портрет его выс.<очества>, с собою возит.

Пугачев для приступа к Оренб.<ургу> делает лестницы.

*** 5.**

(ПД 77)

1774 года июля [1] дня присланный артиллерии от господина полковника и казанского обер-коменданта Лецкого яв<ив>шийся к нему бывший Казанского третьего баталиона подпоручик Федор Минеев, в Секретной комиссии дóпрашиван и показал:

В прошедшем маие месяце 27 числа отправлен он был из Казани по повелению казанского господина губернатора в Терсинскую волость в команду находящегося там маиора Скрипицына, куда он при случившейся из Казанской секретной комиссии оказии с посланными с ним преступникамн двенадцатью человеками для учинения им там наказания и отправился и по приезде туда к Скрипицыну он явился, а потом с ним из Терсы с командою в числе сорока осьми человек отправились они в Дворцовую сарапульскую волость, которая в расстоянии от Терсы восьмидесяти верстах для учинения в селе Сарапуле из показанных преступников некоторым наказания, которое учиня, следовали они к крепости Осе для защищения оной от злодеев, ибо к ним в Сарапуль слух о том дошел, для чего они и поспешали, и на дороге будучи от Сарапуля верстах в 25-ти соединились с посланною из Казани под предводительством Казанских батальонов капитана Смирнова военною командою, с коим было воинских чинов человек до сорока и одна пушка, и с ними пришли они до Осинской крепости минувшего июня 17 числа, где застав злодейскую толпу, имели с оною к защищению той крепости сражение, и через несколько времени оных отбили. И вошед в крепость Осу, были в оной трои сутки, и каждый день имели они вылазки, но уже были в крайнем бессилии

---

[1] *Пробел оставлен в рукописи.*

и пороху оставалось самое малое число. Почему маиор Скрипицын посылал от себя нарочного к злодею Пугачеву, живущего в Осе отставного солдата, а как его зовут не знает, разведать о нем и признать его, что похож ли он на покойного государя, который вскоре потом возвратясь уверил его, что самозванец на покойного государя лицем очень схож, но оброс бородою. И тогда маиор Скрипицын говорил им чтоб лучше сдаться, а потому они уже больше и не противились, и вышед из города обще с Осинским воеводою, а как его зовут, не знает, и со всеми жителями, с образами, взяв с собою знамя, пришли прямо к злодейской толпе, и увидав самого Пугачева, приказал Скрипицын приклонить то знамя, после чего приведены были они к присяге, и Скрипицын пожалован тогда полковником. Причем Пугачев говорил им, чтоб они ему послужили верою и правдою: знаете-де сколько лет я странствовал; и потом с Яицкими козаками и башкирцами вошел в крепость, а маиор Скрипицын и он Минеев оставлены им за городом с прочею его толпою, и были тут по самый его Пугачева из крепости отъезд, и тогда усмотрели они, что он забрал бывшие там пушки с нарядами, ружья, тесаки и барабаны, и потом все они с ним пришли в его лагерь, крепость Осинскую, выведши из оной всех мужеска и женска пола обывателей, зажгли. После чего злодей Пугачев забрав в свой лагерь всех яицких казачьих старшин, советовал с ними, чтоб идти к Казане, и по совету тех старшин положил непременно туда идти через три часа. Собравшись, они со всеми своими тягостьми следовали 10 верст и построили другой лагерь, в котором ночевали одну ночь; а между тем посланный от Пугачева яицкой полковник Афанасий Петров, ездя по всем злодейским толпам, объявлял, что якобы к нему Пугачеву приехал из Петербурга московской купец и привез с собою от цесаревича Павла Петровича в подарок сапоги. После чего на другой день в самое утро с того лагеря они приехали к реке Каме, у которой на самом берегу злодей Пугачев маиора Скрипицына и капитана Смирнова повесил за то, что попался ему в руки чрез доказательство его Минеева, писанный от него Скрипицына в Казань репорт, с приложением во оном двух его злодейских о преклонении к нему народа указов, надписанный на конверте рукою Смирнова, а как потом чрез Каму переправились к Александровскому заводу и прошед оный верст с двадцать вперед, остановились лагерем, в котором Пугачев пожаловал его Минеева полковником, а взятым из Осы солдатам выдал в награждение по 50 копеек каждому, и после того приехав на Водкинской и Ижевской казенные заводы, разбив высланные из оных команды и побрав оставших в полон, также пограбя на Ижевском заводе денежную казну, а сколько числом было, не знает, оба завода и обывательские дворы до основания сожгли, а по разорении тех заводов

роздал Пугачев всей своей сволочи из пограбленных денег каждому по два рубля и оттуда паки отправились в путь и быв от Казани проехал село Чепчуги, встретился им солдат, а как его зовут не знает, и объявил, что близ села Высокой горы стоит с командою из Казани полковник Толстов. Почему Пугачев взяв из толпы своей тысячу человек злодеев ездил для разбития того Толстова с командою, которою разбив, возвратился к ним со взятыми в полон военнослужащими 53 человеками; как же приближились они к Казане верст за семь, остановились тут лагерем и вся толпа расположилась лугом до самого села Царицына, в кое время пришли из Казани в их толпу двое казанских слободских татар да один руской мужик, а как их зовут не знает, и сказывали, что в Казане воинских людей весьма мало, а ко укреплению-де город обведен рогатками и поделаны батареи. И посему Пугачев призвав яицких старшин, условились, чтоб назавтрее напасть на город с четырех сторон и атаковав, разбить. А между тем для удостоверения Пугачев взяв с собою 100 человек, поехал усмотреть градские укрепления, и как возвратился, то слышал он Минеев от бывших с ним козаков, что он Пугачев был в Суконной слободе и все суконщики сдались на его сторону и хотели в ночь пробраться в его толпу, однако ж не приходили. А назавтрее в самое утро разделя полки на четыре части, пошли к Казане, из которых одною частию управлял сам Пугачев, а прочими тремя полковники: отставной солдат Белобородов, из Донских казаков Анисим Донской, исецкой Александр Егоров, яицкой Григорий и он Минеев, и взошед на Арское поле начали из имеющихся при них десяти пушек стрелять, и по многом сражении всеми градскими батареями овладели и взошли в форштат, а как приближились к крепости, то Пугачев расставил пушки, как на базаре так и на Гостином дворе, из которого двора сам он Пугачев продолжал стрельбу по крепости с час времени, и напоследок велел всем силам отступить в лагерь, яицкому ж полковнику и казакам приказал зажечь со всех сторон форштат и грабить из домов имения; сам же уехал в лагерь наперед, а за ним и он Минеев с тремя полками туда ж пришел, и вскоре яицкой полковник привез с собою множество богатства, также напитков и лошадей, а исецкой Егоров — мужеска и женска пола с их детьми всех до тысячи человек. После ж того, по приказанию Пугачева все злодеи начали пить привезенные напитки, а людей всех мужеска пола привели в то ж время к присяге. Между тем Пугачев всенародно кричал, что он намерен завтре идти подкопом под Казанскую крепость и как оную возьмет, то идти уже в Москву и там принять Российский престол; по подкопе же намерение его было чтоб сделать то с лица от Казанского монастыря к городу, и того ж дни под вечер нечаянно прибыл с корпусом господин подполковник Михельсон, то

Пугачев предупреждая, хотел собравшись с толпою встретить его своею атакою, однако ж учинить того не мог. Но вскоре корпусом его господина Михельсона был атакован, а как только началось сражение, то он Минеев раскаявшись в своих прегрешениях бежал в лес, и оным пробравшись в Казань, явился у господина обер-коменданта, а от него прислан сюда. Хотя он злодею Пугачеву в верности присягу и учинил, но то произошло не от чистого его сердца, а единственно из страха: потому, что всех непокаряющихся ему вешали; за государя ж его он никогда не признавал, ибо и все находящиеся в его толпе Яицкие казаки и другая сволочь государем его не называли, а имяновали по большей части батюшкой, каковым образом и он Минеев при случаях его называл же.

От роду ему 27 лет.

---

* 6.

(ПД 811)

Об Аристове.[1]

Копия.

1774 года Июля 25 дня, представленный в Нижегородскую губернскую канцелярию Нижегородского баталиона от подпрапорщика Рассыпенкова пойманный им известного государственного злодея и варвара Пугачева сообщник в общем с его превосходительством господином генерал-поручиком орденов св. Александра Невского и св. Анны кавалера Нижегородской губернии губернатором Алексеем Алексеевичем Ступишиным с товарищн присутствии, с довольным о показании истины увещанием, допрашиван и показал.

Ильею его зовут Степанов сын прозванием Аристов, от роду ему сорок восемь лет, из дворян, деревню имеет Костромской провинции Чижева стану в сельце Белой реки, крестьян шесть душ, женат, у него сын да дочь, которые живут в означенном же сельце. В службу он вступил в прошлом 746 году апреля 10-го числа, определен в Бутырской пехотный полк подпрапорщиком, из оного в 762-м году отставлен сержантом и по отставке пришел в свою вотчину, где и жил, а в 764-м году, за произведение в оном сельце неуказное винное курение написан и определен был Государственной военной коллегии конторою в Томской пехотной полк солдатом, в коем и продолжал службу с 770-го года по март месяц и по его службе в том полку произведен сержантом, а в оном марте месяце согласясь оного полка с солдатами Иваном Малковым, Сергеем Невенщиным, Федором Поляковым, из состоящей в Грузии Моздоцкой крепости

---

[1] *Заглавие на обложке* Об Аристове *принадлежит Пушкину.*

бежали чрез Куминскую степь и прошли в Царицыно, а оттуда в Москву, где означенные солдаты остались; он же Аристов пошел в сельцо Белую реку и быв в своем доме с полгода, сказываяся жене и прочим отпущенным от полку. И как он Аристов жив в толикое время в судебном месте не представил письменного о себе известия, то вознамерились его другие помещики поймать. Избегая чего, он учинил побег в Москву, и сыскав там означенных своих товарищей солдат, пошли с следуемыми из Санктпетербурга чрез Москву горного начальства служителями Васильем Львовым, Петром Чижиковым и Петром Аверьяновым в Екатеринбург, которые приняли их за ведомо, что они беглые, со обнадеживанием, что там таковые принимаются и в работу на заводах употребляются. И по приходе были у оных служителей в работе недели с четыре; однако по причине от конторы требования у них известия, бежали и будучи в пути, уведомились они в Сарапуле и Осе, что называющийся государем Петром третьим Пугачев принимает к себе разного звания людей с большим награждением жалованья. Чему они польстясь, приняли намерение идти прямо к нему, и не дойдя до Казани верст шесть, как он расположился лагерем, и пришли и явились сего июля в первых числах на Арском поле к старшине его яицкому казаку Петру Ивову, который по их желанию и представил их к тому Пугачеву, а он, под именем государя Петра третьего, принял и допустил их к руке, подтвердя при том, чтоб они служили ему верно, обещевая награждением до немалого числа жалованья, и по приеме определил их в казацкий Яицкий полк рядовыми под команду полковника казака Федора Прохорова, при чем оный Пугачев сказывал ему, что живущие при городе Казане в Татарской слободе татаре чрез присылаемых к нему приглашают его идти прямо в Казань, уверяя, что ее можно взять без дальней трудности, где де военных людей немного, они ж будут ему на вспомоществование; да на другой день под вечер приехав из самых состоящих в городе Казане Татарских слобод человек до семидесяти, а по именам не знает, явились к нему Пугачеву и принесли меду, сахару и завернутые материи, а какие — не ведает, сказывая, чтоб он ехал в Казань по Арской дороге от речки Казанки низом, где никакого укрепления нет и для въезда место удобное; в Казанском же де монастыре многое число обывателями положено денег, и быв у него часа с два, пили чай, поехали в домы свои. А на другой день, то есть в пятницу сего июля 11 числа, поутру в два часа дни, дан от реченного злодея Пугачева старшинам приказ, чтоб были к нему, а после того чрез самое короткое время получили от тех старшин повеление, и посему оставя обоз, а в нем весь свой экипаж, с полутора стами человеки за присмотром старшины Федора Козмина,

сами в числе пяти тысяч человек не изъемля и реченного злодея Пугачева, пошли по тому тракту, который сказывали татаре к Казане, куда пришли в 3-м часу дня к такому месту, где никакой к защищению предосторожности не было, и обойдя батарею, с которой хотя и происходима была по них оборотная пальба, но им вреда никакого не сделано. Бросились сзади на ту батарею и взяли четыре пушки с имеющимся на оной батарее порохом, и с ними ворвались в форштат. И прежде вышеписанный злодей Пугачев рассыпал по всему форштату разные партии, которые обывательские домы разоряли, пожитки и деньги грабили, людей били и кололи до смерти и из взятых пушек стреляли по городовой крепости; однако ж собравшись военная команда и того города разных чинов обыватели сделали по них с другой учрежденной батареи из пушек и из ружей стрельбу, чем их от крепости отогнали, и так пошли обратно в форштат, взяв с собою показанные прежде взятые четыре пушки. И идучи в форштат в разных местах зажгли и от Казани отступили в прежний свой лагерь. И по приходе его Аристова за взятье батарей произвел в полковники, на место раненого полковника Федора Прохорова, а во оное время из города Казани и из состоящих в Казанском уезде татарских деревень пришло пеших и конных татар с полтараста человек и уведомили того Пугачева о идущей в Казань полевой команде в дву тысячах человеках, чтоб он имел предосторожность. И побыв часа с два, возвратились в свои места. И по малом времени подполковник Михельсон их атаковал, разбил и взял пушки вышеписанного злодея, с которыми пришел он к Казане, от коего они ретировались вниз по речке Казанке в сторону версты с четыре; а поутру на другой день собравшись оный Пугачев, во второй раз покусился паки идти в Казань с намерением взять крепость и в ней короноваться, а потом идти в Москву; однако придупрежден паки тем же подполковником Михельсоном от Казани за четыре версты и разбит, в котором сражении побито с его Пугачева стороны до пяти сот человек, взято в плен сколько же человек не знает, потеряв всю взятую под Казанью артиллерию, с оставшими ж до 4,000 человек обратился в бег, преследуем и поражаем был легкими войсками до тридцати верст. А когда они вошли в леса, оные войска их оставили; он же Пугачев продолжал свой бег луговою стороною вверх по Волге к городу Кокшайску, и не доезжая до него повыше за версту переправлялся. Той же ночи чрез Волгу на нагорную сторону по примеру, за отпуском из-под Казани башкир по желанию их в четырех тысячах человеках, в числе оном находилось несколько башкирцев, Казанских татар, отставных солдат, барских людей и выпущенных им злодеем из тюрем казанских, и переправившись наутро в село Сундырь, тут исполня свои злодеяния выжег всё село без остатку за

невстречу и недачу перевезенных судов, повеся при том офицера бывшего для охранения перевоза и целовальника, из которого идти положил намерение к городу Нижнему. Но как отошед верст с пятнадцать, остановился для кормления лошадей, где пришли из лесу чуваши человек до пятнадцати, и на спрашивание его о городе Нижнем объявили, что он весьма укреплен и воинской команды в нем много, да сверх оного уведомясь чрез разъездные от него партии о переправляющейся близь города Свияжска за ним в погоню воинской команде, для сего переменя свое намерение, пошел к Донцу и Дону лесными местами чрез Курмыш, миновав Алатарь на Промзино городище, а потом минуя Пензу на Усть-Медведицу и чрез станицы Качалино, Малые Чиры, Большие Чиры и Пяти-избинскую; а с сей последней станицы намерен послать в Царицыно осмотреть, не можно ли будет оттуда получить пушек с припасами, с коими маршировать до Черкасского, и там будучи по способности возмутить Белогородскую и Кубанскую орды и умножа силы, обратиться к Москве, а его Аристова, как выше значит, отшедши от села Сундыря пятнадцать верст послал с семью человеками вперед, для приуготовления где он будет идти, хлеба, овса и разных съестных припасов. Почему он пришел Ядринского уезда под деревню Ивановскую, и переправясь чрез реку Суру, войдя во оную деревню из оной отпустил трех по желаниям их в чувашские деревни с приказанием явиться им в селе Фокине или деревне Осиновке, а прочие своевольно в чувашские ж селения разошлись; сам же он Аристов оставшись один, взяв с собою в проводники оной деревни крестьянина Данилу Иванова пришел в присутное[1] к селу Воротынцу село Семьяно, где его встретили крестьяне с хлебом и солью, спрашивая у него таковыми речьми: не от государя ль Петра третьего прислан? и на то объявил, что он полковник и прислан от оного государя, с тем, если кто имеет себе от начальников своих какие обиды, то б их вешать, и после того вскоре в оное село привез из села Воротынца староста со крестьяны по объявлению:

управителя с женою, да француза и немца и крестьянина Андрея Киреева, да представил еще села Семьяна двух крестьян с жалобою на всех их в причиняемых ими одновотчинным крестьянам обидах, кои по его Аристова приказанию Воротынцовскими и Семьянскими крестьянами и повешены, где он был часов с пять, а потом из жительства проводили его крестьяне и дали проводника до села Воротынца, в котором также как и в селе Семьяне был встречен и по приезде на требование его вотчинных разорителей представлены к нему были упоминаемым же села Воротынца старостою по сказыванию его управительской брат Иван

---

[1] *Слово* присутное *кем-то подчеркнуто и отмечено на полях знаком:* NB

Тетеев с сыном, кои по тому ж с его Аристова приказания фабричными повешены; а при том он вызывая в службу к известному злодею Пугачеву охотников, на что как крестьяне так и фабричные желание свое объявили, а напоследок по его приказанию всю фабрику разорили и полотна по себе разделили. Из фабричных же выбравшись один и прилепившись к нему, который называется Григорьем по отечеству Максимовым а прозванием Пытов, просил его Аристова чтоб отвесть к известному злодею Пугачеву, но он за незнанием где находится от того отрекся, а пригласил ехать с собой, со обнадеживанием ему тем, что он будучи при нем как будет грабить, может получить себе денег и платья довольное число, на что и склонился. А что принадлежит до проводника, то он кроме указания по тракту дороги ко учинению в других местах и нигде злодеяния с ними общества и согласия никакого не имел, и исполня всё то злоупотребление, взяв по желанию реченного фабричного Пытова и с проводником приехал в село Фокино и там находящимся Нижегородским унтер-офицером при помощи тутошних крестьян они все пойманы и по привозе в Нижний представлены в губернскую канцелярию.

1774 года августа 4 дня Илья Аристов из-под пристрастия в подтверждение показал:

Сего года генваря 4 дня по выздоровлении из Московского госпиталя с товарищем его Великолуцкого полка солдатом Андреем Кузьминым бежал точно в Таганрог к брату своему родному тамошнего баталиона поручику Василью Аристову для свидания; а чтоб разглашение делать на Дону и в проезд во всех жительствах о измене злодея Пугачева, об том подлинно никем научен не был, а разгласительные слова произносил точно он только в одном месте на реке Медведице войска Донского полковиика Серебрякова в станице Скухихе, и то по наслышке в проезд его к Дону февраля в половине в Пензенском уезде одного села от бывших с ним проводников, а как то село прозывается и которого помещика, также и имяи тех крестьян он ие упомнит, а те крестьяне сказывали ему, что они будучи в Уфимском уезде, для продажи окончии, в тамошнем краю самозванца Пугачева толпами были задержаны, а наконец прорвавшись выехали в домы свои; знакомство ж имел он с показанным Пугачевым в Прусском походе под Пальцихом, где оставлена была от Донского войска при магазейнах сотениая команда. Что ж государь император Петр Федорович подлинно скончался, не только он о том слышал, но и совершенно знал, будучи в то время в Риге на ординарции у генерала Федора Матвеевича Воейкова; по выпуске ж его злодеями из Секретной комиссии с прочими он отведен в кузницу для разбития желез, а оттуда как ведены

были в злодейский лагерь, то идучи вместе, злодея Пугачева с женою, в которое время наехал сам злодей на них и велел подать телегу и во оную посадить жену свою с детьми, а по просьбе ее и его Аристова. Как же приехали в лагерь, где его была палатка, отведя, спрашивал его Аристова по чему он его знает? на что он ему объявил, что он знает по бытности его под Пальцихом. При чем ему Аристову запретя, чтоб об том никому не разглашать и пожаловав полковником, приказал быть при своей жене и детях. И в бытность его при жене злодея Пугачева, слышал неоднократно приносимую от жены его жалобу Донского войска на полковников Илью Федорова, Михаилу Серебрякова, Алексея Селинского и на главного их старшину Сулина о сожжении домов его и о разорении имения. Как же они переехали Волгу и отошед от Сундыря верст пятнадцать остановились, откуда злодейское намерение было идти в Нижний; но вышедшие из лесу чуваши человек с пятнадцать объявили ему, что Нижний укреплен и команды в нем весьма много. Почему он отменя то намерение пошел к Ядрину и к Курмышу, спрашивая у него Аристова, не знает ли он прямой дороги на Дон не хватая Пензы и Воронежа, но как он сказал, что дороги не знает, то по приказу его привели к нему двух человек чуваш, кои и объявили ему, что они проводить могут к Донцу и Дону тем трактом, как он приказывает лесными местами из Курмыша миновав Алатарь и Пензу на устье Медведицы и чрез станицы Кочалиной, Малые и Большие Чиры и Пяти-избинскую, за которую их чуваш услугу и дано от Пугачева по тридцати рублей. А от сей последней станицы намерен был послать в Царицын осмотреть, не можно ли будет оттуда получить пушек с припасами, с коими следовать до Черкасского и там будучи по способности возмутить Белоградскую и Кубанскую орды, а умножа силы обратиться к Москве, которому тракту бывший при нем секретарь Савелий Яковлев, а прозвания не знает, писал записку; его ж Аристова послал с семью человеками вперед для приуготовления, где он будет идти, хлеба, овса и разных съестных припасов. И проезжая он Аристов до села Фокина на фабрике графа Головина повесили по повелению его Аристова восемь человек, и той его Головина вотчины как крестьяне, так и все мастеровые приготовились было принять злодея Пугачева; да как он с той фабрики поехал в село Фокино, то по его ж приказу без него крестьянами повешено четыре человека, а злодей Пугачев тем ли пошел трактом, которому сделана была записка, или другим, о том он утвердить не может. А он Аристов в показанном селе Фокине пойман и отвезен в Нижегородскую губернскую канцелярию.

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

IV.

⟨РАПОРТЫ⟩.

1.

(ПБ$_2$, л. 337)

Дек.⟨абря⟩ 22 Симанов репорт.⟨ует⟩, что на Нижних Яицких форпостах произошло возмущение от татарина Аптыша Тангаева, объявившего им о взятии[1] Оренб.⟨урга⟩.

2.

(ЛБ 91, лл. 20 об.—21)

Рапорт Муфеля.

В походе от Сызрани к С.⟨амаре⟩ декабря 26⟨го⟩ напал я на бежавшего накануне[2] из Самары команд.⟨анта⟩ капит.⟨ана⟩ Балахонцова и 1 бат.⟨альона⟩ подпор.⟨учика⟩ с 23 чел. бат.⟨альонных⟩ солдат, с прап.⟨орщиком⟩ Пановым и с дворянами При вступл.⟨ении⟩ шайки, жители встретили их с колокольным звоном, атаман Арапов (крестьянин креп.⟨остной⟩) велел петь молебен и стрелять из пушек; а прибыл я в село Печерское от Сызрани 40 ве⟨рст⟩, а 28⟨го⟩ в село Рожественское расст.⟨оянием⟩ от Самары 5 верст. Тут узнал я, что я должен был быть в тылу атакован калмыцкою партией ставропольских кал.⟨мыков⟩ из 200 чел., они были от меня в 10 верстах. Возмутившиеся крестьяне графов Орловых дали знать обо мне в Самару, где находилось 300 чел. казак.⟨ов⟩ да гарнизон Балахонцова, да татар и крестьян множество.

29 числ.⟨а⟩ составя вагенбург в селе Рожественском, в 7 часов, во время сильного снега, пошел я к городу. На самой реке Волге, в 1 в. от города, напали на мой левый фланг, закрываемый казаками, и были отбиты ротою драгун. Они ретировались, а пехота и конница моя их преследовала быстро. Подпустив меня ближе, они открыли огонь, из 2-х их и 4-х городски⟨х⟩ чугунных пушек. Наконец и их пехота под городом чинила отпор. Но поручик ф.⟨он⟩ Горстен, командующий ротою драгун, ударил в палаши и попирая, рубил их через весь город, при чем я казаки копьями сваливали их с коней. Город был очищен — но по причине глубок⟨о⟩го снега и устали коней, нельзя было их преследовать далеко, в сие время на Оренб.⟨ургской⟩ дороге показали⟨сь⟩ и ставр.⟨опольские⟩ калмыки[3] в 2-х верст.⟨ах⟩ от Сам.⟨ары⟩. На них посланы дра-

---

[1] о возм⟨ущении⟩

[2] на бегущего

[3] калмыц⟨кие⟩

гуны и казаки, ка<л>мыки бежали, но преслед.<ование> их было невозможно. Захвачено в плен сволочи 200 чел., трупы занесомы были снегом, и прибираемы жителями, кот.<орым> и число убитых неизвестно. Все пушки взяты.

С моей стороны убито ядр.<ами> 3 мушк.<етера>, ранено тяж.<ело> 3, ранен *прапорщ.<ик> Панов;* 6 драгунов,[1] 1 каз.<ак>, убито 8 лошадей.[2]

Отличились ф.<он> Горстен, поруч.<ик> Храповицкой, сарат.<овского> бат.<алиона> прапор.<щик> Панов, есаул Татаринов. *Дек.<абря>*[3] *31<го>*.

3.

(ЛБ 91. л. 20—20 об.)

<Письмо> *Бибикова* (экстракт). [М.<илостивый> г.<осударь> гр.<аф> Зах.<ар> Григ.<орьевич>!] В предыдущем письме репорт.<овал>, что 24-й легкой полевой команды майору Муфелю приказал я занять город Самару. Он его взял, отнял 4 пушки и еще 2 мятежниками привезены — с ним. Команда Волжская исполнила свою должность, для ободрения оной надлежало бы дать медаль их начальнику.

Жду с нетерпением прибытия полков, знаю, что Гусарск.<ий> Изюмск.<ий> вступит дня через 4 сюда, за ним 2-й баталион Гренад.<ерского> полка, Архангелогородской карабин.<ерный> и Володимирс<кий>, 4-го числа, быть имели в Нижний. На днях прибудет Мансуров в Самару с 2-мя лег.<кими> командами.

Мятежники около Кунгура уже показались и пресекли сношения с сим городом, а воевода и чиновники разбежались оттуда.

В Бугульме, Заинске, Кичуевск.<ом> фельдш.<анце>, Мензелинске и проч. наших одна пехота, и не может мешать им разъезжать.

Посылаю полковн.<ика> Бибикова с 4-мя ротами гренад.<ер> и со ста гусар и 2-мя пушками для подкрепл.<ения> Фреймана, дабы ободрить *бездейственного* Фреймана, и очистить комуникацию.

Бездействие Фрейм.<ана> меня терзает, а отряженные им начальники медленностию и робостию только ободряют мятежников.

Крайняя надобность в ружьях, саблях, карабинах, пистолетах. —

Провиант на Яик к Симонову подрядчики повезли с Сызрана без эскорту за неимением солдат.

В Самаре приказал я таковой же заготовить, чтоб доставить в Оренб.<ург>.

---

1 4 драгуна

2 убито каз.<ацких> 8 лошадей

3 Ноября

Спешите, м.<илостивый> г.<осударь>, доставлением легких войск возможность тушить зловредный и на толиком пространстве горящий пожар, ибо зло сие весьма далеко возросло и обширно распространилось. Казань 5 янв.<аря> 1774.

22<ая> легкая команда под нач.<альством> подполк.<овника> Гринева соединилась из Синбирска с Муфелем и два поселенные гусарские эскадроны.

4.

(ЛБ 91, лл. 106—106 об.)

Рапорт оренб.<ургского> об.<ер>-ком.<ендanта> Валленстерина от 6 февр<аля>.

Января 13<го> корпус мой собрался за Орск.<ими> вор.<отами> в 4-м часу, но Яицк.<ие> казаки не явились, и догнали уже на половине марша. Корпус шел 2-мя колон.<нами> через высоты, но снег был по колено, а лошади падали и дохли. Солдаты отдыхали, а с прямой[1] дороги по прич.<ине> темноты сбивались.

Не дошед[2] поутру до буераку[3] лежащ.<его> против Берды, увидел я, что выход из Берда за буераком уже занят непр.<иятелем> с пушками — а другие тянулись в право. Бородин объявил, что обходить буерака уже не можно.

Я протянул одну колону ближе к буераку, выстроил один фронт, оставя сзади резерв, и фронт обращен к буераку и Бер.<дской> слоб.<оде>. Тут началась канонада.

По буераку и в лощине злодеи имели множе.<ство> пушек, и толпы их заезжали кругом мне в тыл. Наши казаки с егерями в сие время стреляли из пушек и ружий; а некоторые прискакивали к резерву, и оный смешавшись с ними кинулся на неприятеля, подъезжавшего с тыла, и пришел в беспорядок. Фронт же мой претерпевал канонаду с переди, с пр.<авого> фл.<анга> и с тыла.

В сие время резерв корпуса[4] бр.<игадира> Корфа, находящегося[5] близко моего, от наш.<ествия> Яицк.<их> каз.<аков>, приведен также в замешательство; то я поспешил ему на помощь; но рассеянных резервов привести в порядок было невозможно, не смотря на пушки, которые в подкрепл.<ение> были привез<е>ны и как за неимением конницы нельзя

---

[1] а прямую

[2] Дошед

[3] до ло<щины> <?>

[4] В сие время корпус

[5] находясь

было их прикрывать, то бр.<игадир> Корф придвинул свой фронт на высоту, с которой уже резерв его спустился, а в сие время расстроился и его фронт, от пушек злодеев поспешно перебиравшихся через буерак.

Злодеи старались отрезать меня от Корфа, почему послал я к маи.<ору> Наумову повеление присоединиться к нам—а мой фр.<онт> примыкая к рядам бр.<игадира> Корфа начал расстроиваться и весь пришел в беспорядок и всё обратилось в бегство, и остановилось уже под самым городом, до которого преследовали нас злодеи.

3 пушки (из 10) достались в руки непр.<иятелю>, увязнув в глубоком снегу, спустясь уже с Берд.<инской> горы.

Корф выступив из Сакмарск.<их> ворот, пошел двумя колон.<нами>, но в означенной лощине от глубокого снега был задержан. Подходя к высоте, где обыкн.<овенно> злодейск.<ий> караул, он выстроил фронт с резервом и, взобравшись на высоту, шел к буераку и встречен сильною пальбою, но он приблизился и начал сам канонаду. Во время ретирады с горы бросил он 4 пушки.

5.

(ЛБ 91, лл. 106 об.—107)

Рапорт Наумова.

Пр.<емьер>-м.<аиор> Наумов на утренней заре занял означенное ему место. Чел.<овек> 10 злодеев увидели его, и дали знать о том в слободе. Я устроил батареи и около получаса ждал среднего корпуса. Между тем злодеи стали выходить сперва конные, потом пешие и с пушками в низ по Сакмаре и оврагу пробираться. Я стал по ним стрелять и обратил некоторых в слободу, а других в кустарники.

Оставя на моем месте сек.<унд>-маи.<ора> Донкеева с двумя оруд.<иями> и с гарниз.<онной> ротою, сам я краем рва придвинулся к слободе с 3 пушками, и действовал удачно, как на их жилье, так и на толпу, и местах в двух зажег слободу.

В сие время Оренб.<ургского> корпуса провиант-комиссар Гурьянов приехал ко мне от г. Корфа с объявл.<ением>, что корпус его окружен, и мой[1] не безопасен — я тотчас и ретировался.

Тогда злодеи заняв бугор[2] где стоял средний корпус и высоту, где находился Донкеев, с трех сторон напали на меня, и я бросив, по причине снега и падения лошадей, свою артилл.<ерию>, ретировался (из 6,5).

Всего убито 281, ранено 123.

---

[1] а он

[2] заняв высоту

6.

(ЛБ 91, лл. 16—19 об.)

От 28 марта. <Рапорт Михельсона.>

В деревне[1] Жукове для непропуску Мих<ельсона> — выслано 2,000 чел. и 4 пушки—а в Чесноковке всего 10,000 с артилл.<ерией>.

Сию толпу, как ни опасно было оставлять у себя в заду, но Мих<ельсон>, оставя дорогу[2] влеве, пошел прямо к Чесноковке на деревню[3] Арова (от Кляшева в 7 верст.). Тут хотел я дождаться ночи, но в 5 ч. веч. усмотрел около 1000 чел. на горе, сбирающиеся в деревне Кляшеве—я их разогнал и прибыл в Кляшево, где разложив огни, приказал играть зорю — в 11 часов ночи из оной выступил, обоз мой следовал за мною под прикр.<ытием> 100 чел. конн.<ицы> и пех.<оты> с 1 пушкою, которые и прикрывали меня в случае нападения с тыла. В 2 часа в Требикове, в 5 верст. от Чесноковки, встречен я был 1,000 чел. с двумя пушками. Маиор Харин их разбил и рассеял. Егеря отняли пушки, и Михельсон двинулся к Чесноковке, а вагенбург оставил в Третьякове. На рассвете встретили нас злодеи у деревни Зубовки, разделив своих лыжников по обеим сторонам дороги и часть конницы протянувшись в линию более версты, а 3,000 с 10 пушк.<ами> пошли прямо на встречу, имев с правого фланга в дер. Зубовке батарею из 7 пушек. Лыжники и вся толпа старалась их окружить. Против их поставил маиор Харин свои батареи, а против в Зубовке[4] бывших пушек батарею поставил — и сражались так до 4 часов. — Злодеи дрались отчаянно, и когда получили подкрепление, то я велел стрелять в их главную кучу, а коннице моей, спешившейся в начале сражения, садиться на конь, и идти в атаку с майором Хариным. При сей атаке передовые толпы бежали к Че<с>ноковке, бросив свои пушки. В полон взято до 700 чел. В сие самое время конница их шла в дер. Зубовк<у> для прикрытия артиллерии, на встречу ей отряжены С.<анкт->петерб.<ургского> полка поручик Матис и Чугуевск.<ого> ротм.<истр> Павлов с их ротами, обратили ее в бег к Чесноковке, уже занятой Хариным.

Майор Харин их встретил, остановил и взял в плен. — С боков наступающие злодеи делали тогда нападения на мой обоз, уже отрезав его от меня; но отряженные 2 роты под командою кн. Енгалычева и ротмистр.<а> Домогацкого, разбили их совершенно. В 2 часа по-полудни злодеи, потеряв около 500 чел., обращены в бег. Чика ускакал с 20 челов. Лыжники

---

[1] В деревню

[2] оставя деревню

[3] чрез деревню

[4] а против Зубовки

Выписка из рапорта Михельсона от 28 марта 1774 г.

Публичная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Картон № 2391, л. 16.

скрылись по лесам, и вероятно[1] возвратятся по домам, в плен взято 1560 чел. (в том числе взятая в Нагайбаке пехота 71, да гарниз.<она> 25, из Екатеринбурга капитан Прокофьев, и проч., всего 106 чел.). Экономических и дворянских крестьян распустил по их деревням, 543 заводских отправил в Уфу, из башкир одного, и выборного села Чесноковки, главного бунтовщика, повесил, а 3 высек кнутом. Пушек взято 25, из оных 3 медных, мортир 4, одна $^1/_2$ пудовая, множество провианту.

Чернышев и Ульянов пойманы в Табинске тамошним казач.<ьим> есаулом и препровождены в Уфу[2] — чем и бунт усмирен большею частию.

7.

(ПД 375)

Секретно. Гос.<ударственной> В.<оенной> колл.<егии> от г.<енерал>-анш.<ефа> л.<ейб>-гв.<ардии> прим.<ьер>-маи.<ора> и кав.<алера> Алекс.<андра> Бибикова репорт.

По следствиям, произведенным в учрежденной в Казане по всевысочайшему е.<е> и.<мператорского> вел.<ичества> имянному указу секретной комиссии Ставроп.<ольского> батальона поручик Илья Щипа<ч>ев, отст.<авной> пор.<учик> же Ефим Воробьевской и Тобольск.<ого> 3-го батал.<иона> прапорщ.<ик> Ив. Черемисов оказались в нарушении своей присяги, и должной верности е.<е> им.<ператорскому> в.<еличеству>, также и в других гнусных и презрительных поступках; за что они лишены всех чинов и по написании[3] в солдаты, наказаны по мере их преступления. Щипачев гонен спицрутен[4] чрез 1000 чел.<овек> 6 раз, Черемис.<ов> публично высечен батоги, а Вороб.<ьевской> в рассуждении старости его лет, и что он находится в отставке, от наказания избавлен, но до успокоения содержен быть имеет под караулом, а по успокоении отпустятся в дом его, состоящий в Сарочинск.<ой> креп.<ости>. Щип.<ачев> же и Черем.<исов> назначены в дальние Сиб.<ирские> батал.<ионы> и определено их оттуда никуда не отпускать и не отлучать куда они в удобное время и отправлены быть имеют из Каз.<анской> губерн.<ской> канцелярии. О отобрании ж у них на офицерские чины патентов в надлежащ.<ее> место от меня писано. Александр Бибиков.

Марта <...> дня 1774 год.
Казань.

---

[1] но вероятно

[2] и препровождены 28<го> в 3-м часу к. *Заглавием данному рапорту служит: Марта 24.* Дело при Чесноковке.

[3] по написанию

[4] спицрутеном

* 8.

(ЛБ 91, л. 225)

Реестр какие именно злодейские старшины с злодейскою толпою в сражении против меня были. 1774 году июня 27 дня.

Старшины Аккучун Таиров.
Даута Еналын.
Ибрагим Мрясев.
Утеган Муяшев.
Ишкиня Аитов.
Мрадимъ Абдрахтанов.
Сабай Кутлин.
Козяхмет Тайшев.
Тангаурской волости и деревне Тангаур башкирец Абдул-зенил.
Сотник Каймурз Солтанаев.
Башкирец Ибендул Качангулев.
Исенюл.
Комбулат.

‹*Подпись:*› В должности полкового писаря атаман сотенн‹ый› Лука Чернышев ‹?›

9.

(ЛБ 91, л. 118)

25 авг.‹уста.›

У Волги, у самого Салникова завода, Пугачев, противу отряда Михельсона, повел атаку, поставя с сво‹е›й стороны пеших, на *наших,* стоявших с обоих сторон отряда, на правый[1] фланг походного атамана Перфилова (при Чугуевск.‹ом› пех.‹отном›), а на левый, на всех Донских. — Но сии так его отразили, что уже пехота с нашей стороны не имела дела, увидя толпу и ее пушки вне действия более $^1/_4$ часа. Конные преследуемы Донскими более 40 верст. Убито 3,000, в плен взято 7,000, пушек 25. Сам же Пугачев, *безо всякой рухляди и пушек* выше Черн.‹ого› Яру переплыл Волгу; у казаков 2 раненых.

Рапорт С.‹емена› Сумина об.‹ер›-ком.‹енданту› Потапову.

---

[1] с права

10.

(ЛБ 91, лл. 116—117 об.)

Рап.<орт> от кн. Щерб.<атова> в Военн.<ую> колл.<егию>. Авг.<уст>.

На запрос отчего, когда главным делом должно было быть преследования злодея, переход через Каму не был прегражден, и что удержив.<ало> в Ор.<енбурге> большую часть войск?

Казанск.<ая> губ.<ерния>, быв *тогда* усмирена, поручена мною ф<он> Бранту, с достаточным числом войск; и отпр.<авился> в Оренб.<ург>, близ коего Пугачев укрывался на заводах.

Войска были раздроблены частию по Башкирии, частию к Яику, остальные по Самарск.<ой>[1] линии кордоном, для охранения магазейнов и комуник.<ации> с Казанию.

Пугачев разбитый Декал.<онгом> под Троицкой и Михельсоном под Кондравою, скрылся *неведомо где*; но Башкирия в сие время взбунтовалась паче прежнего и 15 дней не имел от посланных отрядов репортов. В сие время калмыки ставроп.<ольские> и оренб.<ургские> приведены в повиновение, и я войскам, посланн.<ым> на них, велел идти к Ор.<енбургу> для обращения оных в Башкирию под команд.<ой> кн. Галицына.

Михельсон пологал Пугачева в деревне Караси, а Фрейман — под Верх.<не>-Яицк.<ой> креп.<остью>. Кол.<лежский> сов.<етник> Тимашев, посланный к Зелаирской креп.<ости>, уведомил меня, что Пугачев бежит на линию, намереваясь бежать в Киргизск.<ую> степь. — Я *повсюду* взял предосторожность и приказал Мих.<ельсон>у *только что* пр<е>следовать Пугачева. Все войска находились в следующих местах:

Г.<енерал>-м.<аиор> Мансуров в Яике прикрывал всю линию в право к Гурьеву г.<ородку>, а в лево к Сызране, течение Волги и Иргиз.

Полков.<ник> Кожин и маи.<ор> Юшков по Ново-моск.<овской> дороге, в кордоне, для своб.<одной> комун.<икации> Оренб.<урга> с Каз.<анью>.

По Белой реке были расположены: полк.<овник> Хорват в Бугульчанах; маи.<ор> Рылеев в Стерлитамаке; полк.<овник> Шепелев в Табинске; полк.<овник> Якубович в Уфе; маи.<ор> Дуве в Бирске; полк.<овник> Обернибесов в Бакалах[2] — для удержания Башкирии и для пресечения Пугачеву паки пути к Оренб.<ургу> или Казани.

Маи.<ор> Скрыпицын, от ф<он> Бранта, в пригороде Осе — с гарнизонным постом и вооруж.<енными> заводск.<ими> крестьян.<ами>. — (Сии три последние: Дуве, Обернибесов и Скрыпицын прикрывали и течение Камы).

---

[1] по Сакмарск.<ой>

[2] *У Пушкина описка:* в Балаках

Подполк.<овник> Попов прикрывал Кунгурской[1] уезд.

Маи.<ор> Гагрин (по моему усильному требованию) *должен был* от Декал.<онга> стать при Красно-Уфимске и прикрывать Екатеринб.<ург>.

Ген.<ерал>-маи<ору> Фрейм<ан>у в Зелаирской крепости для наблюдения о усмирении Башкирии и преследов.<ании> Пугачева.

Михельс.<ону> поручено преследование.

Ген.<ерал>-м.<аиор> Станиславский, будучи в команде Рейнсдорпа, подкрепля<л> крепости, по Верхо-Яицкой линии.

Подполк.<овник> Марков, с оставл.<енными> от полков командами, в Казане.

Итак в Оренб.<урге> всего было 2 роты гренад.<ер>, 2 эскадр.<она> гусар и 300 малоросс.<ийских> казаков под команд.<ой> полк. князя Долгорукова в 30 верст.<ах> от города, в деревн.<ях> подверж.<енных> нападеиию от Башкир.

Получа от Мих.<ельсоиа> извест.<ие>, что Пугачев стремится в Кунгурск.<ий> уезд, а от Бранта о завладении 21 (?) июня приг.<ородом> Осы, я отправился в Бугульму, взяв одну роту гренад.<ер>, один эск.<адрон> гусар и 150 чел. малор.<оссийских> каз.<аков>, приказав Обернибесову занять Шумской перевоз, а маи<ор> Мелин отправлен к Каме к Шуранскому перевозу — а Гал.<ицыну> приказал я скорее следовать в Уфу, предпочитая Казань Башкирии.

У Бранта было около 2,000.

Пугачев, у Осы без сопротивления перешед Каму, и усилясь взятою артиллерией, пошел тотчас к Саткинскому и Воткинскому зав.<одам> и истребил оные, с изменившими крестьянами.

Войска были раздроблены на 23[2] отряда на пространстве 1500 <верст>.

11.

(ЛБ 91, л. 67)

От 10 сент.<ября> рап.<орт> Кречетникова.

Башнак спас денежную казну, и канц.<елярские> дела — отправя оные в Астр.<ахань>.

Пугачев взял потом Дмитр.<е>вск, но где находится ком.<ендант> оиого Мелин, неизвестно (говорят, убит). Оттоль достигал не только казачьи городки, но покусился осадить и Царицын, но отбит с уроном, и следуя вниз к Черному Яру достигнут и разбит 25 авг.<уста> Михель-

---

[1] *У Пушкина описка:* Сунгурской

[2] на 24

соном; артилл.‹ерийский› обоз и люди отбиты; убито и потоплено много. Пугачев переплыл Волгу и ушел на луговую сторону с 30 человеками, за коими гонятся отряды Михельс‹она›, да легк.‹ая› пол.‹евая› ком.‹анда› из Астрахани, да Дундуков с калмыками, от Красного до Черного Яра, везде по степи преследуя, и разъезды разосланы до Гурьева, и до Элтонского соляного озера. До самого Саратова путь открыт и свободен и сообщения начались. Но гор.‹од› Дмитревск остается еще без присмотра.

12.

(ПБ$_2$, л. 328)

1775 ‹г.› авг.‹уста› 11‹го›. От Панина в В.‹оенную› Колл.‹гию›

9-го авг.‹уста› импер.‹атрица› писала ему о окончании возложенной на него комиссии, о пресечении возмущения.

Посему писал Пан.‹ин› Суворову, дабы с сего времени войско отдал он в ведение Вое.‹нной› Кол.‹легии›.

О вступлении войск из лагерей в зимние квартиры, и о мерах при том долженст‹вующи›х быть принятыми, писано также Суворову.

Из 46 линейных укрепл.‹ений› 25 совсем истреблены, а остальные повреждены. Указом е.‹е› в.‹еличества›, вместо деревянных, велено в том краю строить укрепл.‹ения› земленые. Но между тем край тот огражден одними полевыми командами.

V.

‹ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ УКАЗЫ.›

1.

(ПД 388)

Указ ее имп. вел. самод‹ержи›цы Всероссийской находящимся при Самозванце яицким и илецким казакам.

К крайнему всякого прискорбию оказались вы в таком состоянии, что забыв страх божий и учиненную в верности ее им‹ператорском›у в‹еличеств›у присягу, поверя лестному и совсем на лжи основанному представлению самозванца, отважились на такое злое и богомерзкое дело, о коем всяк разум имеющий без внутреннего содрогания пробыть не может, что вы пристав к нему как ослепленные погружаете себя у бога и у целого света во глубину погибели. А как вы очень важное преступление уже учинили, то вот вам ко утолению высочайшего е. и-го в-ва гнева средство: реченного самозванца постараться поймать и представить, через что можете удостоить себя в том вашем злодеянии здешнего у ее и-го в-ва

предстательства, которое конечно учинить не оставлено будет. А ежели сердце ваше так ожесточилось, что сие увещевание не проникнет, то остается непременно погибать вам как в сем веке,[1] так и в будущем. При чем дается вам знать, что упомянутый самозванец беглой из Казани донской казак именем Емельян Пугачев, который пред сим, в равномерном злодеянии в Астраханской губернии пойман и жестоко наказан был, следовательно такому человеку, который честного общества извержен, мерзить и удаляться должно. *Оренб.<ург> окт.<ября> 2 дн.<я> 1773 г.* Подл.<инный> подп.<иса>ли: Ив. Рейнсдорп, Карл Валленштерин, Василий Старово-Милюков. Петр Рычков. Иван Мясоедов. Иван Тимашев. Подполк.<овни>ки Василий Магутов. Михайло Ушаков. Артил<лер>ии маиор Ив. Норов. Баталионный команд.<ир> прим.<ьер>-маи.<ор> Франц Даллеровский. Бат.<алионный> ком.<андир> Федор Шкапской. Маи.<ор> Василий Молостов. Бат.<алионный> ком.<андир> сек.<унд>-маи<ор> Ив. Скирмантов.

*** 2.**

(ЛБ 91, лл. 227—228)

Копия

1774-го года августа 25-го дня. По указу ее императорского величества и по данной мне полной мочи за собственноручным подписанием на усмирение производимого ныне в государстве бунта изменником с его сообщниками самозванцем Пугачевым в имени императора покойного Петра третьего, который известно всему государству, двенадцать тому уже лет, как скончался и пред глазами всего Петербурга похоронен в Невском монастыре, по усмотрению на месте удобнейших средств, не только к пресечению сего бунта, но и к возвращению в прежнее верноподанническое повиновение ее императорскому величеству законно владеющей скипетром всероссийским императрице Екатерине второй, всех возмутившихся и заразившихся оным бунтом ее величества поданных, преполагаю я по государственным на изменников и сообщников его законам поступать по нижеписанному.

1-е. Во всех тех городах и селениях, в которых обыватели поднимали свои руки или способствовали только поимке и предательству в руки изменников на сместное <?> убийство своих воевод, всяких поставленных от ее величества начальников, собственных помещиков, священников и всякого звания верных поданных из тех как самих убийц, так и из предателей заводчиков, изготовя наперед по христанскому закону, казнить смертию, отрублением сперва руки и ноги, а потом головы, и тела класть на колесы у проезжих дорог.

---

[1] в сем свете

2-е. Всех без изъятия последователей за таковыми бунтовщиками сечь жестоко при виселицах плетьми.

3-е. Ради таковой же кары при всех тех селениях, которые бунтовали или хотя ослушными противу законного начальства оказывались, поставить и впредь до указу не велеть снимать по одной виселице, по одному колесу и по одному глаголю для вешания за ребро.

4-е. Если заводчиков во убивствах учрежденных начальников, собственных помещиков, священников и всякого звания верных поданных никакими настоящими обличениями изыскивать будет где нельзя, то в таковых селениях где начальники, священники и всякого звания верноподданные умерщвлены или преданы их же поселянами, принуждать к выдаче заводчиков метанием между ими жребия для повешивания третьего, а ежели и сим средством они их не выдадут, то и действительно сотого между таковыми с жеребья повесить, а остальных всех возрастных пересечь жестоко плетьми.

5-е. Всех поселян, возвращенных сими средствами в прежнюю поданническую верность к ее императорскому величеству, нашей всемилостивейшей государыне и в должное повиновение своим начальникам и помещикам утвердить в том целованием евангелия и креста, объявив, что если кто из них дерзнет вперед каким-нибудь образом приобщаться к бунтовщикам или утверждать самозванца настоящим Петром третьим, который двенадцать тому уже лет всему государству известно подлинно скончался, или кто сделает малейшее ослушание воеводам, канцеляриям, всяким над собою начальникам и собственным помещикам, а другие таковых заводчиков или подсыльных от государственных бунтовщиков не свяжут и в ближайшие канцелярии или воинские команды не представят, за то в самой скорости присланными из войска команды генерала графа Панина состоящего теперь здесь внутри земли, все в таковых селениях без изъятия возрастные мужики будут казнены мучительнейшими смертями, жены и дети их отданы в рабство, а земли во владение другим в верности пребывшим всегда к ее императорскому величеству поданным и помещикам.

6-е. Если бы паче чаяния, чего до сих пор еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтоб нашлись заслужившие по вышеписанному предположению наказание смертной казни, или телесные истязания дворяне или имеющие офицерские чины выше, также и духовного рукоположения, таковых по изобличении содержать прикованными к стенам на хлеб и воду. А о действительном их наказании представлять генералу графу Панину чрез нарочных.

У подлинного подписано: граф Петр Панин.

С подлинным поверял секретарь Петр ‹*нрзб.*›

* 3.
(ПД 77)
О подпоручике Минееве.

Казанского третьего баталиона из дворян подпоручик Федор Минеев! По произведенному во учрежденной по всевысочайшему ее императорского величества имянному указу Секретной коммиссии следствию оказался ты виновен в том, <что> 1) зная ты больше других о кончине покойного государя и слыша публикованные о злодее-изверге, донском казаке Емельке Пугачеве указы, который по врожденному в нем к роду человеческому злодеянию, собрав в свою шайку во всем подобных себе бродяг, производит со оными в Отечестве своем неслыханные разбои, грабительства и смертоубийства, и наконец для ослепления простых и глупых сердец — вымысля дерзко принял на себя высокое название покойного императора Петра третьего без всякого подобия и вероятия; почему и надлежало бы тебе к сему зловредному скареду и бунтовщику иметь совершенную ненависть и презрение, но ты не только сего не учинил, но и оказался явным Отечеству своему врагом и способником во всех его злодейских предприятиях, ибо де забыв ты страх божий и учиненную тобою пред святым его алтарем клятву в верной ее императорскому величеству службе имел неблагодарное и злом упоенное сердце слепо ты уверясь о сем лжесамозванце самоохотно предался в его злодейскую службу, и будучи в Осинской крепости почел его за совершенного государя и сделал ему богоненавистную присягу, а тем самым прилепясь к нему усердием, подверг ты чрез донос свой сему извергу попавшихся по своему слабоумию в ту злодейскую толпу маиора Скрипицына и капитана Смирнова, за то, что они писали о себе в Казань репорт, неповинно смерти, за что и произведен был ты от него полковником, а тем будучи ослеплен льстился быть у него большим человеком и получить ленту, сделался напоследок ревностным его услужником, исполнял все его злодейские приказания, совращал легковерный народ с пути истинного быть усердными к его службе, устращивал отнятием их жизни и будучи заражен сим буйством не мог ты от него отстать и о всех злодейских его предприятиях так, как ты будучи офицер, по долгу своему объявить, но до тех пор пребыл в его службе как уже злодейская его толпа верными войсками совершенно была разбита и ты не находя способу более продолжать свои злодейства, решился наконец явиться сам и тем намерен был закрыть свою вину, в чем во всем ты признался. И за сии твои преступления, Коммисия определила: лиша тебя чинов, прогнать шпиц рутень чрез тысячу человек двенадцать раз и написать в солдаты во отдаленный гарнизон.

Гвардии капитан Семен Волоцкой.
Гвардии подпоручик Горчаков.

Сей Минеев для определения в дальний гарнизон в солдаты не был отдан, потому что он после учинения ему наказания умер.[1]

---

* VI.

(ЛБ 94, № 14)

О ПОБЕГЕ ПУГАЧЕВА.[2]

№ 88. Подана ч.<исла> 31-го генваря 1774 года.

Копия.

Промемория.

Из Казанской обер-комендантской канцелярии в Казанскую губернскую канцелярию по требованию оной канцелярии Казанского второго баталиона над прапорщиком Зыковым о побеге на его караул<е> содержащихся в тюремном дворе колодников Парфена Дружинина и Емельяна Иванова Пугачева следствие произведено, а что по тому нашлось, оное к сведению губернской канцелярии при сем посылается. Генваря 28 дня 1774 года. У подлинной промемории скрепа тако: Алексей Лецкий. № 388.

1774 года февраля 3 дня в Казанской губернской канцелярии в журнале записано тако № 4.

По промемории Казанской обер-комендантской канцелярии, при которой к сведению произведенной в той канцелярии Казанского второго баталиона над прапорщиком Зыковым о побеге на его карауле содержащихся в тюремном дворе колодников Парфена Дружинина <и> Емельяна Иванова Пугачева следственное дело, приказали оную промеморию и при ней дело отдать в повытье. У подлинного журнала скрепа тако: Иван Кудрявцов, Александр Жданов, колежской секретарь Степан Попов.

Копия получена июля 10 ч.<исла> 1773 года.

Промемория.

Из Казанской губернской канцелярии в Казанскую обер-комендантскую канцелярию по слушании дела по репорту капитана Васильева о бежавших с тюремного двора колодниках Парфене Дружинине и Емельяне Иванове с солдатом Григорьем Мещенковым, кои колодники отпущены были для испрошения милостыни за караулом баталионных солдат, означенного Мещенкова и Дениса Рыбакова, кои при том репорте присланы, и те колодники тот побег учинили минувшего маия 29 числа, а по справке выше-

---

[1] *Против слов* Сей Минеев ~ умер *кем-то добавлено*: NB приписано

[2] *Заглавие:* О побеге Пугачева *почерком Пушкина.*

писанные колодники содержались в пригороде Алат.<ы>:Парфен Дружинин в неявившихся у него с товарищем Иваном Емельяновым <в> бытности их в селе Стретенском, при продаже соли, денег четырех сот пятьдесят трех рублев десяти копейках с четвертью, а Емельян Иванов по прозванию Пугачев по экспедиции его высокопревосходительства господина генерал-аншефа кавалера и здешнего губернатора Фонбранта, по некоторому секретному делу, по которому репорту для сыску их в пригород Алаты послан был нарочный по инструкции и велено, чрез тамошних жителей разведав, поимать показанных бежавших колодников Дружинина, Пугачева и солдата Мещенкова, кои отсюда вместе бежали, и как скоро пойманы будут, оных бы, сковав, под крепким караулом привесть в Казань и объявить при репорте обще и с держатели их; а солдата Дениса Рыбакова, каким случаем показанные колодники от него бежали или им отпущены и с каким умыслом отпустил, о том допросить с обстоятельством, а о сыску и о поимке тех утеклецов в Казане публиковано и в казанскую полицию, также и в провинции и в городы указы посланы, и вышеписанный нарочно посланный солдат Семен Коршунов, возвратясь, репортом объявил, что он в том пригороде и в окольных жительствах тех беглецов не нашел, а обыватели объявили, что они о поимке тех беглецов имеют караул; да Парфена-де Дружинина жена Домна Степанова во время содержания находилась в Казани Благовещенского собора у священника Ивана Ефимова, коя также и сын ее Филимон бежали; а допросом объявленный солдат Денис Рыбаков показал, что он Рыбаков находился при тюремном дворе в карауле и ныне-де тому четвертый день по приказанию прапорщика Зыкова в первом часу по полудни командирован он обще 3-го баталиона с солдатом за колодниками двумя человеки, скованными в кандалах, а как их зовут и по каким делам содержались не знает, для испрошения милостыни в Пятницкой приход к священнику, а как зовут и отечества не знает, а только дом его знает и указать может, а как-де он, Рыбаков, с теми колодниками в дом того священника пришел, кой тогда вышел на крылец, звал тех колодников к себе в горницу, кои к нему и вошли, а он-де Рыбаков с товарищем своим солдатом стояли в сенях у горничных дверей, кои были тогда растворены, и в то время тот священник сам тем колодникам дву человекам так и ему Рыбакову и товарищу его солдату поднес по две чарки вина, а сам не пил, да сверх того и по одному стакану пива выпили ж и побыв-де у него, например, с час, из дому того священника вышед, пошли на большую улицу к строющемуся близ Замочной Решетки новому мосту, и как-де к тому мосту все они четверо дошли, то его, Дениса, реченные колодники и солдат, ухватя за голову и зажав ему рот, чтоб кричать было не можно, на слу-

чившуюся в том месте неведомо чью телегу с кибиткою на дву лошадях, а какие он не знает, и сами те колодники и солдат, сев ему на ноги и на грудь, зажав ему рот, поскакали на Арское поле и, столкнув его на том поле близ часовни с телеги, тот солдат ударив его, Рыбакова, в грудь и при том отбил шпагу да шляпу и уехали по дороге к селу Царицыну, о чем в том его допросе пространно явствует; а как священник Иван Ефимов, так и свояк его певчий Иван Дуганевской в Казанской духовной консистории по требованию губернской канцелярии допрашиваны и что показали, об том консистории промемориями ответствовано и священник Иван Ефимов в допросе между прочим объявил, что он бежавших колодников скованных и с ними дву человек в бытность их у него в доме поил вином, пивом и медом, о чем в том допросе явствует, и именно почему о учинении с тем священником, как он в поении тех колодников и солдат вином, пивом и медом оказался по законам, в духовную консисторию писано промемориею; а потом в подлинном из Казанской обер-комендантской канцелярии при промемории ж взятом Казанского 2 баталиона от прапорщика Зыкова ответе между прочим значит, что он с тюремного двора колодников Парфена Дружинина и Емельяна Иванова для испрошения милостыни за караулом солдат Казанских баталионов, а именно второго Дениса Рыбакова, третьего Григорья Мещенкова отпущал, кои утечку учинили обще с солдатом Мещенковым; а по справке в здешней губернской канцелярии вышеписанных колодников и солдата Мещенкова и поныне здесь не отыскано, того ради по ее императорского величества указу и по определению его высокопревосходительства господина генерал-аншефа, кавалера и Казанской губернии губернатора Якова Ларионовича Фонбранта с товарищи велено с объявленного поданного от капитана Васильева о побеге тех колодников репорта и с допроса солдата Рыбакова тако ж и взятого от прапорщика Зыкова ответа и с присланных из Казанской духовной консистории премеморий, списав точные копии, оставить здесь, а подлинные, тако ж и означенного солдата Рыбакова, как из обстоятельства того дела оказуется, что в отпуску помянутых колодников и в прочем виновным в том, над тем солдатом Рыбаковым для произведения военного фергера и криксрехта отослать в Казанскую обер-комендантскую канцелярию при промемории, кои при сей и посылаются с требованием, что по оному учинено будет уведомление и Казанская обер-комендантская канцелярия об оном благоволит учинить по ее императорского величества указам. Июля 9 дня 1773 года, у подлинной подписано тако: Александр Жданов, коллежский секретарь Степан Попов.

№ 341. Подан ч.‹исла› 3 июня 1773 года.

В Казанскую губернскую канцелярию. От стоящего на гоубтвахте в карауле капитана Васильева

Рапорт.

Состоящий при тюремном дворе в карауле прапорщик Зыков на гоубтвахт рапортом своим донес, что минувшего маия 29 числа пополуночи в 8-м часу из содержащихся при тюремном дворе колодников, коих велено отпускать для испрашивания к пропитанию их в мир, просили его колодники Парфен Дружинин ‹и› Емельян Иванов, чтоб их того числа уволить для испрошения неведомо по какому их знакомству к священнику казанского Благовещенского собора к Ивану Емельянову, который жительство имеет в приходе в Казане у Пятницы, милостыни, но того часа в тогдашнее время за раскомандированием в разные работы колодников, в конвой с оными колодниками недостаточно было солдат, уволены не были, а отпущены были по прибытии колодников и солдат в начале десятого часа с конвойными солдатами Казанских баталионов: второго с Денисом Рыбаковым, третьего ‹с› Григорьем Мещенковым, коим конвойным от него, прапорщика, приказано было, чтоб как до пьянства, так и далее объявленного священника с теми колодниками никуда не ходить и чтоб чрез полчаса обратно быть в тюремном дворе, из которых конвойных солдат Рыбаков уже явился к тюремному двору пополудни в 9-м часу без объявленных колодников Дружинина и Иванова то-ж и конвойного солдата Мещенкова, о коих объявляет, якобы, будучи они у показанного священника Емельянова с теми колодниками, выпивши по две чарки вина, а потом пили и пиво, откуда вышед, пришли на новый мост к Замочной Решетке, то те объявленные колодники наняли ямскую подводу, на которую все сели и поехали вместе на Арское поле до кабака, но как на то поле прибыли, проехав кабак и часовню, где похороняют умерших, то означенный солдат Рыбаков воспрещал им далее ехать, но товарищ его, канвойный солдат Мещенков, знатно согласясь с теми колодниками ко утечке, сорвал с него, Рыбакова, шпагу с портупеей, шляпу и надел на колодника, столкнув с подводы, бил его смертельно обще с теми колодниками и на той подводе уехали, а куда, будучи в разбитии, он неизвестен, но как по малом времени пришед в малое чувствование, пошед объявил Царицынскому управителю, что-де у него колодников два человека и с канвойным солдатом, отбив у него ж шпагу с портупеею и шляпу то-ж, его прибив, на подводе бежали. Почему управитель ему, Рыбакову, объявил: поди-де в Казань и явясь в команде своей, который показанного числа и явился,

солдат же Мещенков снес с собою казенного: камзол, штаны зеленые с медными пуговицами, шпагу с портупеею, шляпу, а осталось при тюремном дворе ружье с прибором, сума с перевязью, в ней патронов десять, означенных же колодников и солдата по многим искам искано, но точию нигде не найдено и видно, что, действительно согласясь, все трое бежали, означенный же солдат Рыбаков содержится при гоубтвахте под караулом, о чем Казанской губернской канцелярии для ведома чрез сие и репортую. Подлинный подписал Капитан Сергий Васильев.

Ч.‹исла› 1 июня
1773 года.

1773 года июня 3 дня в силу учиненной в Казанской губернской канцелярии резолюции Казанского второго баталиона солдат Денис Рыбаков в присутствии допрашиван и показал: Денис-де его зовут Григорьев сын по прозванию Рыбаков, в службу ее императорского величества взят он, Рыбаков, Московской губернии Бежецкого уезда деревни Розосва из дворцовых крестьян в 755 году и находился в Казанском пехотном армейском полку, а в 767 году определен он был в Ревеле в четвертом баталионе, где потому ж и находился по 769 год, а в том году командирован он, Рыбаков, был в команде прапорщика Куликова до Казани с колодниками и как в Казань прибыли, то он, Рыбаков, в 769 году в июле месяце определен в Казанской второй баталион, где и поныне находится в верной ее императорского величества службе, у присяги был, в штрафах и подозрениях и в военных кригзрехтах не бывал, исповедывался он, Рыбаков, напредь сего еще в Ревеле у священника Артемья, чей сын не упомнит, а с начала определения в Казанской второй баталион он, Рыбаков, не исповедывался и святых таин не приобщался, а сего-де 773 года с маия месяца, а с которого числа точно он, Рыбаков, показать не упомнит, только уже тому третья неделя имеется, он, Рыбаков, при Казанском тюремном дворе у содержащихся колодников на карауле; и ныне тому четвертый день, то есть в пятницу, по приказанию прапорщика Зыкова в первом часу пополудни командирован он обще с стоящим при том же тюремном дворе Казанского третьего баталиона солдатом, а имя его и отечества не знает, в карауле за колодниками двумя человеки, скованными в кандалах, а как их зовут и по каким делам они содержались не знает же, для испрошения им милостыни в Пятницкий приход к священнику, как зовут и отечества не знает, потому что его, священника, прежде того не знал и в доме его не бывал, а только ныне дом его знает и указать может; а почему в репорте от капитана Васильева тот священник именем Иваном Емельяновым написан, того всего он, Рыбаков, не знает же, при командирова-

нии ж де его и означенного его товарища солдата за теми колодниками о смотрении ему и чтоб до пьянства не допускать и кроме дому того священника с оными колодниками нику<да> не ходить, таковое приказание и подтверждение от прапорщика Зыкова учинено было, и как он, Рыбаков, с показанными колодниками в объявленное время пришел в дом того священника, кой тогда, вышед на крылец, звал тех колодников к себе в горницу, кои по тому его, священника, званью к нему в горницу и вошли; а они, Рыбаков с товарищем своим солдатом, стояли в сенях у горничных дверей, кои были тогда растворены, и в то время тот священик как тем колодникам дву человекам, так и ему, Рыбакову, и товарищу его солдату ж поднес по две чарки вина, а сам тот священник тогда вина не пил, да сверх того еще и по одному стакану пива они, солдаты, тако ж и колодники, выпили ж по подносу того священника, а вино покупал тот священник и посылал за тем вином работника, как зовут не знает, и побыв у него, например, с час, из дома того священника вышед, пошли на Большую улицу к строющемуся близ Замочной Решетки новому мосту, и как к тому мосту все они четверо дошли, то-де его, Дениса, реченные колодники и солдат, ухватя его, Рыбакова, за голову и зажав ему рот, чтоб кричать ему было не можно, на случившуюся в том месте неведомо чью телегу с кибиткою на дву лошадях, а ямские или крестьянские те лошади были и какими шерстьми, того он, Рыбаков, не знает и не видал, ибо они его, Рыбакова, в ту кибитку бросили и сами те колодники и солдат, сев в ту телегу ему на ноги и на грудь и потому ж зажав его рот, поскакали на Арское поле и завезя против самой часовни, где мертвых тела погребаются, и столкнув с телеги, ударил тот солдат его, Рыбакова, в грудь и при том отбил казенную шпагу да шляпу, уехали к селу Царицыну, а он остался лежащей на полу, и как после того удару, а паче испужавшись, чрез несколько времени он очувствовался, то кричав бежал за ними и прямо прибежав в село Царицыно, но токмо никто ему на дороге тогда не встречался, а пришед он, Рыбаков, в объявленное село Царицыно к управителю, как зовут не знает, просил его о отыскании помянутых колодников и солдата вспоможения, но на ту его просьбу управитель сказал ему, чтоб он шел обратно в Казань, почему он, Рыбаков, и еще пришед в том селе в контору, об оном побеге колодников и солдата объявлял бывшим в той конторе писарям и сторожу, коих тогда имелось человек с десять, как их зовут не знает же, и по объявлении пошел того ж дня прямо в Казань и пришед к тюремному двору пополудни часу в шестом, а не в девятом, и о вышеписанном означенных колодников и солдата побеге объявил караульному офицеру прапорщику Зыкову, коим он, Рыбаков, тогда ж и задержан под караулом, а потом

того ж дня уже под вечер отослан от него, прапорщика Зыкова, на гоубтвахту, где и поныне содержится под караулом, а по тому его, Рыбакова, о побеге тех колодников и солдата объявлению, что тем прапорщиком учинено, о том он, Рыбаков, не знает, напредь же сего он, Рыбаков, в бегах из военной службы и на воровствах и разбоях не бывал и в сем допросе показал он самую истинную правду и ничего не утаил под страхом смертной казни. У подлинного допроса рука приложена тако: к сему допросу вместо солдата Дениса Рыбакова прошением его Казанского третьего баталиона солдат Василий Шилов руку приложил.

Подана ‹июня› 13 числа 1773 года.

Промемория.

Из Казанской духовной консистории в Казанскую губернскую канцелярию. Сего июня 6 дня 1773 года присланною в духовную консисторию оная губернская канцелярия промемориею против показательства в оной второго баталиона солдата Дениса Григорьева о бежавших из-за караула его дву человек колодников и с ними караульного ж солдата Григорья Мещенкова истребовано о допросе живущего в Пятницком приходе священника Ивана Ефимова, что упоминаемые колодники пред тем побегом с оным солдатом в доме его, священника, по какому случаю и за чем именно были и о прочем; и по ее императорского величества указу и по силе учиненной в духовной консистории резолюции объявленный священник Иван Ефимов, который оказался здешнего Благовещенского собора, против той промемории в чем следовало допрашиван, и с того его допроса в Казанскую губернскую канцелярию посылается при сем точная копия. Июня 12 дня 1773 года. У подлинной промемории скрепа тако: иеромонах Наркис, настоятель Иоанновский, секретарь Василий Аристов, архивариус Игнатий Гоголев. № 1980.

1773 года июня 7 дня. По учиненной в духовной консистории резолюции и по присланной из Казанской губернской канцелярии промемории Казанского первенствующего Благовещенского собора священник Иван Ефимов в нижеследующем в присутствии допрашиван, а в допросе показал:

Сего-де 1773 года маия 29 числа пополудни часу в третьем свояк его Алацкой купец Парфен Петров сын Дружинин, который содержался здесь в тюремном дворе под караулом, да другой с ним колодник, как его зовут, чей сын, прозвания не знает, пришед к нему, священнику, в дом скованные в кандалах, оный свояк как и напред сего он к нему прихаживал же за караулом по свойству для пищи, а с ними, колодниками, при-

шли ж караульные солдаты два человека, как их зовут не знает же, и взошед все четверо в горницу, сели по лавкам и, выняв они, колодники, из карманов своих денег, дав ему, священнику, просили его, чтоб он сходил и купил вина, пива и меду, сказав, чтоб выпить от скуки, по которой-де просьбе он, священник, сам, а не работник, каковою у него в доме и не имеется, но с прилучившимся у него тогда в доме вышеписанного Благовещенского собора дьячком Петром Ивановым в питейный дом ходил и на те данные ими, колодниками, деньги вина на пятнадцать, пива на семь, меду на четырнадцать копеек купили, и, принеся всё, они, как показанные колодники, солдаты и он с женою своею, также и прилучившийся ж у него в доме в гостях брат его священник родной Казанского уезда, села Николаевского — Сотнур тож, священник Яков Ефимов, а при том и вышеписанный дьячек Петр Иванов то вино пили, коего выпили только по две чарки оловянных маленьких, а пива и меду по одному стакану и, посидя всего с полчаса не боле, ничего шумны, пошли из дому его все четверо колодники и солдаты, сказав, что пойдут они к тюремному двору, а он с братом и с церковником остались в доме. К побегу-де показанных колодников и солдата никакого умышления и согласия он, священник, не имел и куда они бежали и где ныне находятся не знает. Сидя-де они, колодники, в горнице как с ним священником, так и ни с кем разговоров не имели, а разговаривали все вслух при означенных солдатах, ибо-де из них при том из горницы никто вон не выходили и в сенях не сидели, и в сем допросе сказал он, священник, самую сущую правду. К подлинному рука приложена тако: священник Иван Ефимов руку приложил.

№ 400. Подана числа 22 июня 1773 года.

Промемория.

Из Казанской духовной консистории в Казанскую губернскую канцелярию сего июня 11 дня 1773 года присланною в духовную консисторию из оной губернской канцелярии премемориею требовано о допросе Благовещенского собора священника Ивана Ефимова в том, что во время содержания в оной губернской канцелярии под караулом колодника Парфена Дружинина, кой из той губернской канцелярии бежал; жена его Домна Степанова жительство у него, священника, в доме имела ль и буде имела, то по какому знакомству, и имела ль она какое от миру увольнение, также и сын ее Филимон у него, священника, в доме были ль, иногда из дому его, тож и куда именно, те женка и с сыном ее отлучились, а потому уже его, священника, и к сыску того колодника с женою и с сыном принудить, и что учинено будет, оную канцелярию уведомить; а оный свя-

щенник по сыску в консистории допросом показал, что та женка, которая-де жене его священниковой имеется сестра двоюродная, в дом к нему священнику сего года с генваря месяца маия по 25 число и с тремя детьми своими Филимоном, Максимом и Марьею по бедности своей для пищи прихаживали, где временно и ночевали, только жительства у него действительно не имела, а сказывала, что она и с детьми своими жила у других зятьев ее: вышеписанного Благовещенского собора у певчего Ивана Дуганевского, да в Ямской слободе у ямщика Герасима Афанасьева; следовательно, и письмо у ней увольнительное от миру было ль, он, священник, не знает, вышеозначенного-ж-де 25 числа маия, будучи она у него на именинах, ночевала и на другой день в небытность его, священника, когда он был и с женою своею у литургии, как он по приходе от домашних своих уведомился, сев на ямскую лошадь и с оными детьми своими, сказав тем домашним, что поедет к помянутому певчему Дуганевскому, из дому его—уехала, и где ныне она находится, о том как он, священник, так и из домашних его никто неизвестны, почему-де и сыскать их ему, священнику, невозможно, и по тому оного священника показательству, в силу учиненной в духовной консистории резолюции, и предосказанный певчий Дуганевский в духовную консисторию сыскан и допросом же показал, что реченная колодничья жена Домна Степанова во время содержания здесь мужа ее с генваря месяца в дом к нему и с помянутыми имеющимися при ней тремя детьми по свойству почасту для обночевания и пищи прихаживала и потом отходила к другим зятьям своим, а именно, к объявленному священнику Ивану Ефимову и ямщику Герасиму Третьякову, при чем-де она сказывала, что от миру отпущена, письма ж ему от нее требовать в рассуждении знаемости ее и что она почасту и в предписанный пригород Алаты к другим своим детям отъезжала, не спрашиваясь, и маия 26 числа пришед она в дом к нему, ночевала две ночи и потом, то есть 28 числа того маия часу в осьмом по полуночи, и предписанный муж ее Дружинин за караулом одного солдата, как зовут не знает, к нему пришел же и по входе в избу проговаривал, что он ту жену свою отпущает на состоящий близ оного пригорода Алаты винокуренный завод к живущему там котельнику Ивану Иванову сыну Попову, ибо-де тот котельник обещался за него, Дружинина, взнесть имеющиеся на нем, Дружинине, казенные деньги, а тех детей его употребить к себе в работу, при чем просил его, Дуганевского, написать к нему, Попову, от имени своего и письмо, с объявлением, что он для того жену свою и детей к нему, Попову, посылает, по которой просьбе он, Дуганевский, то письмо и написал; и по прочтении, взяв он, Дружинин, то письмо, отдал оной жене своей, которая вскоре, простясь со всеми ими, на приведенных в то-ж

самое время с сыном их Филимоном дву лошадях с кибиткою из дому его и с упоминаемыми тремя детьми вскоре поехала, а муж ея, показанный Дружинин, несколько поостался и потом с предписанным караульным солдатом пошел же, при чем-де всё сие происшествие тот солдат видел, ибо-де он был притом безотлучен; к побегу ж той женщины и детей ее он, Дуганевский, никакого согласия от них не слыхал и где она с детьми, также и муж ее Дружинин ныне находятся, он не знает, следовательно, и сыскать их не может; того ради по указу ее императорского величества и по определению духовной консистории велено с прописанием вышеписанных допросов к ведению о том в реченную губернскую канцелярию сообщить промемориею, о чем сия и послана и Казанская губернская консистория благоволит о том быть известна. У подлинного подписано тако: Асигрит Игумен Зилантовский, секретарь Василий Аристов, архивариус Игнатий Гоголев. № 1144.

Июня 21 дня
1773[1] года.

Казанского второго баталиона к баталионным делам
прапорщика Зыкова
Ответ.

Во время нахождения моего в карауле при тюремном дворе, то есть прошедшего маия 29, а не 28 дня, содержащегося в том тюремном дворе колодника Парфена Дружинина по просьбе его, а во исполнение имеющегося сего года марта 13 дня от стоящего при гаубтвахте в карауле господина капитана Комлева приказу и прописанного в оном Казанской губернской канцелярии ордера, коим велено из содержащихся в том тюремном остроге колодников для испрашивания милостыни отпускать (а как над оным Дружининым в досаточном о содержащихся колодниках списке, чтоб его никуда не пускать, не означено) обще с таковым же содержащимся Емельяном Ивановым для того испрашивания милостыни пополуночи в десятом часу казанского Благовещенского собора к священнику Ивану Емельянову и отпустил с находящимися при оном тюремном дворе караульными солдатами, а именно: второго с Денисом Рыбаковым, третьего баталионов <с> Григорием Мещенковым, с таким при том подтверждением, дабы они ходили с оными колодниками не более получаса, и притом чтоб ни до какого их пьянства не допускали, но точию оные чрез назначенное от меня время ко мне не явились, почему я и посылал к вышеписанному священнику Емельянову стоящего в карауле подпрапорщика Алексея Конышева, но он возвратясь мне репортовал, что-де у оного священника их не

[1] *В рукописи ошибочно:* 1774

получил, почему я вторично его, подпрапорщика Конышева, и прочих находящихся в карауле солдат посылал для сыску их по разным местам по городу Казани, но нигде как колодники так и солдаты не найдены, а второго баталиона солдат Рыбаков спустя чрез одиннадцать часов, яко то пополудни в девятом часу, пришед ко мне, объявил, что-де отпущенные с ним колодники обще с солдатом Мещенковым, прибив его, бежали, о чем от меня того ж числа стоящему на гоубтвахте в карауле господину капитану Васильеву и репортовано. Июня 26 дня 1773 года. Подлинный подписал прапорщик Александр Зыков.

№ 26. Получен того ж числа.

Ордер. *Копия.*

В Казанской военный криксрехт.

Над присланным при промемории из Казанской губернской канцелярии Казанских баталионов солдатом Денисом Рыбаковым в упуске колодников оный военный криксрехт имеет по содержанию приложенной у сего с той промемории копии, также и учиненному тому солдату допросу и взятого от прапорщика Зыкова ответу, равно и присланных из Казанской духовной консистории промеморий произвесть фергер и криксрехт, к чему подлежателен будет заключа сентенциею представить на рассмотрение в обер-комендантскую канцелярию. У подлинного скрепа тако: Алексей Лецкий. № 1248.

Июля 15 дня
1773[1] года.

Получен того ж числа.

Ордер.

Господину премиер-маиору Перскому.

По содержанию приложенной у сего с промемории Казанской губернской канцелярии копии и по прежде отосланным в Казанский военный криксрехт при ордере из канцелярии моей капитана Васильева репорту, а солдата Рыбакова допросу, равно из Казанских губернской канцелярии и духовной консистории промемориях ваше высокоблагородие извольте Казанского второго баталиона над прапорщиком Зыковым в упуске, будучи у тюремного двора в карауле, колодников Емельяна Иванова Пугачева и Парфена Дружинина произвесть следствие, которое и стараться непродолжительно окончить, а по окончании представить ко мне. На подлинном подписано тако: Алексей Лецкий. № 1999.

Декабря 11 дня
1773 года.

---

[1] *В рукописи ошибочно:* 1774

Получена 26 числа октября 1773 года.

Копия.

Промемория.

Из Казанской губернской канцелярии в Казанскую обер-комендантскую канцелярию. Сего октября 17 дня из оной обер-комендантской канцелярии в здешнюю канцелярию прислан взятый Казанского второго баталиона с прапорщика Зыкова о бежавших колодниках Емельяне Пугачеве и Парфене Дружинине ответ, в котором ответствует, что-де он, Зыков, означенных колодников, кроме маия 29 числа, а того ж мая 28 числа, тако ж и прежде никуда ни с кем предписанных колодников Иванова, Дружинина в бытность его при том тюремном дворе в карауле не отпускивал, а по справке в Казанской губернской канцелярии с присланною из Казанской духовной консистории сего года июня 22 числа промемориею, в которой между прочим явствует: по сыску-де в духовной консистории певчий Иван Дуганевский допросом показал, что женка Домна Степанова (коя помянутого Парфена Дружинина жена) маия 26-го числа пришед к нему ночевала две ночи, а потом, то есть 28 числа того ж маия, часу в осьмом по полуночи и муж ее, объявленный Дружинин, за караулом одного солдата к нему пришел же и по входе в избу проговаривал, что он ту жену свою отпущает на винокуренный завод, состоящий близ оного к котельнику Попову, и как отпустил жену, то пошел с тем же солдатом; а как уже капитана Васильева репорт, а солдата Рыбакова допрос, тако ж и присланные из Казанской духовной консистории промемории, в которых и означенного певчего допрос явствует, в оную обер-комендантскую канцелярию отосланы и видно из ответа упомянутого прапорщика Зыкова, кои показуют, якоб он отпущал упомянутых колодников 29 числа маия по полуночи в десятом часу, а 28 числа и никогда будто б не отпускал, да и солдат Рыбаков допросом утверждал, что он от того прапорщика Зыкова послан был за означенными колодниками с другим солдатом Мещенковым в карауле 29 ж числа маия только в первом часу пополудни, а вышеупомянутый певчий Дуганевский показывал в консистории, что вышеписанный колодник Дружинин один приходил к нему с солдатом в дом 28 маия в осьмом часу пополуночи, и тако из тех показательств их оказуется разнь, того ради по ее императорского величества указу и по резолюции Казанской губернской канцелярии велено с прописанием вышеписанного обстоятельства в оную обер-комендантскую канцелярию послать промемориею истребовать, чтоб по объявленному отосланных из Казанской губернской канцелярии реченных капитана Васильева репорта, а солдата Рыбакова допроса, тако ж и из Казанской духовной консистории промемориям благо-

волено было произвесть об означенной разности и по упущению упомянутых колодников надлежащее следствие и кто из них в том окажется виновным и что учинено будет в губернскую канцелярию уведомить, да и в Казанскую духовную консисторию писать; и писано промемориею с требованием, когда[1] означенный певчий Дуганевский будет от духовной консистории в оную обер-комендантскую канцелярию требоваться к показанному следствию, за тем благоволено было б его, Дуганевского, в ту канцелярию отпускать, а между тем, как и прежде, он, Дуганевский, имелся б в таком же содержании без упущения, и что учинено будет, здешнюю канцелярию уведомить, и Казанская обер-комендантская канцелярия об оном благоволит учинить по ее императорского величества указам. Октября 18 дня 1773[2] года. У подлинной промемории подписано, тако: Александр Жданов, секретарь Степан Попов. № 3125.

Копия.

По указу ее императорского величества определенные к нижеследующему следствию презус и ассесоры, слушав полученного сего 773 года декабря 11 дня от господина артиллерии полковника и кавалера обер-коменданта Лецкого ордера, коим повелено по содержанию приложенной при том с промемории Казанской губернской канцелярии писанной в Казанскую обер-комендантскую канцелярию сего ж года октября от 18 дня копии и по прежде присланным в военный криксрехт при ордере реченного ж господина обер-коменданта Казанского второго баталиона капитана Васильева репорту, а солдата Рыбакова допросу, равно из Казанских губернской канцелярии и духовной консистории промемориям, вышеозначенного ж баталиона над прапорщиком Зыковым в упуске, будучи у тюремного двора в карауле, колодников Емельяна Иванова Пугачева и Парфена Дружинина произвесть следствие и стараться непродолжительно окончить, а по окончании представить к нему, господину обер-коменданту, а в вышепоказанной промемории копии явствует: сего-де года октября 17 дня из Казанской обер комендантской канцелярии в оную губернскую канцелярию прислан взятый Казанского второго баталиона прапорщика Зыкова[3] о побеге вышепоказанных колодников ответ, в котором ответствует: что-де он, Зыков, означенных колодников, кроме маия 29 числа, того ж маия 28 також и прежде никуда ни с кем в бытность его при том тюремном дворе в карауле не отпускивал, а по справке в оной губернской канцелярии с присланною из Казанской духовной

---

[1] *В рукописи ошибочно:* тогда
[2] *В рукописи ошибочно:* 1774
[3] *В рукописи* прапорщик Зыков. *Исправление на род. падеж сделано Пушкиным.*

консистории сего года июня 22 числа промемориею оказалось: по сыску-де в той консистории певчий Иван Дуганевский допросом показал, что женка Домна Степанова, коя помянутого Парфена Дружинина жена, маия 26 числа, пришед к нему, ночевала две ночи, а потом, то есть 28 числа того маия, часу в осьмом по полуночи и муж ее, объявленный Дружинин, за караулом одного солдата к нему пришел же и по входе в избу проговаривал, что он ту жену свою отпущает на винокуренный завод, состоящий близ села, к котельнику Попову и как отпустил жену, пошел с тем же солдатом, а из ответа-де прапорщика Зыкова видно, якоб он отпущал упомянутых колодников 29 числа маия по полуночи в десятом часу, а 28 числа и никогда будто б не отпущал, да и солдат Рыбаков допросом утверждал, что он от того прапорщика Зыкова послан был за означенными колодниками с другим бывшим в карауле солдатом Мещенковым (кой в бегах) 29 ж числа маия только в первом часу пополудни, а Дуганевский певчий показывал, что один колодник Дружинин, как выше значит, приходил к нему с солдатом в дом 28 маия в восьмом часу по полуночи, и токо-де из тех показательств оказалась разнь; и для того в упущении тех колодников по вышеозначенной разности произвесть надлежащее следствие; и когда-де означенный певчий Дуганевский будет от духовной консистории требоваться, об отпуске-де в духовную консисторию от губернской канцелярии писано; в прежде ж присланном сего года июля 15 дня при ордере (коим повелено было в том упуске колодников над солдатом Рыбаковым произвесть военный суд) вышеупоминемого ж господина казанского обер-коменданта Лецкого прапорщика Зыкова ответе показано: во время-де нахождения его при тюремном дворе, то есть 29, а не 28 дня маия, содержащегося в том тюремном дворе колодника Парфена Дружинина по просьбе его, а во исполнение имеющегося сего года марта 13 дня от стоящего при гаубтвахте в карауле капитана Комлева приказа и прописанного в оном Казанской губернской канцелярии ордера, коим велено из содержащихся в том тюремном остроге колодников для испрашивания милостыни отпускать (а как над оным Дружининым в сдаточном о содержащихся колодниках списке, чтоб его никуда не пускать не означено) обще с таковым же содержащимся колодником Емельяном Ивановым для испрашивания милостыни, пополуночи в десятом часу казанского Благовещенского собора к священнику Ивану Емельянову и отпустил с находящимися при оном тюремном дворе караульными солдаты, а именно второго с Денисом Рыбаковым, третьего батальонов <с> Григорьем Мещенковым, с таким при том подтверждением, дабы они ходили с оными колодниками не более получаса и при том чтоб ни до какого их пьянства не допускали; но точию оные чрез назначенное от

него время к нему не явились, почему он и посылал к вышеписанному священнику Емельянову стоящего в карауле подпрапорщика Алексея Конышева, но он возвратясь ему репортовал, что-де у оного священника их не получил, почему он вторично его, подпрапорщика Конышева, и прочих находящихся в карауле солдат посылал для сыску по разным местам по городу Казани, но нигде как колодники, так и солдат не найдены, а второго баталиона солдат Рыбаков спустя чрез одиннадцать часов, яко то пополудни в девятом часу, пришед к нему, объявил, что-де отпущенные с ним колодники обще с солдатом Мещенковым, прибив его, бежали, о чем-де от него того ж числа стоящему на гоубтвахте в карауле капитану Васильеву и репортовано, а в репорте оного капитана Васильева, поданном в губернскую канцелярию, прописано, что сверх вышеписанного оный прапорщик Зыков в репорте своем с показания того солдата Рыбакова объявил, якобы будучи они у показанного священника Ефимова с теми колодниками выпивши по две чарки вина, а потом пили и пиво, откуда вышед пришли на новый мост к Замочной Решетке, то объявленные колодники наняли ямскую подводу, на которую все сели и поехали вместе на Арское поле до кабака, но как на то поле прибыли, проехав кабак и часовню, где похороняют умерших, то означенный солдат Рыбаков воспрещая им далее ехать, но товарищ его, конвойный солдат Мещенков, знатно согласясь с теми колодниками к утечке, сорвал с него, Рыбакова, шпагу с портупеею, шляпу и надел на колодника, столкнув с подводы, бил его смертельно обще с теми колодниками, и на той подводе уехали, а куда, уже будучи в разбитии, он не известен; но как по малом времени пришед в малое чувствование, пошел объявить Царицынскому управителю, что-де у него колодников два человека и с конвойным солдатом, отняв у него шпагу с портупеею и шляпу тож, его прибив, на подводе бежали, почему тот управитель ему, Рыбакову, объявил: поди-де в Казань и явись к команде своей, которой показанного часа и явился, а по учиненному ж оному солдату в губернской канцелярии допросу между прочим показано, что он, Рыбаков, с вышеписанными колодниками и еще с караульным солдатом Мещенковым, скованными в кандалах, к священнику, живущему в Пятницком приходе, а как зовут не знает, для испрошения милостыни посланы были в первом часу пополудни и при командировании их подтверждено было, чтоб до пьянства их не допущать и кроме дому того священника никуда не ходить; и как он, Рыбаков, с показанными колодниками в объявленное время пришел в дом оного священника, кой тогда вышел на крыльцо и звал тех колодников к себе в горницу, кои по тому его, священника, званью к нему в горницу вошли, а они, Рыбаков с товарищем своим солдатом, стояли в сенях у горничных дверей,

кои были тогда растворены, и в то время тот священник как тем колодникам двум человекам, так и ему, Рыбакову, и товарищу его солдату ж поднес по две чарки вина, а сам тот священник тогда вина не пил, да сверх того еще и по одному стакану пива они, солдаты, тако ж и колодники выпили ж по подносу того священника; а вино покупал тот священник и посылал за тем вином работника, как зовут не знает; и побыв у него например с час, из дому того священника вышед, пошли на Большую улицу к строющемуся близ Замочной Решетки новому мосту, и как к тому мосту все они четверо дошли, то-де реченные колодники и солдат, ухватя его, Рыбакова, за голову и зажав ему рот, чтоб кричать ему было не можно, на случившуюся в том месте неведомо чью телегу с кибиткою на дву лошадях, а ямские ль или крестьянские те лошади были и какими шерстьми того он, Рыбаков, не знает и не видал, ибо они его, Рыбакова, в ту кибитку бросили и сами те колодники и солдат, сев в ту телегу ему на ноги и на грудь и потомуж зажав рот, поскакали на Арское поле; и завезя против самой часовни, где мертвых тела погребаются, и столкнув с телеги, ударил тот солдат его, Рыбакова, в грудь и притом отбил казенную шпагу да шляпу, уехали по дороге к селу Царицыну, а он остался лежащей на полу; и как после того удару, а паче испужавшись, чрез несколько времени он очувствовался, то кричав бежал за нимн и прямо прибежал в село Царицыно, и как выше по репорту капитана Васильева показано о том, и о поимке их объявлял управителю, но сверх того припомнил, что как управитель велел ему идти обратно в Казань, то он, Рыбаков, и еще пришед в том селе в контору, о том побеге колодников и солдата объявлял бывшим в той конторе писарям и сторожу, коих тогда имелось человек с десять, но как зовут не знает, и потом пришел к тюремному двору по полудни в шестом часу. А по приложенному ж при промемории Казанской духовной консистории учиненному в оной священнику Ивану Ефимову (который, как видно по репорту капитана Васильева и по ответу прапорщика Зыкова, назван Емельяновым точно по незнанию его отечества) допросу показано: сего-де 1773 года маия 29 числа по полудни часу в третьем свояк его Алацкой купец Парфен Петров сын Дружинин да другой с ним колодник, а как зовут, чей сын прозвания не знает, пришед к нему, священнику, в дом, скованные в кандалах, оный свояк как-де и напредь сего он к нему прихаживал же за караулом по свойству для пищи, а с ними колодниками пришли ж караульные солдаты два человека, как их зовут не знает же, и взошед все четверо в горницу, сели по лавкам, и, выняв они, колодники, из карманов своих денег, дав ему, священнику, просили его, чтоб он сходил и купил вина, пива и меду, сказав, чтоб выпить от скуки, по которой-де

просьбе, он, священник, сам, а не работник, каковаго у него в доме не имеется, и с прилучившимся у него тогда в доме Благовещенского ж собора с дьячком Петром Ивановым в питейный дом ходил и на те данные ими, колодниками, деньги вина на пятнадцать, пива на семь, меду на четырнадцать копеек купили; и принеся все они: колодники, солдаты и он с женою своею, тако ж и прилучившийся у него в доме брат его, священников, родной Казанского уезда села Николаевского—Сотнур тож священник Яков Ефимов, а при том и вышеписанный дьячек Петр Иванов то вино пили; коего выпили только по две чарки маленьких, а пива и меду по одному стакану, пошли из дому его колодники и солдаты, сказав, что пойдут к тюремному двору, а он с братом и с церковником остались в доме его; да и по второй духовной консистории в Казанскую губернскую канцелярию писанной июня 21 дня промемории между прочим показано, как и выше, что вышепредписанный колодник Дружинин один за караулом же у соборного певчего Ивана Дуганевского и 28 числа маия пополуночи в осьмом часу доподлинно был же, а кто таков за ним караульный солдат был не знает; и тако по прежде насланному сего года июля 15 дня выше сего упомянутому ордеру в военном криксрехте и следовательно изыскивать во всем сходствия и справедливости чрез бывшего в карауле за оными колодниками солдата Рыбакова, но по болезни его за бытностию в гошпитали никакого к изысканию [1] производства не было, а сего ж года августа 3 дня в отданном от Казанской комендантской канцелярии приказе предписано, что он, Рыбаков, помре и начатое над ним дело — производством оставить, почему оное без всего и оставалось, того ради согласно определили учинить следующее: 1. Призвав прапорщика Зыкова в присутствии повелительный ордер и с промемории Казанской губернской канцелярии копию прочтя, допросить в том, что заподлинно ль, как по отобранному от него ответу показано, в бытность его в карауле при тюремном дворе колодник Дружинин маия 28 никуда отпускаем не был, да и 29 числа он же и Пугачев отпущены были по полуночи в десятом часу; и солдат Рыбаков, обратно пришед, явился по полудни в девятом часу, и буде утвердится на прежнем его по ответу показании, то допросить же, кто офицер прежде его, коего он сменил, при тюремном дворе в карауле был и с ним, Зыковым, кто ж именно и которых баталионов, кроме показанного по ответу его, подпрапорщика Конышева, в карауле при тюремном дворе в команде его капрал и солдаты находились, и о коих покажет, оных тож и подпрапорщика Конышева к допросам доискать, а по отобранному от него,

[1] *В рукописи ошибочно:* по изысканию. *Поправка* к изысканию, *повидимому, пушкинская.*

Зыкова, июля 15 дня ответу показано, что колодник Дружинин по просьбе его, а во исполнение имеющегося сего года марта 13 дня от стоящего при гоубтвахте в карауле капитана Комлева приказа и прописанного в оном Казанской губернской канцелярии ордера, коим велено из содержащихся в тюремном дворе колодников для испрашивания милостыни отпускать, с другим колодником, Емельяном Ивановым, и отпущен был, то и оного приказа да и сдаточного ему от прежде его стоящего при тюремном дворе в карауле офицера о содержащихся колодниках списка о присылке к следствию с прописанием его, Зыкова, показания представить репортом господину артиллерии полковнику и казанскому обер-коменданту Лецкому и по присылке стоящих в карауле солдат, особливо подпрапорщика и капрала, коим точно знать можно, что Дружинин 28, тож он же и Пугачев 29 числ в котором часу отпускаемы были и солдат Рыбаков, по упущении колодников пришед, в котором часу явился, допросить и что покажут по тому ж по присылке приказа и списка учинить рассмотрение. Декабря 13 дня 1773 года подлинного подписано: прапорщик Лазарь Кузнецов, поручик Иван Звигин, капитан Козьма Прокофьев, капитан Амвросий Ардашев, капитан Сергий Васильев, премиер-маиор Афанасий Перской.

По сему определению сего ж декабря 14 дня, о чем подлежало, его высокородию репортом представлено. У подлинного подписано: за аудитора сержант Егор Плеханов.

Того ж числа в силу вышеозначенного определения прапорщик Зыков по прочтении ему ордера и промемории копии в нижеследующем в присутствии допрашиван и показал:

Доподлинно, как по отобранному от меня Казанскою губернскою канцеляриею сего года июля 15 дня ответу показано, в бытность мою в карауле при тюремном дворе колодник Дружинин маия 28 никуда отпускаем не был, да и 29 числа он же и Пугачев отпущены были пополуночи в десятом часу, и по упуске тех колодников и по побеге с ними ж бывшего за ними в карауле солдата Мещенкова другой караульный же солдат Рыбаков, обратно пришед, явился того ж 29 числа пополудни в девятом часу; прежде ж меня в карауле при тюремном дворе находился Казанского второго баталиона прапорщик Гаврила Нармоцкий; кроме ж показанного по ответу моему подпрапорщика Конышева кто таков и которых баталионов при мне в карауле капрал и солдаты были по неимению об них записки всех припомнить не могу, а только памятую поднесь из солдат второго баталиона Василья Ферлудина, о чем показал я сущую правду. У подлинного подписано: к сему допросу прапорщик Александр Зыков руку приложил.

1773 года декабря 16 дня по отданному от Казанской обер-комендантской канцелярии сего ж месяца 14 числа приказу присланный от второго баталиона солдат Василий Ферлюдин в силе учиненного 13 сего ж декабря определения в нижеследующем допрашиван и показал:

Сего 773 года маия месяца в последних числах, а которых действительно знать не могу, в команде прапорщика Зыкова в карауле при тюрюмном дворе находился и чрез все семь дней по распределении караула денные и ночные часы имел показать острогу против окошек каменной казармы у бутки, где и 29 числа маия стоял по полуночи до первого часу по полудни; колодники ж из острога в работы и в мир хотя и посылались, но кто таковы и с кем и куда и в которые часы и обратно приходили мне от моего притину видеть было не можно и знать не могу; да и солдат Рыбаков по упуске колодников в котором часу пришел к караулу обратно не ведаю ж, о чем показал я самую сущую правду. У подлинного подписано: к сему допросу вместо солдата Василья Ферлюдина по его прошению Казанского второго баталиона подпрапорщик Федор Мамантов руку приложил.

Приказ.

1773 года декабря 14 дня из Казанской обер-комендантской канцелярии.

По репорту господина премьер-маиора Перского требуемого им к производившемуся Казанского второго баталиона над прапорщиком Зыковым в упуске стоя в карауле у тюремного двора колодников следствию второго баталиона солдата Василья Ферлюдина от баталиона к тому следствию отослать; а подпрапорщик Конышев командирован в здешнюю экспедицию. Приказ же, данный состоящим у тюремного двора об отпуске колодников для испрошения милостыни, равно и список, требовать ему, господину премиер-маиору, прямо от себя от стоящего ныне на гоубтвахте офицера. Подлинный подписал Алексей Лецкий.

В силе сего приказа принадлежащего к сему следствию от тюремного двора приказа и о колодниках списка о присылке к стоящему ныне в карауле гоубтвахтному обер-офицеру послать известие, а о присылке подпрапорщика Конышева еще репортом представить господину артиллерии полковнику и казанскому обер-коменданту Лецкому.

По оной резолюции известие послано и репортом представлено. Декабря 17 дня. Подписал за аудитора сержант Егор Плеханов.

В Казанской военной криксрехт от стоящего при гоубтвахте караульного капитана Крупеникова

Репорт.

Всходствие насланного от того криксрехта сего декабря 17 дня известия по справке при гоубтвахтных делах о отосланных из Казанской губернской канцелярии к содержанию в тюремном дворе колодниках пятнадцати человеках, в том числе и Парфене Дружинине и Иване Емельянове, с отметкою в немалых кравшихся соляных деньгах, и Емельяне Иванове, который назван казак безызвестный по губернаторской экспедиции, подлинный регистр, подписанный марта 27 за подписом секунд-маиора Венедикта Жемайлова и дежурного капитана Ивана Лузина; тож и на гоубтвахт полученного, марта[1] 13 дня, о содержании колодников с повеления, за рукою губернаторского товарища Ивана Кудрявцова и за скрепою секретаря Михаилы Смирнова и справою регистратора Петра Дубынина, копия за свидетельством моим при сем представляется; с регистра ж благоволено было впредь для ведома прислать на гоубтвахт список за свидетельством от присутствия копию. У подлинного подписано тако: капитан Андрей Крупеников.

Января 18 дня
1774 года.

Получен марта 13 дня 1773 года капитаном Комлевым.

Копия.

На гоубтвахте господам караульным обер-офицерам.

Понеже вступаемые в Казанскую губернскую канцелярию по делам колодники до окончательного об них решения пред сим содержались под губернскою канцеляриею в черных в тюрьмах, а как ныне каменную канцелярию за ветхостию и по строению вместо оной новой начали ломать, а колодников кроме тюремного двора содержать негде, и как в том тюремном дворе прежде колодники содержались единственно только те, кои следуют в ссылку в Сибирь, и оным производятся кормовые деньги, а в мир их для прошения милостыни отпускать не велено, а вышеобъявленным содержащимся по делам колодникам кормовых денег не производилось, того ради по указу ее императорского величества и по резолюции его высокопревосходительства господина генерал-поручика, кавалера и Казанской губернии губернатора Якова Ларионовича Фонбранта с товарищи велено всех содержащихся теперь в Казанской губернской канцелярии по делам колодников для содержания отослать на тюремный двор

[1] *В рукописи ошибочно:* маия

и находящемуся при оном караульному офицеру дать письменный приказ и велеть оных колодников, отделя от каторжных, содержать в особливой казарме, для прошения на пропитание милостыни отпускать их за пристойным караулом на связках в мир, подтвердя при том накрепко, чтоб под видом оных тех колодников, коим кормовые деньги производятся, отнюдь в мир отпускаемо не было; и как оные следующие по делам колодники потребны бывают для допросов и некоторых справок в канцелярию, то оных повытчикам о приводе для того объявлять дежурным здесь штатной роты обер-офицерам, а оным уже по объявлению повытчиков о взводе в канцелярию тех колодников посылать от себя к стоящим на гоубтвахте обер-офицерам записки за своими руками, о чем и всем повытчикам объявить и объявлено с подпискою и велеть, если и впредь по делам будут вступать колодники, то и оных для содержания отсылать на тюремный же двор, давая знать в ордере, чтоб их содержать обще с содержащимися по делам колодниками в особливой казарме, что и в посланном ныне на гоубтвахт ордере написать именно; а губернской роты маиору Жемайлову обо всем оном дать и дан письменный приказ и велено вступаемых впредь колодников записывать у себя в книгу, а потом уже с расписками в оной отдавать на тюремный двор; а кто оные по делам колодники при сем приложен реестр. Марта 12 дня 1773 года. На подлинном подписал Иван Кудрявцов, скрепил секретарь Михайла Смирнов, справил регистратор Петр Дубынин.

При означенном же повелении во первых к содержанию в тюремный двор при регистре прислано было мужеска и женска пола разных чинов и родов шестьдесят человек, но кто по каким делам не означено; и в числе оных как содержащихся в неявившихся соляной сумме деньгах Ивана Емельянова и Парфена Дружинина, тож и казака безызвестного Емельяна Иванова не значилось и в присылке еще не было. У подлинного подписано капитан Андрей Крупеников.

Получен марта 27 дня 1773 года.

На гоубтвахт господам караульным обер-офицерам о приеме на тюремный двор колодников.

Реестр.

Бывшей каменной губернской канцелярии по сломанию, даже которая ломка произошла под оною до черной тюрьмы, в которой содержались здесь набранные поселенные, и те к Тобольску сего ж марта 27 числа выступили, а остались по разным делам колодники,

а именно:

Алексей Гордеев	— в погорении у него питейного дома
Никита Лобашев	— в краже денег
Андрей Иванов —	в неимении паспортов
Дмитрий Кондратьев —	
Бакей Масаутов —	в краже лошадей
Абтык Абдрашев —	
Максим Васильев —	в сумнительных билетах
Степан Алексеев —	
Григорий Иванов —	
Иван Емельянов —	в немалых не явившихся соляных деньгах
Парфен Дружинин —	
Леонтий Сергеев —	в краже лошадей
Роман Васильев —	
Матвей Петров —	
Казак безызвестный	
Емельян Иванов —	по губернаторской экспедиции.

Итого 15 человек.

У подлинного подписано тако: секунд-маиор Венедикт Жемайлов, дежурный капитан Иван Лузин.

Ч.‹исла› 27 марта
1773 года.

Получен 12 числа.

Ордер. Копия.

В Казанской военный криксрехт.

По представлению оного криксрехта касающийся по делу прапорщика Зыкова о упуске из тюремного двора дву колодников — второго баталиона подпрапорщик Конышев из корпуса господина генерал-маиора Фреймана вытребован, который и состоит ныне налицо при баталионе, откуда его когда потребуется в суд и брать. У подлинного скрепа Алексей Лецкий. № 130.

Генваря 11 дня
1774 года.

1774 года генваря 13 дня по требованию от сего следствия присланный от Казанского второго баталиона подпрапорщик Алексей Конышев по силе учиненного прошлого 773 года минувшего декабря 13 дня в сем деле определения в нижеследующем допрашиван и показал:

Того 773 года в маие месяце в карауле при тюремном дворе под командою прапорщика Зыкова я находился и в то ж время тут же в карауле был капрал первого боталиона Абакумов и солдат сорок человек, а кто они именем и прозванием и которых баталионов не упомню, и по силе имеющегося при тюремном дворе от гоубтвахтного офицера, а от кого не припомню, приказу, всходственность в оном прописанной силы, насланного на гоубтвахт сего ж года марта 13 числа от Казанской губернской канцелярии повеления, из того тюремного двора из присланных по разломании той губернской канцелярии к содержанию в оный тюремный двор колодников, коим никаких кормовых денег и хлеба не производилось, в мир для испрошения милостыни отпускаемы, да и в разные следующие работы по городу посылаемы за пристойным караулом скованные были; маия ж 28 числа колодник Парфен Дружинин особо один ни для чего никуда от тюремного двора с солдатом отпускаем не был, а может быть послан был с прочими в какую и куда работу, но действительно не припомню, что с оной для испрошения милостыни и отпущен был; а маия 29 числа он же Дружинин и с ним другой Емельян Иванов для испрошения милостыни по знакомству Дружинину к соборному священнику, который живет близ Пятницкой церкви и Казанского монастыря, Ивану, а по отечеству точно не ведаю, по приказанию упоминаемого прапорщика Зыкова скованные ж за караулом дву солдат Мещенкова и Рыбакова отпущены были доподлинно, пополуночи в десятом часу, с тем солдатам подтверждением, чтоб никуда более оного священника не ходить и до пьянства не допускать и самим не пить и долее получаса не быть под наижесточайшим штрафом; но как оные чрез то время к тюремному двору не явились, почему от оного прапорщика за оными в начале первого на десять часа пополуночи к тому священнику и посылан был я, к которому сходил; но не застав его, священника, в доме, об оных колодниках и о солдатах, что были ль у него в доме и куда пошли, живущих в том доме спрашивал, которые, а кто они таковы и по именам знать не могу, соответствовали, что у них никаких колодников и солдат не было; о чем, то ж самое время как пришел, отрепортовал показанного прапорщика, почему и прочих караульных солдат до осьми человек, а кто имена и по прозваниям не упомню, вторично для сыску их по разным местам посыланы были, но по многому иску по городу как колодники, так и солдаты нигде никем были не найдены; после чего уже доподлинно по полудни в девятом часу, по перекличке колодников и по заперти тюремного двора, из тех посланных в караулах за показанными колодниками солдат Рыбаков явясь объявил, что оные колодники и с караульным Мещенковым, прибив его, бежали, о чем я показал по присяжной должности истинную правду. У подлин-

ного подписано: к сему допросу Казанского второго баталиона подпрапорщик Алексей Конышев руку приложил.

По указу ее императорского величества определенные в военном криксрехте презус и ассесоры, слушав всего производства сего следствия, из коего по всем обстоятельствам оказалось: 1-е. Хотя по последней присланной Казанской губернской канцелярией промемории и велено наиболее о прихождении к певчему Дуганевскому маия 28 колодника Парфена Дружинина исследовать, но как от него ж, Дуганевского, кто таков за ним караульный солдат был не знает, а от прапорщика Зыкова и подпрапорщика Конышева, чтоб от тюремного двора, а особливо того числа, отпускаем был, не показано, да к тому ж он, Дружинин, и побег учинил не 28, а 29 числа, и для того изыскивать осталось не чрез кого и нечего. 2-е. В действительном же упуске тех колодников изыскивать более было подлежало чрез бывшего ж за оными колодниками в карауле солдата Рыбакова, но с присылки его под суд прошлого 773 года июля с 15 дня по болезни находился в госпитали и августа 3 дня умре, да хотя б и жив был, но, как в деле явствует, в показаниях своих учинил разнь: во-первых, караульному офицеру прапорщику Зыкову явясь, объявил, что будто б, выпивши по две чарки вина, по выходе от попа пришед на новый мост к Замочной Решетке, те показанные колодники наняли ямскую подводу, на которую все сели и поехали вместе на Арское поле до питейного дому; и как проехали питейный дом и часовню, где похороняют умерших, он, Рыбаков, воспрещал им далее ехать, то товарищ его, солдат Мещенков, знатно согласясь с теми колодниками к утечке, сорвал с него, Рыбакова, шпагу с портупеей и надев на колодника, столкнув с подводы, бил его смертельно обще с теми колодниками и на той подводе уехали, а куда, уже будучи в разбитии, неизвестен; но как по малом времени пришед в малое чувствование, пошед объявил о всем том Царицынскому управителю и таково ему сказано, чтоб шел в Казань и явился к команде; во-вторых, в Казанской губернской канцелярии в допросе показал, что с теми колодниками посылаемы они были к показанному попу в 1-м часу по полудни с тем подтверждением, чтоб до пьянства их не допущать и кроме дому того священника никуда не ходить, а как от того священника к тому ж мосту все они четверо дошли, то-де его, Рыбакова, реченные колодники, ухватя за голову и зажав рот, чтоб кричать было не можно, на случившуюся в том месте неведомо чью телегу с кибиткою на дву лошадях бросили и, сев ему на ноги и на грудь и потому ж зажав рот, завезли на Арское поле и против самой часовни, столкнув с телеги, солдат Мещенков, ударив в грудь и отбив шпагу и шляпу, уехали по дороге к селу Царицыну; и также чрез несколько время очув-

ствовавшись, кричав бежал за ними и, прибежав в село Царицыно, объявил управителю и в их конторе писарям и сторожу, а как зовут не знает, и потом пришел к тюремному двору и явился пополудни часу в шестом (а от прапорщика Зыкова и подпрапорщика Конышева показано, что доподлинно те колодники с ними отпущены того часа по полуночи, а не по полудни в первом, и он, Рыбаков, явился не в шестом, а в девятом часу пополудни); почему по вышепредписанной в показаниях Рыбакова разности и остается в часах справедливость показаний Зыкова и Конышева, да и колодники отпущены были действительно в силу вышеимеющегося Казанской губернской канцелярии повеления, для чего и следовать более не о чем; того ради согласно определили с прописанием всего обстоятельства по производству и вышеписанного и подлинное дело в оригинале представить в рассмотрение его высокородию артиллерии господину полковнику и казанскому обер-коменданту Алексею Петровичу Лецкому при репорте. Генваря 20 дня 1774 года. У подлинного подписано тако: капитан Амвросий Ардашев, секунд-маиор Иван Метлин, за аудитора сержант Егор Плеханов.

• VII.

(ЛБ 91, лл. 224, 229—252 об.)

ДЕЛО ГОРОДА САРАНСКА О АРХИМАНДРИТЕ АЛЕКСАНДРЕ.

В учрежденную в Казане по высочайшему ее императорского величества именному указу секретную комиссию.

От генерал-поручика, кавалера и нижегородского губернатора Ступишина.

Каково ко мне сего числа при сообщении от преосвященного Антония епископа Нижегородского и Алатырского вложено присланное к его преосвященству епархии его города Саранска Петровского монастыря от архимандрита Александра о встрече им с прочими того города священно и церковно-служителями по устращиванию смертною казнию и пожаром известного государственного злодея и бунтовщика Пугачева на мосту реки Инзары со святым крестом, доношение оное к рассмотрению в оригинале прилагаю при сем.

Подписал Алексей Ступишин.

Августа 21 дня
1774 года.

Великому господину преосвященному Антонию епископу Нижегородскому и Алатырскому

города Саранска Петровского монастыря архимандрита Александра покорнейшее доношение.

Пред сим Саранской воеводской канцелярии господин воевода Василий Григорьев сын Протасьев и товарищ его Михайло Дмитрев сын Башмаков, секретарь Андрей Метальников,- как видно, задолго уведомлены были о приходе в город Саранск государственного злодея и бунтовщика Пугачева, потому что оставя город без всякого защищения и обороны, прошедшего июля 26-го числа скрылся, на что смотря и прочие живущие в городе Саранске приказные служители и многие купцы скрылись же, а в городе хотя осталось немалое число граждан, но токмо безоружны. И того ж июля 26 числа после вечернего пения достоверное известие получил и я, нижайший, что злодей весьма близко приближился к городу, по которому нечаянному и ужасному полученному известию о таковом бесчеловечном злодее и бунтовщике, все сталиcь быть в смертном отчаянии, потому что скрыться мне от такового случая куды не известно да и некогда, для того что город Саранск воровскими того злодея партиями стался окружен, а против оного злодея граждане без воевод и безоружны защитить себя причли не в состоянии, для чего и просили меня придти в соборную церковь. Итак, спустя мало времени, то есть 27 числа поутру, весьма рано из злодейской толпы приехало в город человек до тридцати или более вооруженных, и приказали мне и прочим того города священно и церковно-служителям того злодея и бунтовщика со святыми иконами и с звоном, а граждан с хлебом и солью встретить, уграживая, если того не учиним, то смертною казнию и пожаром обще все погибнем. И по таковым ужасным мне и прочим известиям, принужден я стался быть от граждан, а паче от того злодея посланных в защищение свое и состоящих жителей, выдти с животворящим крестом к мосту реки Инзары, и вышел. Тамо ожидал я со всеми от оттоль входящей в город злодейской толпы себе смертной погибели, для того что уже совершенно известно, что где его в таковых же беззащитных жительствах ни встречали, то тех жительств священников и всех они злодеи смерти предавали. Почему и я, не имев о прибытии их известия и никакового защищения, со всеми будучи пленным, противиться их злодейскому повелению не мог, при чем были го́рода Саранска священно и церковно-служители и сограждане; но оный государственный злодей и христиан губитель, в великой толпе приехав в город, не смотря на такое себя принятие, и встречающих и укрывающихся разными виды лишал жизни и его света из дворян и разных чинов многих

до сущего младенца; и по таковым своим богопротивным и бесчеловечным действам оный супостат в такой всех привел страх и ужас, что всякой сын отечества, не имев себе ни от кого помощи и заступления ожидал смерти. А хотя я, нижайший, того злодея, как выше значит, убоявшись единственного себе смертного погубления, с прочими священно и церковно-служительми и сограждани и встретил, точию не почитаю его за такового, каковым он себя сам чрез свою толпу и сообщников своих разглашает, и преданности к прежнему его покорительству и услуг не чинил. А по долгу присяги своей в верности состою и пребуду до конца жизни моея всеподданнейший раб ее императорскому величеству всеавгустейшей моей монархине, всемилостивейшей государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, и наследнику ее императорского величества государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, и супруге его благоверной государыне и великой княгине Наталии Алексеевне, и о всем предписанном вашему архипастырству сим моим покорнейшим доношением представляю.

К сему доношению Александр архимандрит руку приложил.

Августа 12 дня
1774 года.

Саранского Петровского монастыря архимандрит Александр в комиссии 1774 года августа 23 числа, показал:

Минувшего июля 25 числа, как он ехал из загородного своего двора в монастырь к обедни и проезжал мимо Саранского магистрата: в то время вышед из оного присутствующие бургомистр Иван Степанов да ратман Василий Лукин сын Клоков и бывшие с ними еще Саранские купцы, коих имян пересказать он не упомнит, сказывали ему, что к городу их известный государственный злодей Пугачев с толпою своею приближается, и обще просили его, чтоб он с ними сходил к воеводе подполковнику Протасьеву и посоветовал о предосторожности города; почему он с ними пошел, застав воеводу в присутствии канцелярии, спрошен им был, за чем он пришел? на что ответствовал, что злодей вблизи их города находится, то, что нам будет делать? на то им воевода ответствовал, что ему защищаться нечем, ибо он хотя пушки в городе и имеет, да пороху нет; при чем ему и бывшим с ним купцам сказал, чтоб были все при своих местах, и я-де буду безотлучным в городе, с чем от него и пошли, но Александр поехал в монастырь, прочие ж купцы в магистрат; а на другой день поутру пришед к нему живущие в городе сотники, содержащие лантмилицию, имян их показать не может, сказывали ему, что злодеи город окружили, и живущего

в городе отставного поручика Алексея Анисимова с детьми повесили, и что воевода из города со всеми домашними отлучился, просили его, как означенные сотники, так и магистратские судьи и лучшее купечество, чтоб он из города не отлучался, а они другого способа не находят, как встретить злодея, то чтоб и он был с ними; почему на другой день, то есть 27 числа июля, как купечество, так и он Александр с своими причетниками и от других церквей священники с церковниками, а имянно: его монастыря иеромонахи Гурий, Виктор, монах Виктор, иеродиакон Григорий, Саранского собора иерей Василий, диакон Иван Васильев, трех святителей Петр Козмин с диаконом,[1] Успения богородицы, имени его не знает, и Иоанна Предтечи Иван Семенов, Иоанна Богослова, Семен, а чей сын не знает, Покрова богородицы Степан Васильев, Сошествия святого духа, Герасим, а чей сын не знает, Троицкой, Афанасий Васильев, вышед из города во облачении со крестами на имеющийся близь города мост, злодея встретили, который ко кресту приложился, и при том читан им был лже-составной злодейской манифест, со обольщением народа освобождением крестьян от податей и рекрутских поборов, и что они будут навсегда вольными; а после того велел им идти[2] в соборную церковь, куда и сам за ними в город въехал; а по приходе их, как начали службу в соборе, тогда он прислал своего злодейского сообщника[3] в олтарь к священнику совершающему службу, Василию, и приказал ему на ектениях[4] упоминать себя именем государя Петра Феодоровича, а жену свою Устинью Петрову[5] благоверною государынею императрицею, государя ж цесаревича и великого князя Павла Петровича наследником своим, и супругу его благоверную государыню великую княгиню Наталию Алексеевну; а государыню императрицу Екатерину Алексеевну упоминать не велел. Почему тот священник службу и продолжал со упоминанием на ектениях тех имян; пред окончанием же обедни прислал на собор денег тридцать рублей, которые они между собою разделили, в том числе и на его часть досталось три рубля; оные деньги взяв, он отдал священникам; по окончании ж обедни из церкви вышел и поехал в дом бывшегѽ их воеводы Каменицкого к жене его вдове Авдотьи Семеновой дочери обедать, и вскоре прислал за ним, Александром, чтоб он со всеми бывшими с ним священниками был в дом к Каменицкой, куда они собравшись, пришли, и тут пили за здоровье его водку; а потом отпущены были, и он Александр пришел в свой монастырь, а прочие

[1] с диаконом, имени его не знает
[2] итти им
[3] злодейского полковника
[4] приказал ему службою
[5] Петровну

священники разошлись в свои домы. После того услышал он, что злодей вдову Каменицкую да магистратского подъячего Петра Васильева повесил на воротах, а купца Ивана Гурьева засек плетьми. Поутру ж на другой день прислал к нему в монастырь злодейского своего старшину, с тем, чтоб он к нему был. Почему он из монастыря в ставку его ходил, которая от города была в расстоянии с полверсты, и по приходе представлен был к нему, который спрашивал его, что за чем он к нему пришел; на сие он ответствовал: что пришел к вашему величеству поклон отдать, и после того из ставки своей вышел вон; а бывший при нем его злодейской сообщник яицкой козак,[1] имени и отечества его не знает, говорил ему Александру, чтоб наутрее[2] приготовил стол для государя, и потом его отпустили. А на другой день, как он Александр для него приготовил стол, то часу во втором за полдни злодей с сообщниками своими всего десятью человеками к нему приехал и у него обедал, и быв у него часа с два из монастыря выехал, а после того вскоре и прислал к нему на обитель денег пятьдесят рублей. А на третий день прислал к нему старшину, чтоб он приехал в собор[3] для встречи и препровождения его из города, для чего он из монастыря и пошел, и по приходе к собору[4] застал[5] всех уже собранных градских священников и лучшее купечество, в том числе штатной роты прапорщика Степана Михайлова сына Шихмаметева, где обще они и дождались. А как увидели они, что злодей едет к собору, тогда он облачившись, вышел[6] со крестом, и по приезде приказал прочесть указ о пожаловании помянутого прапорщика Шихмаметева полковником и воеводою Саранским, чтоб все они ему были послушны, и по прочтении оного из города выехал. Он Александр знал о кончине покойного государя Петра третьего;[7] также и о нем злодее и изменнике Пугачеве из публикованных указов был известен, и никогда в сердце своем за государя его не признавал; но таковое ему почтение и повиновение делал[8] из страху, боясь смерти. От роду ему 67 лет.

К сему допросу Александр архимандрит руку приложил.

---

1 сообщник козак
2 чтобы он наутрее
3 приехал к нему в собор
4 в собор
5 застав
6 тогда они облачившись, вышли
7 О кончине покойного государя Петра III он Алексеев знал
8 повиновение в приезде его в Саранск делал

Приписано:
По старости лет его, и сего наказания весьма довольно: лишить его сана. А поелику звание его бывшее обязывало его быть знающее[1] простолюдина, то хотя и впал он в прегрешение, но душа его долженствует быть исполненна вечным угрызением, которое ему казнию по гроб его да будет. А из матернего милосердия ее императорского величества от телесного наказания свобождается; но послать указ в консисторию, чтоб его вечно определить в монастырскую работу.

Мнение.

Хотя его преподобие представляет, что бывший воевода в Саранске по просьбе граждан о спасении города не только не подал наставление к обороне оного, но и сам скрылся; а что[2] самими гражданами принужден он был учинить злодею и самозванцу торжественное сретение, но сие его не оправдает. Чем боле кто ведает важность преступления, тем более наказуется. Кольми паче епископу, яко пастырю душ и церкви, который должен руководствовать сердцами народа и на которого были, так сказать, обращены всех очи, должен был явить собою пример великодушия и верности. Он ведал совершенно о кончине государя Петра III, ведал, что самозванец есть беглый казак и государственный злодей. И когда всякой верноподанный должен защищать право вашего императорского величества, яко истинной государыни и матери российского народа; когда мы в присяге своей обязуемся[3] служить не щадя жизни; когда заклинаемся мы пред самим богом проливать кровь свою для славы и пользы отечества; то нет извинения человеку толь высокого сана поступить[4] гнусно противу здравого разума и еще более противу присяги; когда принимая монашеский чин отрекся он от мира, то заклинался он отложить помысл о светском,[5] но посвятил жизнь и душу единому создателю; в таких мыслях нет страха и простой смерти для монаха, а еще[6] паче когда он жертвует жизнию за монархиню и отечество. Я мню,[7] что если бы его преподобие во всем облачении своем вышед со крестом, обличил злодеев в преступлении их,[8]

---

[1] знающее — *форма сравнительной степени.*
[2] и что
[3] обещаемся
[4] поступать
[5] помысл светский
[6] и еще
[7] Мню
[8] в преступлениях их

то хотя бы не удержал стремления зверства, то посеял бы в сердцах народа отвращение к сему извергу. Но он будучи пастырь церкви, забыв страх божий, должную верность к вашему императорскому величеству и важность своего сана, — сам первый был предъявитель[1] зла: и потому[2] и божий закон и гражданский осуждает его на смерть. Но ведая величество души вашего императорского величества и беспримерное человеколюбие,[3] дерзаю всеподданнейше представить: не благоволите ль из матерней милости даровать ему жизнь, под бременем лет приходящую уже к концу, оставить оную на угрызение его совести и на раскаяние пред всемогущим богом толь тяжкого преступления; а чтобы оное не оставалось[4] без должного наказания, не соизволите ли ваше императорское величество высочайше повелеть публично снять с него сан и пред всем народом чрез три дни объявлять самому ему вину свою, принося молитвы при том вышнему о прощении его преступления, а потом определить в монастырь на вечное покаяние.

От преосвященного Антония епископа Нижегородского и Алатарского.

В учрежденную в Казане по имянному ее императорского величества указу Секретную комиссию.

Сего сентября 1 дня присланным в консисторию мою из Саранского духовного правления доношением представлено, что епархии моей, Саранскаго Петровского монастыря настоятель архимандрит Александр, минувшего августа 20 дня чрез нарочно присланного офицера с командою взят по секретному делу в Казань, а как полученным мною того ж сентября 1-го дня и от святейшего правительствующего синода указом повелено об оном архимандрите и Петровском монастыре учинить мне некоторые распоряжения, чего ради секретной комиссии сим сообщая, прошу, о показанном архимандрите подлинно ли он в реченную комиссию взят, и может ли он по прежнему остаться в том архимандрическом чине, меня уведомить.

Смиренный Антоний епископ Нижнего Новаграда и Алатаря.

Сентября 6 дня
1774 года.

---

[1] проявителем
[2] а потому
[3] милосердие
[4] не осталось

Из учрежденной в Казане по всевысочайшему ее императорского величества имянному указу Секретной комиссии Антонию епископу Нижегородскому.

№ 265.

На полученное от вашего преосвященства сообщение саранского Петровского монастыря архимандрита Александра комиссия чрез сие дает знать, что он находится здесь в комиссии, коего преступление донесено ее императорскому величеству всемилостивейшей государыне, на что комиссия и ожидает повеления. Сентября 13 дня 1774 года.

Указ ее императорского величества самодержицы всероссийския.

Из святейшего правительствующего синода господину генерал-маиору Потемкину.

Сего 1774 года сентября 10 дня Святейшему правительствующему синоду правящий обер-прокурорскую должность господин статский советник Акчюрин предложил врученной ему от господина действительного тайного советника генерал-прокурора и кавалера князя Александра Алексеевича Вяземского письменный допрос саранского Петровского монастыря архимандрита Александра, взятый у него в учрежденной в Казане Секретной комиссии, и присовокупленное к тому мнение ваше с таковым высочайшим ее императорского величества повелением, дабы святейший синод судя изображенные в помянутом архимандричьем допросе его преступления, не только решительный о нем приговор или сентенцию сделал, но тотчас оную и исполнить велел. И как в следствие сего высочайшего ее императорского величества повеления, Святейший правительствующий синод рассматривая вышеозначенный архимандрита Александра допрос, нашел, что он по собственному его признанию с прочим тамошним духовенством якобы по убеждению саранских купцов и за страх смертный известного государственного злодея и самозванца Пугачева нетокмо при въезде его в тот город, но и при выезде встречал и провожал во всем священном облачении и с крестным хождением, и злодейские его указы, касающиеся до всенародного возмущения, без малейшего прекословия слушал; а когда от злодея приказано было отправлявшему тогда в церкви литургию священнику воспоминать сего мерзкого изверга под имянем умершего императора Петра III, также и жены его, то он и сие равномерно допустил же без всякого должного в том супротивления, да после и сам у него злодея на квартире и в ставке был, а напоследок и у себя в монастыре с десятью его сообщниками угащевал, имяновав при том его императором и принимая от него на собор и на монастырь деньги двое-

кратно. То в рассуждении сих его архимандрита Александра толь важных государственных преступлений, которые еще и более увеличиваются тем, что он точно знавши о смерти императора Петра III ведал же, что Пугачев есть сущий злодей и изменник, а только имяни его похититель и самозванец; следовательно ему и никаких его приказаний, хотя бы и подлинно от него пострадать довелось, слушать и исполнять не надлежало, паче же долженствовал он по своей присяге не токмо сам к ее императорскому величеству, яко законной своей самодержице, нелицемерную верность сохранять и отечество защищать, но и прочих граждан, которые тогда без сумнения примеру его твердости подражать не упустили б, всячески к тому же увещевать и склонять, воображая себе, что когда помянутою присягою все верноподанные ее императорского величества раби всемогущему богу клялись и обязались за ее императорское величество в потребном, то есть подобном нынешнему важному случаю, живота своего не щадить и даже последнюю каплю крови пролить; то кольми паче ему архимандриту, таковый сан имеющему, и как главному в тамошнем месте духовному пастырю довлело более протчих, здравым своим рассудком и неустрашимостью во отвращение от явного государственного злодея и изменника предшествовать, нежели самому к нему прилепляясь о спасении только своей жизни заботиться, тем меньше, что когда уже при вступлении в монашество отрекся от сего мира и когда потому естественную смерть в ничто вменять должен, то напротив того страдальческая, а паче за свою законную монархиню, за любезное отечество и за поруганную злодеем Пугачевым церковь Христову, к сему достохвальному подвигу и поощрять его имели б, в несомненой надежде получения за то праведного на небесех воздаяния и сопричтения в лик мученический; но вместо того он, забыв весь страх божий и не взирая на ужасы грядущего осуждения, а предпочтя временную жизнь вечной, венец страдальчества ему готовившей, не токмо сам в погибельные сети впал, но и у своей паствы всю ревность ко испровержению богопротивных и мерзких злодея Пугачева предприятий отнял.

Приказали: что хотя за все вышеизображенные толь тяжкие государственные преступления и нарушение данной пред богом клятвы в непоколебимой к ее императорскому величеству нашей всемилостивейшей государыне верности надлежало его, бывшего архимандрита Александра, как сообщника тому ж злодею Пугачеву, по всем божеским правам во-первых и всенародно лишить архимандритского сана, священства и монашества, сняв при том с него всенародно ж священнические и монашеские одеяния и украшения. Но понеже подобные ему преступники и клятвонарушители из духовного чина обнародованными от святейшего синода 20 числа

августа сего года увещаниями уже самого того часа, как кто в сии преступления впал, священства извергнуты, от церкви отлучены и преданы всем тем казням, какие закон сим злодеям определяет, следовательно и он Александр считается уже только простым монахом, то теперь одев его в простую монашескую одежду, вывесть на публичное место и в присутствии синодального члена преосвященного архиепископа Казанского и других духовных персон, тако ж и при собрании прочего народа, прочтя ему из содержания сего вышеизображенные его тяжкие преступления и заслуженное наказание, лишить и самого монашеского звания, и сияв с него оную одежду остричь на голове и бороде волосы, переименовать прежним его мирским имянем, и напоследок, яко злаго преступника одев в простое мужичье платье, отдать на светской суд во учрежденную в Казане Секретную комисию. О чем для исполнения к синодальному члену преосвященному Вениамину архиепископу Казанскому, а для ведома и к преосвященному Антонию епископу Нижегородскому из святейшего синода указы посланы. И господину генерал-майору Потемкину о том ведать.

Обер-секретарь Аполлон Наумов.

Сентября 11 дня
1774 года.

Из учрежденной в Казане по всевысочайшему ее императорского величества указу секретной комиссии в Казанскую духовную консисторию.

Препровождается при сем бывший саранского Петровского монастыря архимандрит Александр, ныне же расстрига Алексей Андреев, и которому в секретной коммисии решение учинено, и духовная консистория имеет определить его в монастырьскую работу вечно. Ноября 29 дня 1774 года.

Получено октября 13 ч.<исла> 1774 года.

Святейшего правительствующего синода члена преосвященного Вениамина архиепископа Казанского и Свияжского.

В учрежденную в Казане по всевысочайшему ее императорского величества имянному указу Секретную комиссию.

В силу присланного ее императорского величества из святейшего правительствующего синода ко мне указа, содержащийся в оной комиссии, бывший в саранском Петровском монастыре архимандритом, ныне же монах Александр, за изображенные в том указе важные его преступления, в присутствии моем и при собрании духовенства, знатных светских персон

и прочего народа сего октября 13 дня монашеского звания лишен, в знак чего острижены у него на голове и бороде волосы, и одет в простую мужичью одежду. А белеческое ему имя было, как он сам сказкою о том объявил, Алексей, по отечеству Андреев, который в силу оного ж Святейшего правительствующего синода указа на светской суд и препровождается при сем в оную Секретную комиссию. Октября 13 дня 1774 года.

Вениамин архиепископ Казанский.

В учрежденную в Казане по всевысочайшему ее императорского величества имянному указу Секретную комиссию из Казанской духовной консистории.

Сего 1774 года ноября 29 дня присланный в духовную консисторию из оной Секретной комиссии бывший саранского Петровского монастыря архимандрит Александр, ныне же расстрига Алексей Андреев, по определению Святейшего правительствующего синода члена преосвященного Вениамина архиепископа Казанского и Свиажского и по содержанию того сообщения в монастырскую работу послан вечно в Спасоказанской Преображенской монастырь к настоятелю при указе. О чем оная Секретная комиссия да соблаговолит быть известна.

Димитрий протопоп Благовещенский.

Декабря 1774.

В учрежденную в Казани по всевысочайшему ее императорского величества имянному указу Секретную комиссию из Казанской духовной консистории.

Сего сентября 3-го дня присланным ее императорского величества из святейшего правительствующего синода к синодальному члену преосвященному Вениамину архиепископу Казанскому и Свиажскому указом велено содержащегося во оной секретной комиссии саранского Петровского монастыря бывшего архимандрита Александра за изображенные в том указе толь тяжкие государственные его преступления и нарушение данной пред богом клятвы в непоколебимой ее императорскому величеству нашей всемилостивейшей государыне верности, одев в простую монашескую одежду, вывесть на публичное место и в присутствии его преосвященства и других духовных персон, тако ж и при собрании простого народа, прочтя ему те преступления и заслуженное наказание, лишить и самого монашеского звания и сняв с него оную одежду, остричь на голове и бороде волосы, переименовать прежним его мирским имянем, а напоследок, яко злаго преступника, одев в простое мужичье платье, отдать на светской

суд во оную Секретную комиссию. И по силе оного ее императорского величества указа его преосвященство приказал: о присылке означенного монаха для вышеписанного с ним поступления и взятья от него о прежнем его мирском имени известия в духовную консисторию за надлежащим от оной Секретной комиссии караулом, за коим он и обратно отослан быть имеет. Во оную комиссию сообщить, о чем сие и послано. Наркисс игумен Кизический.

Секретарь Василий Простов.
Канцелярист Петр Васильев.

Октября 4 дня
1774 года.

Д. КОНСПЕКТЫ, ВЫПИСКИ И НАБРОСКИ.

I.

(ЛБ 91, лл. 1—6)

РЫЧКОВ.[1]

В самом начале Оренб.<ургской> экспедиции в город Самару приезжали войск.<овой> атам.<ан> Григорий Меркульев и войск.<овой> старш.<ина> Ив. Логинов. Они друг на друга жаловались и доносили — отселе две партии: Атаманская и Логиновская. Рычков не объясняет подробностей; но видно, что Логиновская (час от часу умножавшаяся) была народной оппозицией.

Логиновск.<ая> сторона жаловалась на войск.<ового> атамана Андрея Бородина, на разные сборы им учиненные и на удержание за собою войсковых денег, etc. В Яицк.<ом> Г.<ородке> учреждена по сему поводу следственная комиссия, состоявшая с начала из шт.<аб>-оф.<ицеров>, а потом уж из генер.<ало>в: Потапова, Черепова, Бримфельда и Давыдова. Бородин был отставлен, а на его место выбран, при гв.<ардия> капитане Чебышеве,[2] и из[3] тамошних старшин Петр Тамбовцев.

12 января 1772 года Яицк.<ие> казаки, возмутясь, убили находившегося для докончания следственных дел ген.<ерал>-м.<аиора> Траубенберга, атам.<ана> Тамбовцева, войск.<ового> дьяка Матвея Суетина и несколько офицеров и солдат. Дурнова изранили. Предводителем бунта был казак Кирпичников.

В марте из Москвы противу их отправлен ген.<ерал> Фрейман, с одной ротою Великолуцкого гренад.<ерского> пех.<отного> полку, а в след за ним и артиллерия. Фрейм.<ан> прибыв в Оренб.<ург>, взял 2 легкие полевые команды, и несколько рег.<улярных> и нерег.<улярных> войск и по слитии рек отправился к Илецк.<ому> Гор.<одку> и оттуда к Яицкому Г.<ородку>. — Мятежники встретили его за 70 верст от города — в числе 3.000 чел. — 3 и 4 июня произошли сражения. Казаки старались его не допустить, но Фрейман своими пушками открыл себе путь. Казаки

---

[1] *В подлиннике:* Рычков и Дмитриев. Предания. *Вторая половина заглавия:* Дмитриев. Предания, *с соответствующим содержанием, отнесены в отдел А, см. выше, стр. 497.*

[2] выбран гв.<ардии> капитан Чебышев

[3] а из

хотели бежать к Каспийскому морю с женами и детьми, и уже перебрались за р. Чаган (намереваясь овладеть Астрабатом и там поселиться). Фр.‹ейман› увещаниями успел их обратить в город, а *за ушедшими* послал погоню. Многие были переловлены. В Оренб.‹урге› учреждена по сему комиссия, в коей председат.‹ельствова›л полковн.‹ик› · Неронов. — Зачинщиков казнили кнутом, других плетьми. Многих послали в Сибирь, других солдатами в армии — но сии бежали с дороги.

Начальники бунта пугачевского: Чика и Шелудяков. Пугачев, во время казней, шатался по дворам казачьим в крайней бедности и служил работником в хуторках Данилы Шелудякова; дело шло с начала о побеге к Каспийскому морю, дабы там за‹к›репиться и сделаться независимыми. Но потом[1] предпочтена мысль о мятеже и самозванстве — и в августе во время сенокоса на хуторе Шелудякова начал Пугачев собирать[2] свою шайку.

По отбытию ген.‹ерала› Фреймана в Москву, Яицк.‹им› гор.‹одко›м правил подп.‹олковник› Симанов, а с ним в комендантской канцелярии[3] присутствовали войсковой старшина Мартем. Бородин, и *простой* старшина Мостовщиков, при нем 2 легк.‹их› ком.‹ан›ды и неск.‹олько› оренб.‹ургских› каз.‹аков›.

Илецк.‹ий› казачий городок (а не Защита Илецкая, где соль добывают) от Яицк.‹ого› г.‹ородка› 145 в., от Оренб.‹урга› 124. Казаков в оном более 400, набранных из разных людей. А при тайн.‹ом› сов.‹етнике› Татищеве приобщены к корпусу Яицк.‹их› каз‹аков›.

18 сент.‹ября› под видом переговоров выехало к Наумову несколько казаков, один с листом на голове, „грамоту-де[4] от гос.‹ударя› ц‹а›ря П.‹етра› Ф.‹едоровича› велено вручить старшине Акутину“. Наум.‹ов› отнял бумагу и при рапорте от Сим.‹онова› отослана она к Рейнсд.‹орпу›.

Казаки схватили верных старшин, подхватив за узды лошадей, поска‹ка›ли к Пугачеву. Сии первые жертвы Пугачева были сотники Яков Витошнов, Петр Черторогов, Фед. Райнев,[5] Иван Коновалов; пятиде‹сятни›ки: Ив. Ружеников, Як. Толстов, Кузьма Подъячев, Ив. Колпаков; ряд.‹овые› каз.‹аки›: Вас. Сидоровкин, Ив. Ларзянов, Петр Чукалин — и еще (ниже Яицк.‹ого› Гор.‹одка› в хуторах Сластиных) казак Андр. Скворкин.

Чернор.‹еченская› Кр.‹епость› от Оренб.‹урга› 18 в., а Тatiщ.‹ева› 64.

---

[1] [И в] Но потом
[2] начали собирать
[3] в войск.‹овой› канцелярии
[4] грамота-де
[5] Рамнев

В Оренб.<урге> ничего не знали о Пугачеве до 22 сент.<ября> (в день рожд.<ения> Екат.<ерины>.) В сей день на бале у губ.<ернатора> приехал нарочной с извест.<ием> о взятии Ил.<ецкого> Гор.<одка>.— Жители узнали о Пугачеве по выступлении из города Билова.

Сено под Татищевой зажжено ночью Пугачевым. Харлова (в тот год вышедшая замуж) из Рассыпной бежала к отцу в Татищ.<еву>. Брату ее было 10 лет. Тут Пугачев получил много полковой, кабацкой и солян<ы>х сборов казны. Пугачев взял Харлову к себе, и ночевал всегда с нею в одной кибитке; по наветам его любимцев, отослал ее в Берду — и приказал убить. Тело ее видели брошенное в кустарник, брат ее мертвый лежал у ней на руке.[1]

В Черноречье велел Пугачев повесить капит.<ана> Нечаева, захваченного им из команды Билова, за намерение к побегу или по жалобам дворовой его девки. — Пугачев, оставя Оренб.<ург> в праве, поворотил влево — в Сеит.<овсую> и Карг.<алинскую> грабя хутора.

В хуторе губер.<наторско>м злодеи, разорив церкви, из икон писаных на холсте, сделали подседельные напотники, а в уста распятия, над ц.<арскими> дверьми, пробили гвоздь (?).

В Сакм.<арском> Гор.<одке> казаков до 250.—Атам.<ан> Данило Дмитриев Донской, с домашними и с неск.<олькими> каз.<акам>и выехал в Оренб.<ург>.

Пугачев взял Сак.<марский> г.<ородок>, пресек отовсюду коммуник.<ацию> кроме одной Кирг.<изской> степи, через которую и посылали курьеров, и то с больш.<ой> опасн.<остью>.

Старого-Милюков был прежде полковн.<иком> артилл.<ерии>.

30 сент.<ября> в соборной церкви читана от Губ.<ернской> канцелярии публикация, и по командам в городе публикована:

По указу е. и. в. из Оренб.<ургской> губернской канц.<елярии> публикация:

Известно учинилось, что о злодействующем с Яицкой стороны в здешних обывателях, по легкомыслию некоторых разгласителей, носится слух якобы он другого состояния, нежели как[2] есть. Но он злодействующий, в самом деле, беглый Донск.<ой> казак Е. Пугачев, который за его злодейства наказан кнутом с поставлением на лице его знаков, но чтоб он в том познан не был, для того пред предводительствуемыми им никогда шапки не снимает, чему некоторые из здешних бывших[3] у него в руках самовидцы, из которых один солдат, Демид Куликов, вчерась выбежавший, точно засвидетельствовать может. А как он Пугачев с изменническою

[1] на ее руке.
[3] нежели он
[2] некоторые из б<ывших>

его толпою, по учинению некоторым крепостям вреда, сюда идет, то по причине того ложного разглашения, всем здешним обывателям объявляется, что всяк сам из поступков его может понять, что он Пугачев злодей и как изверженный из честного общества, старается верноподданых е. и. в.-ва честных рабов поколебать и ввергнуть в бездну погибели и притом имением их набогатиться, как то он в разоренных местах и делает; к предварению чего всякой увещевается, во время наступления его с изменическою толпою, стараться, для сохранения общества, дому и имения своего, стоять против толпы его до последней капли крови своея, так как верноподданным е. и. в-ва рабам надлежит и присяжная каждого должность обязует, и от них никаким ложным разглашениям не верить. *Сент.‹ября› 30‹го› 1773 г.*

---

1 окт.‹ября› стали показываться злодеи около Бердской слоб.‹оды› и в других местах. Им посланы увещательные листы через Хлопушу. Сей злодей около 20 лет разбойничал в Ор.‹енбургской› губернии, 3 раза послан был в Сибирь, и содержался в Ор.‹енбургском› остроге, скован по рукам и по ногам. Он явился прямо к Пугачеву, и прокламации вручил[1] ему. Пойман в последствии и ему отсечена голова.

Осада Оренб.‹урга› началась 5 окт.‹ября› (в субботу) 1773 — по 23 марта 1774 (но 28‹го› Пугачев, отрезанный от Яика, был еще в Берде).

Первый лагерь Пугачева от Оренб.‹урга› менее 5 верст.

Предместие вызжено 5-го окт.‹ября› кроме одной избы, против самой Егорьевской церкви. С того же времени начали обносить рогатками с наружной стороны рва весь вал и ров около города вычищать; оный был так вавален (песком и глиною), что кроме сторон,[2] где находилась каменная стена, отовсюду можно было в город въезжать верхом.

Вместо утренней и вечер.‹ней› тапты (?) у Пугачева делали по одному пушечному выстрелу. 7-го окт.‹ября› был совет у губернатора (где находился и Рычков), атаковать ли Пугачева, или обороняться. Все, кроме одного губернаторского товарища, Старого-Милюкова, решили обороняться в ожндании команд.

Хлопуша прошлец, знавший хорошо все способы Оренб.‹ургской› губ.‹ернии›, сперва послан был в Тимашевские села, в Никольское и Ташлу, и по реке Сакмаре, на пристани Бугульчанскую и Стерлитамацкую, на Твердышевские и другие заводы. Он переслал Пугачеву с заводов пушки, ядер и пороху — также возмутил и заводских крестьян, и прислал их

---

[1] и прокламации роздал

[2] кроме стороны

с лопатами, кирками и другими горными орудиями. В Никольском находился садовник из людей ген.<ерал>-фельд.<маршала> гр.<афа> Александра Ив. Шувалова; он знал лично Петра III. Злодеи вывезли его и повесили на дороге.

15 октября из Оренб.<урга> выслана[1] команда за лесом и лубками для прикрытия землянок подле валу,[2] ибо уже накануне был слабый мороз и на Яике появились ледовые закраины. 16<го> снег и начали на санях ездить.

16<го> прошел ложный слух в Оренб.<урге> о недостатке в соли.

18-го октября фуражиры, атакованные Пугачевым, сделали из возов *городок:* убит.<о> 40 — с увезенными[3] до 300.

18-го Изюмнин (один из главных мятежн.<иков>) подъехал пьяный тихою ездою за $^1/_2$ вер. от Ор.<енбурга>, подняв шапку на копье кричал: Господа Яицк.<ие> казаки! пора вам одуматься и служить гос.<ударю> Пет.<ру> Фед.<оровичу>, и стал скакать кругами удаляясь к товарищам — но был пойман.[4]

19<го> злодеи с визгом подъезжая к Оренб.<ургу> кричали, чтоб выдан им был Мартюшка (М. Бородин), другие звали казаков к ним *вино пить*, говоря у *нашего царя вина много* — на что из города отвечали им, чтоб они с царем своим приезжали в город обедать, а вина-де в городе больше.

У Пугачева прозывались Овчинников атаманом, Лысов полковником, Чика Чернышевым, Чумаков Орловым, Максим Шигаев Воронцовым.

Пугачев из 100 яицк.<их> каза.<ков> составил себе гвардию и намерен был им дать зеленые казачьи кафтаны. Заставя их скакать в запуски, выбрал он себе 30 коней, и стал держать их при себе на хорошем корму. Для ночевания была у Пугачева палатка и кибитка, увезенная им с хутора советника Мясоедова, куда входил[5] только Чика да другой (? Перфильев) да Харлова. Когда выходит, выносят за ним кресла (взятые из губернаторск.<ого> хут.<ора>). Он садится, и делает свои распоряжения — приходящие бьют ему челом и целуют руку, называя в. в-м и батюшкой. Платье его малиновая плисовая шуба, и такие же шаровары. Поповскую должность отправляет при нем дьякон взятый с заводов; сам он в церковь не ходит (*показания писаря Соляного правления Полуворотова*).[6]

---

[1] выслаиы

[2] на валу

[3] увезенных

[4] [убит] но был пойман.

[5] входит

[6] *Слова* У Пугачева прозывались ∼ Полуворотова *отчеркнуты на полях Пушкиным.*

22<го> расстрелено Пугачевым до 1000 ядер. Прежде сего был в них у него недостаток.

30<го>. Приготовляют злодеи три воза лопаток и какие-то щиты для приступу к Ор.<енбургу>.

Купец Полуектов, Ор<е>нб<ургск>ой наездник.

29<го> злодеи захватили несколько киргизцев, ехавших в Ор.<енбург> для мены баранов, и по их указаниям на другой день напали в степи на других и отогнали до 4000 баранов.

2-го ноября. Злодеи, отбитые от кирпичных заводов и из-под Бердских ворот, стали подвигаться к Орским воротам и к высокой мишене в версту от города, сделанной из дерну. К сей мишене злодеи накануне ночью приделали валы с обеих сторон, из-за них произвели сильную пальбу. А позадь часовни (где убогой дом) в ту же ночь подъехали батареи. Еще же злодеи подвезли пушки к Егорьевской церкви (в 200 саж. от города) и поделав из плитного камня укрепления, стали стрелять мимо летней соборной церкви. Ночью оставшиеся злодеи, когда на соборной церкви били часы, стреляли по выстрелу на каждый час в город, и им тоже ответствовано.

3-го,[1] поставя две пушки на паперти и под колокольней Егор.<ьевской> ц.<еркви>, злодеи произвели пальбу;[2] другие, взошед на колокольню, стреляли пулями и свинцовыми *жеребьями*, а по причине вьюги и стужи расклали огонь в самой церкви, а оставшуюся от пожара избу истопили.

NB. 2-го пешими предводительствовал сам Пугачев и едва спасся при вылазке.

Расстреляв свои ядры, мятежники употребили черепья чугунных котлов заводских.

4-го поутру осмотрена опустелая Егор.<ьевская> церковь — усмотрены не токмо человеческие, но и лошадиные калы — и кровь. Напрестольное одеяние изорвано в лоскутки, а оклады с икон ободраны. — Послано мишень срыть неск.<олькими> ссыльными[3] под прикр.<ытием> казаков, батареи и городки испортить и избу разломать. — Мишень, по причине мороза, с трудом разрыли[4] через несколько дней.

6-го ноября. Пугачев, зажегши[5] лагерь под Бердой, перешел в самую слободу по причине жесток.<ого> морозу, а башкирцев и калмыков оставил в лагере.

---

1 4-го
2 злодеи стали стрел<ять>
3 неск.<олько> ссыльных
4 с трудом разб.<или>
5 остави<в>

9-го[1] приказ губернатора отдавать сено казакам[2] на защиту города. Ночью пойман крещеный калмык с порохом и фитилем.

12 го. Донесения от Корфа, что он уже в Красногорске, извинялся в своей медленности тем, что заготовлялся к зимнему походу, и что башкирцы ему изменили и бежали все. При нем находятся указы, и кабинетный и Воен.‹ной› Колл.‹егии› курьеры, присланные подполковн.‹иком› Ступишиным. В Оренб.‹урге› узнали, что Хлопуша возвратился — и что 800 чел. высланных на Моск.‹овскую› дорогу привели в лагерь 2‹х› офицеров и 170 солдат (разб.‹ив›‹?› Кара и Фреймана).

14-го пойман[3] Шелудяков. Он принял оренб.‹ургских› казаков за своих; и подскакав к ним, велел им скорей удирать в право. Казак[4] заехав сзади схватил его за ворот и кричал, чтоб его взяли и убили. — Умер дней 5 после в тюрьме, от жестоких[5] пыток.

15-го злодеи искали его между убитыми телами и подъехав к городу требовали его выдачи. Потом привязав некоторые тела к лошадиным хвостам отвезли их, а других раздев оставили на снегу. 17-го перед светом 3 чел. подъехали к городу, требуя опять Шелудякова. С валу отвечали им: привозите к нам сына его (т. е. Пугачева), обещая 500 р. награды. Они молча поехали назад.

Сакмарской поп от Пугачева сделан был атаманом.

Пугачев, хвастаясь с единомышленниками, говорил, что он бывал в Цареграде и Ерусалиме и в немецких городах, а такого крепкого города как Ор.‹енбург› не видал.[6]

20‹го› губ.‹ернатор›[7] послал, по требованию мятежников, печатный манифест. Противные партии съехались, но, не доверяя друг другу, условились положить лист на земь — и потом разъехаться, после чего подъехал мятежник и поднял бумагу копьем.

500 челов. под предвод.‹ительством› Хлопуши посланы вверх по Яику. — У Хлопуши под Озерной было 1000 ч.‹еловек› и 8 пушек. — Пугачев пошел к нему на помощь с 1000 чел.

При первом приступе к Озер.‹ной› кре.‹пости› ранен *воспитанник* Бородина (Бородин же), умер в креп.‹ости› во время допроса; разграблен злодеями бухарской караван в Ильинской крепости.

---

1 12
2 Яицк.‹им› казакам
3 ранен
4 Казаков
5 после жестоких
6 *Слова* Пугачев хвастаясь ~ не видал *отчеркнуты на полях Пушкиным.*
7 20‹го› пишет Рычков, что губ.‹ернатор›

3-го читано в церкве увещание преосв. Вениамина казанского.

20<го>. Пьяные казаки кричали: недолго вам будет жить после праздника — к нам будет ген. Фрейман, а ваш ген. Кар и теперь лежит у нас под горой. —

До приходу Пугачева цены были следующие: муки оржаной от 12 до 15 коп., пшеничной самой лучшей от 25 до 30 коп. пуд,[1] мяса всякого 1 копейка фунт. Узнав о Пугачеве откупщики весь хлеб и харчь на базаре скупили. В конце декабря арж.<аной> муки четверть от 12 до 15 рубл., а пшеничной от 15 до 20 р. — У Пугачева пуд арж. муки не велено было продавать свыше 25 коп.[2]

Купца Лугинина *лавочный толмач* объявил, что 1-го янв. по зву Каргалинских казаков (5 человек с гостинцами) Пугачев не смотря на буран поехал в санях с колокольчиком *как курьеры ездят.*

3-го янв.<аря> *говорят* Пугачев был в сражении пьяный и без шапки, его казаки взяв лошадь под устцы вывели из опасности.[3]

Пугачев учредил правление письменных дел и назвал Военною коллегией под начальством[4] войскового полковника Овчинникова и Хлопуши. Берду (где всего 50 дворов) назвал он Москвою.

8<го> числа, солдат уволеный в отпуск из Ор.<енбурга> для делания печей в деревне лекаря Фалька — донес, что Пугачев с 500 чел. отборных и 12 орудиями (по другим известиям 170 и 3 или 4 орудия) отлучился к Я.<ицкому> гор.<одку>. Хлопуша пьяный вздумал обучать канонеров стрельбе.[5]

При разбитии Корфа, Вал<ленштерна> и Наумова убиты Алексеевск.<ого> пех.<отного> армейского п<о>лка капитан Переволодской, да гарниз.<онные> Буйнаков и Пушкарев, поруч.<ик> Федор Раков,[6] прапорщики Семенов и Мешков, да *кондуктор 1-го класса* Замошников, ранен смертельно капит.<ан> Юнгер etc.; унт.<ер>-офицеров 80 человек, а всех убитых и захвач.<енных> более 400. — При сей вылазке явились прежде невиданые[7] Я.<ицкие> казаки. Они подъезжали близко, кричали: Не умели вы нас прежде взять, когда у нас Хозяина не было, а теперь Батюшка

---

[1] четверть

[2] *Слова* До приходу ~ 25 коп. *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

[3] *Слова* 3-го янв.<аря> ~ из опасности *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

[4] под пр<едседательством><?>

[5] *Слова* Пугачев учредил ~ обучать канонеров стрельбе *отчеркнуты на полях Пушкиным.*

[6] *У Пушкина описка:* Федорчаков

[7] видны были

наш опять к нам приехал — и вам уж взять нас не можно; да и долго ли вам, дуракам, служить женщине — пора одуматься и служить государю (но Пугачев прибыл спустя уже несколько дней).

14-го числа против злодеев около Вятки отряжен князем Галицыным подп.<олковник> Хорват и подп.<олковник> Филисов, 16-го к Билярску майор Елагин, а 18-го и сам князь Гал.<ицын> со всеми войсками.

17-го Падуров пьяный подъезжал разговаривать с осажденными. Из мятежников сакмарский казак сказал, отдалясь от других: „Не смотрите на наших пьяниц — и не тратьте людей, ожидайте помощи от бога; без вас управятся с ними идущие команды".

18-го числа иноверцам позволено выдти из города и идти куда рассудят. Из Илецк.<ой> Защ.<иты> небольшой обоз (четв.<ертей> 100 арж.<аной> муки и круп до 10).

22<го> между мятежник<ами> опять явился Пугачев и дерзко подступали под Ор.<енбург>.[1]

4-го февр. Чернореч.<енских> и Берд.<инских> казаков жены и дети, 46 человек, выпущены из Оренб.<урга> и отправились прямо в Берду.

6-го в Берде палили из пушек по причине свадьбы Пугачева. Губ.<ернатор> и ор.<енбургские> жители обрадовались думая, что идет сражение, но в полдень разошлись. После обеда ударили[2] в соборный колокол. Мятежники выехав требовали переговоров, но не дождавшись уехали.

7-го в Ор.<енбурге> пуд арж.<аной> муки 6 и 7 рубл.

10-го выпущено из Ор.<енбурга> 78 Карг.<алинских> татар. Падуров с 30 каз.<аками> подъезжал к Ор.<енбургу> крича: долго ли вам есть кобылятину? пора сдать вам город etc.

11<го> из престарелых и праздношатающ.<ихся> выпущено 30 чел. да женщин 10. Пошли через Берду во внутрь. Одни из них купили маленький хлеб за 40 коп. (большой продавали в рубль). В Берде о том публиковано, а хлеб показывали всему народу.[3]

12-го по совету Тимашева, поставлены около Ор.<енбурга> 27 капканов.

Слышно, что Пугачев уехал взяв с собою две бочки пороху, другие говорят, овса. Он требует к Я.<ицкому> г.<ородку> конных людей. Начальствуют в Берде Кожевников (?), Лысов, Шигаев, Падуров и Хлопуша, да ил.<ецкий> казак неведомо кто (Перфильев ?). Творогов один из любимцев Пугачева в послед.<ствии> предавший его. Берду называют они Москвою, Каргалу Петерб.<ургом>, Сакмару Киевом, а Черноре.<ченскую> кр.<епость> провинцией.

---

[1] *Слова* 17-го Падуров ~ под Ор.<енбург> *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

[2] били

[3] *Слова* из престарелых ~ всему народу *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

21<го> возвратился в Берду Хлопуша, овладев Илецкою Защитою, с 400 мят.<ежников> и с пушками. Пугачев приехал в Берду из-под Бузулука. Илецк.<ая> Защита взята с помощию тамошних ссыльных работников, все офицеры побиты, кроме 1-го (по просьбе работн.<иков>).[1]

Пугачев с 3000 ходил против Мансурова, но был окружен лыжниками и спасся с 10 чел. Он (24 ф.<евраля>) намерен напасть на Оренб.<ург>. Он сердился на Хлопушу за разорение без его ведома Илецкой З.<ащиты>, как о нужной Государственной Вещи. Сообщники его советуют Пугачеву идти противу команд, он не соглашается говоря: они сами в руки ему достанутся.[2]

Пугачев, в виде ракет, велел бросить головни.

Взятие Илецк.<ой> Защ.<иты>. Хлопуша напал на оную на рассвете и овладел сперва местом, где достают соль и где жили своекошные, коих дома подходили к самому оплоту защиты. В казармах ссылычные взбунтовались и освободились. Капитан был ранен (Вирачевский) и мятежники обще с ссылычными ворвались в Защиту. Оф.<ицеры> убиты. А капитана Ядринцева, находивш.<егося> при добывании соли в соляном правлении, Хлопуша пощадил по просьбе своей жены и сына. Прав.<ление> и пушки и годных в службу ссылочных увезли в Берду.

9-го марта извет о Пугачеве: он взяв до 2000 чел. из Берды выступил. Перед отбытием велел ночью задавить Лысова, озлобившего его при раздаче добычи. Лысов и Пугачев однажды ехали из Каргалинск.<ой> слоб.<оды> пьяные, и побранились. Лысов отстал и наскакав сзади ударил Пугачева копьем[3] в спину — и сшиб его с лошади, но не ранил по причине панцыря. Пугачев с ним помирился и пил еще с ним, а ночью велел умертвить.[4]

10-го увещание губернатора лихоимцам продававшим хлеб 40 коп. фунт (что делает более ста р.<ублей> за четверть). На базарах продают говяжью и баранью кожу вместо хлеба и гораздо дешевле оного.

Буераки около Бердской слоб.<оды> завалены множеством тел убитых и удавленных — отселе слух о привидениях, требующих погребения. Казаки не ходят уже поодиночке ночью за водою на Сакмару, а иногда предводители в просонках, воображая нападение, стреляют из пушек.[5]

---

1 *Слова* Слышно, что Пугачев уехал ~ по просьбе работн.<иков> *отчеркнуты на полях Пушкиным.*

2 *Слова* как о нужной Государственной Вещи ~ ему достанутся *отчеркнуты на полях Пушкиным.*

3 древком копья

4 *Слова* 9-го марта ~ умертвить *отчеркнуты Пушкиным на полях и зачеркнуты.*

5 *Слова* Буераки около ~ стреляют из пушек *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

15-го марта прибыл в Оренб.<ург> Московского легиона корнет Пустовалов — он с 1 янв. находился в войске Пугачева под ведомством Шванвича (атамана в Пречистинской креп.<ости>).

Хлеб в Оренб.<урге> по 25 коп.

В Берде 3 священника—вседневно заутреня, обедня и вечерня — на иктинии и ирмосе упоминают *Пет.<ра> Фед.<оровича>*. Но Устинью не согласились упоминать без приказа синода, о чем жалел Пугачев, но не настаивал — в церковь он не ходит. Пугачев за всем смотрит сам не только днем, но и ночью. С сообщниками часто обедает и вместе пьет — они сидят в шапках и в рубахах и поют бурлацкие песни.[1] На базаре ему снимают шапки и ходят за ним без шапок. А он бросает в народ медные деньги.

По разбитии под Татищ.<евой> Пугачев сам четверт явился в Берду — сообщники стали убираться на воза, а М. Шигаев думал уж его связать, и просил Логинова, по приезде в Оренб.<ург>, дать сигнал тремя пуш.<ечными> выстрелами. Сей сигнал решились дать уже по приезде Лог.<инова> спустя 2 часа! Между тем из Берды начали выбираться люди на лошадях, на дровнях, на санях со всем своим *барошлем*, иные с хлебом и сеном — женщ.<ины> и дети пешие, всего на всё 800 че<ловек>.

В Берде найдено 18 пушек (1 дробовик), 17 бочек медных денег (около 1,700 руб.). *Пугачев и Хлопуша* и были связаны, но освобождены казаками и ссыльными (?). Пугачев намерен был идти на Общий Сырт, потом на Сакмару и на Волгу. Зять Бородина (находивш.<ийся> в его руках) поскакал в Тат.<ищеву> и дал знать о сем Галицыну. Хлопуша же поворотил с дороги в Каргалинскую слоб.<оду>, где была его жена и пожитки. Тамошние татары посадили его, связав, в погреб — и дали знать о том губ.<ернатору>, который послал (23<го>)[2] за ним надежных людей. Хлеб утром был в 25 коп.[3] а вечером в 8 и 7.

24-го Хлопуша привезен в Ор.<енбург> и с ним 5 сообщ.<ников>. 31<го> кн. Гал.<ицын> с Фрейм.<аном> и с полк.<овниками> кн. Долгор.<уким> и Бибик.<овым> приехал обедать в Ор.<енбург> на своей квартире в д. Твердышева и в тот же день воротился в Берду.

Донской отправил в Каргал.<инскую> родного брата для разведования о Пугачеве. — Сей прибыл вместе с передовыми Пугачева и был свидетель их неистовства.

---

[1] *Слова* В Берде 3 священника ~ бурлацкие песни *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

[2] 25-го

[3] в 20 коп.

Одного казака у него ранили. Сам он спасся повязав себе лицо платком, и скача обще с злодеями. Он успел прибыть[1] в Сакм.<ару>. Донск.<ой> посадил казаков на конь, и сказав, что спешит к кн. Г.<алицыну>, поскакал к Оренб.<ургу> — за ним гнались, но не догнали.

Фрейман Федор Юрьевич.

Экстр.<акт> из журн.<ала> кн. П. М. Галицына.

Первое военное действие открыла Волга — ген.<ерал>-м.<аиор> Мансуров занял Самару и Алексеевск.

Второе по Каме Бибиков с бат.<алионом> гр<е>надер и 2 эскадр.<онами> освобождает Заинск и 10-го февраля прибыл в Нагайбацкую крепость — оттоле (по известиям) идет в Бакалы (от Нагайб.<ацкой> 37 в.) и освобождает оную креп.<ость> от 4000 злодеев, и возвратясь в Нагайб.<ацкую> идет через Бугульму, на соединение с Галицы.<ным>.

3. Полк.<овник> Хорват около реки Вятки разбивает толпу, а предводителя наказует всенародно (?).

4. Капитан Фадеев (им отряженый) около Черемшана реки разбивает башкирцев и возмут.<ившихся> крестьян.

5. Поруч.<ик> кн. Ураков.

6. Капит.<ан> Квашнин-Самарин разбивает 8<00> человек <?>.

7. Майор Валленштерн otком.<андированный> Фрейманом, разбивает на больш.<ой> моск.<овской> дороге у села Спасского.[2]

8. Подп.<олковник> Бедряга отком.<андированный> полк.<овником> Бибико<вым>.

9. Под.<полковник> Гринев.

10. Пр.<емьер>-маиор Гагрин (Нарвского пех.<отного> полку) в Кунгуре — атаковал 2000 с 18 оруд.<иями.>

11. Ильин полковн.<ик> (отком.<андированный> Фрей<маном>) под Бугульмой.

12. Хорват.

13. Казанск.<их> ботал.<ионо>в с.<екунд>-маи.<ор> Попов в Кунгур, спас Кунгур и пожал.<ован> в полк.<овники>.

14. Г.<енерал>-м.<аиор> Мансуров.

15. Елагин <?> и Соловьев.

Когда Пугачев переправился через Волгу, две или 3 толпы башк.<ирцев> не хотели ему следовать и пошли луговою стороною сказывая что

[1] прибыл

[2] у Рычковского хутора.

Пугачев находится при каждой. Пугачев послал несколько Яицких казаков в село *Фокино* на Волге в 30 верст.‹ах› от Нижн.‹его-› Новг.‹орода›, принадлежащ.‹ее› дворянину Демидову. Крестьяне их связали, а Ступишин, повеся их на плотах пустил вниз по Волге.

В последн.‹ем› сраж.‹ении› Пугачев потерял 19 пушек, 4 единорога и пудовую мортиру и весь обоз.

Его преследовали от Мансурова и Цыплетева 200 Яицк.‹их› каз.‹аков› при Бородине, и полк донской при полк. Тавинском. Суворов и Галицын переправились за ним чрез Волгу.

На Узенах Пугачев начал уговаривать своих идти к Гурьеву гор.‹одку› и оттоле в Персию, но они ему отвечали, что они много за ним ездили, а теперь же[1] он бы за ними ехал — и связав его (14 сент.‹ября›) послали в Яицк.‹ий› г.‹ородок› о том объявление. Там находился гвар.‹дии› капитан-поручик Маврин на следств.‹енной› комиссии — сержант Бардовской принял от них Пугачева.

Вскоре туда прибыли и гонящиеся за ним отряды и ген.‹ералы› Су-в.‹оров› и Гал.‹ицын›.

Маврин допросил Пугачева. Суворов повез его в клетке на двух колесах.

Прив.‹атное› известие. Когда Пугачев переплыл Волгу 25 авг., то на другой стор.‹оне› сделал он совет. Пугачев хотел пробиваться в Кирг.‹из›-Кайс.‹ацкую› степь, возмутить там народы. Казаки звали его на Узени (200 вер. от Яицк.‹а›), обыкновенное убежище тамошних преступников и беглецов.

Казаки арестовав Пугачева не связали его, ибо он им еще угрожал местью в.‹еликого› князя. — Прибыв же на линию между 3‹им› и 4‹ым› форпостом от Яика, послали известие, и выдали Пугачева пятидесятнику Харчеву, который и посадил его ‹в› колодку и привез на Яик. Дорогою раз Пугачев выхватил у казака саблю и пистолет и велел предводителей вязать, но никто уже его не слушал. Пугачев с первого слова открыл себя Маврину[2] — богу-де угодно было наказать Россию через его окаянство etc. Когда Маврин вывел его на площадь, и показал его народу и его сообщникам, содерж.‹ащимся› под кар.‹аулом›, то сии, посмотрев на него и признав своего предводителя потупили глаза в землю. А он уличал их, что они[3] несколько дней упрашивали его принять[4] на себя имя пок.‹ойного› государя и быть бы их предводителем, от чего он долго

[1] а теперь бы
[2] Маврину—и
[3] что сии тр‹ебовали› ‹?›
[4] упрашивали его быть

отрицался, а наконец хотя и согласился, но всё делал с их воли и согласия, а они иногда и без и против его.

В Синбирск привезенный, на дворе гр. Панина Пугачев отвечал ему дерзко и смело (хотя и признавался в самозванстве), за что граф ударил его несколько раз по лицу. Пугачев тогда стал на колени и просил помилования.[1] После того посажен он под крепкий гвардейск.<ий> караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около пояснице, к коему придета была цепь и прибита в стену.

Рычков видел его тут: Пугачев ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова он сказал ему: добро пожаловать, и пригласил его с ним отобедать. Из чего, говорит Р.<ычков>, я познал его подлый дух и помолчав немного, стал ему говорить, как он отважиться мог[2] на такие великие злодейства.[3] Пугачев отвечал: Виноват перед богом и государыней, но буду стараться все мои вины заслужить — и подтверждал свои слова божбою (по подлости своей, опять замечает Рычков).[4] Говоря ему о своем сыне, синб.<ирском> коменд.<анте> поступившем[5] на место несч.<астного> Чернышева и убитом[6] в сраж.<ении> против сообщн.<ико>в Пугачева, Р.<ычков> не мог удержаться от слез. Пугачев глядя на несч.<астного> отца, сам заплакал.[7]

Михельс.<он> в Казани выкрадено из письма писанного каз.<анского> Новоспасск.<ого> монастыря отцом архимандр.<итом> *Платоном*, тамошн.<ей> семинарии ректором, к одному из своих приятелей.

II.
(ПД 377)

ПИСЬМО ПУГАЧЕВА В БАШКИРИЮ.

(Киргизское письмо).

Сент.<ябрь> 1772.

7 октября 1773[8] после взятия Рассыпной, Нижнеозерной и Татищевой и их артил.<лерии>, гарниз.<онов> и казны и разбития Билова, у Пугачева было Яицких 1,000, Илецких 300, кроме захваченных из крепостей; всего

[1] на колени и винился
[2] как он осмелился
[3] злодейства и
[4] замечает Рычков). Потом Пугачев спросил [у него] его, кто он таков. Рычков
[5] поступившего кроме того
[6] убитого
[7] также заплакал. И отвечал что: ви<новат>
[8] 1772. *Очевидно, и в заглавии этот год — описка.*

около 3,000; пушек с 20. Пугачев через Чернореченскую крепость, в Сеитову татаринскую слободу, в Сакмарской городок, в Пречистинскую крепость и в окольние помещичьи жительства заходил — дороги запер, одного курьера повесил, рассылает листы, в Ор.<енбург> к губерн.<атору> и к атаману легких войск Могутову — после чего осадил Оренб.<ург> 4 окт.<ября> и две атаки делать покушался. — Войско же в городе из казаков и гарниз.<онных> расположено большею частию по линейным крепостям, в предост.<орожность> от степных народов — 300 чел., да татар Сеитских 300, да казаков Яицких 400. — Башкирцев же 400 человек, шедших на помощь Оренб.<ургу>, Пугачев перенял[1] к себе а прочие нейдут.[2]

Воен.<ный> совет Оренб.<ургский> (смотри выше) издал довольно плохой *имянной* указ, к возмутившимся казакам — но оный не подействовал (в ответ на манифест Пугачева).

Тат.<арский> лист, посланный в окт.<ябре> 4<го> 1773 в Башкирию от самозванца, весьма любопытен: исчислив все верные службы сих народов предкам его, дядьям и теткам „и ныне таким же образом душевно усердствующей и сердечно вернейшей и несумнительнейшей, дражайшей, светлое лицо имеющей, сладчайший[3] и чистейший разговор имеющей государыне вашей служите безъизменно и проч." — Отныне я вас жалую землями, водами, рыбными ловли, жилищами, покосами и с морями, хлебом, — *верою и законом вашим,* посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованием etc. и будьте подобными (в вольности) степным зверям. А происшедшие от вас в сей жизни добрые и худые дела упущаю, купно и с потомками вашими обоего пола до будущего пришедствия. — Он увещевает их ему повиноваться „если же отвратите от меня лицо, а придете на мой гнев, то от меня не ожидайте хорошего упования, милосердия уже не просили<б> — присягаю именем божиим — после сего прощать не буду. Ей, ей!!

Сей мой указ писан сент.<ября> в последн.<ее> числ.<о> во вторник начало, *в день Покрова* подтвержден.

Подп.<ись:> Доброжелатель тысящекрат великий и высокий, един великий имп.<ератор> г.<осударь> Пе<тр> Фед.<орович> III ру<ку> прил.<ожил.>

Начало: Тысячью великий и высокий и Государственной владетель над цветущими селениями, всеми сотворенными людьми от бога, самодержец, тайным и явным (делам) наградитель, сердобольный, милосердый, в Вере искусный имп.<ератор> Пет.<р> Фед.<орович> знать дает и проч.

---

[1] Пугачев взял

[2] *Слова* Башкирцев же ~ а прочие нейдут *отчеркнуты на полях фигурной скобкой.*

[3] сладк<ий>

Пугачев пишет киргиз-кайсацкому Нурали-Хану:

„От нашего величества к вашему степенству — сегодня пришлите[1] ко мне одного вашего сына салтана, со ста человеками — с посланными с сим указом ближними нашими аманатом с товарищи“.

Татарское письмо от Нурали-хана с человеком его Якшибаем присл.‹анное› в Оренб.‹ург› 24 сент.‹ября›[2] 1772.

Высокоместному и высокостепенному господину генерал-поручику etc. etc.

Призванный войсковым старшиной Мартемианом Бородиным хан к Яицкому городку подъезжал, и переговорил со старшинами — предлагая свои услуги — и требуя повеления на то Оренб.‹ургского› губернатора. Без его же позволения переехать за Яик[3] не смеет, и в случае усиления мятежников принужден будет и без того переехать. Но старшины его благодарили, надеясь управиться сами, и довольны его прибытием и двухдневным на совете пребыванием. „Мы же, на степи находящиеся люди, не знаем сей ездящий вор ли, или настоящий государь? а третьего дни послан был мною для разведывания к нему человек, который объявил мне, что какой он человек не знает, и не опознал. Токмо-де борода у него русая“.

При сем, пользуясь обстоятельствами, Нурали-Хан требовал возвращения отогнанного скота, и взятого в аманаты меньший брат Джагалбаили-шагир-батырев — именуемый Иштекбай Батырь. — Также и о выдаче двух Кизилбаш (персиан) *бежавших из орды нашей.* Сей *Шаг.‹ир›-Бат.‹ыр›*, хотя кочует в отдаленности от меня, но я за то бы был благодарен etc etc. Печать свою (чернильную) приложил. [сент.‹ября› 19 дня 773].

---

23 сент.‹ября› Ре‹й›нсдорп отвечал, что бывший имп.‹ератор› Петр III, *как всему свету известно*, скончался в С.П.Б., тело его нарочно на парадном месте лежало, которое сам он видел и руку целовал. Если же сей к вам перебежит ища покровительства, то вы вышлите его ко мне, за что от имп.‹ератри›цы награждены будете. Прошения хана были исполнены.

---

[1] степенству — ближними нашими
[2] 24 числа
[3] через Яик

III.

(ЛБ 91, л. 12—12 об.)

О ДЕРЖАВИНЕ.

ИЗ РАП.‹ОРТА› КН. ЩЕРБ.‹АТОВА› 5 МАЯ.

Бибиков 2 марта послал лейб-гвард.‹ии› Преобр.‹аженского› пол.‹ка› поруч. Держ.‹авина› на реку Иргиз в Малыковку или куда будет удобнее, дабы в случае побега Пугачева на Иргиз к раскольникам, поймать его там. Предписано Держ.‹авину› узнавать образ мыслей жителей, утверждать их в верности, а в случае нужды, требовать войска от астрах.‹анского› губ.‹ернатора› и от Опекунск.‹ой› конторы. Ему отпущены 3 фузилерные роты, и дозволено вооружить 100 чел. Малыковских крестьян. Держ.‹авин› сие поручение исполнил в точности — послал верных людей с наставлениями на Переломы, Узень, Иргиз, Камыш, к Самаре,[1] равно и в толпы злодейские — и известясь о сношениях Пугачева с Кирг.‹из-› Кайсаками, который обещал им отдать в вечное владение Заяицкую степь по реку Волгу. А как кочующие орды[2] по рекам Узеня‹м› могли к ним присоединиться, то Держ.‹авин› находя нужным их разрезать[3] по Яику, и с дозвол.‹ения› покойн.‹ого› Биб.‹икова› взял сии 3 роты.

Держ.‹авин› намеревался осво‹бодить› Яицк.‹ий› гор.‹одок›, но предупрежден Мансуровым.

Щерб.‹атов› поручил ему прикрывать Волгу.

IV.

‹ИЗ БУМАГ Н. Н. БАНТЫША-КАМЕНСКОГО.›

1.

(ЛБ 91, лл. 58, 60)

Об Аристове.[4]

Аристов (Илья) *из дворян* был капралом в 1773 году, бежал из Томского полку, возмущал станицы Донские, взят под стражу, освобожден во время взятия Казани, наименован от Пугачева полковником, взят в плен в июле 1774, пытан в Нижнем-Новг.‹ороде.› Там показал на казанского архиерея Вениамина (смотри о Вениамине). Он пытан был потом и в Москве

---

[1] *Следует читать:* на переправы Узеней, Иргиза, Камыш—Самары

[2] кочующие народы

[3] их отрезать

[4] *На обложке — более ранний заголовок:* Показания Шигаева, Лепелина. Письмо Кречетникова, указ о семье и доме Пугачева. Янв.‹арь› 1774. *Тут же — не принадлежащее Пушкину заглавие:* Записки об Артемьеве, Кудрявцове, Толстом, Минееве и Аристове.

в Тайной экспедиции генерал-прокурором к.<нязем> Вяземским и Шешковским. Екатерина избавила его от смертной казни. Он был высечен кнутом в Казани, и сослан на каторжную работу в Рогервик.

(Из бумаг о Пугачеве Б<антыша>-Каменского).

2.

(ЛБ 91, лл. 61, 62)

О Кудрявцеве.

Кудрявцев (Нефед Никитич), генерал-маиор, сын казанского вице-губернатора, одного из доверенных Петра I-го. Он участвовал в персидском походе 1723 года, будучи поручиком Преобр.<аженского> полка; в царствовании Анны Ивановны сражался против татар и турок; при Елисавете против прусаков, вышел в отставку при Екатерине II.

Тело его погребено в Казанском девичьем монастыре внуком его, Петром Алек. Татищевым.

3.

(ЛБ 91, лл. 127, 132)

О полк.<овнике> Толстом.

Толстой (Ник. Васил.) род. <в> 1737<г.> Он служил при Румянц.<еве>, Панине и кн. Долг.<оруком>. В <17>72 году вышел в отставку полковником. Бибиков отличал его. — 10 июля 1774 <г.> пошел он не взирая на болезнь противу Пугачева и был убит.

4.

(ПД 810)

О Белобородове и Перф.<ильеве>.

Иван Наумов сын Белобородов, отставной канонер, пристал к Пугачеву <в> 1773 году, пожалован им в полковники и в походные атаманы, а потом в начале 1774 в старшие войсковые атаманы, и в фельдмаршалы. Был жесток, знал грамоты, соблюдал в шайках строгую дисциплину. Взят в июле под Казанью, пытан в Тайной экспедиции, наказан кнутом 13 августа, потом привезен в Москву и казнен смертью на Болоте 5 сентября 1774 — в 10 час. *пополудни* (?)

(*Б.<антыш>-Каменский.*)

Перфил.<ьев> сказал: пусть лучше зароют меня живого в землю, чем отдаться в руки государыни.

5.

(ПД 374)

Хлопуша, Чика, Шелудяков.

Хлопуша явясь к Пугачеву вручил ему бумаги губернаторские. Знаю, братец, о чем этот указ, сказал ему Пугачев и разорвал их. Он дал Хлопуше [1] полтину из своих рук и велел на него надеть халат и шаровары повешенного им киргизца. Голова Хлопуши была воткнута на шпиль посреди висилицы.

Чика обезглавлен в Уфе, труп сожжен с эшафотом, голова воткнута на кол.

Данила Шелудяков, отст.<авной> казак, давал на своих хуторах убежище беглым и разбойникам. Пугачев косил у него сено. Пугачев звал его своим отцом и без него ничего не предпринимал. Когда 13 ноября попался он в плен, то подсылаемые казаки предлагали за него от имени Пугачева 5,000 своих людей. Он оказал большое мужество в пытках, от которых и умер.

6.

(ЛБ 91, лл. 272—273)

О Рейнсдорпе.

Рейнсдорп переписываясь с самозванцем, писал на пакетах: *прямо сущему злодею и от бога отступившему человеку, и сатанину внуку* (на что Падуров отвечал ему тем же). Во время голода он делился с бедными. Четверть ржаной муки стоила 130 рублей! пшеничной, 140. Пуд мяса 8 рублей. П.<уд> рыбы 14. (смотри выс.<очайшие> грамоты от 1-го мая 1774 года). Он получил орд.<ен> Алекс.<андра> Невского. Жители на два года уволены были от платежа подушных денег, и пожалованы следуемым в том году откупным сбором с питейных домов Ор.<енбургской> губернии. Ив.<ан> Андр.<еевич> Рейнс.<дорп> скончался в 1782 году после 13-летнего управления; в 69 <м> получил он орд.<ен> св. Анны.

Симанов (Ив.<ан> Данил.<ович>).

---

[1] *Вместо* Хлопуше *по ошибке*: Пугачеву

V.

<ВЫПИСКИ ИЗ РАПОРТОВ И УКАЗОВ.>

1.[1]

(ЛБ 91, лл. 128—131 об., л. 63)

Пугачев обещал подушный оклад положить по 3 копейки с души.

Симонова рап.<орт> от 9 ноября: Пугачев обещает Нурали-Хану казачьих жен и детей во владение. Хан снарядил сыновей своих Ишима Салтана и Пирали-салтана (будто бы на помощь к Симон.<ову>).

Пугачев несколько раз покушался сжечь и взбунтовать Оренб.<ург> и подсылал людей с фитилями и порохом.

Рейнсд.<орп> жалуется, что пехоте и худоконным его казакам никак сих *ветреных злодеев достичь нельзя.*

Генерал Станиславский, отряженный от Де Калонга, имеет три легкие ком.<анды> полевые да 400 сиб.<ирских> казак.<ов>, а от Чичерина отряжена 1 рота гренад.<ер> да 2 мушкетерские. Рейнсдорп повелел Станиславскому занять Зелаирскую крепость с 2-мя пол.<евыми> ком.<андами> яко центр Башкирии, дабы 1) удерживать башк.<ир> в повиновении, 2) охранять заводы, 3) в случае обращения[2] Пугачева в Башкирию, учинить на него поиск, 4) тревожить жен и детей возмутившихся башкирцев, дабы сии возвратились. Третью же легк.<ую> команду и Сибирские роты расположить близ Орской крепости, по крепостям (полев.<ые> ком.<анды> и казаков в Озерной, во 110 в.<ерстах> от Ор<енбурга>).

Рейнсд.<орп> отрезан от Казани, ничего не мог знать о движениях Кара и Фр.<еймана>.

Убиты Самозванцем в сент.<ябре>, окт.<ябре> и ноябре 1773.

1) Под Яиц.<ким> Гор.<одком>. За Чаганом рекой повешен яицк.<ий> сотник Черторогов да каз.<аков> 11.[3]

2) Портнов в Ил.<ецком> Г.<ородке>.

3) В Рассып.<ной> Веловский, кап.<итан> Савинич и поп повеш.<ены>.

4) Из Ниже-Озер.<ной> в Расс.<ыпную> на сикурс идущий кап.<итан> Сурин, и поруч.<ик> Толбаев.

5) В Ниж.<не>-Оз.<ерной> ком.<ендант> Харлов, прапор.<щик> Фигнер, Кабалеров, комендант<с>кой писарь Скопин, казачий капр.<ал> Бикбай повешены.

---

[1] *Обложка — с несоответствующим содержанию заглавием:* О полк.<овнике> Толстом. *См. выше, стр. 776.*

[2] нападенья

[3] 12.

6) Илецк.‹ий› каз.‹ачий› есаул между Н.‹ижне›-Оз.‹ерной› и Тат.‹ищевой› повеш.‹ен› Жеребятников.

7) В Тат.‹ищевой› бриг.‹адир› барон Билов исколот и обезглавлен. Ком.‹ендант› полк. Елагин исколот, сняли с него кожу и вынули сало; жена его изрублена; да Веловская, поручик, казак, профос да своекошный ссыльный повешены. 1 женка, 3 кирг.‹изца› из руж.‹ья› заст‹р›елены; серж.‹ант› Калминский удавлен и брошен с камнем в воду — да в поле из пушки расстрелено 7 человек солд.‹ат›.

8) Под Чернореч.‹енской› кр.‹епостью› кап‹итан› Нечаев повешен.

9) под Сакм.‹арским› Городк.‹ом› в Оренб.‹ург› ехавш.‹ие› курьеры, сибирской да уфимской, Троицк‹о›й креп.‹ости› капрал, толмач тат.‹арского› яз.‹ыка›, Тимашева садовник, сержант, с рудников приказчик и татар.‹ин› повешены.

10) под Оренб.‹ургом› в лагере курьер из П.‹етер›-Б.‹урга› тат.‹арин›, 1 башк.‹ирец›, Бугульминской ком.‹анды› капрал Федосеев, 2 солд.‹ата›, с заводов и рудников 10 чел., 1 кирг.‹изец› — повешены. Оренб.‹ургский› хорунжий Авдеев, Красногор.‹ской› креп.‹ости› толмач Бикташ, и Корфов курьер пятерены — 6 кирг.‹изцов› расстрелены — Харлова с братом убиты.

11) Под Берденской слободой в лагере 2 сержанта, села Уральского поп, Орен.‹бургского› гарниз.‹она› из поляков 2 солдата, курьер посл.‹анный› в П.‹етер›-Б.‹ург› Белокопытов, 2 тат.‹арина›, из Мордвы новокрещен, мещеряков 8, Нагайских тат.‹ар› 7, яиц.‹кий› каз.‹ак› Ананьев, толм.‹ач› тат.‹арин› повешены. Вознес‹е›нск.‹ого› заводу поручик и яи.‹цкий› старшина Коперкин пятерены.

Еще же Авзянопетровск.‹ого› Демид.‹овского› завода приказчики Копылов и Федоров, конторщик Набатов, да Заводских служ.‹ащих› 4. Преображ.‹енского› заводу конторщик Фролов да Чернышев с командой.

---

26 ноябр.‹я›. Известие, что Уфа осаждена башкирцами.

Троицкой дистанции командиру бригадиру Антону Адам. Дефейервару приказчик заводчика и фабриканта Лугинина, Федот Ахматов, объявляет 2 декабр.‹я› об опасности от башкирцев.

В декабре 1774. Заводы:

1, 2, 3 } Авзянопетровские

4. Каноникольские
5. Вознесенской казенный
6. Зелаирской
7. Воскресенской
8. Архангельской
9. Потехинской
10. Симской

} взяты Пугачевым и крестьяне приведе<ны> к присяге.

Белорецкой
Катовской
Юрезенской

} Крестьяне возмутились, и конторы разграбили

Саткинской
Златоустовской

} в опасности.

Ноября 29 1773 [1] в Яицк.<ом> Гор.<одке> в комендантск.<ой> канц.<елярии> Бажандык Шигаев, чуваш Саин Кубенеев, Чжах Агубов — показали.

Гнали мы лошадей к Озерной с татарами Яшмангулом Рахмингуловым да калмыком Лозаном Тарамышевым по степной Яика р.<еки> стороне и, переправясь на внутреннюю сторону, поехали до Ташлинских хуторов, где казаки Тарас Чуров с товарищ.<ами> нас остановили, выбрали лошадей годных, а нас связав повезли к Пугачеву. — Калмыки повешены, а мы прощены по просьбе казаков — предоставлены Пугачеву, допущены к его руке — и [2] вооружены один пистолетом, другой палкою со штыком, а третий солдатской шпагою. Пугачеву дал знать о Чернышеве бежавший сарочинский солдат.[3] У Черныш.<ева> убито человек с 200, иные потонули. — У Пугачева сот 7 Яицк.<их> казак<ов> да тысяч 8, всякого сброду. А *станцию* свою имеет в крепости Бердинской [4] сам самозванец, с казаками выбранными ими: с Ив. Зарубиным (он же и Чика) за графа; за атамана Андрей Овчинников; за полковника Дмитрий Лысов, за гл.<авного> сотника Оренб.<ургский> сотник Падуров и проч. А чернь в лесу и по степи в вырытых землянках.

Самозванец вешает всякой день человека по два, а иногда и 10. Пятерил Петра Копеичкина, который из Яицк.<ого> города послан был его схватить. Сам держит без вс.<якого> употребл.<ения> лошадей 20 на лучшем корму, для побега. — Крестьяне вооружены дубинами. — Застава у них по Сакмаре (200 чел.) на дороге ниже мосту.

---

[1] 1774
[2] и вместо
[3] солдат (Крылов?).
[4] *дистанцию* свою, команду

Показание Яицк.<ого> сотн.<ика> Петр.<а> Лепилина и десятского Ливкина.

Пугачев с начала укрывался на Яицких островах, но умножа свою партию, явился на Бударинских зимовьях, в 100 в.<ерстах> от Яицк.<ого> Гор.<одка> и пошел на он<ый>. — Выслано против него подполк. Симановым 500 кав.<аков> с 2 пушк.<ами>, но 300 перешли на его сторону, захватя 50 верных и Пугачев 12 чел.<овек> повесил. — На другой день отбитый, поворотил он к Оренб.<ургу>, в *Ил.<ецком городке>* встретили его со звоном, он пировал сутки и пошел далее.

Помянутый самозванец рост.<у> ср<еднего>, сухощав, борода черная, с редкой проседью, на одном виске пятно от золотухи, речь походит[1] на черкасскую (малороссиі<й>с.<кую>), платье нос.<ит> казацк<ое> и часто переменяет. — Без Яицких ничего делать не начинает. — Они его гвардия.

Пугачевым отдан был приказ забирать единственно добро у помещиков, до крестьян же не касаться, или брать за деньги.

Кар отступил на 39 в.<ерст.>

Фрейман отказался Самару и дорогу от нее к Оренб.<ургу> прикрыть — таким образом самая Волга открыта Пугачеву к Синбирску, по сему Кречетников послал в Самару офиц.<ера> с казаками, а маиору Дицу с легк.<ой> пол.<евой> командой из Царицына велел идти в Саратов, а оттуда в Самару — пока подоспеют другие команды.[2]

Письмо Кречетникова к гр.<афу> Черн.<ышеву>.

Янв.<аря> 4<го> 1774.

Из Вое.<нной> Кол.<легии> Бибикову.

Указ жечь письма Пугачева через палачей и профосов. Таковой же нак.<азному> атам.<ану> Сулину, Бранту, Рейнсдо<рпу>, Декалонгу, Кречетникову, Цыплетову, и Потапову.

Указ имянной Сулину.

В Зимовейской Ст.<анице>. Жену и детей Пугачева и буде есть братьев, без оказанья им наималейшего огорчения, отправить их под присмотром к об.<ер>-ком.<енданту> креп.<ости> св. Дмитрия ген.<ерал>-м.<аиору> Потапову для препровождения к Бибикову.

Двор же Ем.<ельяна> Пугачева, в каком бы он худом или лучшем состоянии ни находился, и хотя бы состоял он в развалившихся токмо хижинах, имеет Д.<онское> войско, при присланном от об.<ер>-ком.<ен-

---

[1] речью походит

[2] *Слова* Пугачевым отдан ~ другие команды *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

данта› креп.‹ости› св. Дм.‹итрия› штаб-офицере, собрав священный той станицы чин, старейшин и проч.‹их› оной жителей, при всех их сжечь и на том месте через палача или профоса[1] пепел развеить; потом то место огородить надолбами или рвом окопать оставя на вечные времена без поселения, как оскверненное жительством на нем все казни лютыя и истязания делами своими превосшедшего злодея, которого имя останется мерзостию на веки а особливо для Донского общества, яко[2] оскорбленного ношением тем злодеем казацкого на себе имени — хотя отнюдь таким богомерзким чудовищем ни слава войска Д.‹онского› ни усердие оного,[3] ни ревности к нам и отечеству помрачиться и ни малейшего нарекания претерпеть не может.[4]

10 янв.‹аря› 1774 (день казни Пугачева).

2.

(ПБ₂, лл. 265 об., 328)

Панин встретясь 19 авг.‹уста› в Коломне с курьером из Царицына, распечатал рапорт коменд.‹анта› уведом.‹лявшего› В.‹оенную› К.‹оллеги›ю о вз.‹ятии› Саратова.

Петровск и Нижн.‹ий› Ломов в одни числа разорены.

Генерал-маиор к.‹нязь› Багра‹тион› с 2000 находивш‹ийся› в 20 верстах от места сражения, не подал никакой помощи[5] [за ‹что›] и подвергся ответственности.

3.

(ЛБ 91, лл. 260—265)

Пропуски.

Пугачев.

(Указы Бранту и Рейн.‹сдорпу› о Каре).[6]

[Пугачев пришел с Добрянского форпоста под именем раскольника *Емельяна Иванова.*]

---

[1] через палача и профоса

[2] как

[3] усердие его

[4] *Слова* Двор-же — не может *отчеркнуты Пушкиным на полях. К ним относится заголовок на обложке к выпискам за январь и февраль 1774 г. (см. выше):* Указ о доме Пугачева. *ЛБ 91, л. 140.*

[5] Не пришел к нему

[6] *Самые указы, включенные Пушкиным во 2-ю часть «Истории Пугачева», здесь не приводятся.*

У Станисл.<авского> 2 легк.<их> пол.<евых> команд.<ы> и каз.<аки> — прибавлена еще одна (11-ая).

NB Кар прибыв в Казанск.<ую> губ.<ернию> имел *до 3468 войска* (около 2000 гарн.<изонных> и арм.<ейцев>).

NB Рапорт Кара 2-го ноября: прим.<ьер>-маиор ф.<он> Варнстед заиял (у Нового) деревню Сарманаеву.

Кар хотел перехватить Хлопушу в деревне Имангулове по Моск.<овской> дороге за Бикуловской станицей в 10 верстах к Оренбургу. — Он соединился <?> с Фрейманом и *Варнстедом* (NB).

В Казани[1] учреждена Тайная Комиссия, часть оной[2] едет в Ор.<енбург>.

В апреле { в Уфе 1,000 колодн.<иков.>
в Оренб.<урге> 4,000.

При Татищ.<евой> артилл.<ерия> вязла, действ.<овала> одна пехота. В Берду Рейнс.<дорп> отрядил (за неимением конницы) 600 чел. пех.<оты> при маиоре Зуб.<ове> (пушек[3] с 50 взято).

Чулошник.<ов>, Аиткин и Моска Кизельбашнян *нач.<альники> креп.<остей>*.

4.[4]

(ЛБ 91, лл. 266, 269, 270).

Михельсон, узнав в Уфе о стремлении Пугачева к Кунгуру поспешил к Сарапулу дабы пойти ему на встречу (*Ра.<порт> кн. Щ.<ербатова> от 4 июля*).

Щерб.<атов> жалуется, что Декалонг его не слушает, да и не знает где он (*там же*).

У полковн. Якубовича в Уфе 400 малоросс.<ийских> казаков. Михельс.<он> в походе на Казань затруднен был *переправами чрез большие и малые реки, везде испорченные злодеями (Донесение его от 13-го июля).*

Рапорт Галицына от 4-го авг.<уста>. Ген.<ерал>-м.<аиор> Мансуров следуя к Сызранску узнал, что судия Фофонов в степи собрал до 100 чел. бунтовщиков, подослал казака Бештанова возмутить казаков.

---

1 В Оренб.<урге>

2 *Сверху приписано:* для 5 ст.<атьи> <?>

3 а пушек

4 *На обложке — несоответствующее содержанию вложенных в нее листов заглавие:* [Рапорт о Суворове Румянцова].

Рычков (симб.<ирский> ком.<ендант>) уведомляет о взятии Саранска. *Авг.<уста> 20<го> рап.<орт> воронеж.<ского> губ.<ернатора>*. Чорба от Москвы уже в Касьянове.[1]

Венгерск.<ого> гус.<арского> полковник Древиц по Астрах.<анской> дороге следует к Шацку. В Верхнем Ломове и в Темникове холопья и однодворцы злодействуют.

23 авг.<уста> Рейнсд.<орп> жалуется на башкир и на киргизцев, увозящих людей уже из-под самого Оренбурга. Нурали-Хан и салтаны извиняются тем, что они с ними не сладят. Причина тому удаление к.<нязя> Галицына.

Дундуков 15 авг.<уста> при Дубовке на речке Пролейке сраж.<ался> с Пугачевым.

Пугачев 25 авг.<уста> разбит у Саликова Завода — 7,000 взято в плен, 3,000 убит<о>, 25 пушек взя<то>.

5.

(ЛБ 91, л. 57)

Мансуров от 17<го> уведомляет кн. Багратиона о поимки Пугачева близ реки Большой Узени.

По возвращ.<ении> Панина Суворов оставался главнокомандующим над оренб.<ургским> войском.

Декалонг 14 окт.<ября> <1774>.

6.

(ЛБ 91, л. 66—66 об.)

Реэстр сожженным крепостям.

Татищева	полу-сожжен<а>
Сорочинск.<ая>	больш.<ая> ч.<асть> созж.<ена>
Ильинская	вся созжен<а>
Уртазымская	разорена и созж.<ена> башириц<ами>
Магнитная	разор.<ена>, но цела
Карагайская	
Петропавл.<овская>	} сожжены
Степная	

[1] *Вероятно* — Касимове.

Троицкая, разорена,[1] но поврежденное укрепление поправлено.
Губерлинская — церковь и штабской дом выжжен‹ы›
Исетской провин.‹ции›
Чебаркульская сожжен‹а›
Уфимск.‹ий› пр.‹игород›
Пригород Бирск сожже‹н›.

Заводы

Воскресенской Покровской	медиплавиленные Мясникова и Твердышева
Верхоторской Архангельск‹ий›	все сожжены.

Преображ.‹енский› сожжен, а крестьяне разбежались.

Железные:

Белорецкой — сожжен самим Пугачевым.
Симской — сожжен башкирцами, а все крестьяне переколоты.

Заводчика Масалова

Каноникольской — сожж.‹ен› башк.‹ирцами.›

Двор.‹янина› Евд. Демидова

2-ое Овзянопетровских сожж.‹ены› башк.‹ирцами›.

Его же железные

На р. Суткуре Суткурской
На р. Каче Качинской.

Заводч.‹ика› Лугинина

Златоустовской
Вознесенской — сожж.‹ены› башк.‹ирцами.›

---

[1] *В рукописи ошибочно*: разорено

7.

(ПБ$_2$, лл. 298 об. — 299 об., 337)

Ведомость Войскам

наход.‹ящимся› в Ор.‹енбургской›, Каз.‹анской› и Нижег.‹ородской› губ-х.

В корпусе к Оренб‹ург›у при г.‹енерал›-м‹аиоре› кня.‹зе› Гал.‹ицыне›

Ген.‹ерал›-м.‹аиоры› Павел Мансуров, Фед. Фрейман.

Карабинерные:

С.‹анкт› П.‹етербургск›ой,
Архангелог.‹ородский›,
Гус.‹арский› Изюмск.‹ий›,
7 Гус.‹арских› посел.‹енных› Эск.‹адронов›

Пехотные:

2-й гренад‹ерский›,
Владим.‹ирский›,
Томск.‹ий›,
1 вятск.‹ая› грен.‹адерская› рота.

---

4 легких пол.‹евых› ком.‹анды› (22, 23, 24, 25)
Чугуевск.‹ий› каз.‹ачий› п‹о›лк.
Каз.‹аки› { Донск.‹ие› 500; Малор.‹оссийские› 1,000 }
Полевой артилл.‹ерии› 22 оруд.‹ия›
Вятск.‹ого› полку полков.‹ых› пуш.‹ек› 4.

Под командою г. Рейнсд.‹орпа›:

3 легк.‹их› пол.‹евых› команд (6, 7, 8).
Алыкбеева пех.‹отного› п‹о›лк.‹а› 2 роты
Гарниз.‹онных› бат.‹алио›нов 4.

В Москве под ком.‹андою› ген.‹ерал›-анш.‹ефа› Мих. Ник. Волконск.‹ого›	Ген.‹ерал›-м.‹аиор› Чорба, гр.‹аф› Де Бальмен.

Владим.‹ирский› драг.‹унский›
Нарвской пех.‹отный›
Донск.‹их› каз.‹аков› 500
Гарниз.‹онных› бат.‹алионов› 3

Идут в Москву:

Лейб.‹-гвардии› Кирас.‹ирский› из Новгор.‹ода› 30 и‹ю›ня

4 эск.‹адрона› Венгерск.‹их› Гус.‹ар›	Из П.‹етер› Б.‹урга› 17 июня
Смоленск.‹ий› кон.‹ный›	Из Могилева [1]

Пех.‹отные›:

Великолуцк.‹ий› Воронежск‹ий›	Из П.‹етер› Б.‹урга› июня 27.
Ладожск.‹ий› 16-ая легкая пол‹евая› команда	из Выбор‹га› 26 июня
2 п‹о›лк.‹а› Донск.‹их› 1,000 каз.‹аков›	1, из Новаг.‹орода› 2, из П.‹етер› Б.‹урга›

Да указ.‹ом› главнок.‹омандующего› 2-ой армии кн. Долг.‹орукого› велено откомандировать 2 гусарск.‹их› и 2 пикинерн.‹ых› чрез Воронеж и Касимов к кн. Волк.‹онскому›-же.

В Нижн.‹ем›-Нов.‹ороде›:

Гарн.‹изонный› батал.‹ион› 1

В Каз.‹ани›:

Гарн.‹изонный› бат.‹алион› 1

В Цариц.‹ыне›:

легкая пол.‹евая› ком.‹анда› 1
Гарниз.‹онных› бат.‹алионов› 2

В Саратове:

Гарниз.‹онный› бат.‹альон› 1

---

[1] Из Смол.‹енска›

В Астрах.<ани>:

Гарниз.<онных> бат.<алионов> 4.

В Сибири и по линии под команд.<ой> ген. Декалонга:

7 легких пол.<евых> ком.<анд> (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15)	Ген.<ерал>-м.<аиор> Сергей Станиславской, Ант.<он> Скалон.

---

20 дек.<абря> в Богульме	*1257* егерей и гренадер
Гарнизонн<ых>	*849*
[армейск.]	
артиллеристов	*123*
Нерегулярн<ых>	2902
артиллерии	15 пушек.

VI.

(ПД 389)

EXTRAITS DE L'HISTOIRE DES 3 DÉMEMBREMENTS DE LA POLOGNE PAR FERRAND.

La Prusse, longtemps vassale et tributaire de la Pologne aspirait au titre de royaume et le demandait à l'Autriche qui lui objectait son peu d'étendue.

Son grand electeur répondait: qu'elle me donne le titre de roi, le royaume je m'en charge. Son fils l'obtint dans la guerre de succession et ce fut une des plus fausses spéculations de l'Autriche. Elle hâta, encore, l'exécution du projet de Pierre I, projet par lequel lui-même avait voulu hâter la civilisation d'un peuple encore éloigné des connaissances de l'Europe, et à faire à force de pouvoir ce qui ne se fait qu'avec le temps, la liberté et l'industrie.

Alex.<is> Orlof partit de Petersbourg au comm.<encement> d'avril 1771 accompagné de Dolgorouky (Крымский) qui devait commender les troupes de débarquement, et avec 15 millions de roubles.

Saldern écrit un plan de révolution en faveur du G.<rand> D.<uc>. — Panine le lut, le déchira, le jeta au feu et continua de se servir de S.<aldern>.

Trompée dans ses vastes projets de 1770, Cath.<erine> n'avait pas renoncé à leur exécution. Elle y ajoutait la conquête de la Crimée. Repnine devait nettoyer la rive droite du Danube – 6 attaques devaient avoir lieu sur l'Em.<pire>

Ott.<oman> — d'autres du côté de la Géorgie. Une flotte devait se former dans la mer Noire etc.

Ses préparatifs étaient diminués et entravés 1) par l'épuisement de l'Emp<ire> Russe 2) l'obligation de tenir les meilleur<es> troupes en Pologne 3) l'émigration des Kalmouks 4) Pougatchef.

La Russie avait peu de numéraires — point d'alliances que la Prusse — un territoire immense, une population peu proportionnée.

La plupart des branches de l'administration, ayant rapidement pris les formes d'un empire civilisé, ont cependant conservé toutes les irrégularités d'un état sauvage.

L'armée était loin d'être complète, les recrutements se faisaient avec peine. —

Les finances étaient épuisées, on y avait supplée par le papier monnai. —

II) [Elle] la Russie n'avait en Pologne que 20 à 25 mille hommes — mais c'était l'élite des troupes, en 1771 il n'y avait à Wars.<ovie> que 300 hommes. — Le Roi de Prusse gardait les postes que les confédérés n'occupaient pas encore.

600,000 Kalmouks renouvelèrent à la fin du 18 siècle les anciennes émigrations des peuples, dont on ne croyait plus revoir un exemple. — C'était un contraste frappant avec les flagorneries des philosophes que la retraite d'un peuple pasteur, vexé par le gouvernement. Cath.<erine> en fut humiliée.

Cet évenement forma dans l'Emp.<ire> un vide de 1500 verstes — entre Царицын et Astrak.<han>.

Originairement ces Kalmouks avaient formé 3 divisions principales, et étaient soumis à la Chine. Vers la fin du 17 siècle, vaincus et poursuivis par les Chinois, ils vinrent se réfugier à l'extrémité orientale de l'Emp.<ire> Russe, entre le Яик et le Volga. — Les Chinois les revendiquèrent en vain: la Russie fit la réponse que 70 <ans> après la Chine répéta à la Russie. — Les Kalmouks furent fidèles, ils gardaient les frontières contre les Caucasiens. — Ils furent oprimés. Le Khan Oubaché, auquel les opresseurs avaient enlevé son fils, voulut en vain faire parvenir ses plaintes. — Il forma le projet d'abandonner la Russie. Les préparatifs s'en firent avec un grand mystère. — Ils s'approchèrent des frontières sans éveiller les soupçons — et tout à coup les depassèrent. Les Cos.<aques> du Яик refusèrent de les poursuivre. — Les Kalmouks rétrogradèrent de l'Occident à l'Orient [1] en se partageant en plusieurs colonnes. — Les premiers quittèrent le Volga en 1770, 16 décem<bre>. — 80,000 traînant des nombreux troupeaux furent vainement attaqués par les Russes et le 9 août 1771 parurent dans le pays des Eleuths aux frontières de la Chine près du fleuve Obi (5 lieues par jour).—

---

[1] *В рукописи ошибочно:* de l'Orient à l'Occident

Une centaine de Russes s'y trouvaient prisonniers. — Oubaché avait averti la Chine, et on avait tout préparé pour les recevoir. — Ils perdirent plus du tiers par les maladies, la fatigue et les combats. —

Ils prirent leur route par le nord de la mer Caspienne. — Une partie longea la Sibérie — l'autre prit sa route près du midi. —

Leur fuite laissa les frontières dégarnies. —

Пугачев donna la liberté à tous les paysans et leur soulèvement fut subi entre Casan et Orenb.<ourg>. *On compte plus de 2.000 gentilshommes, femmes ou enfants pendus, écrasés, ou bizarrement suppliciés* (lettre du résident de France).

Un major expédié pour apporter les détails d'un avantage remporté sur Пугачев, dit à Catherine: Votre Maj.<esté> est heureuse qu'il ne se soit pas jeté dans Moscou qui fourmille de ses partisans.[1]

Волконский[2] pour intimider la populace — divisa ses troupes par quartiers et <ordonna> de placer des canons. — 8,000 en trois mois en sortirent pour se joindre à Пугачев.

Carr avait été en Pologne un des plus fameux satellites de Repnine et chargé par lui de garder Radzivill à Radom.

Le général Bibikof avait sous ses ordres jusqu'à 18,000 h.<ommes>. Mourant empoisonné, il écrivit à l'Imp.<ératrice> une lettre où l'on ne put distinguer que ces mots: *Servir...... jusqu'à la mort...... famille.*[3] Cette lettre, celle moins lisible encore qu'il écrivit à sa femme, et les détails de sa mort, répandirent dans P.<éters>b.<ourg> une terreur sombre, et les ordres les plus sévères furent donnés pour étouffer toute relation de cet évenement. —

Leurs principales plaintes (Яицких казаков) portaient sur ce qu'on avait enrégimenté comme troupes régulières les levées faites parmi eux.

Sur ce qu'on retenait aux armées les régiments depuis 7 ans — tandis que chaque corps employé pendant la guerre devait être, à la fin de la campagne, relevé par un autre qui lui succède. — A ces plaintes ils en joignirent de personnelles contre Захар Чернышев et qui furent les causes ou le prétexte de sa disgrâce. —

Les résidents de France à P.<étersbourg> et à Vienne étaient frappés des moyens qui se présentaient de toutes parts autour de Pougatchef et de l'emploi qu'en aurait fait un homme moins féroce et plus prudent.

---

1 *Слова* Un major — partisans *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

2 *В рукописи* — Волконску

3 *Слова* Le général Bibikof — famille *отчеркнуты Пушкиным на полях.*

Leur attention se porta pendant plusieurs années sur les plus petits détails: [A] ils en rendaient un compte exacte dans leurs dépêches. —

En 1772 son chef (des cosaques du Don) [son] Ixhraimof (?) traitait avec celui du Яик. Il fut surpris et arreté. — La confiscation de ses biens malgré le pillage qui en fut fait par les Off.<iciers> Russes (!) monta à plus de 2,000,000 de r.<oubles>.

Kirguises peuple indépendant dont la politique était de piller tantôt les frontières de la Chine tantôt celles de la Russie.

On avait trouvé chez les tartares de Casan des amas d'armes et de poudre. — Et le jeune Pulavsky avait séjourné chez eux avant d'aller joindre Пугачев[1] et y avait eu des intelligences avec la femme du gouverneur Russe (Брант).

Le résident de France compte dans une de ses dépêches 27 hordes ou peuplades soulevées contre la Russie ou n'attendant que le moment de se déclarer contre elle.

Dans plusieurs villages à l'arrivée des recruteurs, tous les paysans en état de porter les armes se sauvaient dans les bois.

Plus de 200 habitants de Moscou se concertèrent pour aller se réunir à Pugatch. Mais ils furent arrêtés, ramenés et rigoureusement punis.

Deux lettres de Pug.<atchof> parvinrent jusqu'à Pet.<érsbourg>, la première au Gr.<and> Duc, la sec.<onde> au Sénat. — Une autre également forte fut trouvée sur l'autel de la princ.<ipale> église (? voyez Mirovitch).

Cath.<erine> n'était pas sûre de sa garde, dont plusieurs soldats désertèrent. Un d'eux d'une naissance au-dessus de commun (Шванвич?) etc.......

Elle défendit de s'entretenir de ce qui regardait le gouvernement. — Elle fit transporter dans Moscou 4 régiments d'infanterie, 300 h.<ommes> d'artil-l.<erie> et un rég.<iment> de Houssards (?).

Pugatch.<of> payait en monnaie turque ou en ducats de Hollande. — (Non, en monnaie de cuivre).

Il avait des intelligences avec la Crimée et Constantinople. —

---

[1] avant de se joindre à Пугачев

Carr fit pendre deux brigadiers arretés dans leur désertion?

Un major Russe osa dire à Михель‹сон› que ses grenadiers ne marcheraient pas contre leur Emp.‹ereur›. Мих.‹ельсон› lui cassa la tête d'un coup de pistolet.

Quant on annonçait à Pugatch.‹of› que de nouveaux régiments marchaient contre lui: Bon, disait il, la moitié me servira à battre l'autre.

(Пугачев) il leur donnait 5 r.‹oubles› par mois, le double de la paye des Russes, l'eau de vie se vendait pour son compte. —

Ses troupes étaient partagées par dixaines — et tous ceux qui la composaient étaient responsables de chacun d'eux.

Pulavsky le quitta avec horreur.—

6

Deux lettres de Pug. parvinrent jusqu'à Pét. La première
au Gr. Duc, la sec. au Sénat — Deux autres également portées
fut trouvée sur l'autel de la princ. église (? voyez Mérault)
Cette lettre n'étoit pas sans de sagesse, dont plusieurs lo-
[illegible] disertement [illegible] d'une d'une [illegible] ardeur de
[illegible] (Mérault?) [illegible] . . .

Elle défendit de l'entretien de ce qui regardoit le gou-
vernement — Elle fit transporter de Moscou 4 régiments
d'infanterie, 300 h. d'artill. et un rég. de Woiwode (?)

Pugatch. payoit en monnoie turque et en ducats
de Hollande — (Non, en monnoie de cuivre)

Il avoit des intelligences avec le [illegible] Klou-
[illegible].

Fut-il pris par deux brigadiers avant d'en leur
desertion?

Un major [illegible] dit à Mul. que ses gar-
nisons ne marcheroient pas contre leur Emp. Mul. lui
casse la tête d'un coup de pistolet.

Quand on annonçoit à Pugatch. que de nom-
breux régiments marchoient contre lui. Bon, disoit-il,
la moitié me servira à battre l'autre.

(hyp.) il leur donnoit 5 c. par mois, [illegible] de la forge de [illegible]
Il [illegible] sa vie de [illegible] pour son compte — Des troupes [illegible]
~~[illegible]~~ partageoit par [illegible] — Ils tous étoit [illegible]
[illegible] de chacun d'eux.

Palavoy le quitta avec [illegible] —

Выписки из „Истории трех разделов Польши“ Феррана.

Пушкинский Дом Академии Наук СССР. Фонд 244, опись 1, № 389.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

*<ВЫПИСКИ ИЗ „ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ">

К 1-му Марта 1746-го года, по донесению Неплюева в Сенат (указ Сенат<а> 28 сентября 1747, № 9444) значится в Оренбурге 628 дворов, [с соборной церковью] церквей 4, каменных зданий: 10 житьих <?>, да 6 для приезжих знатных людей о пяти покоях, Аптека о восьми покоях (построена в 1744-м году), Таможня. Гостиного двора половину (44 лавки) отделали, 131 [одна] лавка в Меновом дворе за Уралом мазанковые строятся. Предположено: Собор им с торгов <?>; Губернская канцелярия, Гостиной доделан в 1746-м.

В 1746-м году пошлинных, откупных и других (не окладных) сборов 13,645 руб. 63³/₄ копейки. С тептерей и бобылей 22,909 р. 60 копеек. № указа Сенатск.<ого> 9447, от 13 Октября 1747.

В 1784-м году при генерал-поручике Апухтине учрежден Троицкий уезд.

В 1758-м году барон Игельстром исправлявший должность генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничества.

Из всех племен вселенныя, которых бог благоволил по временам возводить на степень величия и славы, делам человеческим соразмерную, ни единый не шествовал так быстро, как по его судьбам восходит к оной народ Российский. Екатерина. Маниф.<ест> 28 июня, 1786, № 16,407.

В настоящем путешествии по пределам Государства недавно распространенным очи наши видели степи впусте бывшие — населенные, города в укрепление их и в умножение богатства созданные, силы морские вооруженные в утверждение того, чем ныне владеем...

Усердие, повиновение и гражданские добродетели подданных наших утвердили в нас крепость и милосердие нам природные на все дни царствования нашего. Екатерина. 28 июня 1787, № [15] 16, 551.

В 1725 Казаков Яицких, по переписным книгам полковника Захарова, показано 1 Атаман и 3195 человек годных в службу. Сенатский указ от 20 марта 1725 года № 4685.

<*Нрзб.*> на войско 4635 руб., 1547 четвер.<тей> хлеба, 100 ведр вина. Тот же указ.

Атаману Григорию[1] Меркульеву Грамота от 28 Апреля 1725 о построе-

[1] *Было:* Атаман Григорий

нии Сакмарска для обороны проходов на устье сей реки от Каракалпаков и Киргизцев.

Иеромонах Никодим — в 1725 году у новообратившихся калмыков (4683 №, 19 Марта).

Тайная Канцелярия учреждена Петром I-м в 1718-м году. Указ Мая 28, 1726 года. № 4892. „Понеже Тайная Канцелярия блаженныя и высокославныя памяти при е. им. в., нашем вселюбезнейшем Супруге и государе в прошлом 1718 учинена была на время для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел“ и пр.

В Уставе Петра II о соли 31 Декабря 1727 года в § 17 упоминается о соли близь реки Илека.

Преображенский Приказ, состоявший в ведении князя Ив. Федор. Ромодановского (д.<ействительного> т.<айного> совет.<ника>) уничтожен при Петре II-м указом № 5897-м от 4 Апреля 1729 года; учрежден же Петром Первым за долго до Тайной собственной Канцелярии, хотя дела в нем происходи<в>шие были одного свойства с делами Тайной Канцелярии.

В 1766-м году Тетюшев предложил добывать с Нижней Илецкой соли 1,000,000 пуд от $11^1/_2$ до 12 копеек за пуд. Приняв <?> предложили и пристань прн р. Стерли.

В том же году учреждена [Оренб.<ургская> и] и Троицкая Таможня.

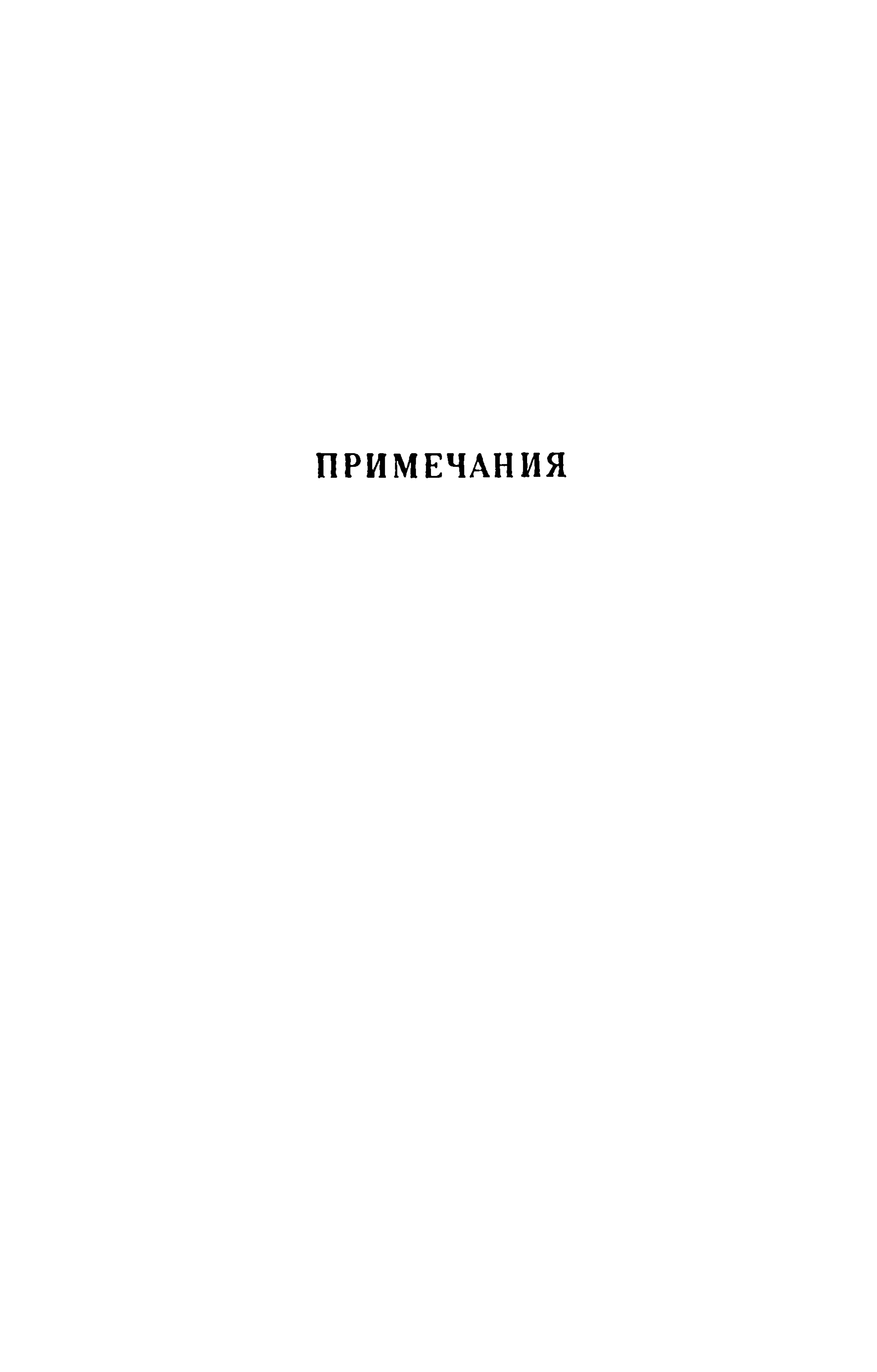
Петр Димитриевич Еропкин, генерал-поручик. — Ему поручена была Москва во время чумы в 1771-м году под ведомством фельдмаршала Петра Семенов.<ича> Салтыкова, губернатора в *<недописано.>*

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Александр Андреевич Безбородко.

[Петр Дмитриевнч Еропкин]

Иван Иванович Михельсон.



ПРИМЕЧАНИЯ

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

а. Печатные.

1. История Пугачевского бунта, части I и II, СПб. 1834 (*ИП*).

2. То же. Невыправленные до конца экземпляры (**ИП*).

3. Библиотека для чтения 1834 г., VII, „Смесь“, стр. 44—48. Первая публикация показаний жены Пугачева и атамана Фомина, вошедших в 14-е примеч. к гл. IV (*БЧ*).

б. Рукописные.

1. Беловой автограф (*ЛБ90*).

2. Дополнения к беловому автографу (*ЛБ73*).

3. Дополнения к беловому автографу и черновые наброски (*ЛБ91*).

4. Первоначальный черновой набросок Предисловия на тыловой стороне письма к Пушкину от цензора В. Н. Семенова от 15 июня 1833 г. (*ПД813*).

5. Рукопись, с которой набиралось первое издание (*ПБ*$_1$, *ПБ*$_2$).

Печатается по *ИП*, с восстановлением искаженных цензурою мест по *ЛБ90*, с поправками описок и опечаток по *ПБ*$_1$, *ПБ*$_2$.[1]

Писать „Историю Пугачева“ Пушкин начал 25 марта 1833 г., согласно одной из двух дат на первоначальном (черновом) наброске главы первой (см. „Другие редакции и варианты“, *Б, II*); вторая дата, — 17 апреля, — указывает, когда сделан самый набросок. 22 мая 1833 г. Пушкин набросал эпилог (заключительную сцену к главе восьмой, см. „Другие редакции и варианты“, *Б, VIII*), т. е. закончил черновой текст „Истории“, о чем несколькими днями раньше предуведомил Гоголя. Предисловие к „Истории“ вчерне набросано не ранее 15 июня 1833 г. — дата письма, на котором сделан набросок, — и не позже 18 августа 1833 г., когда Пушкин покинул

[1] Перед самым выпуском IX тома стало известно о существовании в Саратовском Областном Архивном Управлении (в Историческом Архиве под № 314) принадлежавшей ранее Д. Мордовцеву рукописи (почерком конца XVIII в.), содержащей „Летопись Рычкова“ об осаде Оренбурга и письмо Пл. Любарского о взятии Пугачевым Казани, с чьей-то пометой на титульном листе: „Этой рукописью пользовался Пушкин“. В ней т. о. мы имеем вероятно один из тех трех списков труда Рычкова, которыми пользовался, по его словам, Пушкин и которые надо считать первоисточником писарской копии (*ПБ*$_1$) соответствующих разделов 2-й части „Истории Пугачева“. При ее помощи уточнены в ряде случаев собственные имена и географические названия в Алфавитном указателе. Кроме того, на четырех последних страницах этой рукописи отыскались сделанные для Пушкина выписки из I-го „Полного собрания законов Российской империи“, т. XII, стр. 758, 769, т. XXII, стр. 144, 450, 614, 861, т. VII, стр. 437—439, 653, 912, т. VIII, стр. 142, т. XVII, стр. 542, т. XIX, стр. 244. Эти выписки даны выше, под особым заголовком „Приложение“.

Петербург. За время путешествия в Оренбург и оттуда в Болдино (18 августа — 1 октября) Пушкин к „Истории“ не притрагивался. Но тотчас же по приезде в Болдино взялся за переработку ранее написанного: 4 октября 1833 г. был составлен перечень содержания главы первой (см. „Другие редакции и варианты“, *Б, I*), и тогда же сделана надпись на ее более раннем черновике: „Введение. Болдино 1833 года“ (см. там же, *Б, II*).

Закончив переработку, Пушкин вторично набросал Предисловие, начинающееся датой, повторенной позже в беловике и первом издании: „Село Болдино 2 ноября 1833“. (См. „Другие редакции и варианты“, *А, II*.) Выработанная к началу ноября редакция первых пяти глав передана была Пушкиным, в виде белового автографа *ЛБ90*, имп. Николаю вскоре после 6 декабря 1833 г., когда написано соответствующее письмо к Бенкендорфу. Получив через Жуковского, 29 января 1834 г., рукопись обратно, Пушкин передал продолжение (озаглавленное первоначально „Том второй“) Бенкендорфу для имп. Николая в феврале. В марте, получив вместе с возвращенной рукописью „второго тома“ разрешение печатать „Историю Пугачева“, Пушкин предварительно подверг цензурным и иным исправлениям заново перебеленную (писарем) рукопись, присоединил затем к ней отсутствовавшие в первоначальном беловике Примечания и Материалы (составившие теперь том второй) и, наконец, только 3 июля 1834 г., при сопроводительном письме к директору государственной типографии М. Л. Яковлеву, сдал окончательную редакцию „Истории Пугачева“ в печать. Печатание заняло более четырех месяцев, закончившись в ноябре (ср. письмо Пушкина к Бенкендорфу от 23 ноября 1834 г.).

До выхода в свет „Истории“ два документальных отрывка из нее были предварительно опубликованы в 7-м томе „Библиотеки для чтения“ за 1834 год с следующим предуведомлением редакции: „Спеша воспользоваться особенною вежливостью А. С. Пушкина, сообщившего нам из своей книги два весьма примечательные документа, мы помещаем их здесь до выхода «Истории Пугачева», ожидаемой публикою с таким нетерпением“.

Заглавие „История Пугачева“, отсутствующее в беловом автографе и замененное в первом издании, по требованию имп. Николая, другим: „История Пугачевского бунта“, восстанавливается, кроме приведенной заметки Сенковского, из писем: Пушкина к Бенкендорфу от 27 февраля 1834 г.; Л. В. Дубельта к Пушкину от 4 марта 1834 г.; Бенкендорфа к Пушкину от 8-го и 24 марта 1834 г. Из переписки же Пушкина (из письма к Бенкендорфу от 6 декабря 1833 г. и из ответного письма Бенкендорфа) видно, что еще более ранним вариантом заглавия было: „История Пугачевщины“.

Первое издание в продажу поступило около 28 декабря 1834 г. Первоначальный черновик Предисловия (*ПД873*) впервые опубликован Д. П. Якубовичем в газете „Правда“ от 6 II 1937 г., № 36 (7002) и в „Временнике Пушкинской Комиссии“, 3, 1937, стр. 9—13. Краткая редакция отрывка главы четвертой об осаде Яицкого городка впервые напечатана (по *ПБ*) Н. Н. Фирсовым в одиннадцатом томе первого академического издания „Сочинений Пушкина“, П., 1914, стр. 231 (второй пагинации). Остальные отрывки „Других редакций“ печатаются впервые.

ЗАМЕЧАНИЯ О БУНТЕ.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

а. Печатные.

„Заря". Декабрь. 1870. Стр. 418—422. Беловая редакция, публикация И. П. Шульгина (*З*).

б. Рукописные.

Копия с утраченного белового автографа, сделанная Н. В. Путятой, с припиской последнего: „Следующие примечания к Истории Пугачевского бунта, сочиненной А. Пушкиным, остались в рукописи. Я списал их с манускрипта, писанного рукою Пушкина и сообщенного мне г. М‹иллером›, который был секретарем у гр. Бенкендорфа" (*ТП*).

Бартеневская копия с того же автографа, с „Примечанием" в конце: „Все сии неизданные отрывки списаны с черновой рукописи Пушкина, хранившейся в III отделении собств. канц., откуда списал их секретарь гр. Бенкендорфа, Пав. Ив. Миллер" (*ТБ*).

Ефремовская копия той же редакции (**Е*).

Автографы Института Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР (фонд 244, опись 1, №№ 350—367, 369). Черновая редакция (*ПД350, ПД351* и т. д.).

Основной текст „Замечаний о бунте" печатается по *ТП*; варианты по *ТБ*, **Е* и *З*.

Утраченный беловой автограф, посланный Пушкиным Бенкендорфу при письме от 26 января 1835 г., для передачи имп. Николаю, возник не ранее напечатания „Истории Пугачева" (в ноябре 1834 г.), так как не только в нем, но и в черновых рукописях „Замечаний" везде есть ссылки на страницы первого издания „Истории".

В печати впервые появилась в статье Е. Якушкина (в „Библиографических записках" 1859 г., № 6, стр. 179—184) черновая редакция „Замечаний" с параллельными чтениями из беловой, с произвольными заимствованиями вовсе не относящихся сюда отрывков о Чернышеве, Державине и о Шванвиче (со слов Свечина), с цензурными, наконец, сокращениями, часть которых, в виде дополнения к статье Якушкина, появилась в „Полярной Звезде на 1861 год", Лондон, стр. 128—131. Ср. также о рукописи „Замечаний" из собрания С. Д. Полторацкого в „Русской Старине" 1892 г., июль, стр. 5—8.

Смешанная, искусственно созданная Якушкиным редакция, дополненная позже и вовсе не принадлежащими Пушкину вставками (слова Якушкина: „Придворные отношения А. И. Бибикова чрезвычайно любопытны", из запрещенного цензурой отрывка статьи 1859 г.,[1] впервые внесены как пушкинские в 8-е „Замечание" Ефремовым), заменяется двумя подлинно пушкинскими редакциями впервые.

Заглавие: „Замечания о бунте" — с обложки отрывков черновой редакции (*ПД350*) и вводится тоже впервые.

ОБ „ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА".

Печатается по *С*. Автограф не сохранился. Статья Броневского, послужившая поводом для данной статьи Пушкина, появилась в журнале „Сын Отечества и Северный Архив" 1835 г., № 3, отд. Библиография, стр. 177—186, за подписью П. К.

---

[1] Отрывок сохранился в копии Ефремова рядом с **Е*.

МАТЕРИАЛЫ.

А. ЗАПИСИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ, ПРЕДАНИЙ, ПЕСЕН.

Печатаются:

Автографы Института Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР, фонд 244, опись 1, №№ 368, 370, 371, 373 (*ПД368, ПД370* и т. д.);

Записи в Дорожной записной книжке Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (*ДЗК*);

Автограф из картона № 2391 Публичной Библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина, л. 14—14 об. (*ЛБ91*);

Рукопись (почерком С. Энгельгардта) из того же картона, лл. 294—296 (*ЛБ91*).

Записи датированные (I, II, III, IV) располагаются в хронологическом порядке; недатированные (V, VI) отнесены в конец, перед последней (VII), не пушкинской. Она доставлена была Пушкину вместе с письмом С. Энгельгардта на имя В. В. Энгельгардта от 21 марта 1834 г., хранящимся в *ПД*, фонд 244, опись 3, № 76.

Впервые были напечатаны: I — в „Временнике Пушкинской Комиссии", 1, 1936, стр. 26—29; II — частично во втором издании „Сочинений Пушкина" под ред. П. О. Морозова, т. VII, 1904 г., стр. 278—279, и в книге Л. Б. Модзалевского „Рукописи Пушкина", Лгр., 1929, стр. 26—27; полностью в книге „Рукою Пушкина", стр. 338—342; IV — частично в „Временнике Пушкинской Комиссии", 2, стр. 434—435; V и VI — неполностью, с произвольным включением в состав „Замечаний о бунте", в „Библиографических Записках" 1859 г., № 6, стр. 179—181; VII — в „Литературном Наследстве", вып. 16—18, стр. 460—462; III печатается впервые.

Б. ДНЕВНИКИ И ЗАПИСКИ.

Печатаются:

Автографы из картона № 2391 Публичной Библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина, лл. 34—37, 45—45 об., 47—56, 68—105, 108—111 (*ЛБ91*);

Писарские копии из картона № 2394 той же библиотеки, №№ 13, 11bis, 17 (*ЛБ94*).

Приписка Пушкина: „Из Оренб.‹ургского› архива" к заглавию: „Журнал Рейнсдорпа" указывает, что данная выпись (как, вероятно, и две предшествующие — I и II) сделана не ранее прибытия Пушкина в Оренбург, т. е. не ранее 18 сентября 1833 г. Все три автографа печатаются впервые. Из мемуаров, печатающихся по писарским копиям, два (IV и VII) впервые напечатаны: IV — в „Отечественных Записках" 1824 г., № 52, стр. 151—174, и № 53, стр. 319—347; VII — в „Москвитянине" 1841 г., ч. III, стр. 438—468, с подзаголовком: „доставлено В. И. Далем". Два остальные мемуара (V и VI) печатаются впервые; неназванный автор второго из них — оренбургский священник Иван Полянский. Ср. Н. Дубровин, „Пугачев и его сообщники", т. II, СПб., 1884, стр. 38. В мемуаре Ив. Осипова (V) § 31 выверен по предшествующему изданию (в „Чтениях Московского Общества Истории и Древностей" 1860 г., кн. II, стр. 83) включенного в этот параграф Послания Вениамина.

В. ПОМЕСЯЧНЫЕ ВЫПИСИ ИЗ АРХИВНЫХ ДЕЛ.

Печатаются (впервые):

Автографы из картона № 2391 Публичной Библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина, лл. 119—126, 275—297, 133—139, 140—154, 155—169, 170—181, 182—207, 208—223, 23—31об. (*ЛБ91*).

Г. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

Печатаются:

Автографы и писарские копии Института Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР, фонд 244, опись 1, №№ 375, 378—388, 811; опись 3, № 77 (*ПД375, ПД378, ПД77* и т. д.);

Автографы и писарские копии из картона № 2391 Публичной Библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина (*ЛБ91*);

Писарские копии из картона № 2394 той же библиотеки, № 14 (*ЛБ94*);

Документы о Пугачеве из Пушкинского архива в фондах Государственного Литературного Музея в Москве, №№ $\frac{398}{99}$, $\frac{393}{100}$ (*ЛМ*);

Документальный материал, извлекаемый из бывшей в наборе рукописи „Истории Пугачева“ (*ПБ*$_2$).

Материал данного отдела по автографам Пушкина и бывшим в его распоряжении писарским копиям печатается впервые, за исключением напечатанных ранее: из подотдела I №№ 1, *5, 8 — в собр. соч. Пушкина под ред. Ефремова, изд. 1878 г., стр. 170—173; № *15 — в „Летописях Государственного Литературного Музея“, М., 1936, стр. 217—218, с комментарием П. С. Попова; из подотдела II № 26— в том же изд. Ефремова, стр. 173—174; № *3 — в „Звеньях“, вып. 3, стр. 144—145, с комментарием П. С. Попова; из подотдела III № *6 — в „Литературном Наследстве“, вып. 16—18, стр. 458—459.

Д. КОНСПЕКТЫ, ВЫПИСКИ И НАБРОСКИ.

Печатаются:

Автографы Института Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР, фонд 244, опись 1, №№ 374, 377, 389, 810 (*ПД374, ПД377* и т. д);

Автографы из картона № 2391 Публичной Библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина (*ЛБ91*);

Документальный материал из рукописи „История Пугачева“ (*ПБ*$_2$).

Тексты, входящие в данный отдел, печатаются впервые, за исключением напечатанных ранее из подотдела IV №№ 1 и 4 — в „Литературном Наследстве“, вып. 16—18, стр. 457—463.

Зависимость входящих в подотдел IV биографических отрывков от бывших в руках у Пушкина бумаг Н. Н. Бантыша-Каменского доказывается сходством этих отрывков с опубликованными вскоре после появления „Истории Пугачева“ соответствующими источниками. Ср. Д. Н. Бантыш-Каменский, „Словарь достопамятных людей русской земли в пяти частях“, М. 1836, ч. I, стр. 63—64 („Аристов“); ч. III, стр. 127—128 („Кудрявцев“); ч. IV, стр. 132—133 („Перфильев“), стр. 275—277 („Рейнсдорп“); ч. V, стр. 48—49 („Симанов Иван Данилович“), стр. 139 („Толстой“), стр. 241—242 („Хлопуша“), стр. 267 („Чика“), стр. 289—299 („Шелудяков“).

Extraits de l'histoire des 3 démembrements и т. д. — выписки из книги Claude Ferrand: „Histoire des trois démembremens de la Pologne pour faire suite à l'histoire de l'anarchie de Pologne, par Rulhière. Par l'auteur de l'esprit de l'histoire et de la théorie des révolutions. A Paris chez Déterville, libraire, 1820, tt. I—III“. — С выписками Пушкина ср, том I, стр. 407—410, 412—419, 423—435. Выписки Пушкина — на бумаге с 1832 годом в филиграни.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ ТЕКСТА.

Печатные источники.

З — Заря. Декабрь. СПб. 1870 (журнал).

ИП — История Пугачевского Бунта. Части первая и вторая. Санктпетербург 1834. С дозволения правительства. В типографии II отделения собственной е. и. в. канцелярии.

**ИП* — То же. Единичные экземпляры, выпущенные до окончательной авторской правки отдельных мест.

С — Современник. Том третий. 1836 г., отд. *Проза*, стр. 109—134, „Об Истории Пугачевского бунта", подпись: А. П., цензурное разрешение тома третьего: сентябрь 1836 г.

БЧ — Библиотека для чтения, том седьмой, СПб., 1834 г., отд. „Смесь", стр. 44—48: „Два любопытные документа о Пугачеве (сообщенные А. С. Пушкиным). 1. Показание жены Пугачева. 2. Показание атамана Фомина".

Рукописные источники.

ДЗК — Дорожная записная книжка с записями Пушкина во время путешествия в Оренбург в августе—сентябре 1833 г. Из бумаг А. А. Краевского в Публичной Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, 45в.

**Е* — Писарская копия „Замечаний о бунте", вписанная в принадлежавший Ефремову экземпляр[1] седьмого тома „Сочинений Пушкина" под ред. П. В. Анненкова, с приписками Ефремова.

ЛБ73 — Тетрадь № 2373 Публичной Библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина, лл. 18, 18 об. и следующий (согласно второй пагинации с конца тетради). Черновые отрывки „Истории Пугачева".

ЛБ90 — Беловой автограф „Истории Пугачева", принадлежащий Публичной Библиотеке Союза ССР им. В. И. Ленина, № 2390, тетрадей 11, лл. 184, с поправками Николая I, с вложенными черновыми набросками глав первой (в первоначальной редакции), второй, третьей и восьмой.

ЛБ91 — Картон № 2391 Публичной Библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина с материалами и вариантами к „Истории Пугачева", рукой Пушкина и других лиц, лл. 269.

ЛБ94 — Картон № 2394 Публичной Библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина, с материалами к „Истории Пугачева", писарским почерком, с отметками, поправками и приписками Пушкина (№№ 11, 13, 14 и 17).

ЛМ — Материалы о Пугачеве из Пушкинского архива, в фондах Государственного Литературного Музея в Москве $\left(\text{№№ } \frac{398}{99}, \frac{398}{100}\right)$.

---

[1] Ныне принадлежит Б. В. Томашевскому.

ПБ$_1$ — Рукопись № 362 Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, содержащая писарскую копию „Истории Пугачева“ (отдельные листы — почерком М. Л. Яковлева), со следами пользования ею наборщика, лл. 606.

ПБ$_2$ — Листы той же рукописи с собственноручными вставками Пушкина.

ПД350, ПД351 и т. д. — Рукописи Института Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР, фонд 244, опись 1, №№ 350—389, 810, 811, 813; опись 3, № 77. Черновая редакция „Замечаний о бунте“, черновой набросок Предисловия к „Истории Пугачева“, указы Пугачева, записи устных рассказов и т. д.

ТБ — Тетрадь П. И. Бартенева, принадлежащая Государственному Литературному Музею, стр. 439—451: копия (неизвестным почерком) „Замечаний о бунте“ (беловой редакции), с приписками Бартенева.

ТП — Тетрадь Н. В. Путяты, принадлежащая музею „Мураново“ имени Ф. И. Тютчева (шифр $\frac{\text{П I}}{\text{С 4}}$, инв. № 46|4), стр. 169—183: копия, рукою Н. В. Путяты, „Замечаний о бунте“ (беловой редакции).

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ.

Стр. 40.

Повидимому этот фарс разыгрывается по воле шевалье де Тотт, но мы живем уже не во времена Димитрия, и пьеса, имевшая успех двести лет назад, ныне освистана.

Стр. 40.

Сударь, одни лишь газеты подымают шум по поводу разбойника Пугачева, который ни в прямых, ни в косвенных отношениях с г. де Тотт не состоит. Пушки, отлитые одним, для меня значат столько же, сколько предприятия другого. Господин де Пугачев и господин де Тотт имеют впрочем то общее, что один изо дня в день плетет себе веревку из конопли, а другой в любую минуту рискует получить шелковый шнурок.

Стр. 86.

История гуннов и татар, кн. 19, гл. 2.

Стр. 100.

История восстания Пугачева.

Стр. 100.

Маиор Харлов несколько недель тому назад женился на дочери полковника Елагина, очень милой молодой особе. Он был опасно ранен при защите крепости, и его отнесли домой. Когда крепость была взята, Пугачев послал за ним, велел стащить его с кровати и привести к себе. Молодая жена, в отчаянии, последовала за ним, бросилась к ногам победителя и просила о помиловании мужа. — Я велю его повесить в твоем присутствии, отвечал варвар. При этих словах молодая женщина проливает потоки слез, снова обнимает ноги Пугачева и умоляет о милосердии; всё было напрасно, и Харлов был в ту же минуту повешен в присутствии своей супруги. Едва он испустил дух, как казаки бросились на его жену и принудили ее утолить грубую страсть Пугачева.

Стр. 101.

Самые варварские народы соблюдают до известной степени чистоту нравов, и у Пугачева было достаточно здравого смысла, чтоб не совершать перед солдатами и т. д.

Стр. 102.

Наиплачевное состояние Оренбургской губернии много опаснее, чем я могу его описать; меня бы не устрашила регулярная вражеская армия в десять тысяч человек, а между тем один предатель с 3000 бунтовщиков приводит в трепет весь Оренбург — — — Мой гарнизон, состоящий из 1200 человек, — единственная к тому же военная сила, на которую я полагаюсь. По милости всевышнего мы поймали 12 шпионов и т. д.

Стр. 111.

Бунтовщики держали себя так тихо в Татищевой, что сам князь сомневался, действительно ли они там. Чтоб разузнать об этом, он послал трех казаков, которые приблизились к крепости, ничего не заметив. Бунтовщики послали к ним женщину, которая поднесла им хлеб-соль по русскому обычаю и, спрошенная казаками, уверила их, что бунтовщики, побывав в крепости, все ушли оттуда. Пугачев, полагая, что он обманул казаков этой хитростью, выслал из крепости несколько сот человек, чтобы их захватить. Один из трех был убит, другой захвачен, но третий скрылся и явился доложить Галицыну о том, что он видел. Князь сразу решил идти на крепость в тот же день и атаковать врага в его укреплениях (История восстания Пугачева).

Стр. 112.

Победа, одержанная вашим сиятельством над мятежниками, возвращает жизнь населению Оренбурга. Этот город, выдержавший шестимесячную осаду и доведенный до ужасного голода, теперь полон ликования, и жители его возносят молитвы о благополучии своего славного освободителя. Пуд муки стоил уже 16 рублей, и теперь изобилие идет на смену нищете. Я вывез транспорт в 500 четвертей из Каргале и жду другого в 1000 из Орска. Если отряду вашего сиятельства удастся захватить в плен Пугачева, нам не останется желать ничего больше, и башкирцы не замедлят просить помилования.

Стр. 114, 115.

История восстания Пугачева.

Стр. 146.

Кочевые скитания Веньямина Бергмана и т. д.

Стр. 146—147.

Я охотно удовлетворю, сударь, ваше любопытство на счет Пугачева; мне это тем легче сделать, что вот уже месяц как он захвачен или, говоря точнее, связан и закован своими собственными людьми в необитаемой равнине между Волгой и Яиком, куда он был загнан войсками, посланными против них со всех сторон. Лишенные пищи и способов ее добыть, его товарищи, пресытившись, кроме того, жестокостями, которые они совершали, и надеясь получить прощение, выдали его коменданту Яицкой крепости, который отправил его в Симбирск к генералу графу Панину. Сейчас он находится на пути к Москве. Будучи приведен к Панину, он простодушно сознался при допросе, что он донской казак, назвал место, где он родился, сказал, что был женат на дочери донского казака, что имел троих детей, что во время мятежа женился на другой, что его братья и племянники служили в первой армии, что и сам он служил во время двух первых кампаний против Порты и т. д. и т. д.

Так как у генерала Панина было много с собой донских казаков и так как войска этой народности никогда к разбойнику на удочку не попадались, то всё это и было вскоре проверено соотечественниками Пугачева. Он не умеет ни читать, ни писать, но это человек крайне смелый и решительный. До сих пор нет ни малейшего следа тому, чтоб он был орудием

какой-либо державы или действовал по внушению кого бы то ни было. Надо полагать, что господин Пугачев просто заправский разбойник, а не чей-либо слуга.

Мне кажется, после Тамерлана ни один еще не уничтожил столько людей. Прежде всего, он приказывал вешать без пощады и без всякого суда всех лиц дворянского происхождения, мужчин, женщин и детей, всех офицеров, всех солдат, которых он мог поймать; ни одно место, где он прошел, не было пощажено, он грабил и разорял даже тех, кто, ради того чтоб избежать насилий, старался снискать его расположение хорошим приемом; никто не был избавлен у него от разграбления, насилия и убийства.

Но до какой степени может человек самообольщаться, видно из того, что он осмеливается питать какую-то надежду. Он воображает, что ради его храбрости, я могу его помиловать и что будущие его заслуги заставят забыть его прошлые преступления. Еслиб он оскорбил одну меня, его рассуждение могло бы быть верно, и я бы его простила. Но это дело — дело империи, у которой свои законы.

Стр. 147.

Маркиз Пугачев, о котором вы опять пишете мне в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончил жизнь трусом. Он оказался таким робким и слабым в тюрьме, что пришлось осторожно приготовить его к приговору из боязни, чтоб он сразу не умер от страха.

Стр. 148.

„Известие о подробностях мятежа Стеньки Разина против московского великого князя. Зарождение, ход и окончание этого мятежа, вместе с обстоятельствами, при которых был схвачен этот мятежник, смертный ему приговор и его казнь, перевел с английского К. Демар".

Стр. 201—202.

Я чертовски боялся за своих солдат, как бы они не поступили так же, как гарнизонные, и не сложили оружия перед мятежниками. Но нет, они их бьют как следует и обходятся с ними как с бунтовщиками. Это придает мне храбрости.

Стр. 389. — ошибки.
Стр. 389. — в лист.
Стр. 436. — сохранялись.
Стр. 448. — перечень содержания.
Стр. 453. — наиплачевное.
Стр. 456. — бунтовщики.
Стр. 457. — победа.
Стр. 457. — домогаться прощения. Честь имею быть и т. д.
Стр. 458. — История.
Стр. 460. — Маркиз.
Стр. 460. — Известие.
Стр. 463. — Боялся ~ солдат | Боялся ~ что солдаты
Стр. 476. — королевы.
Стр. 507. — фургон.
Стр. 510. — низшие чином.
Стр. 643. — Пуд муки стоил уже 16 рублей. *(Письмо Рейнсдорпа к Галицыну).*

Стр. 788—792.

Извлечения из „Истории трех разделов Польши" Феррана.

Пруссия, в течение долгого времени вассал и данница Польши, домогалась названия королевства и испрашивала его у Австрии, которая отговаривалась ссылками на ее малые размеры. Великий курфюрст отвечал: пусть она даст мне королевский титул, а о королевстве позабочусь я сам. Его сын получил его во время войны за наследство, и это была одна из самых неудачных спекуляций Австрии. Она ускорила, кроме того, осуществление проекта Петра I, проекта, посредством которого он сам желал ускорить цивилизацию народа, еще удаленного от европейской образованности, и создать силою власти то, что создается не иначе как силою времени, свободы и промышленности.

Алекс. Орлов уехал из Петербурга в начале апреля 1771 года, в сопровождении Долгорукого (Крымского), который должен был командовать десантными войсками, и с 15 миллионами рублей.

Сальдерн пишет проект переворота в пользу в.<еликого> к.<нязя>.—Панин его прочел, разорвал, бросил в огонь и продолжал пользоваться услугами С.<альдерна>.

Обманувшись в своих обширных проектах 1770 года, Екатерина не отказалась от их осуществления. Она к ним присоединила завоевание Крыма.— Репнин должен был очистить правый берег Дуная. — На Оттоманскую Империю должны были быть совершены шесть нападений. — Другие со стороны Грузии. — Флот намечено было собрать в Черном море и т. д. —

Ее приготовления были сокращены и затруднены: 1) истощением Русской Империи, 2) необходимостью держать лучшие войска в Польше, 3) переселением калмыков, 4) Пугачевым.

У России мало было звонкой монеты, никаких союзников кроме Пруссии, необъятная территория, мало соразмерное население.

Большая часть отраслей управления, быстро усвоив формы цивилизованной империи, сохраняла, тем не менее, все непорядки дикого государства.

Армия была далеко не в полном составе, рекрутские наборы проводились с трудом.

Финансы были истощены, их пополняли бумажными деньгами. —

[Она] Россия держала в Польше не более 20, 25 тысяч человек — но это были отборные войска. В 1771 году в Варшаве было лишь 300 солдат. — Прусский король охранял места, которые не были еще заняты конфедератами.

600,000 калмыков возобновили в конце 18 столетия те былые переселения народов, одно из которых никто не ожидал увидать еще раз. — Это был разительный контраст угодливым похвалам философов — уход пастушеского народа, притесняемого правительством. Екатерина была им унижена.

Это событие образовало в империи пустоту в 1500 верст — между Царицыном и Астраханью.

Первоначально эти калмыки состояли из трех основных групп и были подвластны Китаю. К концу 17 века, побежденные и преследуемые китай-

цами, они явились, чтоб укрыться, на восточной окраине Русской Империи между Яиком и Волгой. — Китайцы тщетно требовали их обратно: Россия дала ответ, который 70 <лет> спустя Китай повторил России. — Калмыки были верны, они охраняли границы от Кавказцев. — Их начали притеснять. — Хан Убашэ, у которого угнетатели отняли сына, тщетно пытался дать ход своим жалобам. — Он задумал покинуть Россию. Приготовления совершались в большой тайне. — Они приблизились к границам, не возбудив подозрений, — и внезапно перешли их. Яицкие казаки отказались их преследовать. — Калмыки двинулись обратно с Запада на Восток, разделившись на несколько колонн. — Первые покинули Волгу в 1770, 16 декабря. — 80,000, угоняя за собой многочисленные стада, были безуспешно атакованы Русскими и 9 августа 1771 года появились в стране Элевтов на границах Китая, близ реки Оби (пять миль в день).

Около сотни русских находилось тут в качестве пленных. — Убашэ предупредил Китай, и для их встречи было всё приготовлено. Они потеряли более трети из-за болезней, усталости и сражений. —

Они направились к северу от Каспийского моря. — Одна часть двинулась вдоль окраин Сибири — другая — южным путем.

Их бегство оставило границы без гарнизонов.

Пугачев дал свободу крестьянам, и их восстание дало себя знать между Казанью и Оренбургом. *Насчитывают более 2,000 дворян, женщин или детей, повешенных, раздавленных или подвергнутых причудливым истязаниям* (письмо французского резидента).

Один майор, посланный с сообщением подробностей об одержанной над Пугачевым победе, сказал Екатерине: ваше величество счастливы, что он не ворвался в Москву, которая кишит его сторонниками.

Волконский, чтоб устрашить простонародье, разместил свои войска по кварталам и <приказал> расставить пушки. — 8,000 ушло за три месяца, чтоб присоединиться к Пугачеву.

Кар был в Польше одним из самых известных приспешников Репнина и был им назначен охранять Радзивилла в Радоме.

У генерала Бибикова было под начальством до 18,000 чел.<овек>. Умирая отравленный, он написал императрице письмо, в котором могли разобрать только следующие слова: *служить... до самой смерти... семья.* Это письмо и то, еще менее поддающееся прочтению, которое он написал жене, и подробности его смерти распространили в П.<етер>б.<урге> мрачный ужас, и были сделаны самые строгие распоряжения, чтоб заглушить всякие толки об этом событии.

Главные их жалобы (Яицких казаков) направлены были против того, что укомплектовали в полки, как регулярные войска, набранных среди них рекрутов. Против того, что полки задерживали в армиях в течение семи лет — тогда как каждая воинская часть, использованная во время войны, должна была, по окончании кампании, замещаться другой, в порядке очереди. — К этим жалобам они присоединили жалобы лично на Захара Чернышева, которые были причиной или поводом его опалы.

В 1772 г. его начальник (донских казаков) Ихраимов (?) вел переговоры с начальником Яика. Он был выслежен и задержан. Конфискация его имущества, несмотря на грабеж, которому оно подверглось со стороны русских чиновников (!), дала свыше 2,000,000 рублей.

Французские резиденты в Петербурге и Вене были поражены возможностями, открывавшимися со всех сторон Пугачеву, и тем, какое применение мог бы дать им человек менее жестокий и более благоразумный.

Их внимание в течение нескольких лет было уделено даже самым мелким подробностям: они давали о них точный отчет в своих депешах.

Киргизцы, независимый народ, политика которого состояла в том, чтоб грабить то китайские окрайны, то русские.

У Казанских татар нашли склады оружия и пороху.—— И молодой Пулавский жил в их среде до перехода к Пугачеву, и находясь там, поддерживал тайные сношения с женой русского губернатора (Бранта).

Французский резидент насчитывает в одной из своих депеш 27 орд или племен, восставших против России или ожидающих только подходящей минуты, чтобы открыто восстать против нее.

Во многих деревнях, при появлении вербовщиков в рекруты, все способные носить оружие крестьяне укрывались в леса.

Более 200 московских жителей сговорились пристать к Пугачеву. Но они были захвачены, возвращены и жестоко наказаны.

Два письма Пугачева дошли до Петербурга, первое — к великому князю, второе в Сенат. — Другое, в столь же сильных выражениях, было найдено на престоле кафедрального собора (? смотри Мирович).

Екатерина не была уверена в гвардии, откуда несколько солдат дезертировало. Один из них, не из простонародия (Шванвич?) и т. д...

Она запретила разговаривать о том, что касалось правительства. — Она приказала перевести в Москву 4 полка пехоты, 300 человек артиллеристов и один полк гусар (?).

Пугачев расплачивался турецкой монетой или голландскими дукатами. — (Нет, медной монетой).

Он был в сношениях с Крымом и Константинополем.

Кар приказал повесить двух ефрейторов, задержанных при побеге?[1]

---

[1] *Слово „brigadier“ — „ефрейтор“ Пушкин понял, очевидно, как „бригадир“ и поставил знак вопроса.*

Один русский майор осмелился сказать Михельсону, что его гренадеры не пошли бы против своего императора. Михельсон размозжил ему голову выстрелом из пистолета.

Когда Пугачеву сообщали, что новые полки идут против него: хорошо, говорил он, одна половина послужит мне на то, чтоб побить другую.

(Пугачев) он им давал по 5 руб. в месяц, вдвое больше, чем жалованье у русских, водка продавалась за его счет.

Его войско было разделено на десятки — и все, кто входил в десяток, были ответственны за каждого из них.

Пулавский покинул его с омерзением.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Справочный указатель к обоим полутомам IX тома содержит: имена личные и географические; названия исторических событий, народностей и областей; названия воинских частей, учреждений, организаций и сооружений; наконец, заглавия произведений печати и встречающиеся в тексте тома цитаты из них (в виде начальных слов). Пушкинские замены имен и названий приводятся после них, в кавычках и скобках, а, кроме того, приводятся и самостоятельно, в порядке алфавита, с отсылкой к соответствующему точному и полному имени или названию. По тому же способу приводятся (тоже дважды) ошибочные у Пушкина имена и названия, с обозначением „ошибочно“. Уточнения редактора к тому или иному пушкинскому написанию присоединяются к последнему (в скобках) посредством знака равенства. В случаях, когда имя или отчество упоминаемого лица неизвестно, для уточнения вводится указание на должность, чин или титул (например: Авдеев, хорунжий). При географических названиях, ради такого же уточнения, вводятся обозначения топографические (например: Белая Река, сельцо Костромской пров.). В отдельных, наконец, случаях уточнение достигается специальной аннотацией.

Имя Е. И. Пугачева, встречающееся почти на каждой странице тома, в указатель вводится лишь применительно к связанным с ним документам (грамотам, манифестам, посланиям). Такого рода указания при именах собственных на связанные с ними литературные произведения даются вообще в согласии с примененными уже в других томах (I, IV, VI) правилами.

Из сокращений, кроме общеупотребительных, введены следующие: бар. — барон, вол. — волость, гус. — гусарский, дворц. — дворцовая, дист. — дистанция, дистр — дистрикт, драг. — драгунский, зав. — завод, каз. — казачий, кнж. — княжна, креп. — крепость, легк. пол. — легкая полевая, пех. — пехотный, полн. — полностью, пр. — принцесса, приг. — пригород, пров. — провинция, сол. — соляная, ф. — форпост.

Указатель к IX тому составил Г. П. Блок.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ДЕВЯТОГО ТОМА.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТОГО ТОМА.

СОДЕРЖАНИЕ

Вторая книга IX тома напечатана в 1938 году.
Текст воспроизведен по этому изданию.

Переиздание первой и второй книг IX тома осуществлено
газетно-журнальным объединением «Воскресенье» при участии ТОО «Евразия+».

Ответственные за переиздание тома:
В.Н.Бакланов, А.В.Белова, А.В.Быстров, С.В.Богачев,
П.О.Иванов, М.И.Никитин, Н.И.Мастерова, В.В.Милюков,
Г.В.Пряхин, Д.К.Соколова, Л.М.Ульянова, В.И.Филимонов,
Е.В.Шпикалова.

Переплет, факсимильные оригиналы рукописей
А.С.Пушкина подготовлены художником Н.Стольниковым.

Подписано к печати 24.11.1995 г.
Формат 70 x 108 1/16. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 41,65
Тираж 25 000 экз. (первый завод — 15000 экз.)
Заказ №5249
Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»
125805 ГСП-47 г. Москва, ул.«Правды», 24.
ЛР №010193 от 19.02.1992.
Телефон для справок (095) 257-31-06
Факс (095) 257-33-12
Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате
Комитета Российской Федерации по печати.
214020, г.Смоленск, ул.Смольянинова, 1.